

К. А. Абульханова, Т. Н. Березина

Время личности и время жизни

СПб.: Алетейя, 2001. - 304 с.

Монография посвящена малоизученной проблеме личностной организации времени деятельности и жизни в целом. В многогранной авторской концепции преодолен разрыв, существующий между изучением субъективного (психологического) и объективного (физического, социокультурного, исторического) времени. Их связующим звеном является личность со своей темпоральной организацией, соотносящая свое субъективное время (сознания, бессознательного, переживания и т.д.) со временем самореализации в деятельности и жизненном пути, организатором которого она становится объективно.

В монографии представлена система темпоральных понятий, в их числе впервые понятие временного режима деятельности, и эмпирические данные о разных режимах различных профессий, более или менее оптимальных для разных типов личности.

Рассмотрены временные способности личности — планирование, своевременность и т.д., существенные для тайм-менеджмента. В интеграл личностного времени включено и идеальное, ценностное время-пространство, что позволило рассмотреть проблему развития личности в жизненном пути и человеческой культуре.

Представленные в монографии результаты многолетних исследований позволяют глубже раскрыть не только временные особенности личности, но сами механизмы ее активности, движущие силы ее изменения, развития и совершенствования.

ВВЕДЕНИЕ

Время связывает все структуры нашей действительности: производительность труда измеряется временем, затраченным на производство продукта, товара; любая профессиональная деятельность — рабочего на конвейере, летчика, ученого и т. д. имеет свой ритм, темп, скорость; все социальные процессы происходят во времени — социальные изменения то медленны (эпохи стабильности), то стремительны — за два-три года в корне изменилось наше общество, которое оставалось статичным более 70 лет.

Время — это цикл нашей жизни, ее длительность, ритм, ее периоды, которые имеют разное значение и смысл для личности. Время — это ценность, поскольку нам удается наполнить его глубоким содержанием и реализовать себя в нем. Время является определенной мерой скорости, продуктивности и т. д.; вместе с тем происходят растраты, т. е. уничтожение времени, виной которых незаметно являемся мы сами. Итак, время — это темпы, скорость, сроки и ритмы, периоды, этапы и определенные структуры самых различных процессов и явлений. Объединяя все эти временные структуры и явления, можно сказать: время необходимо включает в себя энергетический аспект, время — это энергия нашей жизни. Далее мы более подробно остановимся на этом аспекте и в заключение сформулируем некоторые положения возможной энергетической концепции психологического времени, тем более что до сих пор субстанциональные концепции физики времени мало использовались психологами в своих работах.

Время универсально и многолико. В свою очередь, время имеет собственную структуру, которая различна в разных системах: в жизни человека структура времени — настоящее, прошлое и будущее; здесь время необратимо, а жизнь конечна. В

познании время может быть последовательным: постепенно происходит развертывание некой идеи, но она же может быть представлена одновременно — в одном времени и пространстве. В области познания время обратимо. Знания в известном смысле вневременны: мы читаем сегодня Тацита, Аристотеля, т. е. преодолеваем время истории; более того, любые достижения культуры являются своеобразным аккумулятором времени, энергия времени потенцируется в них, и далекие потомки не просто знакомятся с творениями науки и искусства, они прикасаются, усваивают воплощенное в них время. Более глубоко проблема интеграции личностью исторического времени и времени культуры будет рассмотрена нами в пятой главе настоящей работы. В деятельности мы ставим цель, которая находится в будущем, мышлением мы осуществляем прогноз будущего, словно движемся вперед по потоку личностного времени быстрее, чем движется окружающий нас материальный мир. Иными словами, можно говорить о структуре или архитектонике времени в разных областях жизни человека.

Долгое время считалось, что существует только объективное время, а объективное время познается только точными науками, прежде всего физикой. И даже несмотря на появление именно в области точного знания ряда сложных темпоральных концепций (теория относительности А. Эйнштейна, теории многомерной, имеющей несколько временных и пространственных координат Вселенной — модели Калуцы-Клейна, концепция внутреннего времени И. Пригожина, энергетическая теория времени Н. Козырева и др.), некоторые представители точных наук абсолютизировали точное (фактически механическое) время, отрицали его качественную специфику и тем самым право гуманитарного и философского знания в целом на выявление специфики человеческого времени. Однако именно в отмеченном выше многообразии темпоральных концепций современной физики времени психология может найти интерпретации многих известных феноменов психологического и личностного времени, что мы и попытались сделать для малоизученных феноменов личностного времени (глава 4).

В отечественной науке теорию времени как четвертой координаты протяжения, которая потенциально могла бы служить и основанием концептуализации человеческого времени, создал М. Аксенов [10]. Идеи М. Аксенова претерпели ту же участь, что и все другие гениальные русские открытия. Так продолжалось до тех пор, пока Герман Минковский — совместно с А. Эйнштейном — не провозгласил нового учения на съезде естествоиспытателей в Кельне в 1908 году, и, таким образом, мысли нашего соотечественника не получили блистательного подтверждения.

Однако, несмотря на наличие собственно философских идей, позволивших подойти к изучению специфики времени человека (концепции времени А. Бергсона и др.), философии экзистенциализма, специально посвященной проблеме жизни и смерти человека (бытия и небытия), на проблему человеческого времени в отечественной философии и психологии было наложено табу [22].

Современным примером тому является трагическая судьба книги Н. Н. Трубникова [113], талантливого отечественного философа, книга которого была посвящена философской и историко-философской постановке проблемы человеческого времени. В издательстве «Наука» эта книга была отдана на рецензирование ученых — представителей точных наук, и признана ими ненаучной. Лишь после смерти ее автора, ушедшего из жизни молодым, его друзьям-философам удалось опубликовать этот труд.

В чем коренились причины, препятствующие марксистской философии ставить проблему человеческого времени и защищать от физиков философов, посягнувших на ее разработку? Основная причина заключалась в той философской парадигме, в которой отсутствовала философская антропология и онтология — учение о бытии человека, его специфических уровнях и качествах. Ограниченность официальной

философии заключалась в том, что она состояла из лоскутных (по выражению С. Л. Рубинштейна) учений о материи, о познании и учения об обществе. При таком подходе время материи и учения об обществе как объективной реальности могло быть определено только как время физики, т. е. время, существующее вне человека. В учении об обществе, конечно, учитывалось время истории, но оно также трактовалось только как имеющее свои объективные закономерности (смены формаций) и потому исключалась, как идеалистическая, сама идея субъективного человеческого времени. Только разработка С. Л. Рубинштейном совершенно новой парадигмы — философской антропологии и онтологии, позволившей поставить проблему Человека в Мире, в свою очередь, позволила и человека представить как онтологическую реальность и подойти к проблеме субъективного (в том числе и субъектного времени) с иных позиций. Однако пока вся глубина этой философской парадигмы еще не была ни понята, ни признана, мы решили поддержать философскую концепцию Н. Н. Трубникова с позиций конкретной науки — психологии. Мы предположили, что если эмпирически, т. е. на том же уровне и языке, на котором мыслили физики, мы докажем в конкретном исследовании закономерный характер субъективного времени в психологии, мы сможем с позиций гуманитарной науки поддержать идею Н. Н. Трубникова о специфике человеческого времени и вообще возможности изучения его закономерностей.

Обращению к этой проблеме в психологии одновременно способствовали два обстоятельства. Первое — жизненное трагическое событие. Второе — научное открытие. Событием, заставившим нас понять и осознать всю важность проблемы субъективного (назовем его пока психологическим) времени, была катастрофа, постигшая советский самолет, разбившийся вместе с пассажирами на аэродроме в Чехословакии. Этим рейсом летели десять крупнейших советских энергетиков и шестнадцать девушек-баскетболисток. Обстоятельства полета сложились так, что впервые в международный рейс был допущен командир корабля пилот, до сих пор летавший в пределах СССР. Впервые, вопреки инструкции, с ним летел экипаж, состоявший из команды, до сих пор не работавшей вместе. Вопреки инструкции, на борту царили оживленные разговоры, связанные с новым знакомством. Не вдаваясь в технические детали, следует только сказать, что загоранию сигнальной лампы, свидетельствующей о начале снижения, обычно предшествует устное распоряжение командира, призывающее к готовности осуществлять практическое изменение положения корабля, но командир замешкался и подал команду в момент (или даже позже) появления светового сигнала. Увлеченная разговором команда растерялась, и в результате один из исполнителей допустил ошибку, поставив центр тяжести самолета не на снижение, а на взлет, в то время как основное управление направило лайнер на снижение. Машина дала трещину, приведшую к внутреннему возгоранию. Самолет приземлился, расколовшись, в результате чего заклинило пассажирские выходы. Команда корабля смогла покинуть его через сохраненный служебный люк. Подоспевшие пожарные машины пражского аэропорта поливали корабль на порядочном расстоянии, но никто не рискнул «распаковать» машину, боясь взрыва. Пассажиры сгорели заживо, царапая ногтями стекла самолета. Международный судебный процесс квалифицировал происшедшее как техническую ошибку, не подлежащую серьезному наказанию.

Анализируя, одновременно с данными судебного процесса, произошедшее, можно сказать, что ситуация до определенного момента была легко поправимой, если бы летчик сделал еще один облет и дал предупреждающую световой сигнал-команду заранее. Однако пилот, боясь, что его больше не допустят к зарубежным рейсам, этого не сделал. Но главной для нас — с научной точки зрения — фигурой и виновником трагедии был исполнитель, допустивший ошибку. Мы предположили, что возникла ситуация дефицита времени, в которой человек оказался не способен

действовать правильно, даже в силу привычного автоматизма. Так, через вторую трагическую ситуацию выступила практическая значимость проблемы времени: что такое дефицит времени с психологической точки зрения, если он может привести к ошибочным действиям? Для таких социально и технически развитых стран, как Япония, наиболее острой оказалась проблема дефицита времени. С дефицитом времени связаны авиационные, атомные и другие катастрофы, неоптимальные решения, несвоевременные действия, приводящие к тяжким социальным последствиям, высокая психологическая цена труда и снижение работоспособности. Д. А. Ошанин считал основной детерминантой труда конвейерного типа высокий принудительный тип работы на конвейере. Проблема дефицита времени в профессиях разного типа, в разных условиях труда и состояниях человека исследовалась многими отечественными психологами (В. П. Зинченко, Д. Н. Завалишиной, Н. Д. Заваловой и В. А. Пономаренко, Г. М. Зараковским и др.).

Третьим побудителем обращения к этой проблеме было «открытие», что огромная масса психологических исследований в мире посвящена времени. Осуществить это открытие нам позволила первоначальная публикация Ю. Б. Молчанова [84], а затем собственные обзоры зарубежных исследований времени. Каково состояние разработки этой проблемы в мире — ниже. Но поразительным было открытие, что отечественные исследования того периода оказались (за исключением проблем, имплицитно содержащих эту составляющую) в основной своей массе не посвящены проблеме восприятия времени.

Позднее мы сумели объяснить этот факт — сосредоточенность исследователей именно и только на проблеме восприятия времени — все той же философской «идеологией», проникшей в психологию. Психология, как будто не имеющая права изучать объективное время, якобы ограниченное временем существующей вне человека объективной реальности, сохранила свою научность благодаря категории «отражения», дававшей «право» исследовать «вторичное» время — отражение объективного времени. Этот огромный диссонанс между числом ведущихся в мире исследований времени и ничтожно малым числом отечественных работ по восприятию времени также мотивировал нас обратиться к этой проблеме.

История нашего «движения», которое можно обозначить так в силу непланового, сугубо поискового обращения к этой проблеме, относится к началу восьмидесятых годов. Мы пригласили в качестве аспиранта для разработки этой темы молодого физика, не имевшего классического психологического образования, чтобы он, отправляясь от позиций своей науки, как бы «изнутри» нее, преодолел депривацию философского и психологического подхода к времени, доказал его возможность и объективность (если бы физик доказал право психологии на исследование времени, это было бы сильнейшим аргументом).

Однако первый этап совместного исследования руководителя и аспиранта «разорвался» на совершенно полярные русла. Физик зачитывался художественной литературой, принося десятки переписанных страниц, посвященных времени, а руководитель приступила к поиску труднодоступной, через десятки посредников добываемой литературы, посвященной описанию (дневниковым записям) американскими летчиками своих полетов. Именно там были найдены подтверждения гипотезы о роли психологического времени, о его инверсиях и неожиданностях в управлении самолетом в критических полетных ситуациях.

Четвертым, почти детективным побудителем интенсификации нашего исследования явилась многозначительная и загадочная тема «time management». Все попытки достать информацию из сугубо современных информационных сетей оборачивались неудачей. Скоро стало понятно, что все разработки в этой области составляют секреты фирм, которые тщетно искать на полках библиотек. Одна из представившихся возможностей ознакомиться с «открытиями» в этой области

австрийской школы дала слишком низкие результаты по отношению к ожидаемым.

В. И. Ковалев, «насытившись» впечатлениями художественной литературы, сделал обзор зарубежной, и постепенно, годами, вызревали основы данного оригинального подхода.

Однако для того чтобы определить специфику нашего подхода и его понятийно и эмпирически обосновать, мы предприняли попытку определить контекст проблемы психологического времени, т. е. рассмотреть его в контексте других времен, обозначить его основные контуры и координаты. Многогранность проблемы времени в целом, т. е. наличие разных времен, связанных с разными качествами бытия человека в мире, затрудняет решение этой задачи. Социальное время, социально-экономическое, т. е. производительность труда, работа и свободное время, природное время, время (темпы технических систем), историческое время — все эти модальности времени можно рассматривать и изучать, и даже регулировать в определенных пределах, изолированно друг от друга, как это и делалось до сих пор. Но на самом деле в структуре социального мира, в его онтологическом и историческом способе организации все эти времена определенным образом взаимосвязаны, и эти сложнейшие функциональные взаимосвязи могут быть открыты только через категорию человека. Так, например, рабочий как производительная сила не может действовать быстрее, чем позволяют природные особенности его организации. Но как субъект труда он может повышать темпы своей деятельности посредством ее более оптимальной социальной организации, посредством выработки определенных профессиональных навыков или использования более совершенных технических устройств.

Способ выявления этих связей и зависимостей состоит в том, что, во-первых, очень часто фактор времени и временная детерминированность осуществляются в скрытой форме. В скрытой форме накапливаются изменения психофизиологических ресурсов человека, если он работает в неадекватном своим возможностям и особенностям ритме. Не поддаются теоретическому прогнозу сроки устаревания оборудования (реального или сравнительно с мировыми эталонами), а поэтому — оказывается неожиданным момент его выхода из строя. Как ни парадоксально, скрытыми являются ценностные характеристики времени. Простейшим выражением ценности времени является его необратимость. Настоящее время, данный час, день, месяц, год и годы могут проживаться без сознания степени их насыщенности или пустоты, без осознания упущенности этого времени. Ниже мы ввели понятие плотности переживания для характеристики субъективной заполненности темпорального промежутка (4 глава). При низкой плотности переживания человек воспринимает время как растянутое, пустое, которое «еле ползет», но проходит быстро и «потом нечего вспомнить». При средней плотности переживания темпоральный промежуток заполняется активностью внутреннего плана — мыслями, чувствами, фантазиями и планами индивида. При высокой — активность внутреннего плана в данный промежуток времени успевает проявиться и вовне, в виде деятельностной, творческой, двигательной или другой активности. Наиболее важным критерием ценности времени является наличие смысла жизни, что придает значимость всему происходящему и желательность будущему. Однако традиционно в психологии и мотивы (эти динамические побудители деяний человека), и даже цели, не говоря о ценностях, не переводились в категории времени, последние поэтому не рефлексировались ни научно, ни жизненно.

Далеко отставленными по своему проявлению оказываются последствия неучета особенностей организма ребенка в детстве. Например, получены данные, что соблюдение режима дня младенца, к которому так стремятся организованные матери (т. е. своевременное кормление и укладывание спать), иногда оказывается насильственным (неадекватным) по отношению к естественному ритму и

потребностям данного организма. А последствия этого насилия проявляются чуть ли не в подростковом возрасте в форме агрессии, не имеющей по существу никакого, казалось бы, отношения ко времени.

Во-вторых, в ряде случаев время «заявляет» о себе, напротив, в явной категорической, катастрофической форме, ставшей знаменем XX века, — в форме «дефицита». Изменение экологии планеты, природы приводит к катастрофам, развитие которых столь стремительно, что оставляет человеку минимум времени для принятия спасительных мер.

Сам способ социальной жизни все чаще ставит человека в ситуацию дефицита времени. Это проявляется либо в чрезмерно высоком темпе жизни, неадекватном ее глубине и содержанию, либо в необходимости принятия радикальных решений (или действий), которые требуют иного объема времени, чтобы достичь необходимой конструктивности.

Время как социально-философская, социально-экономическая, биосоциальная, социально-историческая и т. д. категория имеет, по-видимому, свои универсальные особенности. Некоторые из них были раскрыты в истории философии (А. Бергсон, И. Кант, М. Хайдеггер и др.), но другие оказываются порождением развития цивилизации и еще требуют своей философской квалификации. Эти особенности порождены способом функционирования человека в условиях технического прогресса. Для их понимания и анализа (и до научной и философской квалификации) необходимо привлечение понятия «организация времени».

Организация времени предполагает согласование и разрешение ряда противоречивых тенденций современного научно-технического прогресса. Технический прогресс, с одной стороны, многократно умножает биологические и психические временные возможности человека (скорости его интеллекта, памяти и т. д.), с другой — наталкивается на ограничения существующих естественных ритмов, скоростей и темпов человека. Техника, заменяя человека автоматическими системами, роботами, высвобождает его рабочее время для переработки возрастающих объемов информации (как показывает опыт таких технически передовых стран, как Япония, где возрастает длительность рабочей недели).

Тенденция технического прогресса растет непропорционально профессиональному прогрессу, опережая развитие временных способностей человека. Этот дисбаланс ведет не только к росту аварийности, но к утрате человеком рабочего и жизненного комфорта, перенапряжению, нервно-психическому износу и кризису экологии человека.

Тенденция развития технического прогресса также приходит в противоречие с тенденцией культурно-нравственного развития человечества, поскольку сбережение времени в результате технического совершенства наталкивается на тенденцию обесценивания времени в духовной культуре. Происходит исчезновение временных перспектив, необходимых для развития цивилизации, человек утрачивает жизненные перспективы, восприятие будущего. Недавно проведенный программой телевидения опрос показал, что люди не хотят жить в будущем, а только в прошлом или настоящем. В силу этого проблема организации времени должна ставиться и решаться как комплексная проблема не только технического, но и духовного прогресса человечества и его экзистенциального бытия как личности.

Проблема организации, экономии и оптимального использования времени является ключевой для прогресса человечества на рубеже XX-XXI веков. Организация времени дает повышение производительности труда, обеспечивает наиболее оптимальное согласование сверхскоростных современных технических систем с временными возможностями человека, предупреждает их рассогласование, ведущее, с одной стороны, к росту аварийности, с другой — к потерям в экологии человека (необратимым нервно-психическим потерям, падению работоспособности

и здоровья). Время человека — системообразующий фактор связи и способов организации различных времен, и категорию организации времени — в предварительном порядке — мы хотим обозначить через другие, более частные понятия, носящие тем не менее достаточно универсальный характер.

Среди важнейших понятий, обозначающих параметры (или модальности) времени, прежде всего существенны: время развития, изменения, последовательность или одновременность, скорость (в том числе различные темпы, ритмы), кванты (периоды, привязанные к качественным характеристикам определенной сферы), соотношение прошлого, настоящего и будущего, выражающего архитеконику и необратимость времени, связь времени и пространства («хронотоп» по А. А. Ухтомскому), своевременность. Наконец, перефразируя проблему «time management»'а, можно употребить понятие «организация времени», которое и является одним из ключевых в нашем подходе, ниже развернутом в целой серии конкретных эмпирических исследований (типологические особенности деятельности людей в разных временных режимах, способы планирования будущего и их связь с возможной реализацией планов, особенности организации внутреннего и внешнего времени руководителя), подробно освещенных нами в первой и второй главах настоящей работы.

Эти параметры времени не просто привязаны к качественным характеристикам сфер бытия — они сами в свою очередь раскрываются или создают их новые качества. Так, например, понятие «последовательность—одновременность», примененное к анализу особенностей кризиса в постсоциалистических странах, выявляет его кардинальные различия в разных странах. В Польше экономический кризис протекал на фоне политического единства — плюрализм и борьба партий вступили в свою силу, когда основная волна экономического кризиса уже спала. Это облегчило способы выхода страны из кризиса. В России, как известно, одновременно разворачивается и политический, и экономический, и общественный кризис, что усиливает его глубину и затрудняет возможность выхода.

Более частный пример. Та же одновременность ряда существенных мероприятий при создании малых или больших предприятий (поиска денег, кадров, юридического установления, аренды, партнерства и т. д.) создала огромные трудности и не обеспечила качественного уровня и полноценности этих организаций. И совсем иначе сформировались постепенно выросшие предприятия, где каждый предшествующий этап создавал и обеспечивал предпосылки для следующего. Однако нужно различать последовательности, основанные на причинно-следственных отношениях, и последовательности, которые должны быть специально выстроены, исходя из значимости, ценности, существенности. Такие последовательности должны специально моделироваться по определенным критериям, которые соотносимы с иерархией значимости.

Особо печальной славой в истории нашего общества обернулись не упомянутые выше понятия «ускорения» и «экономии» (в нашем случае времени); практика показала, что любое ускорение не может игнорировать временную логику явлений или систем (будь то социальные или экономические). Любые проблемы экономии времени могут решаться только на основании хотя бы приблизительного учета объективных временных темпов социальных или экономических процессов и ситуаций. Для экономии времени необходим хотя бы теоретический учет необходимого времени и проектирования возможных условий сокращения времени.

По проблемам планирования написаны десятки, если не сотни трудов, однако реальная неуспешность этих процедур редко анализировалась и корректировалась. Суть неудач планирования (во всяком случае одна из причин в нашем обществе) была связана с отсутствием сопоставления запланированного с реально достигнутым, анализа причин, препятствовавших достижению, который бы помог в

будущем планировании.

Все сказанное демонстрирует, с одной стороны, пронизывающую все сферы жизни человека роль времени, с другой — сложность связей этих сфер, невозможность их выявления только в категориях времени, необходимость разработки единых понятий и одновременно потребность в выявлении их функционально различных значений, скрытность времени и его явную категоричность — одновременно. Однако именно учет — в пределах возможного — всей этой сложности и противоречивости Вселенной Человека побуждает к осмыслению и исследованию традиционно называемого «субъективным», или «психологическим» времени и достраиванию этих понятий до категории «личностной организации времени».

Авторы выражают благодарность всем студентам, магистрантам и аспирантам, принимавшим участие в разработке этой увлекательной темы — проблемы личностной организации времени. Отдельную благодарность нам хочется выразить Н. Ю. Григоровской, В. И. Ковалеву, О. В. Кузьминой, Л. Ю. Кублицкине, В. Ф. Серенковой и Н. А. Растригиной, материалы дипломных и диссертационных исследований которых приводятся в этой книге с любезного разрешения авторов.

Глава 1

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВНЫЕ ГИПОТЕЗЫ

Исследования проблемы времени в психологии осуществлялись в целом ряде направлений, которые фактически мало связаны друг с другом. Это классические исследования восприятия времени (Ю. М. Забродин, Ф. Е. Иванов, Е. Н. Соколов, П. Фресс и др.), переживания времени (Д. Гарбетте, Р. Кнапп и др.), временной перспективы (Р. Кастенбаум, Дж. Нюттен и др.) Однако они оказались оторванными от целого исследовательского направления, в котором изучались нейрофизиологические, психофизиологические особенности временной организации человека (Н. Н. Брагина, Т. А. Доброхотова, 1981; Ю. М. Забродин, А. В. Бороздина, Н. А. Мусина, 1987; Я. Освальд, 1975; С. Шервуд, 1975 и др.), а также процессуально-динамические и в этом смысле объективные временные характеристики самой психики, такие, как скорость запоминания, скорость реакций, темпы, ритмы нейрофизиологических, психофизиологических процессов (П. Фресс, Л. П. Гримак, 1978; Д. Т. Элькин, 1959, 1962; Д. Т. Элькин, Т. М. Козина, 1978, Д. Н. Узнадзе, 1966). Можно предполагать, что этот разрыв определялся тем, что первые были отнесены к области изучения субъективного психологического времени (или, как принято говорить в отечественной психологии, субъективного отражения времени), а вторые — фактически — к области, в которой исследовалась объективная временная организация самой психики.

Кроме того, эти две области, в свою очередь, были обособлены от исследований проблем личностного времени — времени развития личности, мотивации, динамики осознаваемого и бессознательного (П. Жане, Ж. Пиаже, К. Левин, Х. Томе и др.). А исследования, касающиеся проблемы личностного времени (в том числе и в первую очередь динамическая концепция личности З. Фрейда), оказались в стороне от изучения конкретного жизненного пути, его специфических временных, биографических, событийных характеристик (Б. Г. Ананьев, П. Б. Балтес, Ш. Бюлер и др.). В свою очередь, недостаточно связанной с особенностями жизненного пути оказалась возрастная периодизация Л. И. Божович, Д. Б. Эльконина и др. Первую попытку осуществить синтез собственно жизненной и возрастной периодизации

предпринял Б. Г. Ананьев. Социальное развитие ребенка в пространстве—времени детства проведено Д. И. Фельдштейном [117]. ;

Наконец, несмотря на огромное внимание, интерес психологов к психологическим особенностям деятельности, разработку так называемого деятельностного подхода, не были раскрыты фундаментальные временные характеристики деятельности и временные особенности способов ее осуществления. Лишь отдельные исследования коснулись некоторых временных характеристик деятельности (В. П. Зинченко и др.), временных условий или специфики отдельных профессий (Ш. Гадбуа, В. А. Денисов, Д. Н. Завалишина и т. д.), таких, как профессия медсестер, летчиков. Между тем именно в деятельности соотносятся, связываются или вступают в противоречие различные времена, начиная от времени — скорости, ритмов психофизиологических процессов, кончая социальными требованиями и нормами времени осуществления деятельности. Производительность труда — это основная временная характеристика деятельности: повышение производительности труда происходит за счет сокращения необходимого времени. Не создана единая концептуальная модель, раскрывающая соотношение биологического, психологического, социального и культурного времени, отсутствует представление о соотношении психологического, личностного, жизненного времени, единая теория их многообразия.

Существующие направления изучения времени можно условно классифицировать следующим образом: выделив четыре основных аспекта его рассмотрения. Первый — отражение (психикой, сознанием) объективного времени, большая или меньшая адекватность и механизмы отражения (восприятие времени) [60,79]. Второй — временные, т. е. процессуально-динамические характеристики самой психики, связанные прежде всего с лежащими в ее основе ритмами биологических, органических, нейрофизиологических процессов. Третий — способность психики к регуляции времени движений, действия и деятельности. Четвертый — личностная организация времени жизни и деятельности, т. е. той временно-пространственной композиции, в которой строятся ценностные отношения личности с миром на протяжении времени жизненного пути.

Разобщение, обособление отдельных исследовательских направлений, касающихся психических, личностных, жизненных и деятельностных особенностей времени, усилилось тем противоречием, которое в явной или скрытой форме возникло между точными науками, прежде всего физикой в ее изучении объективного времени и философскими, гуманитарными науками, описывающими экзистенциальное, ценностное, историческое, в широком смысле слова — человеческое время. Физика претендовала на универсальность законов физического времени как объективного, измеримого и т. д. Несмотря на победу теории относительности, предполагавшей специфику разных времен, периодизаций и т. д., парадигма точных наук тормозила раскрытие специфики человеческого времени. Современное состояние знания позволяет актуализировать эту проблему как комплексную для ряда гуманитарных наук — социологии, истории, психологии и самой философии, во-первых, и приступить к созданию интегральной концепции времени в психологии, во-вторых.

В русле идей отечественного психолога С. Л. Рубинштейна представителями его школы продолжала развиваться концепция природы психики как специфически детерминированного процесса (А. В. Брушлинский) и начала исследоваться природа личностной и психической организации времени. Это исследование, определенные итоги которого подводятся в данной книге, было нацелено, с одной стороны, на выявление динамически-темпоральных характеристик самих психических процессов, состояний, с другой — учитывало классические работы по восприятию времени, его переживанию и отражению в широком смысле слова, и с третьей — опиралось на

представление о личности как динамической, развивающейся и изменяющейся системе и ее жизненном пути как совершенно специфическом процессе. Исследование личности в масштабах жизненного пути (в отличие от традиционного для отечественной психологии изучения личностных «черт» и структур) было начато нами в начале семидесятых годов в порядке реализации философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна о субъекте и личности как субъекте жизни. Нашей задачей являлось: выявить, при каких условиях личность становится таким субъектом и какие функции она в этом качестве выполняет. Жизненный путь рассматривался нами как специфический, развернутый во времени процесс, в котором сталкиваются две основные детерминанты: внешняя и внутренняя, исходящая от самого субъекта. Субъектом становится только личность, способная разрешать противоречие между этими внешними и внутренними детерминантами жизни, таким образом создавая условия для самореализации, самовыражения. Естественно, что мы опирались и на представление о личности как динамической, саморазвивающейся системе, пытаюсь при этом выявить соотношение ее изменения и развития (как взаимосвязанных и иногда противоречащих друг другу). В результате теоретического и эмпирического исследования были сформулированы понятия субъекта, выражающего способность личности к организации жизни, понятия «жизненная позиция», «линия», конкретизировано понятие жизненной или временной перспективы, а также разработано понятие активности, которая выступает как реальная организация времени жизни, его потенцирование, ускорение, расширение, ценностное наполнение. В результате теоретических и эмпирических исследований было сформулировано центральное понятие, которое сегодня репрезентирует специфику данного направления исследований и позволяет интегрировать достаточно большое количество совершенно разноплановых аспектов исследования времени в психологии.

В отличие от множества подходов, которые подчеркивали субъективность психологического времени, концепция личностной организации времени предполагает онтологический характер его организации личностью, которая осуществляется либо в деятельности — также специфическом временном образовании, либо в жизни в целом. В последнем аспекте она примыкает к целому комплексу исследований жизненного пути, жизненного цикла, перспективы (В. Г. Ананьев, П. Балтес, Дж. Нюттен, Р. Кастенбаум, Л. Франк, С. Л. Рубинштейн и др.). Такой широкий контекст постановки проблемы личностной организации времени (временные характеристики психики — с одной, самой личности — с другой, жизненного пути и его временных структур — с третьей стороны) и поступательный характер самого теоретико-эмпирического исследования позволяет сегодня доказать долго оспаривавшийся физиками и представителями точных наук тезис о наличии специфики человеческого времени в целом в отличие от времени физических процессов, во-первых. Во-вторых, появляется возможность разработки объективного подхода к изучению этого времени в силу доказательств его специфической онтологической организации. В-третьих, открывается возможность дифференцировать разные механизмы временной организации на разных уровнях психики, а личность представить как субъекта, своеобразным образом интегрирующего эти уровни, включающего свой временной тип в социальный и культуральный временной континуум, организующего время своей жизни и деятельности. Категория личностного времени раскрывается через понятие активности, которая и выступает как реальная организация личностью времени жизни — использование времени, его умножение, ускорение, периодизация жизни и т. д. Тем самым определенным образом связываются объективное и субъективное время человека, которые в других подходах и исследованиях обособлялись друг от друга.

Ядром этой еще только намеченной концепции является соединение на личностном основании объективных, свойственных психофизиологическому, психическому уровню организации, особенностей времени и субъективных, отраженных (восприятие, переживание, осознание времени) характеристик времени. На основе психического отражения на разных уровнях осуществляется взаимодействие человека с миром и одновременно развивается способность психики к регуляции этого взаимодействия. Первую отражающую функцию психики, по-видимому, можно объяснить как своеобразную конвергенцию и дивергенцию объективных структур и темпов времени, считающихся субъективными, но на самом деле имеющих онтологический статус процессуально-динамических характеристик психики, например, в психике одновременно представлено то, что объективно существует длительно и последовательно, и, наоборот, психическое переживание растягивается во времени, придает длительность тому, что объективно одномоментно. Память воспроизводит прошлое в настоящем, за счет чего в психическом настоящем представлено и то, что отражается (воспринимается) в данный момент, и то, что было отражено в прошлом, т. е. происходит удвоение времени. Иными словами, объективное время отражается и воспроизводится в психике за счет несимметричного ему времени и темпов психических процессов. На основе интеграции разных уровней психического отражения времени развивается способность психики к регуляции взаимодействия человека с миром во времени.

Общая направленность этой регуляции — приведение в соответствие человека с объективным временем и его особенностями. Однако это всего лишь одна — видимая — функция регуляции. Вторая состоит в том, что, начиная с движений и действий, деятельность приобретает свою траекторию, амплитуду и временную архитектуру, отвечающую объективной темпоральной организации человека и его субъективным целям, имеющим свои временные параметры. Поэтому объективному времени должно соответствовать не одно движение, а целая деятельная система человека. Сопряжение объективных скоростей, темпов, временных требований (сроков, моментов) и собственных (органических, психических, двигательных и т. д.) скоростей и ритмов имеет место в структуре психической деятельности. Кроме обозначенного выше методологического противоречия между объективным временем точных наук и специфическим человеческим временем, в самой психологии возникло неявное, невыявленное противоречие, проявившееся в трактовке субъективного времени. Абсолютизация теории отражения, имевшая место в психологии, трактовка психики преимущественно как отраженной, даже если принять оговорку о «незеркальности» этого отражения, привели к рассмотрению субъективного времени только как вторичного, т. е. производного от объективного [89]. Тем самым онтологический характер самой психики выпал из поля зрения теоретиков — онтологической, т. е. объективной, считалась лишь «материальная организация» организма, мозга, нервной системы и т. д. Поэтому то, что психика представляет онтологическую организацию, имеющую свои закономерности, а потому время, стало возможным осознать только на основе концепции С. Л. Рубинштейна, доказавшего специфику объективности психического как субъективного, и системного подхода Б. Ф. Ломова, показавшего невозможность рассмотрения парциальных отдельных свойств отдельных психических процессов и необходимость раскрытия их функций, только в целостной системе организации психики. Только на основании этих идей можно признать специфический онтологический характер самой психики, способа ее организации.

Только на основе этих концепций можно актуализировать глубочайшую идею А. А. Ухтомского о «хронотопе» как системном единстве времени и пространства. Понятие хронотопа требует определения временных особенностей психики применительно к определенному пространству; выражаясь современным языком, к системе, в которой

она выполняет те или иные функции. Однако важно уяснить, что если понятие системы предполагает, во-первых, уровневый, во-вторых, фиксированный характер ее организации, то понятие пространства в синтезе с понятием времени, на основе идеи хронотопа, допускает возможность его неиерархичности и, более того, не фиксированной, а временной, функциональной организации. В настоящее время в философии, психологии и смежных науках возник ряд теорий различных пространств, которые позволяют подойти к рассмотрению этой проблемы и в психологии. Это теория идеального как специфического пространства, представление о виртуальном пространстве и реальности и т. д. В нашем обыденном сознании понятие пространства до сих пор трактуется в духе географических представлений, т. е. пространство мыслится как нечто неизменно зафиксированное, раз и навсегда определенное, как расположение стран, городов, гор и рек. Такие образные выражения, как «пространство пожара, охватившее тысячекилометровую территорию», или «пространство театра военных действий», или перемещающееся, изменяющееся, расширяющееся или сужающееся пространство, не влияют на наше статическое представление о пространстве.

Последнее решительным образом повлияло на разделение в психологии внешнего и внутреннего как разных, раз и навсегда зафиксированных пространств. Несмотря на интегрирующий характер социально-психологического понятия межличностного пространства, оно не влияет на консервативное представление о границах внешнего и внутреннего как определенных и разделяющих эти пространства. Между тем идея хронотопа позволяет рассмотреть взаимодействие человека с миром; принцип хронотопа в известной степени разрушает константность представлений о разделенности внешнего и внутреннего, являясь образом пространства, временно (на более длительный или краткий период) интегрирующего внешнее и внутреннее, снимающего всякую границу между ними. При этом можно говорить о появлении специфической системы, а можно допустить неупорядоченный характер этого пространства.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию общения как временного пространства, в котором соединяются не всегда подчиненные единому замыслу (тем более не образующие систему) эмоциональные, речевые, поведенческие взаимные проявления. Фактически понятие ситуации включает имплицитное представление о некотором временном образовании — пространстве, в котором возникает определенная архитектура (выражаясь термином С. Л. Рубинштейна, «расстановка сил»). Пространственно локальная ситуация возникает, существует какое-то время и исчезает, будучи разрешенной или нет.

Поэтому можно в гипотетическом порядке допустить возникновение, образование временных — функциональных пространств. А это, в свою очередь, потребует дифференцировать организованные пространства с достаточно устойчивой структурой и эти временные функциональные пространства.

Самой сложной проблемой является сохранение этих пространств. По-видимому, функцию сопряжения, связи выполняет психика, которая одновременно является и организованной системой, и гибкой динамической функцией (В. И. Ковалев). Учение С. Л. Рубинштейна о психическом как процессе, развиваемое А. В. Бруш-линским, предполагает в порядке его дальнейшей конкретизации, раскрытие в психике не только отражательной, не только регуляторной функций, но способности к созданию временно-пространственных связей, образованию динамических пространств. Но личность, представляющая высший уровень психической организации, в свою очередь упорядочивает, направляет и координирует психическую деятельность. Сама личность рассматривается в нашей концепции как интегратор, организатор, координатор различных времен. Можно выделить по крайней мере три масштаба, экзистенциальных пространства, в которых личность — каждый раз по-разному —

выполняет такие темпоральные функции.

Первое — это пространство организма, схема тела (как его называл Н. А. Бернштейн), включающая особенности нейрофизиологических, психофизиологических (темпераментальных) скоростей, темпов, ритмов, скоростей и амплитуд движения и т. д. Ансамбль из различных времен создается механизмом саморегуляции по большей части неосознанно. Природная основа психики — это естественно текущие ритмы психических процессов, привязанные к ритмам нейрофизиологических процессов, их темпераментальных особенностей. Саморегуляция соотносит, увязывает, приспособливает друг к другу различные ритмы, темпы, скорости. Но уже произвольность как регуляторная способность психических процессов — важнейшая их особенность — есть не что иное, как способность ускорения этих процессов (запоминания, мышления), т. е. временная функция. На основе саморегуляции устанавливается последовательность психических процессов, координация их времени со временем моторики, движений и т. д. Но сама саморегуляция имеет своей основной задачей согласование всей психофизической и психофизиологической системы с условиями, требованиями, временными параметрами деятельности и действительности. Точнее, саморегуляция обеспечивает функционирование человека во временно-пространственной действительности. Второе пространство — это пространство человеческой деятельности, имеющей свою временную архитектуру, специфическую организацию. Деятельность — создание особого временно-пространственного континуума, в котором личность в качестве субъекта связывает объективно разобщенные во времени и пространстве объекты и явления, придает им свою временную целостность и цикличность, и собственные временные параметры, и ритм. Можно сказать, что единственной динамической (и в этом смысле временной) характеристикой деятельности, которая детально исследована в психологии, является мотивация. Даже цель, которая имеет ярко выраженную темпоральную характеристику — интенцию в будущее, — в этом аспекте изучена недостаточно. Но наиболее парадоксальным оказывается факт, что сама деятельность, постоянно привлекавшая внимание философов и психологов, не определена в ее главной темпоральной сущности. Практическая деятельность всегда осуществляется в настоящем, времени. К настоящему ее привязывает ее экзистенциальный онтологический характер: движения, действия, психические процессы, их регулирующие, имеют модальность настоящего, «здесь и теперь» осуществляющегося. В деятельности сосуществуют и соединяются два направления движения — из настоящего в будущее — к цели, и от цели — из будущего — в настоящее. Однако это не единственные временные особенности деятельности.

В силу своей социальной детерминации, своего социального характера деятельность как труд отвечает временным требованиям, обращенным к ее субъекту: работа должна быть выполнена в определенные сроки. Иными словами, настоящее время деятельности должно быть определенным образом организовано субъектом: он должен уложиться в определенное социальное время. Но эти сроки, темпоральные социальные требования приходят в противоречие с естественными скоростями, темпами человека как психофизической системы. Иными словами, в деятельности сталкиваются и часто приходят в противоречие естественные, природные скорости человека и социально заданные: требования к времени труда, операций. Это противоречие относительно, поскольку в непосредственном виде выступает в форме физического труда, но и в ней «снимается» опосредствующим характером употребляемых человеком орудий труда, которые умножают его природные возможности, снимают их ограничения. Однако это противоречие «снимается» не только на социальном, но и личностно-психологическом уровне. Психическая деятельность, саморегуляция и регуляция практических действий,

постепенно обобщаясь, приобретают характер идеальной деятельности — интеллектуальной, моделирующей практическую деятельность. Идеальная деятельность не является аналогом материально-практической, как утверждали долгое время, опираясь на известную цитату К. Маркса («ничем иным как материальным, пересаженным в человеческую голову и преобразованным в ней»). Идеальная деятельность строится в психической, личностной «логике» и, совершенствуясь, становится теоретическим методом осуществления предметно-практической деятельности, прежде всего ведущим к экономии времени. Функцией саморегуляции в том числе является урегулирование, координация этих «внешних» и «внутренних» времен, скоростей, темпов. Противоречие между темпоральной организацией человека как естественной системы и темпоральными требованиями деятельности как труда дополняется противоречием между объективным, социально требуемым, нормативным временем и субъективным, т. е. временем человеческих целей, идеальной деятельности. Здесь выступает регуляторная роль сознания. Сознание интегрирует способность психики к отражению времени, в том числе — к переживанию времени, ее собственные динамические особенности и, наконец, ее способность к регуляции деятельности во времени. Эта способность сознания (интегрирующая все механизмы и временные особенности психики) и становится основой личностного уровня регуляции и организации времени. Личностная способность организации времени возникает как интеграл разномодалных временных возможностей психики и прежде всего — временной регуляции деятельности. Личность как субъект деятельности регулирует время ее осуществления, согласуя его со временем своих психических процессов (мышления, памяти), состояний (сна, бодрствования, усталости, работоспособности и т. д.), своей темпераментальной природы, возраста (специфика времени юности или старости), с уровнем личностных целей и притязаний, уровнем идеальных моделей и программ. Она устанавливает сама (или приспосабливается к заданным извне) темпы, скорость осуществления деятельности, начиная от темпов движений и кончая темпами ежедневной, еженедельной и т. д. работы и нагрузки. Деятельность осуществляется в настоящем времени. В настоящем времени личность устанавливает определенную последовательность операций во времени, проявляет способность сосредоточить максимум усилий, напряжения в решающий момент деятельности, способность волевым образом удерживать пролонгированную линию, абстрагируясь от ситуативной краткосрочной стимуляции, способность устанавливать психологически удобный и объективно требуемый темп деятельности, ее периодизацию и т. д. Задача временной регуляции состоит в том, чтобы сопрягать психические процессы и состояния с временно-целевым центром деятельности (последовательно или одновременно включая механизмы памяти, мышления, восприятия), согласовывать объективные и субъективные скорости в пространстве деятельности. Личность — субъект не только временно-пространственного континуума деятельности, но субъект повышения работоспособности, дееспособности, интенсивности своей деятельности. Если психика структурирует деятельность в особый временной континуум, имеющий начало, протяженность, скорость и завершение, то личность структурирует свою жизнь, по-своему размещая во времени жизни определенные занятия, деятельности, события, отводя на них объективно и субъективно требуемое время, и трудится практически на протяжении всей жизни.

Профессиональная деятельность занимает то или иное время и место в жизненном цикле человека (период профессионального обучения социально нормирован, но скорость вхождения в профессию, достижения пика карьеры, профессионального мастерства зависит от самого субъекта, так же как постпрофессиональный период может быть по-разному использован человеком —

для продолжения профессиональной деятельности до глубокой старости и смерти или отдыха от труда). Таким образом, «пространство» деятельности определенным образом организуется во времени субъектом и размещается во времени и пространстве жизни. Третье пространство — всей жизни. Здесь время приобретает свою новую качественную — ценностную — характеристику. Ценностный характер времени жизни, конечно, определяется ее ограниченностью, необратимостью времени, т. е. фактом смерти, что философски блестяще раскрыто М. Хайдеггером и другими представителями экзистенциализма. Но главная ценностная характеристика времени жизни связана с потребностью личности в самовыражении, самореализации, самоосуществлении в формах жизни, на что впервые в психологии указала Ш. Бюлер в своей концепции жизненного пути [139]. Здесь личность выступает субъектом согласования (или разрешения противоречия) своего развития, изменения (личностного и возрастного) и динамики жизненных событий, «логики» жизненных циклов и периодов. Потребность самовыражения, принимающая формы конкретных притязаний и мотивов, проявляется не в имманентной активности, но в такой организации жизни, которая ведет к самореализации личности. Человек не просто переходит от одной деятельности к другой, деятельности выступают как решаемые личностью определенные ценностные жизненные задачи, которые она сама ставит и решает, или которые жизнь ставит перед ней. В последнем случае она либо постепенно уходит от главной цели — самовыражения — и тогда время ее жизни, оставаясь экзистенциальным, перестает быть ценностным, либо разрешает противоречие между внутренними задачами и внешними «обстоятельствами», требованиями. Человек теряет время не только тогда, когда он бездействует. Он теряет время как личностную ценность, когда действует в силу внешней необходимости. Способность к организации времени, его использованию как ценности для саморазвития, самосовершенствования субъекта есть важнейшая жизненная способность личности. Ш. Бюлер предложила анализировать жизненный путь в единицах событий. Однако ей не удалось связать внешние события с внутренними; а тем самым субъективное и объективное времена оказались не соотносимыми. Мы считаем, что «событие», несомненно выражая некоторую динамическую и смысловую единицы времени жизни, аккумулируя некоторые внешние и внутренние изменения, — понятие безличное (даже когда речь идет о внутренних событиях). Жизненный путь невозможно разделить на универсальные кванты, хотя он имеет свои этапы. Во многих теориях жизненного пути отразилась концепция времени точных и естественных наук — представление о равномерном и типичном для всех людей времени. Прежде всего в понятии возраста этапы жизненного пути унифицировались и стандартизировались. Между тем даже в художественной литературе оказалась ярко воплощена идея различной наполненности, насыщенности и роли разных этапов в жизни человека. Особенно блистательно эту субъективную неравномерность жизни рисует С. Цвейг в романе о Марии Стюарт: лишь несколько лет были для нее подлинной яркой жизнью, тогда как все остальные — долгие годы (заточения), были лишь годами унылого, бесцельного существования.

Нами было определенным образом связано объективное и субъективное время человека, которые в других подходах отрываются друг от друга или противопоставляются друг другу. В результате теоретических и эмпирических исследований было сформулировано центральное понятие, которое сегодня выражает специфику данного направления исследований, — понятие личностной организации времени — времени жизни и деятельности. Термин «организация» позволяет обобщить и осознаваемые, и неосознаваемые, интуитивные, эмоциональные способы регуляции времени, с которыми столкнулись исследователи организации времени деятельности, и учесть разнообразный,

типологический характер такой организации.

Отличаясь от биографического подхода и методов исследования, наш подход позволяет раскрыть различия не каждой отдельной биографии, а разных типов личностей по способам их организации времени жизни.

Одним из основных в проблеме организации времени жизни был вопрос, могут ли лица, обнаружившие преобладание внешней детерминации над временем, в своей личной жизни свободно распоряжаться им, т. е. сами его определять.

Мы продолжили разработку рубинштейновской концепции личности как субъекта жизни и для анализа его способа организации жизни предложили совокупность трех понятий для обозначения, трех пространственно-временных, ценностно-смысловых модальностей: «жизненная позиция», «жизненная линия», «жизненная перспектива» (последнее достаточно хорошо известно). Жизненная позиция есть результирующая достижений личности (и в этом смысле она аккумулирует ее прошлый опыт). Но поскольку эти достижения в направлении самореализации воплощены не только в качестве самой личности, но и в достигнутой ею расстановке жизненных сил, жизненная позиция есть некоторый потенциал для будущего. И в этом качестве она связана с жизненной перспективой: достигнутые уровень и качество жизни (ценностное, духовное, материальное) открывают личности новые возможности самореализации. Но если личность объективирует себя в разных, не всегда оптимальных направлениях, траектория ее жизни прерывается радикальной сменой жизненных позиций, сопровождается иногда неразрешимыми противоречиями. «Логику» или траекторию жизненного движения личности мы обозначили понятием «жизненной линии», которая, соответственно, имеет восходящий или нисходящий, прерывистый или непрерывный (с точки зрения самовыражения, самореализации личности), конвергентный или дивергентный характер. Чем же отличается данная модель от известных исследований жизненных перспектив (Л. Франк, Дж. Нюттен, Р. Кастенбаум и др.)? Одними психологами жизненные перспективы изучались с точки зрения сложности—простоты, отдаленности—близости, другими — исходя из соотношения прошлого, настоящего и будущего, третьими — из их ценностного содержания. Опираясь на эти данные, мы предложили другую классификацию жизненных перспектив — психологические, личностные и собственно жизненные. На понятии временной перспективы, как говорилось, более известном, и нашей классификации, — остановимся ниже специально.

Совокупность этих понятий позволяет более конкретно описать логику жизненного движения личности, его темпы, уровни, ценностные характеристики, масштабы и противоречия, выявить двоякую зависимость времени жизненного пути от личностной способности к организации времени и последней — от способа жизни во времени. Жизненный временно-пространственный континуум, в котором осуществляется развитие, изменения и движение личности, есть характеристика ее ценностного, личностного времени, а не только возрастная или социологическая периодизация жизненного пути. Активность личности — это ее способность соединения самоорганизации с организацией жизни, которая в свою очередь осуществляется механизмами сознания и способностью к организации времени жизни. Последняя проявляется в трех — еще более частных — временных способностях. Это, во-первых, ускорение, первые формы которого¹ мы находим в произвольности психической деятельности: ускорение достигается и интенсивностью осуществления жизни, и ее ценностно-личностной наполненностью, и потенцированием времени. Это, во-вторых, способность к установлению своей и изменению заданной временной последовательности или одновременности — деятельностью, общений, встреч, событий жизни.

В-третьих — это своевременность как характеристика способности личности согласовывать решающий момент своей активности, ее пик с тем временем,

моментом события, ситуации, задачи, за пределами которого ее активность бессмысленна и безрезультатна. Социальная жизнь личности имеет иногда явную, иногда скрытую временную архитектуру, периодизацию, событийность, более или менее оптимальную для личности. Задача субъекта состоит в том, чтобы определить своевременность или несвоевременность вмешательства в ход жизни, событий в данный момент. Это сознательная или интуитивная способность личности к использованию данного момента. В философской и публицистической литературе часто употребляется понятие «современник», означающее принадлежность или соответствие своей эпохе. Однако своевременность — это особая временная способность личности, проявление общей способности к организации жизни. Понятия «современник», «поколение» и ряд других, употребляемых Б. Г. Ананьевым, Х. Томе и другими психологами, также содержат временную характеристику, которую мы специально рассмотрим ниже. Здесь важно отметить не столько момент совпадения личности с тем или иным временем, сколько соотношение общественного времени и собственно личностного. Во-первых, общественное время это не внешнее по отношению к личности. Оно детерминирует внутреннюю жизнь личности; поскольку личность живет трудом, а труд определяется ценностью для личности, то общественное время выступает не только как необходимость, но и как совокупность представленных личности возможностей и резервов, заключенных в культуре, науке, технике, в научении и социальном опыте. Во-вторых, общественно необходимое время — это не просто время, потраченное на труд, за вычетом которого остается свободное — личностное — время: оно определяет иерархию ценностей и детерминант личной жизни, ее основные стороны.

Решение методологической дилеммы — противоречия между объективным и субъективным временем, выделение основных временно-пространственных континуумов, в которых реализуется личностная способность к организации времени, и раскрытие природы ее специфических временных способностей (ускорения, последовательности, своевременности и т. д.) позволили нам сформулировать основы концепции личностной организации времени в виде совокупности ряда гипотез, которые стали отправными в последующих эмпирических исследованиях, составили теоретическую основу нашей концепции и были проверены в эмпирическом исследовании.

Первая гипотеза о трехкомпонентной (как это принято выделять в установке и других психических образованиях) структуре личностной организации времени: 1) осознание времени; 2) эмоциональное переживание времени (Р. Кнапп, Д. Гарбэтте и др.); 3) практическая организация времени или организация времени деятельности. Несомненно, что в эту структуру следовало бы включить такие динамические личностные образования, как темперамент и непосредственно связанную с темпераментом личности тревожность. Но на первом этапе исследования мы от них абстрагировались, чтобы не умножать число переменных, а также потому, что вначале предметом исследования был именно личностный уровень и способ организации времени.

Согласно второй гипотезе, мы предположили, что существуют не только индивидуальные различия (которые выделялись в восприятии и переживании времени), но на личностном уровне существуют типологические различия.

В целом психологическое время, согласно третьей гипотезе, может быть представлено как специфический континуум времени, сужающегося на одном полюсе (в силу предельности природных процессов — нервных, памяти, самой жизни) и расширяющегося на другом. Расширение связано с личностными особенностями потенцирования, умножения времени (в силу развития личности), его оптимального использования, экономии, ускорения и своевременности. Как известно, время человека имеет своеобразную структуру — прошлое, настоящее и

будущее — и специфическую форму сохранения прошлого — память. Сама личность также может быть представлена как своего рода память, экстракт своего жизненного пути, поскольку в ней аккумулируется прошлый опыт и вырабатываются своеобразные жизненные способности, установки. Актуальные способы жизни (происходящие «здесь и теперь») откладываются в неких вневременных формах ее способностей. Время жизни необратимо, с одной, и перспективно — с другой стороны.

Четвертая гипотеза касается временных возможностей сознания. Формой «компенсации» необратимости времени является способность к прогнозированию, предвосхищению будущего, т. е. идеальная форма репрезентации будущего (П. К. Анохин) [13]. Однако личность представляет собой организацию более высокого ранга, чем ее способности, память и прогнозирование, поскольку обладает высшей способностью сознания, прежде всего способностью интегрировать прошлое, настоящее и будущее. В русле этой концепции В. И. Ковалев разработал понятие трансспективы как некоей способности соединять настоящее, перспективу (будущее) и ретроспективу (прошлое) [65]. Транспектива есть некоторая конкретизация рубинштейновского представления о сознании как процессе. Основным является то, что, согласно С. Л. Рубинштейну, сознание репрезентирует индивиду в настоящем времени все то, что имело место в любом другом времени и пространстве (в другой культуре, в истории и т. д.) Поэтому трансспектива это не только движение психики (В. И. Ковалев), совершающей обзор времени и совпадающей с направленностью объективного времени — движения из прошлого к настоящему и от него к будущему, но движение вспять от будущего к настоящему и прошлому. Транспектива — это способность сознания соединять в настоящем прошлое и будущее и тем самым суммировать, интегрировать время своей жизни. Говоря иными словами, сознание — высшая способность человека, состоящая в компенсации необратимости времени, в преодолении таким путем однонаправленности и конечности индивидуального времени жизни. Сознание также реализует стремление индивида к вневременности, вечности, к переходу к другому масштабу времени — к контексту и масштабу истории и культуры.

Если таким образом теоретически соединить эти три способности психики — память, прогнозирование и трансспективу как функциональные специфические органы сознания, то можно составить некоторое приближенное представление о временных возможностях и «функциях» личности, о личности как особой временной организации. Пятая гипотеза касается предположений об этих функциях. Рассмотренная в плане экзистенциальном, т. е. существования, личность есть некая точка, поставленная в настоящем времени, но некий его эпицентр, к которому она относит (по мере надобности) данные прошлого и будущего, определенным образом их соподчиняя и соорганизуя. Но личность не только существует, преодолевая необратимость времени, но и осуществляет себя (С. Л. Рубинштейн), создает из своей жизни и самой себя нечто качественно иное, обладающее ценностью. А эта ценность представляет собой умноженное время, противостоящее его жизненной потере.

Сама же личность одновременно соотносится в экзистенциальном плане с другими людьми и включается в особые временно-Пространственные континуумы деятельности и ценностных отношений. Здесь приходит в действие ее способность к согласованию объективного времени, в котором осуществляется деятельность, общение и сама ее жизнь со своим, назовем его не субъективным, а эпицентрическим, временем. Итак, личность, во-первых, согласует свое, назовем его эпицентрическое, время с объективным временем (не только как с внешним, социальным, но и присущим ее собственной онтологической природной, телесной, психофизической, психофизиологической организации). Во-вторых, она интегрирует

и координирует специфические временные этапы жизни — прошлое, настоящее и будущее, создавая свое эпицентрическое время. В-третьих, развиваясь и самовыражаясь во времени, она придает ему ценностный, т. е. восходящий, «вертикальный» характер. Рассмотрим, как связаны эти функции.

Личность выступает как координатор различных времен на разных уровнях психики. Но если учесть, что число этих времен очень велико, т. к. здесь вступают в силу скорости, темпы, ритмы и нервных, и физических, и психических процессов, темпы их развития, неоднородность (опережение, отставание темпов развития разных когнитивных, коммуникативных и т. д. процессов), то «задачи» этой координации чрезвычайно сложны. Как говорилось, она осуществляется способностью саморегуляции.

С одной стороны, личность выступает как эпицентр прошлого, настоящего и будущего, т. е. обладает свойством относить к себе эти времена, строить из них определенные композиции. С другой — физические, биологические и психические процессы имеют свое не эпицентрическое, а ортогональное ему время, не зависящее от личности, т. е. представляют собой некую объективную организацию и даже заданность, с которой она должна «считаться» не менее, чем с объективно присущим деятельности и общению временем. Многочисленные несовпадения этих различных «часов», движущихся с различной «скоростью», в различном темпе, ритме, амплитуде, личность должна скоординировать, чтобы «попасть в ногу» с объективным временем, прежде всего временем деятельности как основной формы и способа ее социальной жизни. Эту личностную способность или функцию мы и называем своевременностью, которая в частной форме выступает в сензитивности, т. е. оптимальном совпадении характеристик этапов развития с его условиями. Своевременность есть способность личности разрешать противоречия между биологическим, психическим и социальным (индивидуальным и общественным) временами, между разными временными экзистенциями, способами существования с разными темпоральными характеристиками. Своевременность — это способность личности концентрированно, полно, адекватно, имманентно своей собственной индивидуальной сущности реализовать себя в экзистенциальных, имеющих свою временную архитектуру формах жизни и деятельности, умножив тем самым ценность своей личности (и своего времени). В более простой, приведенной выше формулировке, своевременность — это совпадение максимума активности с моментом (и условиями, образующими этот момент), адекватное этой активности и этому моменту. Ни преждевременная активность, ни максимум активности, проявленной *post factum*, уже не дадут желанного результата. Своевременность — это «момент истины» в жизни личности, это момент, когда достигается подлинность самовыражения, благодаря его полноте и свободе.

Своевременность есть способность, дифференцирующая индивидуальности разных людей. Один из механизмов этой способности есть упомянутое выше ускорение — произвольная и непроизвольная регуляция скоростей различных процессов: личность способна в определенных пределах ускорять свои движения, темпы, действия, деятельности, интеллектуальные процедуры и т. п. Однако здесь приходится указывать на определенные объективные ограничения или пределы этой способности. Другая составляющая этой способности — это развитие в широком смысле слова и потенцирование, создание резервного времени. Любая форма развития, например, интеллектуального, — это ускорение общего темпа интеллектуального продвижения, с одной стороны, с другой — их оптимальное использование и возникновение интеллектуальных потенциалов — резервов. Способность соответствовать объективному социальному времени — успевать — достигается здесь наличием у личности резервов для выбора, поскольку всякое развитие дает веер возможностей, это аккумулярованное психическое время.

Всякая, не только специфическая временная, способность имеет этот временной потенциал, позволяющий личности быть своевременной или даже опережать свое время. Одним механизмом этой способности является актуализация. Однако, исследуя актуализацию как форму воспроизведения прошлого в настоящем (применительно к задачам актуализации знаний при решении текущих интеллектуальных задач), мы установили, что актуализация есть избирательная процедура воссоздания не всего массива прошлого, а его фрагментов применительно к потребностям настоящего. Актуализация «перетасовывает» прошлое в поисках необходимых знаний.

Итак, построение концепции личностной организации времени осуществляется несколькими путями.

1. Были переведены во временные категории, как это показано выше, сформулированы «на языке» времени особенности психики и способностей (памяти, мышления, произвольно волевых способностей как таковых).

2. В данной концепции были интегрированы разные подходы ко времени и переосмыслены и переформулированы на языке ее понятий результаты психологических исследований времени, носящие самый разноплановый характер. Данная концепция позволила разрешить противоречие между разными подходами и преодолеть их разобщенность.

3. Концепция личностной организации времени строилась специфически от общего к частному. Таким наиболее общим, высшим уровнем организации для нас выступал масштаб времени жизни и способность сознания как релевантная этому масштабу. В масштабе времени жизни наметились функции личности как ее субъекта, создающие эпицентрическое ценностное время. На первом этапе исследований время личности определялось в масштабах жизненного пути. Следующим этапом было изучение личности в масштабе и специфике времени деятельности, за ним следовал этап исследования конкретной способности — планирования времени и временной перспективы. Для выявления способности — неспособности личности к организации времени жизни наиболее адекватной оказалась модель планирования времени, которая стала основой эмпирического исследования. Планирование времени радикально отличается от обычного планирования деятельности, труда прежде всего, по своему ценностному характеру.

И только после проведения этих исследований, на четвертом этапе, удалось обратиться к изучению собственно внутренних бессознательных механизмов личностной организации времени и выявлению их функций в этой организации.

Однако все этапы исследования были пронизаны единой методологией, ставшей стратегией исследования и отвечавшей самой личностной парадигме — типологическому подходу к изучению личностной организации времени.

2. ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ

Упомянутая выше концепция жизненного пути Ш. Бюлер явилась основой смены парадигмы в понимании самой личности и ее жизни. Несмотря на то, что большинство концепций личности связывали ее сущность с развитием, а не только интересовались ее «строением», имплицитно личность представлялась как данная «здесь и теперь», а структурный подход непроизвольно толкал на представление о ней как некоей субстанции.

Ш. Бюлер впервые, вопреки всем биографическим подходам, которые представляли жизнь как индивидуальную совокупность обстоятельств, сопутствующих личности и складывающихся относительно благоприятно (или неблагоприятно), назвала жизнь индивидуальной «историей», тем самым подчеркнув ее специфический закономерный характер. Но, как уже говорилось, ей не удалось, выражаясь распространенной марксистской формулировкой, выявить

«роль личности в истории». Эту роль начал выявлять и отмечать начиная с 40-х годов С. Л. Рубинштейн, заговоривший о «поворотном моменте жизни», т. е. о соотношении личности и жизни, о детерминации личностью хода ее жизни.

В работе «Человек и мир» полностью была построена философско-психологическая концепция личности как субъекта жизни. Но эта концепция открыла множество проблем, касающихся специфики времени самой жизни и специфики времени личности, как живущей этой жизнью. На первом этапе развития этой рубинштейновской концепции мы подчеркнули наличие двух встречных — объективных и субъективных детерминант в развертывании и осуществлении жизненного пути. Мы отмечали, что жизненные условия и обстоятельства объективно задают личности временные проблемы, рамки, требования, задачи, с одной стороны. С другой — сама личность способна к организации времени жизни — ее использованию для развития и личностного роста, его ускорению, интенсификации, насыщению или... потере, т. е. к независимости от объективного времени. Но это — хотя и принципиальное — понимание было еще достаточно абстрактной моделью. Ее абстрактность состояла в том, что оба ряда времен (жизни и личности) оставались внеположными, а не имплицитными друг друга. Модель, согласно которой личность оптимально и рационально организует время своей жизни, представлялась утопической при сопоставлении с эмпирикой способов жизни реальных людей.

Поэтому возникла идея типологического подхода к этой проблеме — ее теоретической постановке и эмпирическому исследованию. Типологический метод, примененный в данном исследовании, радикально отличался от типологий, распространенных в отечественной дифференциальной психологии. Последние (типология И. П. Павлова, Б. М. Теплова) выявляют у каждого типа разное сочетание одних и тех же изначально выявленных характеристик (сила нервной системы, лабильность и т. д.). Такие типологии можно считать закрытыми. В отличие от них, в многолетних эмпирических исследованиях личности нами был разработан (с опорой на идеи Мейена и Шредера) так называемый метод прогрессивной типологии, которую можно назвать открытой. Типология личностной организации времени, по нашему предположению, должна была выявить не только различное соотношение трех компонентов (осознания, переживания и практической организации деятельности) у каждого типа, но и его функциональные временные возможности (или ограничения). Типологический принцип ориентирован на выявление не столько различий между разными типами, сколько на их внутренние механизмы, обеспечивающие тот или иной способ жизни личности во времени.

Типологический подход сочетался с комплексным. Начиная с первой работы, проведенной в русле данной концепции В. И. Ковалевым, в число изучаемых характеристик времени было включено «как человек не только воспринимает... но и как переживает свое время жизни, каковы его представления о времени (обусловленные как личным опытом индивидуальной жизни, так и усвоенным общественно-историческим культурным опытом), как он осознает течение этого времени». В чем заключается личностное отношение к времени, какова психологическая организация и регуляция человеком (и у человека) «времени его жизнедеятельности и как изменяются все эти временно-психологические явления, процессы и образования» при различных психических состояниях, как индивидуальных, так и в процессе групповой деятельности [65].

В. И. Ковалев провел глубокий методологический анализ проблемы времени, предложил и разработал два основных принципа ее анализа и концептуализации. Первым являлось выделение и дифференциация психологической организации у человека и человеком времени, которая включала процессы восприятия, переживания, осознания и отношения ко времени жизни, и личностной регуляции —

использования, овладения и управления (преобразования) времени. Эта дифференциация разделила с целью дальнейшего соотнесения субъективное психологическое время и время личности. Для обозначения этих обоих аспектов нами привлекалось детально разработанное А. А. Малиновским понятие «организация», которое позволяет раскрыть и учесть объективный, не зависящий от человека (в том числе биологически-природный, психофизиологический и социальный способы организации) и активно осуществляемый человеком, личностью как субъектом произвольный, индивидуальный способ организации жизни.

Второй принцип заключался в выделении уровней организации психологических времен, имеющих «следующую восходящую последовательность: субъективно-переживаемое, перцептуальное, личностное, субъектное и индивидуальное время» [5, 136].

Нельзя сказать, что в данном исследовании этот принцип удалось реализовать достаточно глубоко, во всех отношениях. Безусловно, дифференциация психического уровня организации времени и личностного была проведена очень убедительно. Однако тем самым В. И. Ковалев открыл направление для последующих исследований, так же как в дальнейшем последовательно и поступательно разрабатывался и реализовывался впервые апробированный им типологический метод и подход. Как мы увидим далее, в последующих исследованиях были схвачены и выявлены соотношения осознанного, неосознаваемого, бессознательного и даже телесного уровней психологической и природной организации времени (Т. Н. Березина, Н. Ю. Григоровская). Но уровни такого плана не являются онтогенетически уровневыми характеристиками, которые имел в виду В. И. Ковалев. Для доказательства их онтогенетического характера нужно дальнейшее специальное исследование. Однако чрезвычайно существенным в методологическом подходе В. И. Ковалева являлось то, что онтогенетическое развитие, т. е. возрастные этапы жизненного «цикла» (в терминологии Б. Г. Ананьева), он рассматривал не как возрастную периодизацию, а как личностное, т. е. восходящее до уровня субъекта и индивидуальности, развитие. Для личностного уровня характерна выработка ценностного отношения ко времени. Здесь В. И. Ковалев, опираясь на концепцию В. Н. Мясищева, определил отношение ко времени не как рядоположенное другим отношениям (к людям, жизни, деятельности и т. д.), а как «сердцевину всех отношений личности» [86, с. 20], носящее ценностный характер. «В зависимости от того, что отдельный человек считает в своей жизни самым важным, необходимым и существенным, как раз и образуется различное отношение к использованию каждым человеком времени собственной жизни и ее различная ценностно-временная ориентация» [86, с. 20].

Для субъекта (и соответствующего уровня) характерно, согласно В. И. Ковалеву, «овладение временем», творческая интенсивность жизни. Мы выявили, что основным критерием качества субъекта жизни, которое обретает личность, является способность разрешения противоречий, причем противоречий разного плана — между объективными условиями и требованиями жизни и субъективными возможностями и потребностями личности, между разными объективными условиями и требованиями жизни, в которые вовлекается субъект и которые порождают необходимость принятия им решений, наконец, противоречия, которые создаются самой активностью субъекта, его стремлением направить жизнь и ее обстоятельства в желаемое русло, стремлением «повернуть» (С. Л. Рубинштейн), «преломить» (Э. Рязанцев) жизнь (1973, 1977). Разумеется, для решения такого рода противоречий необходима рефлексия жизни, высокий уровень жизненных обобщений, которые осуществляются в контексте главного жизненного вектора — смысла жизни. Качество субъекта времени жизни реализуется только при раскрытии,

осознании им роли пройденного жизненного пути, но не как такового, а в категориях достигнутого или постигнутого личностью отношения к жизни и к смерти, поддерживающего или обесценивающего настоящее, его роль только при взвешивании настоящих возможностей и реалий, наконец, только при видении, более того, способности «построить» свою жизненную перспективу.

В. И. Ковалев обозначил уровень индивидуальности как высший уровень организации времени. В этом обозначении мы следовали идеям и определению индивидуальности как высшего уровня развития личности, данному Б. Г. Ананьевым и С. Л. Рубинштейном (в отличие от понимания индивидуальности как индивидуальных особенностей личности, «особенного» — Б. М. Теплов, В. С. Мерлин и др.). Этот уровень мы смогли охарактеризовать только много лет спустя после разработки и создания в ряде исследований различных временных типологий [7]. Здесь в предварительном порядке можно сказать, что В. И. Ковалеву удалось теоретико-феноменологически и частично эмпирически выявить наличие четырех типов, которые можно назвать личностными типами организации жизни. Но лишь затем, много лет спустя, нами была научно осознана и поставлена проблема, как каждый тип соотносится с жизнью. Именно в характеристике типа выразилась идея индивидуализации; не каждая личность абсолютно неповторима в своем отношении к жизни, ко времени; в их организации существуют некоторые типичные варианты этих отношений и способов организации времени жизни. Но уровень индивидуальности удалось раскрыть только при переосмысливании разных типологий: каждый тип реализует (или не реализует) себя как индивидуальность, организует жизнь по принципу стратегии или тактики. На этих понятиях, выражающих кардинальную идею поиска личностью соответствия своей жизни своему типу, мы остановимся ниже подробнее.

Исследования, проводившиеся в русле нашей парадигмы, первоначально были направлены на выявление некоторых временных характеристик самой личности, реализующей себя в жизненном пути. Первым теоретико-эмпирическим результатом было доказательство В. И. Ковалевым типологического характера этих структур [65]. Основным открытием оказалось наличие четко дифференцирующего людей фактора пролонгированности или ситуативности и фактора их активности— пассивности. Иными словами, в основу построения типологии было положено понятие активности личности, соответствующее категории субъекта, которая, как показало исследование, носила различный временной характер, имела различную временную длительность. Активность дифференцировалась по фактору активность—пассивность, что в сочетании с ситуативностью—пролонгированностью образовывало четыре типа — активно-ситуативный, пассивно-ситуативный, пассивно-пролонгированный, активно-пролонгированный. Поскольку В. И. Ковалев пользовался в основном методами свободного интервью, стремясь максимально полно выявить саму феноменологию организации времени, его типология затем была проверена нами в более жестких экспериментальных условиях на основе использования метода незаконченного действия Б. В. Зейгарник, методики времени С. Л. Рубинштейна и модифицированного по временному основанию самооценочного теста Дембо.

Поскольку задачей В. И. Ковалева было рассмотрение личности в контексте жизни, его типология получила следующее выражение:

1. Стихийно-обыденный тип характеризуется зависимостью личности от событий и обстоятельств жизни; личность не успевает за временем, не может организовать последовательность событий, предвосхищать их наступление и предотвращать осуществление. Этот способ организации жизни отличается ситуативностью поведения, отсутствием личностной инициативы.

2. Функционально-действенный, при котором личность активно организует

течение событий, направляет их ход, своевременно включается в них, добиваясь эффективности, инициатива же охватывает только отдельные периоды течения событий, но не их субъективные или объективные последствия, отсутствует пролонгированная регуляция жизни.

3. Созерцательный, который проявляется в отсутствии способности к практической организации времени, в пассивности, но духовно-интеллектуальной, творческой жизни. Обнаруживаются пролонгированные тенденции. Пассивно-продолжительный тип созерцателя, видящего сложность мира, но неспособного ее разрешить своими силами, был описан и К. Г. Юнгом.

4. Творчески-преобразующий, которому свойственна пролонгированная организация времени, соотношенная со смыслом жизни, с общественными тенденциями. Противоречие (или проблема) данного исследования состояло в том, что вне лонгитюдинального исследования было бы достаточно произвольно судить о характере регуляции и организации личностью ее жизненного пути только по получаемым в данный момент рефлексивно определяемым характеристикам ее активности.

Некоторое время спустя, после работы В. И. Ковалева, нами был проведен своего рода диагностический дополнительный (контрольный) этап исследования, который носил эмпирический характер, опирался на перечисленные выше методики Зейгарник, Рубинштейна и Дембо. Целью его было проверить и подтвердить гипотезу Ковалева о данных относительно четырех типов личности, которые были получены методом глубинного интервью и теоретического анализа.

Не излагая всего хода контрольного эксперимента, можно кратко резюмировать, что именно по методике Зейгарник искусственное прерывание действия (сначала интеллектуального, затем практического) четко обнаружило, насколько пролонгирование одни испытуемые «удерживают» и продолжают его или сохраняют полную готовность его продолжить в любое время, а другие завершают, не желая продолжать, в соответствии со своей ситуативностью подчиняясь внешней законченности ситуации действия. Пролонгированность или ситуативность, в свою очередь, зависят от того, насколько действие имманентно самой личности, т. е. насколько активно, самостоятельно, инициативно она его осуществляет. Однако существенно то, что типа четыре (а не два — пассивно-ситуативный и активно-продолжительный), т. е. есть пассивный способ «удержания», пролонгированности, а активный тип может быть и ситуативным.

Применение теста С. Л. Рубинштейна на планирование времени недели обнаружило, что ошибок не допускают активно-ситуативный и активно-продолжительный типы. Этот результат побудил нас провести специальное исследование планирования времени, которое было осуществлено В. Ф. Серенковой (о чем ниже подробнее). Фактически результат данного теста может быть интерпретирован так, что только типы, являющиеся субъектами организации своего времени (активные), в состоянии его точно и безошибочно планировать, вмещать в объективные сроки и структуры времени. Наконец, самооценочный тест Дембо подтвердил достоверность трех типов (активно- и пассивно-ситуативного и активно-продолжительного). Пассивно-продолжительный тип не оценивал себя в таких категориях, что побудило нас в дальнейшем разработать более детальный и тонкий метод самооценки своих временных особенностей.

Эта типология явилась отправным пунктом дальнейших исследований прежде всего потому, что в ней имплицитно заключались некоторые нерешенные противоречия наряду с явными направлениями, заданными этой типологией. С позиций многих лет осмысления этих противоречий можно сформулировать их следующим образом.

Исследование времени в психологии вскрыло противоречие, присущее

психологическому знанию и психологической науке в целом между ценностно-гуманистическими и объективно-сциентистскими характеристиками психики и личности и методами их исследований. Возникла проблема, как можно объективно изучать структуры организации времени (в том числе их измерять), если время становится ценностью личности, иными словами, достаточно появиться мотивации — и все ритмы, скорости изменяются сами собой, если значимость переживания настоящего как бы вырывает переживаемое из времени, отдает его вечности и т. д. Иными словами, ценностный и объективно-временной аспекты личности и психики выступили либо как взаимоуничтожающие, либо как ортогональные аспекты, нигде не пересекающиеся и не сводимые в одной системе координат.

3. ПЛАНИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ И ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Эту проблему мы попробовали разрешить в теоретическом и эмпирическом исследовании жизненных перспектив.

Одним из наиболее исследованных в психологии разделов жизненного пути является проблема жизненных или временных перспектив (Р. Кастенбаум, К. Левин, Дж. Нюттен и др.) [145—148, 150]. Известно, что среди большого числа исследований жизненных или психологических перспектив одни исследуют будущее относительно прошлого и настоящего, другие — с точки зрения его структуры, третьи — ценностного содержания. В русле когнитивизма эти исследования приобрели несколько формализованный характер: во-первых, учитывался только осознанный мысленный прогноз будущего, во-вторых, преимущественно близость—отдаленность, дробность—глобальность, конкретность—глобальность жизненных планов. В какой-то мере эту формализованную методику реализовал и отечественный психолог А. А. Кроник, приступивший после В. И. Ковалева (и на основе ряда заимствованных у нас идей) к интенсивной разработке своей хронологической методики [40]. В качестве одного из основных в ней фигурировал вопрос «до скольких лет Вы предполагаете дожить?»

Наш подход к изучению жизненных перспектив базировался, прежде всего, на типологическом принципе. Мы предполагали, что не все типы личностей располагают развитой интеллектуальной способностью предвидения, прогнозирования будущего. Поэтому на основе сочетания метода интервью, методики на мотивацию достижения и метода незаконченных предложений мы выявили и доказали эмпирически гипотезу о существовании трех типов жизненных перспектив (или трех типов личностей с выраженными особенностями их жизненных перспектив).

1. Когнитивная перспектива (что подтвердило многочисленные исследования когнитивного направления), когда личность способна сознательно и достаточно детально строить жизненные планы, структурировать будущее, видеть свои перспективы и себя в будущем. Однако, как показали наши пилотажные исследования, такая когнитивная способность типологически варьирует (не все лица способны «теоретизировать» будущее, а те, кто способен к такой теоретизации, могут не иметь собственно личностной перспективы). Но очевидно, что это сознание может быть оторвано от реальной мотивации, уровня притязаний, инициативности личности, не «поддержано» ими. Это означает отсутствие личностной готовности такие перспективы реализовать. Но, в свою очередь, такая готовность может быть у лиц, которые не очень отчетливо представляют себе будущее теоретически.

2. Личностно-мотивационная — когда отсутствует когнитивный план или даже сколько-нибудь четкие представления о будущем, однако мотивация достижения создает могучую направленность личности в будущее и определенную гарантию его реализации. Последняя представляет собой целостную (в том числе мотивационную) готовность к трудностям, даже к неопределенности, что расходится

с собственно когнитивным планом.

3. Жизненная перспектива создается предшествующей жизнью, когда уже достигнутая личностная жизненная позиция дает личности потенциал, приоритеты, которые гарантируют успешное будущее. Последняя перспектива может быть объяснена в категориях «уровня», достигнутого к настоящему моменту, который тем самым обеспечивает успешность в будущем. Жизненная перспектива, по-видимому, это реальный жизненный потенциал личности, заложенный ее прошлым опытом, уровнем ее развития, ее наличными способностями, что и составляет реальную движущую силу, гарантируя успешность ее будущего. Жизненная позиция может быть тупиковой, закрыть личности возможность ее движения в будущее (даже при наличии когнитивной перспективы и мотивационной готовности). В иных случаях она открывает новый уровень возможностей, которые личности остается только реализовывать, воплотить в формах жизни.

Она может быть объяснена и интересным понятием «старт», введенным Б. Г. Ананьевым при анализе жизненного пути. Хотя понятие «старт» Б. Г. Ананьев употребил соотносительно с понятием «финиш», тем самым как будто обозначая лишь начало и конец пути, но на самом деле в нем скрыта и качественная характеристика: насколько успешно стартует человек, настолько он имеет «форы» относительно других.

Под жизненной позицией и ее уровнем мы подразумеваем полученное человеком образование, уровень профессионализма, социальное положение и ряд других приоритетных социальных позиций, а также его личностные достижения, прежде всего личностную зрелость, богатство освоенных жизненных отношений.

Детерминация этих типов позволила разрешить вышеуказанное противоречие: мотивация достижения (и мотивация как таковая) не является единственной детерминантой активности личности, побудителем ее движения в будущее, временная проекция личности может строиться преимущественно на мотивации, но и на других механизмах. Позднее другими эмпирическими методами Т. Н. Березиной была еще раз подтверждена правомерность этих трех типов жизненных перспектив.

Продолжая исследование жизненных перспектив в условиях произошедших резких социальных изменений, т. е. в контексте психосоциального подхода, А. Н. Славская получила следующие данные.

1. Сравнение разных возрастных групп (75 человек — дети в возрасте 10—13 лет, 78 — студенты, 76 — профессионалы в возрасте 30-45 лет и 80 — пенсионеры) показало, что у 80% детей и 65% пенсионеров жизненная перспектива блокирована, представления о будущем неопределенны. У 75% студентов жизненные перспективы когнитивно структурированы, определены, как и у 52% профессионалов.

2. Жизненные перспективы у профессионалов, рассмотренные в соответствии с критериями оптимизма—пессимизма, использованными в исследовании Ленца и др. [147, 148], обнаруживают преобладание оптимизма—пессимизма в связи с:

а) уровнем удовлетворенности (устанавливаемого на основе опросника по 5-балльной системе);

б) типом ответственности (Л. И. Дементий);

в) субъект-объектной идентификацией (Г. Э. Белицкая);

г) тревожностью (по тесту Спилбергера).

Высокий и низкий уровень удовлетворенности тесно связаны с оптимистической или пессимистической перспективой. Средний уровень удовлетворенности не имеет значимых корреляций с оптимизмом—пессимизмом.

Тип личностной ответственности, связанный с осознанием себя в качестве субъекта (выявляемый сочетанием оригинальной методики Л. И. Дементий и

глубинного интервью), даже при средней удовлетворенности связан в 72% случаев с оптимистической оценкой будущего. Однако 25% респондентов этого типа, обладающих личностной тревожностью, оценивали будущее пессимистически.

Тип с ситуативной ответственностью, связанный с интерпретацией себя как исполнителя, объекта, в 56% случаев расценивал будущее оптимистически. Из интервью очевидно, что оптимизм связан преимущественно с профессиональной уверенностью (идентификацией).

Однако это исследование, проведенное до августа 1998 г., должно быть повторено в новых более острокризисных условиях. Дополнительными для повторения данного исследования служат следующие соображения. Во-первых, в таком исследовании должна быть четко определена надежность профессиональной позиции респондентов. Этот критерий также должен быть связан с финансовой гарантированностью будущего. Если не учитывать этих критериев, предмет собственно психологического исследования окажется подменен изучением социальных и профессиональных перспектив, хотя одно трудно отделить от другого. Возросший в целом уровень пессимизма в жизненных перспективах непосредственно связан с социальным кризисом. Однако на этом фоне логично предположить, что оптимистические оценки жизненных перспектив связаны именно с личностными типологическими характеристиками, причем именно и прежде всего с «Я-концепцией», со зрелостью и уверенностью, толерантностью и ответственностью личности и с ценностным способом отношения ко времени жизни и самореализации.

Исследование планирования времени, проведенное В. Ф. Серенковой, соответствовало цели изучить один из аспектов организации времени жизни. Планирование, широко исследованное и за пределами психологии, прежде всего в рамках общей теории управления, как правило, рассматривается как планирование определенных мероприятий, дел, компаний.

К сожалению, практика пятилетнего планирования, ставшая неотъемлемой составляющей социалистического способа управления обществом, не включала одного важнейшего, можно так выразиться, ретроспективного этапа. Не выявлялись причины невыполнения плана, его частичного или «аварийного» выполнения, т. е. проект или цель не сопоставлялись с результатом, что серьезно препятствовало разработке основного звена — средств, способов, стратегий обеспечения выполнения планов и выделения резервных средств на случай возникновения непредвиденных трудностей. Кроме того, из-за отсутствия ретроспективного анализа не выявлялся критерий реалистичности сроков планирования времени.

В данной работе, имеющей целью выявление не социальных, а личностных особенностей планирования, предметом изучения стало именно планирование времени, т. е. способности планирования, связанные прежде всего с оперированием личностью своим временем. Такая постановка проблемы позволила нам предоставить респондентам свободу содержательного определения планов, а именно сделать выбор между планированием проблемы, события, времени в сфере личной жизни или сфере профессиональной деятельности или собственно личностного роста, образа «Я» в будущем.

Для изучения способности—неспособности личности к внутренней детерминации времени наиболее адекватной является модель планирования времени. Эта модель, с одной стороны, очень близка к хорошо изученной в психологии модели жизненных и временных перспектив и тем самым является уже моделью изучения жизненного пути личности, с другой стороны, именно на планировании будущего времени, если даже в прошлом уже сложилась тенденция к внешней заданности времени, можно увидеть, насколько личность испытывает потребность сама определить свое будущее время, освободиться от внешней заданности времени. И наконец, модель планирования времени такова, согласно нашей гипотезе, что здесь

испытуемому задается меньше альтернатив (в виде определенных режимов), а он сам выступает в роли субъекта, вольного выбирать более жесткий и конкретный способ планирования (как если бы он планировал конкретную деятельность) или более обобщенный и ценностный (как это происходит при построении перспектив жизни). Иными словами, мы предположили, что планирование времени для одного типа людей осуществляется по схеме, по принципу планирования конкретной деятельности, а для другого — по принципу планирования жизненных перспектив. Для проверки этой гипотезы был выбран фактор — категории планирования времени (более частные, конкретные дела, задачи и т. д. или проблемы самой жизни, ее события и т. д.).

Одной из центральных в этом исследовании была гипотеза о различии более конкретного и более абстрактного планирования времени (соответственно данным об осознании времени только в связи с деятельностью или времени жизни в целом и даже в философском плане). Этому соответствовал параметр опросника, касающийся разных категорий, в которых планируется время, — категорий дел, задач или проблем, смыслов жизни.

Нас интересовало кратковременное и долговременное планирование, а также их соотношение, точнее даже, сопряженность планов разной временной модальности, поскольку, по нашему мнению, она отражает тот уровень временной регуляции, который свойственен каждому конкретному человеку.

Далее, планирование времени мы рассматриваем как начальный личностный уровень достижения целей, соотносенных с определенным их размещением во временном пространстве.

Наряду с этим важность исследования планирования личностного времени обусловлена и той возможностью, которую оно представляет для изучения личности в ее стремлении к саморазвитию, к движению, возможностью увидеть человека в будущем, близком или отдаленном, в его собственной оценке своего потенциала, оно открывает человека таким, каким он сам хочет себя видеть в будущем. А это, безусловно, важно — особенно в педагогической практике, — суметь увидеть человека не только таковым, какой он есть сегодня, но и рассмотреть то, что еще в нем не раскрылось. Ведь не случайно одним из требований к психотерапевтической процедуре, сформулированным в гуманистической психологии, является то, что клиент должен чувствовать, что его принимают и поддерживают не только таким, каков он есть в настоящий момент, но и в его будущих возможностях. Только в этом случае он становится способным утвердить себя как независимая личность и стать архитектором своего будущего.

В эмпирическом исследовании, которое мы провели с целью выявления особенностей планирования времени личностью, был использован целый комплекс методик, позволивший нам получить достаточно полные сведения об изучаемом объекте.

Исследование проводилось в два этапа — сначала на школьниках-старшеклассниках, у которых существует противоречие между устремленностью в будущее, с одной стороны, и проблематичностью поступления в институт или неопределенностью в выборе профессии, с другой. На втором этапе выборку составили студенты, у которых добавляются и расширяются, сравнительно со старшеклассниками, жизненные сферы планирования, также возрастает его долгосрочность. В этой главе результаты первого этапа исследований в обобщенном виде включены в общие результаты.

На втором этапе эксперимента был проведен опрос с помощью опросника, в который мы включили ряд теоретически выделенных параметров планирования личностного времени.

Было опрошено 110 испытуемых — студентов педагогического вуза. Выборку

определило, с одной стороны, то, что этап жизни личности, соответствующий студенческому возрасту, характеризуется приобретением определенного жизненного опыта, достаточной личной зрелостью, проявляющейся в переходе от управления деятельностью внешними стимулами к внутренним мотивам самоуправления, а также наличием объективной возможности в выборе той или иной жизненной стратегии, с другой — необходимостью в актуализации временной рефлексии у молодых людей для поиска оптимального для них способа планирования времени, поскольку, как показал наш собственный педагогический опыт, потребность в этом свойственна большинству студентов, хотя, безусловно, у одних планирование времени выступает как некоторая когнитивная, у других — как определенная личностная способность, а третьим, как мы уже отметили, ее предстоит приобрести.

Вдохновляющим для нас было то обстоятельство, что наши испытуемые — студенты педагогического вуза, а значит, вооружившись соответствующими знаниями, они смогут в будущем хоть как-то помочь своим ученикам в выборе ориентиров их жизненного самоопределения. Основным методом был оригинальный опросник.

Все выделенные параметры планирования личностного времени, на основании которых были составлены вопросы (всего 22), мы объединили в четыре группы, получившие следующие обозначения;

1) пролонгированные — отражающие масштабность планирования личностного времени, его длительность, стратегичность, про-гнозируемость и т. д.;

2) содержательные — ориентированные на выявление тех реальных или идеальных сфер и направлений деятельности, которые включаются в план, а также их соотношения и иерархии;

3) личностные — выявляющие степень выраженности некоторых личностных коррелятов (удовлетворенность планированием временем, учет в своем планировании планов других людей);

4) субъектные — выражающие степень зависимости—независимости личности от внешней заданности и обстоятельств в планировании времени и реализации планов, стабильность—изменчивость планов и др., способность абстрагироваться от событийной и возрастной детерминант.

В исследовании использовался и ряд других методик незаконченных предложений (Б. В. Зейгарник), распределения времени (С. Л. Рубинштейн), шкала временных достижений, измерение мотивации достижения (по данным Х. Хекхаузена о взаимосвязи мотиваций и склонности к планированию времени на длительные промежутки).

В соответствии с выделенными группами параметров мы сочли целесообразным строить всю логику анализа особенностей планирования личностного времени.

Весь эмпирический материал по первому этапу исследований мы оценивали по соответствующим критериям, адекватным для каждой группы параметров. Так, для группы пролонгированных параметров был введен критерий оптимальности—неоптимальности, при этом мы опирались на выводы предшествующих работ о том, что наиболее оптимальными типами являются те, которым свойственна долговременная регуляция, следовательно, в соответствии с задачами нашего исследования по этому критерию мы анализировали сопряженность планирования времени на «актуальный период» и отдаленное будущее.

Параметры «содержательной» группы оценивались по критерию «значимой предпочтительности» в планировании времени, в соответствии с которым мы определяли, какая из сфер — профессиональная или личная, и с какой — внешней или внутренней — обусловленностью в первую очередь включается в процесс планирования времени и включается ли вообще.

Удовлетворенность—неудовлетворенность — этот критерий был выдвинут в качестве основного в группе личностных параметров, по которому мы проводили анализ взаимосвязи с характером планирования по степени трудности и реальности, а также по мере представленности в планах испытуемых планов других людей, отражающий один из компонентов экспектации.

Анализ группы «субъектных» параметров проводился в соответствии с критерием «достижимости» планов (или их реализации), который включал в себя также рассмотрение «изменяемости» планов и ее обусловленности, а также подведение итогов планов (как механизма контроля и обратной связи).

Как следует из намеченной схемы анализа, мы предпринимаем попытку рассмотрения планирования личностного времени по различным основаниям, что позволит, по нашему мнению, с одной стороны, всесторонне раскрыть предмет нашего исследования, а с другой — систематизировать различные признаки его в соответствии с уровневой структурой.

Но поскольку само по себе планирование времени отражает некоторую длительность, протяженность, то в качестве базовой мы выделили группу «пролонгированных» параметров, на основе которой были выделены первоначальные тенденции планирования личностного времени.

Первая группа условно может быть названа как прогнозирующе-оптимальная, она определяется тем, что испытуемые, которых мы отнесли к этой группе, характеризуются сочетанием краткосрочного планирования и планирования времени на отдаленное будущее. Им свойственна определенная прогнозируемая непрерывность в планировании, когда план составляется по типу: «если сделаю это, то...», в то же время в планировании не задается жесткой последовательности (хотя у небольшого числа испытуемых в план включаются в первую очередь наиболее значимые дела, соотносимые с «актуальным периодом»). В свою очередь, это отражается в той объективированной форме, которую предпочитают испытуемые этой группы, — чаще всего это «мысленный план», затем перечень дел на определенный срок, далее отметки в еженедельнике и очень редко — строгий список дел с указанием точного срока выполнения.

Эти приведенные особенности, характеризующие представителей первой группы, дают нам основания предполагать, что данная группа испытуемых обладает наиболее развитой способностью к временной регуляции, так как наряду с пролонгированным характером планирования времени у них проявляется рефлексия установления причинно-следственной временной зависимости, что, безусловно, ведет к осознанно-практическому «соединению настоящего и будущего, когда человек понимает, что его сегодняшние «деяния» — это основа будущего; поэтому отсутствие жесткой последовательности в планировании можно связывать со способностью испытуемых к переструктурированию «временного содержания» с учетом условий оптимальной реализации того, что запланировано.

В этой группе испытуемых мы выделили подгруппу, названную альтернативно-оптимальной, у представителей которой проявляются те же особенности, что и у испытуемых, входящих в прогнозирующе-оптимальную группу, но они больше склонны не к переструктурированию в рамках одного плана, а к формированию как бы запасных вариантов. Это, с одной стороны, свидетельствует о взаимообусловленности между изначальными структурами, входящими в план, а с другой — о том, что при планировании времени предвидятся некоторые, не зависящие от личности обстоятельства, к которым следует вовремя быть готовым, чтобы они не нарушили (или не повлияли на) реализацию намеченного. Это очень важно еще и потому, что таким образом формируется готовность к преодолению возможных трудностей, препятствий, вырабатывается, если так можно сказать, «механизм» защиты от случайных неожиданностей, т. е. закладываются

предпосылки «личностных перспектив». Хотя, бесспорно, это не означает, что никакие обстоятельства не в силах нарушить планы; видимо, главное здесь в том, что человек не от безысходности изменяет свои намерения, как бы попав в стихийные обстоятельства, а что он сознательно осуществляет определенный выбор, адекватно оценивая личностную значимость и важность возникших обстоятельств.

Вторую группу — однонаправленно-оптимальную — составили испытуемые, у которых обнаруживается взаимосвязь между планированием ближайшего будущего и отдаленного, но подчеркивается стремление к направленности на одну структуру плана, которая как бы уже выбрана и в которой часто намечена своеобразная иерархия. Эта иерархия предполагает, что планирование времени осуществляется наполнением его от более значимых к менее значимым (есть случаи, когда не устанавливается строгая иерархия, но тем не менее даже сама форма плана в этих краткосрочных вариантах более фиксированная — от отметок в еженедельнике до письменного перечня дел на определенный срок).

Как видим, испытуемые этой группы для достижения своих целей предпочитают некоторое «одномерное» движение во времени, и хотя у них не проявляются в достаточной степени прогностические возможности, можно, видимо, предположить, что они достаточно хладнокровно относятся к возникающим обстоятельствам, следуя намеченному, что свидетельствует об их способности удерживать главное на протяжении определенного промежутка времени (хотя не исключено, что рефлексия причинной зависимости здесь может отсутствовать). Поэтому в работе с представителями этой группы важно стимулировать осознание, актуализацию взаимосвязи между настоящим и будущим, поскольку в операциональном плане, как мы уже отметили, она присутствует.

Третью группу мы определили как прогнозирующе-неоптимальную, у которой, с одной стороны, отсутствует сочетаемость планирования на «актуальный период» и на отдаленное будущее, что свидетельствует о «непредставленности» в сознании испытуемых взаимообусловленности настоящего и будущего. С другой стороны, у них проявляются попытки установления определенных зависимостей в границах плана на непродолжительный промежуток времени (что у части испытуемых выражается в стремлении выстроить соответствующую иерархию при планировании и зафиксировать ее в определенной форме — нередко в перечне дел на короткий период времени).

Подгруппа, которая выделена нами в рамках описанной группы, обозначена как альтернативно-неоптимальная, но в ней проявляется тенденция, в определенной степени, варьировать при планировании времени, что может свидетельствовать о некоторых прогностических возможностях и учете возникающих обстоятельств и т. д. (поскольку разные варианты планов создаются из осознанной необходимости), с другой стороны, альтернативность присуща так называемой неоптимальной группе, а это может означать и то, что человек «несвободен» в планировании своего времени, что он зависим от определенных внешних обстоятельств, условий и т. д., что нередко отражает не меру ответственности личности, а всего лишь зависимость от текущих дел).

Четвертая группа обозначена как однонаправленно-неоптимальная и определяется тем, что у представителей этой группы испытуемых прослеживается тенденция к планированию времени в основном на «актуальный период» без создания планов на отдаленное будущее; особенности такого планирования проявляются в отсутствии вариативности, отмечается стремление к выработке только одного плана, но он характеризуется тем не менее (хотя он и краткосрочный) некоторой формальной аморфностью («мысленный план», без установления иерархии). Хотя, казалось бы, в данной группе могли бы быть более иерархичные

структуры, если сделать это допущение по критерию однонаправленности— вариативности (как это имеет место, к примеру, в группе однонаправленно-оптимальной). Поэтому отсутствие в этой группе временной обусловленности, отражается не только на рефлексии взаимосвязи между настоящим и будущим, но и, как это очевидно, на характере регуляции времени в настоящем (более конкретно — на регуляции времени и его структурировании в «актуальном периоде»).

В пятую группу — ситуативно-стихийную — вошли испытуемые, у которых достаточно выраженная инерционная позиция по отношению к планированию времени, когда подчеркивается невозможность планирования времени, поскольку «в жизни все зависит не от самого человека»; в этой группе испытуемых отсутствует не только взаимосвязь между планированием времени на «субъективно-актуальный» период и отдаленное будущее, но нет и структурирования времени на короткие периоды (день, неделю). Видимо, основной тенденцией для представителей этой группы является ситуативно-пассивное выполнение стихийно необходимых дел, отражающееся в некотором стереотипе «если получится, то...» (вероятно, так может выглядеть для этой группы вариант составления плана по типу «если сделаю это, то...»).

И этот факт еще раз подтверждает мысль о том, что в зависимости от того, на какую основную тенденцию (отражающую сопряженность — говоря в широком смысле — настоящего и будущего), свойственную тем или иным испытуемым, накладываются все другие параметры планирования времени — это сочетание, в конечном итоге определяет качественное своеобразие различных типов (т. е., по сути, в них выражается соотношение «внутренних», имеющих уже структур планирования времени и «внешних», не зависящих от человека обстоятельств, условий, точнее даже — способов взаимодействия с ними).

Описанные тенденции планирования личностного времени, бесспорно, лишь отчасти раскрывают его пролонгированные особенности, на основании чего мы разрабатываем определенные рекомендации по созданию приемлемых условий и возможностей в сознании человека, для его актуализации, что, как мы надеемся, будет способствовать поиску наиболее оптимального способа планирования личностного времени самим субъектом, а это, в свою очередь, служит одним из звеньев в фундаменте жизненных перспектив личности.

Итак, исследование привело к следующим результатам.

1. Мы подтвердили гипотезу, что личностная перспектива действительно отличается от когнитивной — четкость когнитивных планов, проявляющаяся в конкретности планирования у некоторых типов, не сопровождается высокой мотивацией достижения, готовностью к изменениям и трудностям.

2. При планировании событий (брак, поступление в институт и т. д.) оказывается значительно элиминирован образ будущего «Я», возможность изменения «Я». Наиболее оптимальным оказывается проблемное планирование, при котором учитываются жизненные и личностные ресурсы. (В этом, в частности, виден аргумент против сторонников изучения жизненного пути только на основе событийного подхода.)

3. У разных типов планирование времени имеет разную направленность: а) из настоящего в будущее (когда планирование времени сводится к планированию дел и событий); б) из будущего в настоящее (проблемное планирование). Последнее значительно усиливает личностную рефлексивность, укрепляет позицию «Я» в настоящем.

4. Присущая субъекту, т. е. внутренняя детерминация времени связана с а) проблемным планированием, осознанием будущих проблем; б) планированием времени, имеющим вектор из будущего в настоящее; в) связью разрешения возможных проблем с образом «Я» в будущем, его возможностями. Планирование

времени в контексте соотношения прошлого, настоящего и будущего выступает как функция личности, овладевающей своим временем, как способ этого овладения, удовлетворенность—неудовлетворенность — как ведущее личностное противоречие, как готовность сохранить принципиальную верность себе при изменении будущих обстоятельств и вместе с тем способность к совершенствованию — себя, своей жизни, своей деятельности.

В свою очередь, планирование времени будущего выступает как личностное опосредование связи настоящего и будущего, которая иногда представляется автоматической. Изучение старшеклассников (В. Ф. Серенкова) показало, что в силу проблематичности поступления их в институт между настоящим и будущим возникает своеобразная психологически трудно преодолимая «полоса неопределенности», которая требует особых личностных усилий — мотивационных, эмоциональных, деятельностных, чтобы «протянуть нить» из настоящего в будущее. Таким образом, планирование будущего иногда имеет вектор от настоящего к будущему, а иногда, напротив, от будущего к настоящему, способствуя его рефлексии, своеобразному укоренению позиции в настоящем ради гарантирования будущего.

Психологическая определенность будущего, выражающаяся в конкретности, четкости планов, в его структурированности, иногда граничит с ригидностью самой личности: когнитивная четкость не сопровождается готовностью к изменениям. Поэтому наиболее прогрессивным оказывается проблемное планирование времени и будущего, а не событийное, деятельностное. У типов с преобладанием планирования событий оказывается значительно элиминировано «Я» в будущем, возможность изменения, потенциальность «Я». Самая оптимальная модальность обращения личности к будущему — наличие множества перспектив.

Хотя понятие «событие» в логике изучения жизненного пути было введено Ш. Бюлер, однако сложилась некоторая традиция его использования в советской психологии как основной единицы анализа жизненного пути, в итоге сближающаяся с социологическим подходом к личности и жизни. Перечень событий, предлагаемых в качестве стимульного материала, таких как поступление в институт, вступление в брак, смерть близких, рождение детей, при всем акцентировании их личностной значимости остается, скорее, социально нормативизированной стратификацией жизни любого гражданина. Тогда как категоризация жизни как задач и проблем раскрывает и способ включения в них субъекта, и цену, которую он платит за их решение, и их смысловое содержание.

Однако дискуссия с представителями событийного подхода к жизненному пути (Б. Г. Ананьев, Н. А. Логинова, А. А. Кроник и др.) не исключала для сторонников концепции личности как субъекта жизни возможности использования событийного метода как дополнительного к другим или качественной модификации событийного подхода. (Так, в исследовании Т. Б. Карцевой исследовалась группа лиц, находящихся накануне реальных поворотных событий — развода, вступления в брак, с точки зрения структуры и образа «Я».) В исследовании О. Бекасова испытуемому предлагалась оригинальная задача указать, какие события прошлого он хотел бы повторить в настоящем и будущем, какие он предпочел бы оставить в прошлом и т. д., что сопровождалась оценкой удовлетворенности—неудовлетворенности, а для исследования жизненных перспектив использовалась методика Нюттена. Результаты показывают, что связи прошлого, настоящего и будущего, во-первых, в разной мере опосредованы личностью, во-вторых, имеют разный функциональный характер, идут в разных направлениях (прямые и обратные), а главное, имеют прямую связь с удовлетворенностью—неудовлетворенностью. Исследования Е. С. Улитовой показали, что временная регуляция деятельности зависит от уровня развития волевых качеств личности [115].

Интегрируя все полученные типологии, можно сказать, что «оптимальный» тип организации личностью времени характеризует сочетание высокого уровня и пролонгированности активности, он обладает способностью к организации времени, т. е. к деятельности во всех временных режимах, о которых подробнее ниже. Он обладает не только когнитивной способностью предвидеть будущее и строить планы, но и личностной перспективой и ее гарантированностью. Его жизненная линия имеет непрерывный восходящий в ценностном отношении характер. Его временная перспектива сочетает осознанность и мотивационную готовность к реализации будущего на основе «Я-концепции».

Тип личности «созерцателя» с пролонгированной, но низкой активностью, по-видимому, обладает способностью оперировать временем в плане сознания, строить когнитивные перспективы. Непрерывность его жизненной линии в основном теоретическая, духовная, в его концепции жизни присутствует философский пласт. Этот философский контекст образует для него совершенно специфическое теоретическое пространство, в котором он выстраивает свою «логику». Если в деятельности он с равным успехом может действовать и во внешне заданном, и во внутренне заданном времени, то в жизненном пути этот тип личности является субъектом времени жизни, поскольку он может гибко согласовывать внешнее и внутреннее время и тем самым овладевает временем жизни для самореализации. Он обладает способностью своевременности, поэтому является и стратегом, и тактиком. Его прошлое, настоящее и будущее связаны через его личность. Но в деятельности он не способен следовать внутренне заданному времени, поэтому для него типичен разрыв и даже противоречие между осознанием времени и действием во времени, что и отражается в сфере переживаний, часто носящих негативный характер. Непрерывность времени в плане сознания сочетается с отсутствием непрерывной, т. е. внутренне мотивированной линии деятельности, поэтому у таких людей выявляется противоречие между планированием времени и следованием этим планам.

Тип личности «функционера» сочетает активность и ситуативный способ организации времени жизни. Это «краткосрочный» тип, который обладает высокой способностью приспосабливаться к внешне заданному времени. Он является деятелем, прагматиком, тактиком, его жизненный путь складывается из сменяющих друг друга ситуаций, событий, циклов деятельности, парциальных задач. Однако его инициатива охватывает только отдельные периоды, события, а не их объективные или субъективные последствия. Он оптимален «на короткой дистанции», но не умеет строить дальних планов, отсутствует пролонгированная регуляция времени жизни — жизненная линия не имеет последовательного поступательного характера, она прерывиста. Переживания этого типа в основном позитивны, поскольку он удовлетворяется сочетанием времени действия и времени событий; в его переживаниях выражается оптимальность, успешность регуляции деятельности.

Наконец, пассивно-ситуативный тип привязан к внешне заданному времени и тем не менее далеко не всегда способен сочетать свои действия с заданными сроками. Его эмоциональные переживания деструктивны, хотя тревожность не высока. Он не рефлексивен: не имеет образа своих действий во времени и, как правило, не имеет четкого образа «Я». Его способ планирования времени, как показало исследование В. Ф. Серенковой, выполняет скорее компенсаторную, чем реальную функцию. Он может тяготеть к прошлому в силу неуверенности в будущем и неудовлетворенности в настоящем.

Такое обобщенное, насыщенное результатами последующих исследований изложение исходной типологии (В. И. Ковалева) мы предприняли не с целью свести все богатство полученных данных к четырем типам личностей, но с целью показать, что взаимодополняемость исследований времени, имеющих целью изучение разных

аспектов его организации, позволяет глубже раскрыть внутренние связи этой организации. При этом каждое явление, например планирование времени, выступает внутри разных структур в разной функции, благодаря чему, скажем, в свою очередь становятся отчетливее особенности организации деятельности во времени и даже типичный для личности способ связи прошлого, настоящего и будущего.

На эти особенности «накладываются» особенности произвольной психической регуляции, которые у разных типов, в свою очередь, имеют разные возможности и ограничения. На пути произвольной осознанной регуляции, как показало наше исследование, может стоять диссонанс осознания и переживания времени, противоречие осознания и деятельности, отсутствие регуляторной функции переживания и т. д. Это ограничивает возможности произвольного ускорения времени и общие возможности саморегуляции во времени. Еще предстоит особо изучить роль тревожности в процессах регуляции деятельности и самоорганизации во времени. Увеличение скорости психических процессов, изменение ее порядка и способность к точному определению момента активности и ее согласованию с временной логикой событий есть три важнейшие временные способности личности — способность к ускорению, различным последовательностям и своевременности.

Однако эти способности, как очевидно даже из существующей литературы, дополняются и конкретизируются способностями личности, проявляющимися в деятельности. Общие характеристики деятельности — это целевая детерминация и регуляция (Л. И. Каган, О. К. Тихомиров), особенности соотношения деятельности и психических процессов (В. Я. Ляудис, А. В. Карпов, Ю. К. Корнилов, Г. С. Никифоров и др.), способы практической деятельности в различных временных условиях (Д. Н. Завалишина, Б. Ф. Ломов, В. И. Секун, В. Хакер, В. В. Чебышева и др.), особенности адаптации человека и его различных систем к изменениям времени (О. Г. Газенко, М. Кельвиш и др.), особенности построения временной перспективы поведения с учетом согласования реального и желаемого способов использования времени (В. Граф, И. И. Ильясков, В. Я. Ляудис, Л. В. Тарабакина и др.), а также планирование — обнаруживают особые темпоральные резервы или конструктивные способы ее организации.

Перейдя к рассмотрению личностных особенностей организации времени деятельности, мы бы выделили ряд теоретически ключевых аспектов рассмотрения этой проблемы.

1. Деятельность соотносится с жизненным путем личности — место и время, занимаемые деятельностью в жизни человека, прожитый опыт и т. д.
2. Деятельность в настоящем времени вбирает опыт прошлого и создает готовность к будущему, способность планирования, прогнозирования, целеполагания.
3. Деятельность и саморегуляция — проблема сопряжения двух темпоральных систем.
4. Различие видов деятельности по их временным характеристикам.
5. Временные характеристики самой психической деятельности.
6. Согласование—рассогласование временных характеристик деятельности и субъективных (психических и личностных возможностей).
7. Способности и деятельность.
8. Личностные особенности саморегуляции и самоорганизации во времени деятельности.

Рассмотрение этих направлений и даст разрешение проблемы — возможность комплексного теоретического и эмпирического исследования.

Глава 2

ЛИЧНОСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Для осмысления поставленной проблемы концепция деятельности должна быть рассмотрена в ряде ракурсов. Если их перечислить совсем кратко, то это качество деятельности как труда, профессии, практической или идеальной деятельности, наконец, психической деятельности. В каждом из этих качеств время выступает по-разному и играет разную роль.

Поскольку личность живет трудом, а труд определяется общественно-необходимым временем, общественное время определяет иерархию мотивации, ценностей, основную детерминанту личной жизни, более того, соотношение в ней свободы и необходимости, даже принуждения. Время личности, способ его организации должны соответствовать общественно-необходимым требованиям. Это соответствие, как отмечал еще К. Маркс, достигается одним работником за счет его способностей, другим — ловкости и умений, третьим — интенсификации своих действий. Однако одновременно . общественное время, аккумулированное в организации деятельности, — это совокупность предоставляемых личности временных возможностей и резервов, заключенных в научно-техническом обеспечении труда, научении социально-профессиональному опыту.

Сферы общественной жизни различаются по насыщенности событиями, по социальной перспективности, темпам развития. Попадая в такие сферы (профессиональной деятельности, культурной, общественной жизни и даже личного общения), личность получает большие возможности, большую интенсивность взаимодействия с жизненным пространством, повышает ритм жизни. В данном случае общественная детерминация умножает личностное время, потенциал. В первой главе рассматривалось и глобальное противоречие, развивающееся в связи с техническим прогрессом, между требованиями деятельности и возможностями человека.

Однако соотношение свободы и необходимости, связанное с необходимым временем деятельности, складывается по-разному для разных видов труда (умственного или физического) и для разных способов включения личности в труд и отношения к нему. Творческий труд, как очевидно, представляет для личности ценность, придающую свободный характер ее времени. Возможность самовыражения в труде (даже при его нетворческом характере) дает личности удовлетворенность и тем самым превращает время труда из необходимого, внешнего в ценное.

Далее, рассмотрение деятельности в качестве профессии позволяет, как уже отмечалось, установить ценное для развития личности соотношение своих способностей и профессии, т. е. время профессиональной жизни, занимающее , основной период жизни человека, становится личностно ценным. Своевременность овладения профессией, включая получение образования и становление профессионалом, своевременность прохождения этапов профессиональной жизни (карьеры) диктуется существующей социальной нормативностью и ценностью = оптимальностью возрастных и личностных сроков прохождения этих этапов и личностной потребностью в объективации, самореализации, самоутверждении. Если уровни притязаний и мотивация достижений личности не соответствуют профессиональному периоду или темпам карьеры, то работа не приносит личности удовлетворения и время личности обесценивается: при наличии результатов труда человек считает, что бессмысленно теряет годы.

Чаще всего в сфере труда у некоторых людей развивается способность к организации времени в более узком смысле слова, которую квалифицируют как особенность организованного человека. Самоорганизация во времени предполагает организацию временных параметров своего труда и личных занятий, включает и планирование и учет производительности, скорости работы, периодичности интервалов и т. д. Продуктивное использование времени, ориентация во времени, способность по-своему структурировать время в рамках временной заданности или неопределенности (неопределенность времени наступления событий) — это особая личностная, жизненная способность, которая обеспечивает своевременность, продуктивность и оптимальность ее личной и общественной жизни. Именно здесь появляется возможность свободного владения временем в относительной независимости от его объективного хода и рамок.

В этом смысле необыкновенно интересны истории жизни не только крупных художников или писателей, которые просто целиком отдавали свое время жизни творчеству, но таких не всем широко известных личностей, которых, может быть, даже нельзя назвать общественными деятелями в буквальном смысле слова.

Такова жизнь княгини М. К. Тенишевой, которая вошла в историю русской культуры как покровительница многих замечательных художественных начинаний: при ее участии в Санкт-Петербурге издавался журнал «Мир искусства», была открыта художественная студия для подготовки в Академию художеств. Она была страстно увлечена собиранием русских древностей, произведений русского и зарубежного искусства. В 1905 г. в Смоленске М. К. Тенишева открыла уникальный историко-этнографический музей «Русская старина». Она фактически управляла двумя большими имениями, в то время как у нее месяцами гостили крупнейшие русские художники и музыканты; и она отдавала, несомненно, общению с ними значительную часть досуга, стремясь к возрождению русского стиля в искусстве. Она же организовала женскую вышивальную мастерскую, где девушки ткали удивительные кружева, сельскохозяйственную школу для крестьянских детей, позднее при школе возник замечательный балалаечный оркестр, которым руководил ученик знаменитого Б. Андреева, курсы для подростков на заводе мужа, где их готовили к разным ремеслам и профессиям. Увлекаясь архитектурой, она начала заниматься художественным литьем, имела кузнечную и керамическую мастерские, химическую лабораторию, в которой работала сама. При этом она имела прекрасное, в том числе и музыкальное, образование и увлекалась пением. Впоследствии, когда революция разрушила созданное ею и мужем, она уехала в Париж, где училась у Полины Виардо и давала концерты.

Создав свой уклад, стиль разнообразной интенсивной творческой жизни в российском времени и пространстве, она сумела сохранить себя как художника, человека искусства и «разместить» свои способности в другом чужеземном времени и пространстве. Иногда, когда встречаешься с такими людьми, задаешься вопросом, как успевали они сделать, свершить столь многое? Почему жизнь и работа наших современников буквально раздирается случайными, необходимыми, но внутренне незначительными делами, лишая их внутренней цельности и направленности? Как справедливо отмечает создатель зонной концепции мотивации и исследователь временных ее особенностей В. Г. Асеев, личность сплошь и рядом следует актуальному, но личностно не значимому мотиву. Выполняя необходимое, она не успевает совершить главного [17, 18].

В отечественной и зарубежной психологии выполнено, как отмечалось в предисловии, множество исследований, раскрывающих особенности времени профессиональной деятельности (В. А. Денисов, Д. Н. Завалишина, В. А. Пономаренко и др.). Время учитывается при различных видах сложности деятельности, связанных с нервным напряжением, дефицитом времени,

преодолением трудности (Л. Г. Дикая, Д. Н. Завалишина, Б. Ф. Ломов, В. В. Чебышева). Особенно важны те, которые связаны со скоростями и ритмами, требуемыми профессией; с особенностями перелетов в разном суточном времени. Исследования показали, что «уровень ошибки слежения за частотным сигналом определяется не абсолютной величиной запаздывания рабочих движений оператора, а отношением этого запаздывания к предельно допустимому значению запаздывания данной частоты сигнала [47, с. 15]. А устранение этой ошибки возможно только за счет антиципации, т. е. прогнозирования ритма сигнала (там же). А «одним из важнейших моментов антиципации как механизма, обеспечивающего устойчивость слежения, является установление определенных временных соотношений между сенсорными и моторными структурами и процессами при обучении» [47, с. 16]. В. А. Денисовым использовалась также модель так называемой совмещенной деятельности, в которой человеку приходится выполнять параллельно два ритмических действия (ниже мы приведем данные о деятельности, совмещенной по иному основанию). Результаты показывают, что наибольшую сложность и повышение «цены» деятельности вызывает рассогласование темпов совмещенных действий. Иными словами моделирование действий, которые человек должен выполнять, одновременно требует учета «разрешающих возможностей» мозговых, двигательных и психических систем человека в отношении решения тех или иных временных задач. Одной из серьезных проблем данного исследования являлось соотношение динамики, фазы и связи надежности и устойчивости операторской деятельности, спецификой которой являлась длительность непрерывной работы в СЧМ в аварийных и конфликтных ситуациях. В результате исследования выявились две в известном смысле полярные группы (в дальних перелетах в условиях монотонии) — лучших или худших. «Лучшие характеризовались низкой тревожностью, сильно выраженной интровертированностью и высокой эмоциональной устойчивостью, а худшие — высокой тревожностью и выраженным невротизмом [47, с. 24].

Чрезвычайно важным для нашего дальнейшего рассмотрения проблемы являлось то, что В. А. Денисов в качестве основных показателей индивидуальных особенностей выбрал кроме тревожности и возможностей (ограничений) саморегуляции уровень их притязаний и самооценки, т. е. собственно личностные показатели, выводящие на проблему личности как организатора времени деятельности. Причем за основу выявления взяты не абсолютные значения уровня притязаний и самооценки, а их разница, носившая у двух разных групп ярко выраженный положительный или отрицательный характер. И хотя автор интерпретирует этот факт лишь как тенденцию, требующую ретроспективного анализа жизнедеятельности испытуемых (по-видимому, только в плане тренировки саморегуляции), его подход имеет принципиальное значение (В. А. Денисов). Так Э. Цихож в работе «Сверхзвуковые самолеты» вскрывает сложную архитектуру времени и его восприятия в полетах скоростных машин. «Полеты на малой высоте, — пишет он, — вместе с большой скоростью приводят к уменьшению до минимума времени реакции экипажа на событие, и через определенное время может снизиться их способность к восприятию, а следовательно, и реакции, т. е. работоспособность. Объект, над которым пролетает самолет, экипаж видит неотчетливо, т. к. время наблюдения коротко для внимательного рассмотрения. Дело затрудняется необходимостью частого перевода взгляда с лобового стекла на приборную доску, что требует определенного времени на аккомодацию и приводит к утомлению зрения. Проблема усугубляется тем, что часть времени пилот должен выделить на сравнение местности с картой».

Известно, что изображение информации о состоянии самолета в условиях полета сэкономило время. Однако из приведенного отрывка очевидно, насколько сложна

временная архитектура деятельности во время полета. Анализ дневниковых записей показывает, что затраты времени на осуществление деятельности и его восприятие при определенной скорости полета увеличиваются, а восприятие времени искривляется в зависимости от восприятия пространства, т. е. высоты полета. Здесь «хронотоп» Ухтомского функционирует очень сложно, т. к. нет одной доминанты, а есть необходимость одновременности осуществления и восприятия (времени и высоты) и деятельности (скорости и адекватности). Так, летчики отмечают, что с увеличением высоты полета субъективное время замедляется.

Последние данные о гибели Ю. Гагарина свидетельствуют о том, что при отсутствии приборных показаний о высоте полета и неадекватном субъективном предположении (что эта высота дает время, необходимое для осуществления определенного маневра) летчик совершил трагическую ошибку.

А. Ф. Пчелинов, изучавший временные факторы дестабилизации деятельности членов экипажей воздушных судов гражданской авиации, выделил специальную категорию «время трудового процесса», указав, что оно связано преимущественно с двумя (он назвал их не режимами деятельности, как Л. Ю. Кублицкине, выполнявшая исследование на 4-5 лет раньше), а объектами труда: «лимитом» и «дефицитом» времени, т. е. необходимыми временными нормами, отпущенными для осуществления тех или иных работ в полете [94, с. 8-9]. Он отмечает интереснейший факт, что задержки вылетов превращают лимит в дефицит.

Данные исследования профессии синхронного переводчика, а также оператора, диспетчера, показали, что только некоторые лица обладают способностью одновременно сочетать слуховое восприятие, мысленный перевод и вербальное воспроизведение, речь, т. е. одновременно слушать, думать и говорить [55]. И так, в разных исследованиях (и наблюдениях) операторской, т. е. связанной со временем, деятельности были выявлены следующие ее временные параметры — одновременность (практических или психических процессов; или психического и практического действия, движения), длительности деятельности, устойчивости — неустойчивости объективных ритмов, сигналов и проблема антиципации для адаптации субъективных ритмов к объективным и т. д.

Приведем еще некоторые примеры временных трудностей в других моделях деятельности. Институтом психологии РАН проводились исследования (Ю. М. Забродин) деятельности пограничников. Мы осуществили свой теоретический анализ деятельности, который показал, что в ней заключена скрытая временная проблема. Пограничник, обходя границу, должен находиться в состоянии готовности № 1 (полной мобилизации всех средств наблюдения и готовности совершить молниеносное действие, «поражающее» нарушителя). Он должен находиться в состоянии максимального напряжения для осуществления быстрого, точного и адекватного действия. Однако нарушитель может не появиться ни в период его дежурства, ни в длительные периоды его дежурств. Может ли при длительности времени дежурства и при отсутствии реального объекта деятельности сохраниться высочайший уровень психически-деятельностной напряженности? По-видимому, эта проблема разрешается выработкой особой структуры (вероятно, личностного уровня), готовности, в которой вырабатывается навык к быстрой реакции (снямающий напряжение) и способность длительно удерживать наблюдательность.

О существовании других временных противоречий можно судить по знаменитой книге Д. Гранина «Эта странная, странная жизнь», посвященной жизни ученого А. А. Любищева. Мы проанализировали ее под интересующим нас углом зрения времени. А. А. Любищев, исследуя особенности одного из видов (или подвидов) насекомых, запланировал свою научную деятельность на всю свою жизнь так, чтобы успеть полностью решить некоторую значительную задачу — описать данный подвид. Однако определенные особенности — организованность, привычка к планированию

и контролю времени — его личности привели к тому, что он начал в форме кратких записей фиксировать, сколько времени он затратил на ту или иную часть работы. Затем эти заметки распространились на его свободное, личное, жизненное время... Он стал фиксировать, сколько времени уходит на умывание, разговор с кем-то из близких и т. д. Полезная привычка переросла в манию, когда полки его кабинета стали заполняться папками этих странных дневников, в которых он хладнокровно фиксировал, сколько времени он прощался с сыном, уходящим на фронт...

Однако оказалась ли продуктивной для самой работы эта привычка, судя по всему сильно деформировавшая его личность? Ему не хватило времени жизни, чтобы решить поставленную задачу!!!

Этот пример наилучшим образом демонстрирует личностный и ценностный характер времени, невозможность организации его формальным способом, идет ли речь о времени деятельности или жизни.

Из этих примеров очевидно, что существуют объективные (относительно к человеку) временные структуры деятельности, существуют психологические временные задачи, решаемые человеком в ходе ее осуществления более или менее оптимально, выражаясь языком инженерной психологии, разной «психологической ценой».

Это навело нас на предположение, что существуют разные типы личностей с разными временными возможностями. Однако прежде чем приступить к выявлению психологических особенностей этих типов, мы должны были решить сложнейшую проблему: какую деятельность, с какими временными параметрами избрать объектом исследования. Эта проблема имела три трудноразрешимых аспекта.

Первый заключался в том, что если бы мы избрали только одну профессию в качестве предмета исследования, то потребовалось бы его продолжить на других, отличающихся по своим временным параметрам. Второй проблемный узел состоял в том, что в существующих отечественных инженерно-психологических исследованиях и в области психологии труда не существует детальных психологических профессиограмм, выявляющих временные требования деятельности к человеку даже в таких профессиях, как летчики, машинисты разных видов транспорта, операторы, несмотря на явность связи этих профессий со временем, скоростью и дефицитом времени. В них не вскрыты с достаточной полнотой возможности человека соотносительно с требованиями профессии (во временном ракурсе). Наконец, третий аспект заключался в сложности моделирования деятельности, учитывая то, что последняя имеет не только нормативную структуру, но и функциональные особенности — «случаи», события и т. д., которые невозможно предусмотреть в одной модели.

По поводу первого аспекта мы имели дискуссию с авторитетным французским психологом Ш. Годбуа, который много лет изучал сменный режим дежурств деятельности медсестер и высказал глубокое убеждение, что исследование времени должно быть привязано к каждой, профессии. В таком случае понадобились бы десятки лет, чтобы выявить, насколько типы организации времени, выявленные в одной профессии, проявляются во второй, третьей и т. д.

И если в каждой профессии выявились разные типы, то как свести эти типологии?

Мы выдвинули другую гипотезу, что, несмотря на существенные различия разных профессий, в них могут существовать сходные режимы времени, а в сходных профессиях могут быть разные режимы. Таким образом, мы сформулировали новое понятие — «временной режим деятельности». Проведя анализ ряда профессий, мы выделили, не претендуя на исчерпывающую классификацию, несколько типичных режимов или временных «задач» (Л. Аарансон, П. Мередит, Г. Шальтенбранд и др. пользуются более частным понятием «задачи»), которые приходится решать человеку. Первый наиболее известный режим — дефицит времени, когда его

заведомо недостаточно для осуществления деятельности; второй лимит, когда человеку нужно работать особо напряженно, чтобы выполнить к сроку определенный объем работы; третий — оптимальный (или нормативный) режим, который в разных профессиях устанавливается на основе учета особенностей труда и возможностей человека (например, темп работы конвейера); четвертый — неопределенный, когда человек сам должен определить срок завершения деятельности (например, в творческих профессиях невозможно извне планировать срок осуществления научного открытия или завершения работы над книгой); пятый — избыток времени, когда его заведомо больше, чем необходимо для получения продукта.

Пилотажное исследование доказало невозможность смоделировать все режимы деятельности в реальном времени и пространстве, поскольку в эксперименте их невозможно оторвать от тех или иных особенностей профессий. Как отмечалось в первой главе, деятельность осуществляется человеком в настоящем времени, и это не противоречит факту, что человек трудится почти всю жизнь, т. е. у его профессии есть прошлое, настоящее и будущее. Но, кроме этих общих для любой деятельности фактов, мы предположили, что относительно к возможностям человека время деятельности может быть избыточно (или наоборот), т. е. имеет разные режимы. Смоделировать все режимы, учитывая одновременно и «технологии» профессии, в настоящем времени оказалось практически невозможно. В качестве стимульного материала испытуемому были предложены временные задачи или режимы. Тем самым перед ним была поставлена рефлексивная задача, опирающаяся на его способность осознать, как бы он действовал в этих режимах. Поэтому на первом этапе исследования использовались лишь рефлексивные данные, ответы испытуемых на вопросы, включавшие описание этих режимов. Это давало гарантию того, что мы выявляем характерный, устойчивый способ действия (предпочитаемый режим), а не их случайное поведение в той или иной темпоральной ситуации. одновременно этим была уравнена мотивация, поскольку в реальной деятельности она дает эффект ускорения или замедления, затемняющий исследуемую нами закономерность.

Чтобы уравнивать мотивацию, первое исследование Л. Ю. Кублицкене проводилось на выборке аспирантов (300 чел.) в период предэкзаменационной сессии, когда существует реальный срок подготовки к экзаменам. Но были опрошены только те респонденты, которые до аспирантуры уже имели профессиональную работу и могли осознанно и обобщенно отвечать о предпочитаемом режиме деятельности. Как отмечалось в первой главе, первоначально была выдвинута гипотеза о трехкомпонентной структуре личностной организации времени, включающей осознание, переживание времени и его практическую регуляцию. В исследовании использовались три методики, каждая из которых была направлена на выявление одного из компонентов модели. Как мы отметили, практическую регуляцию времени пришлось исследовать с помощью опросника, в котором, как очевидно, выявлялось не практическое действие, а обобщенный, рефлексивный ответ респондента о типичном для него способе. Несколько слов о характере опросника. В нем в виде разнообразных временных задач были введены «случаи» всех выделенных предварительно пяти режимов деятельности. По каждому из временных режимов давалось несколько временных задач. От испытуемого требовалась рефлексивная самооценка степени успешности его решения тех или иных заданий, на основании чего делались выводы об оптимальности (успешности) и пессимальности (неуспешности) его деятельности в разных режимах. Наконец, чтобы исключить подмену реальных ответов желаемыми, в опроснике содержалось два ряда вопросов: «как Вы действуете обычно» и «как бы нужно действовать в идеале» (или как желательно действовать). Осознание времени, т. е. первый компонент

исследуемой структуры, выявлялось в свободном интервью и мини-сочинениях. Переживание времени исследовалось путем применения двух близких, в известном смысле взаимно контролируемых методик — теста метафор времени Р. Кнаппа и шкалы переживаний времени Е. И. Головаха — А. А. Кроника. По Кнаппу исследовалось переживание времени по следующим параметрам: 1. Протяженности — как континуального или дискретного. 2. Эмоциональности — как приятного — неприятного. 3. Напряженно-ненапряженного. Все полученные данные: опросник, методики на переживание времени и методики на осознание времени (интервью и мини-сочинения) обрабатывались сначала отдельно.

Некоторые наши оппоненты считали, что временной режим деятельности в принципе определяется только мотивацией, влияющей на ускорение или замедление темпа.

По результатам опросника эмпирический материал обрабатывался по каждой временной задаче отдельно (всего 8 временных задач по каждому из 5 режимов). Решения временных задач оценивались по критерию оптимальности — неоптимальности организации деятельности в пятибалльной системе. Для установления оптимального способа действия использовалось сравнение «реального» и «идеального» вариантов решения.

Обработка данных носила качественный характер, при котором сводились воедино способы решения задач, относящихся к одному режиму, что дало возможность обрисовать стратегию действия (оптимальности — пессимальности) каждого испытуемого в каждом из 5 режимов. Затем методом многопараметрального шкалирования (метод, использованный в физике многопараметральных зависимостей) была получена типология, в которой каждый из типов характеризовался по шкале успешности — неуспешности (оптимальности — пессимальности) в пятибалльной системе во всех пяти режимах. Некоторые испытуемые давали противоречивые, взаимоисключающие ответы на разные задачи, относящиеся к одному режиму, что было интерпретировано как неадекватность рефлексии их способа действия во времени, т. е. отсутствие представления о своем способе действия во времени.

В результате первого этапа исследования была получена следующая типология из пяти типов:

1. Первый тип, условно названный «оптимальным», успешно действует во всех пяти режимах, обладает способностями организовывать время и самоорганизовываться в нем, т. е. представляет наивысший (по В. И. Ковалеву) уровень практического владения собственным временем. Универсальная успешность этого типа во всех пяти режимах позволяет говорить о наличии у него способности к организации времени, в отличие от других, приводимых ниже типов, каждый из которых оптимален в одном или двух режимах и одновременно неуспешен в других.

2. Второй тип, условно названный «дефицитным», успешно действует в дефиците времени и, более того, все остальные режимы сводит к дефициту (т. е. все делает «в последнюю минуту», когда времени заведомо недостаточно). Его переживания времени парадоксальным образом не связаны с деятельностью (хотя, казалось бы, дефицит времени деятельности должен актуализировать его переживания). Этому типу свойственна способность самоорганизации, но проявляется она ситуативно, т. е. только под влиянием внешнего воздействия, которое (как лимит) является достаточно жестким.

3. Третий тип, названный «спокойным», напротив, испытывает трудности при работе в дефиците времени и при оптимальном режиме, и при заданном извне сроке завершения деятельности — будь то лимит или нормативное время, но успешно действует в остальных двух режимах (когда время не задано или когда его больше,

чем требуется). Этому типу присуща развитая способность самоорганизации, поскольку он внутренне активен, оптимален во временной неопределенности. Эти лица предпочитают заранее узнавать о предстоящей им работе, чтобы заранее ее спланировать. Переживания их двойственны: когда они сами определяют время, оно переживается ими как напряженное и приятное, когда же время деятельности задается извне, они переживают его как дискретное и неприятное и их деятельность дезорганизуется.

4. Четвертый «исполнительский» тип успешно действует во всех временных режимах, кроме временной неопределенности. Если представителям этого типа предъявлено задание с любым указанным сроком (дефицит, лимит, оптимальный срок), они способны его выполнить, оптимально организовав свою деятельность во времени, но там, где отсутствуют внешние опоры в виде сроков, они не в состоянии самостоятельно самоорганизоваться. Их переживания связаны с деятельностью, носят дискретный, позитивный, т. е. удовлетворяющий субъекта характер.

5. Пятый «тревожный» тип успешен в режиме с оптимальным сроком, может работать в избытке и неопределенном времени, но всячески избегает экстремальной ситуации дефицита, что и отражается в характере переживания времени.

Описанные типы не представляют иерархии и поэтому не могут быть соотнесены с иерархической классификацией В. И. Ковалева. Лишь первый тип относится к высшему, а пятый (и то условно) к низшему уровню, поскольку один из режимов ему противопоказан. Каждый из типов характеризуется диапазоном временных режимов по степени в них оптимальности, а также теми режимами, в которых его деятельность затруднена или невозможна. Иными словами, типология выявила параметр широты или организованности временных возможностей личности. Один из типов обнаружил оптимальные возможности во всех пяти режимах, что позволяет говорить о существовании особой, до сих пор никем не выделявшейся способности к организации времени.

Обобщая данную типологию, можно выделить факторы, которые являются сквозными для всех типов:

1. Число временных режимов, в которых он может работать, а также предпочтительный и избегаемый режимы;
2. Внешняя или внутренняя заданность времени или нейтральность;
3. Отношение к временному дефициту, т. е. явная способность или неспособность в нем действовать.

Чрезвычайно важным является второй фактор. Он не был предусмотрен в гипотезе исследования, а явился его важнейшим результатом. Насколько нам известно, этот фактор до сих пор не был обнаружен в исследованиях психологического времени.

В предыдущей главе мы показали, что теоретически механизмом самоорганизации во времени является саморегуляция, которая координирует активность в контуре, пространстве организма и психики, во-первых, и, во-вторых, сопрягает временные возможности личности с деятельностью. Можно сказать, что она осуществляет регуляцию активности в пространстве личность—деятельность (деятельностно-личностное пространство). Доминирование внутреннего контроля в организации времени деятельности фактически означает, что личность является ее субъектом, даже учитывая то, что она организует время деятельности, когда существуют внешне заданные сроки. Эта детерминация особенно очевидна у оптимального и спокойного типов (1-й и 3-й). «Дефицитный тип» представляет собой вариант сочетания внешней и внутренней детерминации, если его «подстегивает» внешний срок, он способен внутренне мобилизоваться. «Исполнительский тип» целиком детерминирован внешне заданными сроками, требованиями.

«Тревожный тип» представляет собой случай способности действовать в дефиците (в нулевом варианте). Комментарии к особенностям этого факта имеют и общее, и практическое значение. Дефицит времени имеет и общие, и частные проявления. В связи с упомянутым выше темпом технического прогресса вся жизнь становится более интенсивной, а ситуации дефицита времени в деятельности учащаются. Примеры тяжелейших последствий неспособности людей действовать в дефиците всем известны и трагичны. Это Чернобыльская катастрофа, многочисленные авиа-, железнодорожные и автомобильные катастрофы. Здесь действуют два фактора — неожиданность события и либо профессиональная, либо личностная неспособность принимать мгновенные (и верные) решения, оптимально действовать. Человека парализует и неожиданность аварии, и сознание ограниченности времени для ее устранения.

Когда были получены данные о наличии типа, неспособного действовать в дефиците, мы (еще раз) проанализировали под этим углом зрения круг профессий, где этот дефицит является не исключительной ситуацией, а типичной.

Оказалось, что к числу таких профессий относится реанимация, когда состояние больного оставляет дефицит времени врачам для спасения его жизни. В реанимации дефицит времени является не событием, а существенной характеристикой профессиограммы. Из этого анализа следует, что профессионалами в областях, связанных с дефицитом времени, не могут быть представители «тревожного» типа — они профнепригодны (или нуждаются в специальных тренингах).

Чтобы подтвердить полученные данные и эти серьезные выводы ограничительного характера, в излагаемом ниже исследовании О. В. Кузьминой мы специально учли фактор личностной и ситуативной тревожности (измеряемый по Спилбергеру). Результаты исследования по параметру «переживание времени» показали, что последнее имеет следующую факторную структуру:

- « континуальность—дискретность »,
- « напряженность—ненапряженность »,
- « эмоционально-ценностное отношение ».

Были выявлены корреляционные зависимости между каждым из факторов и особенностями организации времени деятельности каждого типа. Обнаружилось, что у первого «оптимального» и второго «дефицитного» нет никаких значимых зависимостей с переживанием времени по всем факторам (по обеим методикам). У третьего, «спокойного» типа, который в основном успешен в режиме временной неопределенности, обнаружилась значительная корреляция со вторым фактором (50% испытуемых оценивали время как напряженное). Люди этого типа, переживая время как напряженное, не расслабляются и поэтому успешно действуют в заданных временных условиях. Но если их напряженность усиливается заданными извне сроками, то они не выдерживают напряжения и дезорганизуются в деятельности.

Четвертый «исполнительный» тип характеризуется выраженностью эмоционально-ценностного переживания времени. Эти люди, успешные в определенных интервалах и не способные самоорганизоваться во временной неопределенности, переживают время как разнообразное, насыщенное, приятное. У пятого, «тревожного», типа (по методике шкалирования) выявилась склонность к переживанию времени как континуального (цельного, плавного, непрерывного). Режим дефицита, создавая эмпирическую напряженность, вступает в конфликт с его неторопливым эмоциональным переживанием, что ведет к дезорганизации деятельности.

Связи переживания с режимами деятельности, оптимальными или неоптимальными для личности, радикально различались по своей интенсивности и

характеру. В одних случаях эта связь практически отсутствовала (в связи с чем можно предполагать и — далее — проверять гипотезу, что деятельность регулируется только сознанием, т. е. на когнитивном, а не на эмоциональном уровне). В других случаях обнаружился конфликт между переживанием времени и регуляцией деятельности (что, в свою очередь, позволяет поставить задачу дальнейшего исследования роли сознания в этом конфликте). В третьем случае противоречие возникало внутри самого переживания времени, в четвертом — переживание отражало позитивный, успешный характер деятельности, а в пятом — негативный. Так же как связь сознания и деятельности имела двоякую направленность, так же у одних переживание определяло деятельность, а у других деятельность детерминировала переживание.

Кратко анализируя данные по осознанию времени, можно сказать, что одни испытуемые осознавали время абстрактно, почти философски, другие — только в связи с задачами деятельности, т. е. очень конкретно; одни осознавали время как время жизни и смерти, другие — как дефицитное, недостающее время и т. д. Время осознавалось в различных категориях, в разной мере, как относительное или безотносительное к личности и т. д. Эти данные, в свою очередь, дали некоторый коэффициент достоверности к рефлексивным ответам испытуемых по поводу организации своей деятельности.

Хотя данные по осознанию времени не вошли в общую типологию, с их помощью раскрываются некоторые внутренние связи между компонентами структуры личностной организации времени. Осознание времени выражалось в суждениях трех типов: ситуативно-прагматических, теоретико-философских и ценностно-деятельностных, хотя часто провести между ними очень четкую грань было сложно. Анализ связей осознания времени с его практической регуляцией показывает, что они идут как от сознания к деятельности, так и от деятельности к сознанию, а сознание выполняет разные — то регуляторную, то отражательную, то компенсаторную функции, то вообще оказывается не связанным с регуляцией деятельности.

Основными выводами данного исследования явилось:

1. Подтверждение гипотезы о типологическом характере личностной организации времени и его трехкомпонентной структуре, в которой у каждого типа оказались совершенно различные связи.

2. Доказательство возможности моделирования временных архитектур деятельности и апробирование некоторых стратегий такого моделирования. Исследование показало, что хотя реальная деятельность, состоящая из действий и движений, осуществляется в настоящем времени, но типичные способы своего действия могут обобщаться человеком по отношению к его прошлому, к его опыту, если ему предложить модели такого обобщения — временные режимы.

Этот вывод дал нам аргументы к сложной дискуссии с психологами труда, которые считают, что временные режимы деятельности можно изучать только очень конкретно, не отрывая их от того или иного вида деятельности (Ш. Годбуа). Мы доказали, что если такие режимы удастся абстрагировать и обобщить самому психологу, то личность не воспринимает их как нечто искусственное, а решает как некие временные задачи и указывает очень определенно на свои предпочтения.

Вместе с тем нужно отметить, что поскольку по каждому из 5 временных режимов респондентам давалось по 8 вопросов-заданий, у некоторых обнаружилась тенденция давать противоречивые ответы фактически на один и тот же, но несколько по-разному сформулированный вопрос. Это, как говорилось, свидетельствует об отсутствии у данного респондента четкой рефлексии — представления о своем способе действия во времени. Сознательные же типы категоризовались по трем параметрам: ценность— прагматичность, абстрактность—

конкретность описываемой ситуации, личностная значимость — нормативность.

Так, одни испытуемые отмечают ценность времени жизни (в связи с философским взглядом на соотношение жизни и смерти, например). Другие подразумевают под временем только время деятельности (прагматичность) и, более того, осознают время, поскольку его не хватает (личностная значимость). Эти данные об осознании времени, конечно, должны быть соотнесены с рефлексивными — с осознанием своего способа действия во времени. Отсутствие такой рефлексии, может быть, в свою очередь, вызвано разными причинами, в которых мы попытались разобраться в следующем исследовании О. В. Кузьминой.

Выявилось, что существует тип личности, которому совершенно противопоказан режим дефицита времени, он снижает качество работы или действует с невосполнимыми физиологическими или психологическими затратами: высокая «цена» деятельности в дефиците приводит к необратимым последствиям. Другой тип — противоположный — оптимален именно в дефиците времени. В целом была получена своеобразная «карта» — соответствия—несоответствия субъективных возможностей объективным временным режимам деятельности или шкала оптимальности—неоптимальности, описывающая приоритеты и ограничения каждого типа.

Была подтверждена гипотеза о типологическом характере личностной организации времени и о различной функциональной роли каждого из трех компонентов личностной структуры времени. Так, выявилось различие в характере осознания времени (связано с деятельностью или абстрактно). У некоторых типов отсутствует рефлексия своего способа действия во времени, у других рефлексия совершенно неадекватна — иногда она прямо противоположна тому, как они действуют на самом деле.

Как выяснилось в дальнейшем исследовании, тип, который делает ошибки в дефиците, считает, что он в дефиците оптимален. А тип, который осознает, что дефицит для него представляет трудность, не имеет рефлексии своего способа действия, т. е. выявилось, что компонент осознания отличается от рефлексии своего способа действия. Это позволило построить новую модель второго этапа исследования, где опросником выявлялся компонент сознания вообще, а после осуществления деятельности требовалась специальная рефлексия ее способа (успешности—неуспешности, трудности и т. д.).

Различна, как отмечалось выше, функция переживания времени: у одних она фиксирует оптимальный способ действия и потому содействует ее осуществлению, у других — переживание негативно, ориентировано на неуспех, а потому образует барьер между осознанием и практической организацией деятельности, у третьих — переживание вообще не связано с деятельностью, у четвертых переживание и деятельность находятся в конфликтных отношениях, что приводит к падению работоспособности субъекта.

Важнейшим следствием данного исследования явилось то, что на его основе уже можно было сделать переход к изучению временных структур личности в жизненном пути, поскольку режимы деятельности были исследованы не как частные, конкретные, а достаточно широко обобщенные временные задачи и ситуации, характерные для жизни в целом.

В данном исследовании был получен фактор личностной организации времени, который существен для раскрытия особенностей личности и как субъекта деятельности, и как субъекта жизни, а именно — фактор внешней или внутренней детерминации времени.

Ситуация дефицита есть объективно внешне заданное время, но когда «дефицитный» тип все остальные режимы сводит к дефициту, фактически означает, что он сам, т. е. внутренне, детерминирует, создает себе оптимальный режим

времени. Первоначально казалось, что время определяет сам лишь тот, кто предпочитает режим незаданного времени, но наличие дефицитного типа доказало, что внутренняя детерминация может иметь место и когда времени много, и тогда, когда его явно недостаточно (и что дефицитный тип сам создает недостаточность). Стремление некоторых типов к внешней заданности времени проявилось и у тех, кто хотел работать в нормальном режиме, и у тех, кто предпочитал лимит, и у тех, кто не хотел работать в избытке времени (именно избыточность времени создавала ту субъективную неопределенность, которой хотел избежать этот тип в своем стремлении к внешней заданности времени). Эту привычку к внешней директивной заданности сроков можно было бы скорее встретить у лиц, всю жизнь проработавших на конвейере или в учреждении со строго бюрократическим временным режимом, когда люди не располагают сами своим временем. Но когда она выявилась у 40% аспирантов, появилась гипотеза, что это не чисто профессиональная, а именно личностная особенность организации времени. Возникла другая гипотеза: как могут и могут ли определять (планировать и т. д.) время жизни в целом люди такого типа, если они склонны к заданным извне срокам; означает ли это, что такой тип ситуативен в своей организации времени?

Конечно, среди выборки был контингент оптимальных лиц, которые способны действовать одинаково успешно, и если время задавалось извне, и если они определяли его сами. Но тогда самым принципиальным в отношении личностной организации времени жизни является следующий вопрос: могут ли лица, которые привыкли действовать только при внешне заданном сроке (при осуществлении деятельности), в отношении жизни в целом свободно располагать своим временем, т. е. определять его сами? Соответственно, может быть поставлен и другой вопрос: способны ли лица, которые склонны сами определять время своей деятельности, свободно располагать временем своей жизни?

Важнейшим оказался вывод, касающийся принципа единства сознания и деятельности, разработанного С. Л. Рубинштейном. Важнейшим звеном этого принципа являлось положение о регуляторной роли сознания по отношению к деятельности. Мы получили данные, касающиеся только особенностей личностной организации времени деятельности, свидетельствующие, что этот принцип должен быть конкретизирован типологически. Фактически оказалось, что не у всех людей сознание играет решающую роль в регуляции деятельности. В трехкомпонентной модели, образуемой сознанием, переживанием и практической регуляцией деятельности, переживание времени может блокировать регуляторную роль сознания. Более того, обнаружились не только прямые, но и обратные связи между сознанием и деятельностью, а также переживанием времени и деятельностью во времени. Деятельность может быть представлена в сознании, причем неадекватно, и, соответственно, может неадекватно регулироваться им (или вообще не регулироваться). Переживание может оказаться барьером, блокирующим связь сознания и деятельности или искажающим ее. В свою очередь, в переживании выражается способ деятельности (или обратно — способ переживания определяет способ действия). Причем у одних в переживании выражается только позитивный, а у других негативный (неудачный) способ действия. Эти выводы носят сугубо предварительный характер, выступая скорее как основание для построения новых гипотез и проверки новых предположений.

Типологическая природа временной организации личности позволяет понять, что каждому типу релевантны, более удобны, «сензитивны» разные объективные структуры (события, ситуации, деятельности). Но это означает и то, что тип, попадающий в неадекватные ему структуры, вынужден решать дополнительные, сравнительно с другим, временные задачи, которые иногда выводят его на предельные состояния без видимых к тому внешних причин. Соответственно, при

осуществлении одной и той же профессиональной деятельности разные типы людей также решают разные временные задачи (например, лица, привыкшие подчиняться внешней регламентации, освобождаются от необходимости самоорганизации во времени, необходимости планировать, тогда как оказавшись в ситуации с незадаанным временем, они испытывают дефицит этих способностей, но зато в «своем времени» они должны развить в себе способность к своевременности, точности, должны успевать совмещать свою активность с критическими моментами деятельности и т. д.).

Результаты исследования позволяют ориентировать людей прежде всего в направлении осознания своих возможностей и ограничений для включения в более адекватные их типу сферы жизни и деятельности.

2. КОМПЬЮТЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕННЫХ РЕЖИМОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТИ

Таким образом, исследование, проведенное нами совместно с Л. Ю. Кублицкине, привело к двум новым исследовательским задачам и моделям. Первая, осуществленная нами совместно с О. В. Кузьминой, являлась более конкретной, реализованной на компьютере моделью, в которой деятельность (ее способ осуществления во времени) была реальной, а не выявлялась только с помощью вербальных (рефлексивных) данных.

Первая модель О. В. Кузьминой в исследовании способа организации деятельности во времени отличалась от той, которая использовалась Л. Ю. Кублицкине, тем, что деятельность была не рефлексивно, обобщенно оцениваемой респондентами, а реальной, осуществляемой на компьютере. Компьютерная модель позволяла включить большее, чем допустимо в естественном и даже лабораторном эксперименте число переменных, а именно — включить в трехкомпонентную структуру и восприятие времени, кроме осознания, переживания и практической регуляции времени. Изучение временных особенностей личности осуществлялось через изучение взаимосвязи, существующей между индивидуальным восприятием, переживанием, осознанием времени и практической деятельностью в разных временных режимах. Теоретически этот вопрос является принципиальным: огромное число исследований относится прежде всего к проблеме восприятия времени и некоторых хронометрических характеристик человека (А. С. Дмитриев, В. П. Лисенкова, Б. И. Цуканов, Д. Г. Элькин и др.), но, как известно, уровень восприятия никак не связывался с личностным уровнем и способом организации времени. Наша первая гипотеза касалась именно того, входит ли восприятие времени в личностный контур его организации (связано ли оно с полученной нами на первом этапе типологией).

Однако при попытке экспериментально реализовать эту задачу, выявилось много проблем. Во-первых, какую объективно измеряемую деятельность можно выбрать в качестве модели для исследования, если любая профессиональная деятельность привязана к своим специфическим формам, складывается из очень специфических задач, событий, а главное, предполагает свое «прошлое», историю, запечатленное в ее собственной логике и в «логике» ее субъекта (его профессионализме, мотивации и т. д.). Как вырвать фрагмент такой деятельности из этой логики и истории и при этом уравнивать мотивацию, профессионализм, отношение к этой деятельности испытуемых? Во-вторых, как вычислить среднее, т. е. нормативное время этой деятельности, как смоделировать ее архитектуру, если в любой более-менее сложной деятельности совершенно различны ее этапы, композиция, последовательность событий и задач? В-третьих, как уравнивать и можно ли в принципе уравнивать мотивацию любой деятельности? Можно ли в принципе вычислять среднюю скорость, чтобы затем учитывать мотивационную «поправку» и

т. д.? Наконец, как ликвидировать момент случайности, связанный с локальностью каждой ситуации деятельности по отношению к тому, как человек действует обычно? Эта традиционная для любого психологического исследования дилемма была здесь особенно сложна: насколько сегодняшний замер типичен для данной личности и сколько замеров достаточно, чтобы выявить сложившийся способ ее деятельности?

Поэтому компьютерная модель была ограничена только двумя из пяти использованных выше режимов (диагностировался нормативный режим и дефицит времени). Это сокращение числа режимов по отношению к первому этапу исследования было сделано не только по техническим, но и по теоретическим причинам. Была поставлена задача: удастся ли выявить описанные выше пять типов только на двух режимах, т. е. могут ли они впоследствии служить достаточным диагностическим средством определения типа или будут получены совершенно другие типы, особенно учитывая введение восприятия в число компонентов личностной организации времени. Таким образом, новая модель была более широкой по числу исследуемых компонентов структуры времени и более узкой по числу диагностируемых режимов.

Наконец, она отличалась от первого исследования тем, что там компонент осознания выявлялся с помощью интервью и потому, как выяснилось, только у некоторых типов сознание оказалось связано с деятельностью (тогда как другие осознают время жизни в целом или время как абстрактно-философскую категорию), а здесь на осознание были поставлены две разные задачи: выявить осознание времени (в целом) и рефлекссию конкретного способа деятельности на компьютере (после того, как она завершена). Эта дифференциация задач вытекала из данных первого этапа и оформлялась в гипотезы: могут ли типы, осознающие время вообще, адекватно рефлексировать свой способ действия во времени (а далее — как связана рефлексия времени жизни и времени деятельности), и наоборот — способны ли типы, рефлексиирующие свой способ действия во времени, осознавать время в целом. Иными словами, задача заключалась в выявлении связи (различий, противоречий) двух «видов» сознания—осознания времени вообще и рефлексии способа действия. Это одновременно и более глубокая теоретическая проблема. В первом исследовании не удалось включить компонент сознания в характеристику полученных типов, они были описаны только по двум компонентам: переживанию и практической организации времени. Может ли рефлексия способа реальной деятельности служить связующим компонентом в выделенной вначале трехкомпонентной структуре организации времени?

Дополнительная гипотеза касалась характера связи между когнитивными компонентами структуры: как связаны и связано ли вообще осознание и восприятие времени (и более тонко: связано ли восприятие времени с рефлексией деятельности или с осознанием времени в целом).

Методический аппарат состоял из двух составляющих — вербальных, опросных (в том числе диагностических) средств и собственно экспериментальных, привязанных к компьютерной модели и потому точно измеряемых. На компьютере несложно установить взаимосвязь между целями и качеством процедуры деятельности. Вначале использовался комплекс компьютерных заданий (6 задач), в которых фиксировались способы выполнения деятельности в двух режимах дефицита и нормативно заданного времени (специально установленного для данной деятельности «среднего» времени), а также степени точности—неточности восприятия временных интервалов, заполненных деятельностью на компьютере, по параметрам: оценка, воспроизведение, отмеривание, сравнение. Иными словами, измерялось не абстрактное восприятие времени, а восприятие, включенное в «контур» деятельности. Испытуемым предлагалась работа с текстом (в условиях оптимальной временной заданности было необходимо выделить буквы «а», в

режиме дефицита времени предлагалось заменить букву «а» на букву «е»).

Затем после завершения деятельности в ходе беседы выявлялась адекватность —неадекватность рефлексии — оценивания своего способа выполнения заданий по критериям: качество работы, скорость деятельности и точность восприятия временных интервалов.

Далее применялись два диагностических вербальных метода, которые были направлены на осознание времени и на рефлексии своего привычного способа деятельности в профессии (как в первом исследовании, но с существенными методологическими уточнениями). Первый тест «временные ценности личности», разработанный О. В. Кузьминой, требовал проранжировать 10 понятий по критерию активности—пассивности личности (осознание внешней и внутренней детерминации деятельности). Второй включал пять альтернативных высказываний для выявления рефлексии способа деятельности по параметрам: скорость, цикличность, планомерность, самостоятельность процесса деятельности.

Для определения компонента переживания использовались не только методики Р. Кнаппа и др., но и диагностировалась ситуативная и личностная тревожность с помощью опросника Спилбергера, использовался также опросник Ю. М. Орлова, измеряющий потребность в достижении. Нам представлялось, что тревожность больше связана с настоящим временем, в котором осуществляется деятельность, чем переживания, выявляемые с помощью метафор и образов.

Как отмечалось, деятельность осуществлялась только в двух режимах — нормативном и дефиците, но дополнительно измерялась ее скорость (темп).

Все данные по выборке (111 человек) анализировались в двух направлениях: 1. Давалась общая характеристика времени деятельности отдельно для каждого режима (нормативного и дефицита), каждого испытуемого отдельно относительно среднего арифметического их значения по выборке. 2. Особо анализировалась скорость деятельности как одна из основных характеристик ее динамики по критерию увеличения—снижения скорости. Основным результатом была ярко выраженная типология.

Основной типологии (выделилось 8 типов, или групп, испытуемых) оказалась скорость, которая дифференцировалась на высокую и низкую (замедление), возрастающую—снижающуюся к концу деятельности. По каждому испытуемому сравнивалась скорость в первые 150 сек. деятельности и во вторые 150 сек., а также различие скоростей в разных режимах деятельности. Вторым основанием типологии явилось качество деятельности, замерявшееся по числу ошибок, которое оставалось у одних типов константным, у других — уменьшалось, у третьих — увеличивалось в связи с характером изменения скорости.

Данные типы не представляют иерархии. В их обозначении первое слово отражает общую тенденцию скорости деятельности.

Высокой скоростью считалась в том случае, если ее значение выше среднего арифметического по выборке ($V = 187$ сек., $U_d = 171$ сек.), где V — средняя скорость времени в режиме дефицита, а V_g — средняя скорость в условиях нормативного режима.

В режиме дефицита качество деятельности в целом ниже ($V = 5,03$), где V — среднее арифметическое количество ошибок в режиме дефицита), чем при работе в нормативном времени ($U_d = 4,8$), где U_d — среднее арифметическое количество ошибок в режиме нормативно заданного времени. (высокая—низкая) относительно среднего арифметического, второе раскрывает характер скорости деятельности (увеличение—снижение) в процессе деятельности как в режиме оптимальной временной заданности, так и в условиях временного дефицита.

Первый тип назван «скоростным — возрастающим». У его представителей наблюдается высокая скорость деятельности. Ее показатель выше среднего

арифметического по всей выборке как в условиях дефицита времени, так и в режиме оптимальной временной заданности. Причем необходимо отметить то, что скорость выполнения деятельности имеет тенденцию постепенно увеличиваться от начала к концу в обоих режимах.

Второй тип обозначен как «скоростной — неопределенный» и характеризуется тем, что скорость работы испытуемых в условиях временного дефицита и оптимальной заданности времени выше среднего ее показателя по выборке отдельно в обоих режимах. Для процесса выполнения деятельности в режиме дефицита времени характерны либо постепенное понижение скорости (73%), либо, ее постоянство (27%). В процессе деятельности в условиях оптимальной временной заданности наблюдается либо постепенное увеличение скорости (15%), либо ее снижение (85%).

Третий тип — «медлительно-возрастающий» — представлен испытуемыми, для деятельности которых в режиме дефицита времени и оптимальной заданности срока характерна невысокая (ниже среднего показателя по выборке) скорость работы. Причем ее значение постепенно увеличивается от начала деятельности к ее концу в обоих режимах.

Четвертый тип назван нами — «медлительно-неопределенный». Деятельность испытуемых данного типа отличается невысокой скоростью (ниже среднего по выборке), и для нее характерно или постепенное понижение в условиях временного дефицита, или сложное сочетание: понижение у 13,55% испытуемых и увеличение у 86,5% испытуемых в режиме оптимальной заданности времени.

Пятый тип — «медлительно-постоянный». У его представителей, с одной стороны, при выполнении деятельности наблюдается в обоих режимах невысокая скорость работы относительно среднего показателя (ее значение меньше среднего арифметического по выборке) и, с другой стороны, отмечается, что при выполнении задания темп деятельности лиц данной группы постоянен как в режиме дефицита, так и в условиях оптимальной временной заданности. Скорость выполнения деятельности постоянна.

Шестой тип — «разноскоростной — возрастающий» представлен испытуемыми, для деятельности которых в режиме дефицита времени характерна невысокая скорость (ниже среднего показателя по выборке). При выполнении задания в условиях оптимальной временной заданности им свойственен показатель скорости выше.

Какую деятельность можно выбрать в качестве модели для исследования, если любая профессиональная деятельность привязана к своим специфическим формам, складывается из очень специфических задач, событий, а главное, предполагает свое «прошлое», историю, запечатленное в ее собственной логике и в «логике» ее субъекта (его профессионализме, мотивации и т. д.)? Как вырвать фрагмент такой деятельности из этой логики и истории и при этом уравнивать мотивацию, профессионализм, отношение к этой деятельности испытуемых? Во-вторых, как вычислить среднее, т. е. нормативное время этой деятельности, как смоделировать ее архитектуру, если в любой более-менее сложной деятельности совершенно различны ее этапы, композиция, последовательность событий и задач? В-третьих, как уравнивать и можно ли в принципе уравнивать мотивацию любой деятельности? Можно ли в принципе вычислять среднюю скорость, чтобы затем учитывать мотивационную «поправку» и т. д.? Наконец, как ликвидировать момент случайности, связанный с локальностью каждой ситуации деятельности по отношению к тому, как человек действует обычно? Эта традиционная для любого психологического исследования дилемма была здесь особенно сложна: насколько сегодняшний замер типичен для данной личности и сколько замеров достаточно, чтобы выявить сложившийся способ ее деятельности?

Поэтому компьютерная модель была ограничена только двумя из пяти использованных выше режимов (диагностировался нормативный режим и дефицит времени). Это сокращение числа режимов по отношению к первому этапу исследования было сделано не только по техническим, но и по теоретическим причинам. Была поставлена задача: удастся ли выявить описанные выше пять типов только на двух режимах, т. е. могут ли они впоследствии служить достаточным диагностическим средством определения типа или будут получены совершенно другие типы, особенно учитывая введение восприятия в число компонентов личностной организации времени. Таким образом, новая модель была более широкой по числу исследуемых компонентов структуры времени и более узкой по числу диагностируемых режимов.

Наконец, она отличалась от первого исследования тем, что там компонент осознания выявлялся с помощью интервью и потому, как выяснилось, только у некоторых типов сознание оказалось связано с деятельностью (тогда как другие осознают время жизни в целом или время как абстрактно-философскую категорию), а здесь на осознание были поставлены две разные задачи: выявить осознание времени (в целом) и рефлекссию конкретного способа деятельности на компьютере (после того, как она завершена). Эта дифференциация задач вытекала из данных первого этапа и оформлялась в гипотезы: могут ли типы, осознающие время вообще, адекватно рефлексировать свой способ действия во времени (а далее — как связана рефлексия времени жизни и времени деятельности), и наоборот — способны ли типы, рефлексиирующие свой способ действия во времени, осознавать время в целом. Иными словами, задача заключалась в выявлении связи (различий, противоречий) двух «видов» сознания—осознания времени вообще и рефлексии способа действия. Это одновременно и более глубокая теоретическая проблема. В первом исследовании не удалось включить компонент сознания в характеристику полученных типов, они были описаны только по двум компонентам: переживанию и практической организации времени. Может ли рефлексия способа реальной деятельности служить связующим компонентом в выделенной вначале трехкомпонентной структуре организации времени?

Дополнительная гипотеза касалась характера связи между когнитивными компонентами структуры: как связаны и связано ли вообще осознание и восприятие времени (и более тонко: связано ли восприятие времени с рефлексией деятельности или с осознанием времени в целом).

Методический аппарат состоял из двух составляющих — вербальных, опросных (в том числе диагностических) средств и собственно экспериментальных, привязанных к компьютерной модели и потому точно измеряемых. На компьютере несложно установить взаимосвязь между целями и качеством процедуры деятельности. Вначале использовался комплекс компьютерных заданий (6 задач), в которых фиксировались способы выполнения деятельности в двух режимах дефицита и нормативно заданного времени (специально установленного для данной деятельности «среднего» времени), а также степени точности—неточности восприятия временных интервалов, заполненных деятельностью на компьютере, по параметрам: оценка, воспроизведение, отмеривание, сравнение. Иными словами, измерялось не абстрактное восприятие времени, а восприятие, включенное в «контур» деятельности. Испытуемым предлагалась работа с текстом (в условиях оптимальной временной заданности было необходимо выделить буквы «а», в режиме дефицита времени предлагалось заменить букву «а» на букву «е»).

Затем после завершения деятельности в ходе беседы выявлялась адекватность —неадекватность рефлексии — оценивания своего способа выполнения заданий по критериям: качество работы, скорость деятельности и точность восприятия временных интервалов.

Далее применялись два диагностических вербальных метода, которые были направлены на осознание времени и на рефлексию своего привычного способа деятельности в профессии (как в первом исследовании, но с существенными методологическими уточнениями). Первый тест «временные ценности личности», разработанный О. В. Кузьминой, требовал проранжировать 10 понятий по критерию активности—пассивности личности (осознание внешней и внутренней детерминации деятельности). Второй включал пять альтернативных высказываний для выявления рефлексии способа деятельности по параметрам: скорость, цикличность, планомерность, самостоятельность процесса деятельности.

Для определения компонента переживания использовались не только методики Р. Кнаппа и др., но и диагностировалась ситуативная и личностная тревожность с помощью опросника Спилбергера, использовался также опросник Ю. М. Орлова, измеряющий потребность в достижении. Нам представлялось, что тревожность больше связана с настоящим временем, в котором осуществляется деятельность, чем переживания, выявляемые с помощью метафор и образов.

Как отмечалось, деятельность осуществлялась только в двух режимах — нормативном и дефиците, но дополнительно измерялась ее скорость (темп).

Все данные по выборке (111 человек) анализировались в двух направлениях: 1. Давалась общая характеристика времени деятельности отдельно для каждого режима (нормативного и дефицита), каждого испытуемого отдельно относительно среднего арифметического их значения по выборке. 2. Особо анализировалась скорость деятельности как одна из основных характеристик ее динамики по критерию увеличения—снижения скорости. Основным результатом была ярко выраженная типология.

Основой типологии (выделилось 8 типов, или групп, испытуемых) оказалась скорость, которая дифференцировалась на высокую и низкую (замедление), возрастающую—снижающуюся к концу деятельности. По каждому испытуемому сравнивалась скорость в первые 150 сек. деятельности и во вторые 150 сек., а также различие скоростей в разных режимах деятельности. Вторым основанием типологии явилось качество деятельности, замерявшееся по числу ошибок, которое оставалось у одних типов константным, у других — уменьшалось, у третьих — увеличивалось в связи с характером изменения скорости.

Высокой скоростью считалась в том случае, если ее значение выше среднего арифметического по выборке ($V; = 187$ сек., $U_d = 171$ сек.), где V , — средняя скорость времени в режиме дефицита, а V_g — средняя скорость в условиях нормативного режима.

В режиме дефицита качество деятельности в целом ниже ($V, = 5,03$), где V , — среднее арифметическое количество ошибок в режиме дефицита), чем при работе в нормативном времени ($V_g = 4,8$), где V_g — среднее арифметическое количество ошибок в режиме нормативно заданного времени.

Данные типы не представляют иерархии. В их обозначении первое слово отражает общую тенденцию скорости деятельности (высокая—низкая) относительно среднего арифметического, второе раскрывает характер скорости деятельности (увеличение—снижение) в процессе деятельности как в режиме оптимальной временной заданности, так и в условиях временного дефицита.

Первый тип назван «скоростным — возрастающим». У его представителей наблюдается высокая скорость деятельности. Ее показатель выше среднего арифметического по всей выборке как в условиях дефицита времени, так и в режиме оптимальной временной заданности. Причем необходимо отметить то, что скорость выполнения деятельности имеет тенденцию постепенно увеличиваться от начала к концу в обоих режимах.

Второй тип обозначен как «скоростной — неопределенный» и характеризуется

тем, что скорость работы испытуемых в условиях временного дефицита и оптимальной заданности времени выше среднего ее показателя по выборке отдельно в обоих режимах. Для процесса выполнения деятельности в режиме дефицита времени характерны либо постепенное понижение скорости (73%), либо ее постоянство (27%). В процессе деятельности в условиях оптимальной временной заданности наблюдается либо постепенное увеличение скорости (15%), либо ее снижение (85%).

Третий тип — «медлительно-возрастающий» — представлен испытуемыми, для деятельности которых в режиме дефицита времени и оптимальной заданности срока характерна невысокая (ниже среднего показателя по выборке) скорость работы. Причем ее значение постепенно увеличивается от начала деятельности к ее концу в обоих режимах.

Четвертый тип назван нами — «медлительно-неопределенный». Деятельность испытуемых данного типа отличается невысокой скоростью (ниже среднего по выборке), и для нее характерно или постепенное понижение в условиях временного дефицита, или сложное сочетание: понижение у 13,55% испытуемых и увеличение у 86,5% испытуемых в режиме оптимальной заданности времени.

Пятый тип — «медлительно-постоянный». У его представителей, с одной стороны, при выполнении деятельности наблюдается в обоих режимах невысокая скорость работы относительно среднего показателя (ее значение меньше среднего арифметического по выборке) и, с другой стороны, отмечается, что при выполнении задания темп деятельности лиц данной группы постоянен как в режиме дефицита, так и в условиях оптимальной временной заданности. Скорость выполнения деятельности постоянна.

Шестой тип — «разноскоростной — возрастающий» представлен испытуемыми, для деятельности которых в режиме дефицита времени характерна невысокая скорость (ниже среднего показателя по выборке). При выполнении задания в условиях оптимальной временной заданности им свойственен показатель скорости выше среднего значения по выборке, для других — ниже. Для процесса деятельности характерно постепенное увеличение скорости от начала к концу.

Седьмой тип — «разноскоростной — замедленный» составили испытуемые, для деятельности которых характерна высокая скорость (выше средней арифметической по выборке) в условиях дефицита и невысокая (ниже среднего значения) в режиме оптимальной временной заданности. Для процесса деятельности в обоих режимах свойственно постепенное замедление от начала к концу (скорость работы в начале выше, чем в конце).

Восьмой тип — «разноскоростной — неопределенный» отличается от других отсутствием единой картины. Так, для одних испытуемых характерна невысокая (ниже среднего показателя по выборке) скорость работы в условиях оптимальной заданности, высокая (выше среднего по выборке) в условиях дефицита времени. В условиях дефицита времени наблюдается или постепенное ее понижение, или повышение, или постоянство. При оптимальной же временной заданности скорость либо повышается, либо остается постоянной в процессе всей деятельности в данном режиме времени. Этот тип должен быть разбит на подтипы и специально исследован.

Достаточно сложно соотнести полученные О. В. Кузьминой типы с типологией Л. Ю. Кублицкине, но одним из оснований соотнесения может быть категория ускорения, проявившаяся в ускорении темпа деятельности к концу работы. Причем это увеличение скорости, как ни парадоксально, происходит в равной мере и в режиме нормы, и в дефиците. Это, по-видимому, означает, что ускорение, мобилизация свойственны не только лицам, которые успешны в дефиците. Это внутренняя детерминация темпа (скорости) к концу деятельности, проявляющаяся и

при высоком, и при низком, и при среднем уровне скорости в целом. Можно резюмировать, что это типы, склонные к ускорению, причем при всех режимах, т. е. обладают способностью увеличивать скорость к концу деятельности. Это особенно очевидно при сравнении с пятым типом, скорость которого остается на всем протяжении постоянной (мы бы назвали его ритмичным типом). Это эмпирическое подтверждение того, что среди важнейших временных способностей существует способность ускорения.

Чрезвычайно интересны в плане сравнительном типы, которые имеют разные уровни скорости в разных режимах, но тем не менее увеличивают ее к концу работы. Последнее свидетельствует о том, что повышение скорости к концу деятельности является показателем способности ускорения, которая, во-первых, безотносительна к темпу работы в разных режимах (одинаковому в обоих или в обоих разному) и, во-вторых, к уровню скорости вообще. Таково эмпирическое доказательство наличия способности ускорения и ее независимости от успешности режима деятельности.

Тип, сохраняющий одинаково невысокую и равномерную скорость в обоих режимах, прямо совпадает с третьим «скоростным» типом (по Л. Ю. Кублицкине).

Очень интересен седьмой тип, который, по-видимому, ближе всего к дефицитному типу (по Л. Ю. Кублицкине), поскольку он развивает высокую скорость в режиме дефицита. Ему неадекватен оптимальный режим, норма, но парадоксально то, что при этом различии он к концу деятельности снижает свою скорость. Это, по-видимому, обозначает, что у разных типов существует выраженное различие, состоящее в том, что одни наращивают, другие снижают скорость к концу деятельности. Но это в свою очередь обозначает, что каждый тип устанавливает по своему временной период максимального напряжения (на протяжении деятельности).

Второй этап был посвящен сопоставлению по типам качественной и скоростной сторон процесса деятельности. Это дало возможность выявить следующие зависимости и взаимосвязи, существующие между скоростью деятельности и ее качеством.

Временной режим оказывает прямое влияние на процесс выполнения деятельности. Так, при работе в условиях временного дефицита качество деятельности в целом ниже ($t = 5,03$; где t — среднее арифметическое количества ошибок в режиме дефицита времени), чем при работе в режиме оптимальной временной заданности ($m^E = 4,8$, где m^E — среднее арифметическое количества ошибок при выполнении деятельности в режиме оптимальной временной заданности).

На основе анализа качества деятельности по критерию снижения—повышения количества ошибок в двух исследуемых режимах можно сделать заключение о том, что у типов, условно названных нами «скоростными» (1-й, 2-й), тенденция к снижению качества работы растет в условиях временного дефицита. Для деятельности в режиме оптимальной временной заданности свойственно постепенное улучшение качества деятельности. Из этого следует, что ускорение деятельности не всегда адекватно, т. е. оно не всегда обеспечивает качество работы. Подлинным ускорением может считаться только обеспечивающее сохранение качества.

Стойкая тенденция к постепенному снижению качества деятельности прослеживается в обоих режимах деятельности у испытуемых 3 и 4 типов.

Для большей части испытуемых (80%) 5-го типа свойственна поразительная константность качества выполнения деятельности в исследуемых режимах деятельности.

Следует отметить, что у выше описанных типов (3-й, 4-й, 5-й) наблюдается однотипность деятельности как в условиях временного дефицита, так и в режиме

оптимальной временной заданности. Это позволяет сделать вывод о том, что у испытуемых данных типов существует постоянный, не меняющийся в различных временных режимах способ действия (стратегия поведения). Временной режим для этих испытуемых не оказывает существенного влияния на способ (скорость, качество) выполнения действия.

Для деятельности испытуемых 6 и 7 типов в режиме дефицита времени свойственна неоптимальность: допускаются ошибки, совершаются лишние движения курсором, чего не наблюдается в условиях оптимальной временной заданности. На основе этих данных можно рекомендовать испытуемым этих типов реже работать в условиях временного дефицита, т. к. в этом времени им трудно добиться больших успехов; им понадобится гораздо больше усилий, чем при выполнении той же работы в режиме оптимальной временной заданности.

Временной режим оказывает прямое влияние на качество выполнения деятельности, но это влияние различно у разных типов: у двух типов качество деятельности ухудшается только в дефиците, у двух других в обоих режимах, но существует тип, которому свойственна константность качества деятельности в обоих режимах: можно предполагать, что это и есть так называемый «оптимальный» тип из типологии Л. Ю. Кублицкине, для которого оптимальны были все пять режимов.

Индивидуальные особенности восприятия времени достаточно определенно обнаруживаются и проявляются в стойких тенденциях к переоценке или недооценке времени. В свою очередь, склонность к недооцениванию и недоотмериванию длительности интервалов при восприятии времени оказывает влияние на скорость выполнения практической деятельности, стимулирует ее увеличение. Таким образом, выявляется, что не только переживание, но и восприятие времени (по определенным параметрам) регулирует деятельность (в данном случае в направлении ее ускорения), что является новым моментом в интерпретации взаимосвязи восприятия времени и деятельности. Можно сделать вывод, что ускорение в ряде случаев вызвано неадекватным восприятием времени и превращается в торопливость, ведущую к ошибкам. Но иногда ускорение может быть вызвано неспособностью распределить напряжение равномерно на всем протяжении деятельности, т. е. найти нужный темп деятельности.

У некоторых типов выявились зависимости между скоростью и предпочитаемыми временными ценностями.

1. Лица, действующие со скоростью выше среднего арифметического по выборке (1-й, 2-й, частично 8-й типы) в иерархии временных ценностей на первое место в основном (85%) ставят такое качество, как «дисциплинированность» — умение выполнять работу к сроку.

2. Испытуемые, чья деятельность определяется невысокой скоростью (ниже среднего) и постоянно возрастающим темпом (3-й тип), на первое место в основном (75%) ставят такое качество, как «рационализм» — умение найти нужный темп действий.

3. Интересная зависимость была выделена нами при сопоставлении тревожности личности и временных ценностей. Оказалось, что из 10 испытуемых, имеющих низкий уровень личностной тревожности, 6 на первое место в иерархии ценностей поставили такое качество, как «плановность» — умение действовать по четкому, неизменяемому плану, 4 — «исполнительность» — умение хорошо работать в кем-то предложенном темпе. Для этих лиц свойственны временные ценности, отражающие внутреннюю пассивность. Качества, проявляющиеся в самостоятельности, творчестве личности, в иерархической системе этих испытуемых не доминируют.

Иными словами, высокоскоростной тип на первое место ставит «дисциплинированность», т. е. умение выполнять работу к сроку, а тип со средней

скоростью, но возрастающим темпом ставит на первое место «рационализм» как умение найти нужный темп деятельности. Эти зависимости свидетельствуют о связи сознания и способа осуществления деятельности у некоторых типов.

При анализе личностной и ситуативной тревожности были обнаружены две закономерности, которые заключались в том, что, во-первых, типы, имеющие тенденцию к скоростным способам деятельности (1-й, 2-й, 3-й), в основном сильно тревожные люди (высокий уровень личностной и ситуативной тревожности у большинства испытуемых данного типа). Во-вторых, испытуемые с низким уровнем личностной тревожности и средним — ситуативной, составляют типы, для которых характерна невысокая скорость работы (5-й, 4-й, 6-й, частично 7-й). Отсюда следует, что невысокий уровень тревожности стимулирует регуляцию, направленную на ускорение деятельности.

Были получены данные, конкретизирующие параметр внешней и внутренней детерминации времени: лица с низким уровнем тревожности поставили на первое место ценность «плановности» деятельности, а другие — «исполнительность» как способность действовать в извне предложенном темпе. Другими словами, для лиц, которые предпочитают ценности, отражающие внутреннюю пассивность, характерна низкая тревожность. Следовательно, можно предположить, что высокая тревожность, а вместе с ней и рефлексия, связаны с внутренней детерминацией времени. Однако ускорение темпа к концу деятельности у одних лиц может быть связано с внешней, у других — с внутренней детерминацией времени. Для одних — ускорение связано с мыслью, что время истекает, для других — что они зарезервировали максимум сил к концу работы.

Четкой взаимосвязи между потребностью в достижениях с изучаемыми временными параметрами (способами практической деятельности, качеством выполняемой работы в различных временных условиях, особенностью восприятия времени, субъективными временными ценностями, адекватностью рефлексии) выявить не удалось. Этот факт отсутствия зависимости между мотивацией и временными особенностями личностной регуляции деятельности, по-видимому, доказательно разрешает вышеприведенное возражение, что мотивация эквивалентна времени деятельности и достаточно изучить первую, чтобы отпала необходимость в исследовании второй. Однако, как будет показано ниже, мы не удовлетворились фактом отсутствия зависимости и обратились в следующем исследовании к более глубокому изучению этой проблемы.

Главным результатом — среди множества других — оказалась связь между восприятием времени деятельности и рефлексией своего способа деятельности во времени, которая имеет своеобразный полюсный характер. Первый полюс: при полном отсутствии рефлексии отсутствовала точность восприятия времени, при адекватной рефлексии имело место точное восприятие. Это позволяет ответить на вопрос, поставленный теоретически, входит ли восприятие в структуру личностной организации деятельности. У одних типов, полные характеристики которых мы не приводим, восприятие времени включается в личностный контур организации деятельности, у других — нет.

Вторая зависимость заключалась в том, что восприятие времени включалось в контур деятельности у лиц, имеющих высокую личностную тревожность.

Третья зависимость выявлялась у так называемых «скоростных» или «торопливых» типов: они произвольно ускоряли время деятельности, но за счет снижения качества в режиме дефицита, и именно им (и только им) была свойственна рефлексия способа деятельности в настоящем в связи с осознанием времени жизни и профессии. Среди временных ценностей, которые предлагались в опроснике, они выделяли и ставили на первое место «дисциплинированность» как умение выполнить работу к сроку. Это говорит о полном единстве их сознания и

деятельности: они торопятся к сроку и на уровне своего сознания, и в реальной деятельности.

Но не для всех типов осознаваемый уровень является реально регуляторным. Это говорит о том, что не всех людей можно готовить к профессиональной деятельности путем показа и объяснений (т. е. когнитивным способом). У ряда типов в роли регулятора деятельности выступают переживания (в данном случае тревожность), тогда как у других она образует блокаду между сознанием и действием. Сознание становится пассивным, рефлексия неадекватной, когда переживание выступает в такой функции. Выявленная у некоторых типов связь восприятия и рефлексии своего способа деятельности свидетельствует о хорошем механизме самоконтроля: и восприятие, и сознание совместно регулируют деятельность. А самоконтроль в свою очередь поддерживается высоким уровнем личностной и ситуативной тревожности, т. е. обнаруживается та «цена», которой обеспечивается координация систем восприятия и рефлексии.

Личностные особенности временной организации деятельности могут исследоваться на основе синтеза объективных параметров, отраженных во временных требованиях, предъявляемых к деятельности (временной режим, деятельности), и субъективных данных, заключающихся в точности временного восприятия, личностной и ситуативной тревожности, рефлексии выполняемой деятельности, временных ценностях. Данная схема анализа временных особенностей личности в определенном смысле остается открытой, позволяющей включить в нее новые характеристики и признаки, способствующие выявлению тех особенностей, которые остаются еще не раскрытыми.

Индивидуальное многообразие способов временной организации деятельности личностью представлено 8 различными типами: «скоростно-возрастающий», «скоростно-неопределенный», «медлительный—возрастающий», «медлительный—неопределенный», «медлительный—постоянный», «разноскоростной—возрастающий», «разноскоростной—замедленный», «разноскоростной—неопределенный». Хотя данная типология была получена эмпирическим путем, без предварительного выделения теоретических оснований, она дает возможность судить о достаточно разнообразных психологических способах организации времени деятельности.

Параметр качества на протяжении деятельности позволил подтвердить факт, что одни типы успешны в оптимально (нормативно) заданном временном режиме деятельности, другие в дефиците, а третьи — независимы от режима.

Не для всех личностей уровень осознания является реально регуляторным. У многих доминирующая регуляция связана с особенностями восприятия и тревожностью.

Выявленная на основе компьютерных задач типологическая структура временной организации на протяжении деятельности вбирает в себя максимум до сих пор изолированно исследованных параметров, тем не менее данная модель не является полным аналогом и моделью деятельности, отвечающей целям субъекта, его мотивам, тем более личностным характеристикам уровня притязаний, достижения и т. д. В этом — естественная ограниченность избранной модели исследования. Но тот факт, что по крайней мере у некоторых типов выявились сложные комплексы зависимостей, оказывается очень важным. Так была выделена связь восприятия с рефлексией деятельности, ускорения, ценностей и т. д.

Далее, важнейшим фактом является связь рефлексивных механизмов, привязанных к текущей деятельности (хотя осуществленных после ее завершения), и рефлексии, связанной с обобщенным осознанием своего способа действия во времени.

Также у некоторых типов была обнаружена связь ускорения (по параметру

изменения динамики скорости) с качеством деятельности. Ускорение темпа работ (произвольное) при одновременном сохранении ее качественного уровня, может быть, является фактором вработываемости, во всяком случае свидетельствует о своеобразной способности овладения временем, которая до сих пор отмечалась лишь в общетеоретическом плане (В. И. Ковалев).

Это как бы двухуровневые рефлексивные регуляторы, связанные с обобщением своего способа действия во времени жизни и профессии. Важнейшим полученным фактом является разобщенность (а у некоторых типов связь) рефлексивных механизмов, привязанных к настоящему времени, текущей деятельности, и рефлексии, обобщающей свой обычный способ деятельности в жизни, профессии.

Важным выводом является то, что компьютерная модель может служить диагностическим методом выявления характера работоспособности в двух основных режимах. Далее, именно учитывая очень несложный характер деятельности, которая осуществлялась испытуемым, можно предположить, что, отталкиваясь от этой модели, на более сложных видах удастся опираться на комплексные схемы, выявившиеся у каждого типа между восприятием, переживанием, осознанием, ускорением и качеством осуществляемой деятельности.

Опираясь на результаты этих трех исследований (Л. Ю. Кублицкине, О. В. Кузьмина, Т. Н. Березина), в каждом из которых деятельность была представлена в разном качестве: как обобщенная респондентами модель обычно предпочитаемого способа действия, как реальная, в настоящем времени осуществляемая на компьютере несложная деятельность, наконец, как определенная задача на планирование и организацию времени деятельности (как всякая задача, имеющая свою конкретную структуру), можно, сравнивая их, выходить на стратегию выбора исследовательских временных моделей деятельности применительно к практическим или дальнейшим теоретическим целям.

Но главным результатом является то, что во всех трех типологиях, полученных на разных моделях, оказались выявлены основные совпадающие или независимые закономерности, которые в целом составили представление о разных компонентах, разных ансамблях сложных механизмов личностной организации времени деятельности.

3. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТА. ЛИЧНОСТНОЕ ВРЕМЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО УСПЕШНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Каждому руководителю ежедневно приходится решать множество управленческих задач. А. Файоль, один из выдающихся представителей классической школы управления, выделял пять основных управленческих функций, каждая из которых в явной или неявной форме содержала в себе временные качества, с одной стороны, и относилась к области взаимоотношений людей, с другой. временной компонент содержали: предвидение грядущего развития событий и, соответственно, планирование будущей деятельности; организация и координация деятельности подчиненных; руководство группой, поскольку все они реализуются во времени. Три последние функции и пятая — контроль за деятельностью подчиненных, включали в себя необходимость организовывать взаимодействие с людьми [11 б]. Авторитетные зарубежные исследователи современности Г. Кунц и С. О'Доннел в качестве основных выделили функции планирования, организации, контроля и руководства, а также — отдельно — работу с кадрами [72].

Поэтому в эмпирическом исследовании В. Ф. Рубахина, А. Л. Журавлева, В. Г. Шорина все управленческие функции изначально были разделены на две большие группы: производственные и социально-психологические [99]. Реализация

производственных функций требовала от руководителей способности правильно организовывать время жизнедеятельности: своей и подчиненных (например, координация деятельности подчиненных, или организация сопряженной и ритмичной работы, или расстановка рабочей смены). Реализация социально-психологических функций предполагала правильную организацию руководителем социальных контактов между людьми (например, воспитательная работа с подчиненными, регулирование межличностных отношений подчиненных и др.).

Таким образом, наиболее часто исследователи в качестве важнейших управленческих функций выделяют те, которые требуют от руководителя определенного «чувства времени» (последнее является не чем иным, как характеристикой личностной организации времени) и функции, обеспечивающие свободу его маневра в социальном пространстве (тесно связанные с особенностями его личностного сознания).

В широком смысле это утверждение часть более общей категории — взаимоотношений между внутренним (способностями, качествами, психологическими чертами отдельной личности) и внешним (поведением и деятельностью), и она более сложна, чем может представиться на первый взгляд.

Концепция личностной организации времени, разработанная К. А. Абульхановой-Славской и коллективом молодых исследователей, опираясь на субъектную парадигму С. Л. Рубинштейна, позволила выделить на основе богатого эмпирического материала следующие временные компоненты: восприятие времени, переживание его, осознание и планирование, а также практическую организацию [7]. Вероятно, существует определенная связь между компонентами личностной организации времени человека и осуществлением им управленческих функций. Например, можно предположить связь между способностью планирования времени (как личностной характеристикой) и планированием реальной деятельности людей (как управленческой функцией). Для некоторых видов деятельности, требующих точности и внимательности, наличие такой связи между личностными особенностями человека и способностями его работать в различных временных режимах доказано эмпирически [71, 125].

Значительная часть эмпирических исследований личностной организации времени посвящена изучению именно внутреннего времени. Это работы В. И. Ковалева, рассматривавшего личностное время как образную транспективу, интегрирующую прошлое, настоящее и будущее человека [65]. Это исследования Н. Ю. Григоровской, выделившей три типа личностной организации времени на основе глубинных вербальных и образных представлений (время как прямая, время как круг и «множественное» время) [42,43].

Мы рассматривали психологическое время и как составляющую внутреннего мира личности. временные представления у человека реализуются в двух сферах: вербальной и образной. В образной сфере представление о собственном жизненном пути у личности существует в форме пространственно-временного образного континуума, в нем находят свое отражение почти все компоненты личностной организации времени: жизненная линия и временная перспектива, психологические травмы, бывшие в прошлом, и ожидания будущих побед или поражений [28-30] (временная линия в терминах НЛП). Структурированная линия будущего (последовательное представление образов будущего, часто на одной прямой) и наличие сцепления между образами говорят о развитии у человека целевых качеств, настойчивости. Расходящаяся линия будущего связана с дивергентным мышлением и прогнозирующим способом планирования. Образы восходящей линии будущего, поднимающейся вверх, часто свидетельствует о планировании индивидом социального успеха (сопровождающегося признанием в обществе) [23,28].

Однако представления о Других (а реализация управленческих функции неизбежно должна учитывать других людей) организованы преимущественно в вербальной форме. Во внутреннем мире личности взаимодействие своего «Я» с другим человеком осуществляется в различных формах внутренней речи (диалоге или монологе). В нашем предыдущем исследовании было показано, что особенности внутренней речи тесно связаны с личностными типами сознания [8]. Отношение к себе как субъекту выражается в употреблении в мысленной речи: 1) местоимения «Я» (отражая активное действующее начало) в противовес пассивным формам (меня/мне) и безличным предложениям; 2) местоимения Ты по отношению к самому себе (характеризует расширение личностного сознания и усложнение «Я-концепции» индивидуума). Отношение к Другому как субъекту проявляется в употреблении местоимения Ты и Имен собственных в его адрес и избегания местоимения Он, а также через развитие внутреннего диалога с Другим [26,27].

Цель данной работы — проанализировать особенности протекания внутренних психических процессов (формы репрезентации внутренних образов, особенности внутренней речи) в их взаимосвязи с характеристиками внешней активности — в решении организационных и управленческих задач.

В соответствии с целями исследования испытуемым предлагались 2 группы методик. В первую группу входили методики, разработанные ранее (см. [28]), направленные на анализ формальных характеристик вербальной и образной сфер в текущем состоянии сознания. Во вторую — серия заданий на выявление способностей к организационной и управленческой деятельности.

1. Методика исследования личностной организации времени на модели пространственно-временных образных гештальтов возможного будущего разработана на основе техники «временной линии» нейролингвистического программирования. Испытуемым предлагалось ответить на ряд вопросов, касающихся особенностей представления ими мысленных картин своего будущего, а экспериментатор устанавливал, увеличивается или уменьшается субъективный размер образов будущего, поднимаются картины вверх или опускаются вниз, образуют ли выраженную последовательность или располагаются хаотично по внутреннему пространству и т. д. На основе данных показателей определялись параметры когнитивной и личностной перспективы, характер жизненной линии (нисходящий или восходящий), способ планирования будущего (прогнозирующий варианты или однонаправленный) и ряд других.

2. Методика исследования вербальной сферы реализовалась на основе анализа употребления местоимений во внутренней речи. Испытуемым предлагалось записать, что думают (не говорят, а именно думают) персонажи рисуночного теста «Деловые ситуации» (модификация теста Розенцвейга, разработанная Н. Г. Хитровой для диагностики управленческих решений [80]). Предлагалось 6 тем (что думает первый персонаж, что думает второй персонаж, первый персонаж мысленно ругает самого себя, первый персонаж ругает другого, что думает первый персонаж некоторое время спустя, что думает второй персонаж некоторое время спустя) — всего 30—36 предложений. Далее с помощью контент-анализа выделялись используемые местоимения первого лица (Я, Мне/Меня, Мы, Нам/Нас), второго лица (Ты +-Вы, Тебе/Тебя + Вам/Вами, отдельно по отношению к себе, отдельно по отношению к другому), третьего лица (Он/Она, Ему/Его, Они, Им/Ими) и Имена собственные.

Также на основе рисуночного теста «Деловые ситуации» оценивались особенности психологических реакций субъекта на фрустрирующую ситуацию. Давалась суммарная оценка по описаниям «что думает первый персонаж в момент ситуации» и «что думает второй персонаж в момент ситуации». Оценивалась выраженность у каждого испытуемого 6 классических реакций на фрустрацию:

эмпунтивной (направленной на внешнее окружение), инпунтивной (направленной на себя), импунтивной (несубъектной, направленной на ситуацию); направленной на препятствие, направленной на защиту (обвинение), направленной на достижение цели (удовлетворение потребностей).

3. Вторая группа методик была направлена на изучение выполнения испытуемым реальных организационных и управленческих задач. С этой целью испытуемым предлагался «Организационный тест», разработанный Международным центром кадровых программ для оценки работы антикризисных управляющих. Тест представляет собой деловую игру, в которую входит несколько задач управленческого и организационного характера (составление плана деятельности на день, на неделю, составление оптимального временного маршрута для выполнения огромного количества разных задач деятельности, составление распоряжений для группы и т. д.). На основе выполнения этих задач были рассчитаны деятельностные характеристики испытуемых: 1) способность к планированию деятельности; 2) способность к управлению группой; 3) системность мышления; 4) гибкость мышления; 5) нестандартность решения задач.

В исследовании принимало участие 85 человек, мужчин и женщин в возрасте от 18 до 40 лет, студентов вечернего отделения экономического вуза, обучающихся по специальности «Менеджмент». Многие студенты уже имели высшее или среднее специальное образование. На момент исследования большинство из них работало в коммерческих фирмах, банках и государственных структурах на различных должностях.

Частота употребления в речи тех или иных местоимений оценивалась по результатам контент-анализа текстов с размышлениями персонажей рисуночного теста.

Дальнейшая обработка результатов проводилась с помощью стандартного пакета статистических программ STADIA (кластерный и корреляционный анализ).

На первом этапе обработки мы с помощью кластерного анализа объединили все многообразие местоимений, используемых во внутренней речи, в несколько компактных групп-кластеров на основе их взаимной корреляции. На втором этапе мы анализировали взаимосвязь показателей образной и вербальной составляющих внутреннего мира с объективными характеристиками управленческой и организационной деятельности, рассчитывался непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r).

Целью третьего этапа обработки было создание математически обоснованной типологии будущих управленцев (а именно молодых людей, выбравших своей специализацией менеджмент и претендующих на должности руководителей младшего, среднего и высшего звена в недалеком будущем). За основу мы взяли результаты Организационного теста, поскольку он представлял собой модель реальной будущей деятельности руководителя. С помощью кластерного анализа результатов организационного теста мы разделили всех испытуемых на несколько устойчивых групп (метод Евклидовых расстояний). Каждый кластер объединил студентов, сходных по качественным и количественным характеристикам управленческой и организационной деятельности. Далее анализировались средние показатели образной модели личностной организации времени и данные об особенностях внутренней речи у испытуемых внутри каждого кластера. Достоверность различий между кластерами оценивалась по критерию Стьюдента.

Выявились следующие результаты, которые мы сгруппировали по этапам работы.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ. Из всего многообразия местоимений, использовавшихся испытуемыми в своей внутренней речи для обозначения Себя и Другого, была сформирована матрица «переменные—объекты». В результате кластерного анализа нам удалось сгруппировать все местоимения в несколько

смысловых блоков (кластеров) на основе их взаимной корреляции. Для ряда блоков рассчитаны коэффициенты корреляции между частотой употребления местоимений и другими показателями, замерявшимися в исследовании.

1 блок (кластер) включил в себя местоимения 2 лица в именительной и падежных формах (Ты и Тебя/Тебе), употребляющиеся по отношению к самому себе ($r = 0,6$; $p < 0,001$). Частота употребления местоимения Ты коррелирует с выраженностью реакции, направленной на достижение цели (удовлетворение потребностей) по тесту «Деловые ситуации» ($r = 0,34$; $p < 0,002$). Обе формы также связаны с расхождением линии будущего — показателем, говорящем о дивергентном мышлении и прогнозирующем планировании вариантов (для Ты $r = 0,5$; $p < 0,0001$; для Тебя $r = 0,46$; $p < 0,0001$).

2 блок (кластер) включил в себя местоимения 2 лица в именительной и падежных формах (Ты и Тебя/Тебе), употребляющиеся по отношению к Другому ($r = 0,4$; $p < 0,002$).

3 блок (кластер) включил в себя два малых кластера: местоимения 1 лица (Я и Мне/Меня — $r = 0,6$, $p < 0,001$) и местоимения 3 лица (Он/Она и Ему/Его — $r = 0,6$; $p < 0,001$). Коэффициент корреляции между употреблением местоимений Я и Он также высок: $r = 0,5$; $p < 0,001$.

4 блок (кластер) включал в себя местоимения во множественном лице: Нам и Они/Им ($r = 0,6$; $p < 0,001$).

5 блок включил в себя местоимение Мы и Имена ($r = 0,3$; $p < 0,06$). Однако достоверность корреляции между Мы и Нам/Нами выше при одинаковом r , $p < 0,03$.

Каждый кластер представляет собой независимую характеристику внутренней речи; по сочетанию этих характеристик в мыслях конкретного испытуемого оценивается его текущее психическое состояние; а преобладание одного какого-то состояния ведет к формированию стойкой личностной черты. «Посеешь черту — пожнешь характер» — гласит известная пословица. Какие же черты характера можно «пожать» в результате развития соответствующих особенностей внутренней речи или какие особенности характера эта речь выражает?

Особенность первая — усложнение «Я-концепции» (по 1 кластеру). Употребление в речи местоимения Ты по отношению к самому себе тесно связано с общим уровнем рефлексии человека, развитием внутреннего диалога и степенью его самокритичности. Значительная часть нашей мысленной критики проходит через местоимение Ты (или оно подразумевается) [26]. Появление в мысленной речи обращения на Ты к самому себе также может быть связано с расширением сознания. Например, чтобы личность могла обращаться к своему «Я» на Ты, центр осознания личности на этот момент должен перемещаться в какую-либо другую структуру. Но для того чтобы такое перемещение стало возможным, необходимо, чтобы такие структуры были сформированы. В ряде направлений психотерапии (психосинтез, НЛП) их называют субличностями, или частями души. В аналитической психологии считается, что существуют глубинные архетипичные структуры (Тень, Двойник, Мудрый Старец, Анима/Анимус, Самость), в которые может переместиться центр осознания личности, чтобы иметь возможность обратиться на Ты к покинутому Эго.

Особенность вторая — диалогичность мышления (понимаемая как диалог с Другим). По В. П. Зинченко, существуют две составляющие духовного слоя сознания — это «Я» и Другой, т. е. Ты [57]. И вот эта вторая составляющая и образовала второй кластер. К сожалению, этот безусловно интересный показатель в данном нашем исследовании не сможет проявить себя в полную силу, поскольку, как выяснится далее, не связан с управленческой деятельностью.

Третья особенность — Эго (Я). Как известно, ребенок не сразу осознает себя как «Я», и во внешней речи, в разговоре он не сразу называет себя местоимением «Я»,

сначала он называет себя по имени, так, как к нему обращаются взрослые. При ретроспективном восстановлении особенностей своего детского мышления испытуемые используют преимущественно пассивные формы Мне/Меня, а не местоимения «Я» («Мама поведет меня в гости» вместо «Я и мама пойдем в гости») [26]. Тем не менее и «Я», и падежные формы Мне/Меня представляют одну внутреннюю структуру, однако при этом через конструкцию Меня/Мне выражаются менее осознаваемые характеристики личности: «"Мой", "Мне", "Со мной" есть в некотором смысле "Я", лишь в его потенциальном, еще не осуществленном до конца состоянии» [46]. Заслуживает интереса высокий уровень взаимосвязи между местоимениями 1 и 3 лица, обнаруженный в нашем исследовании. Однако, возможно, это объясняется разной длиной текстов, представленных нашими испытуемыми. Чем более развернутые предложения пишет испытуемый, тем больше он употребляет в них соответствующих местоимений, отсюда и наличие корреляций. В дальнейшем эта особенность также не проявила себя при решении деловых задач.

Довольно сложно разграничить четвертую и пятую особенности в связи с наличием корреляций между показателями, вошедшими в разные кластеры. И тем не менее мы попробуем это сделать. Обе особенности связаны с тенденциями представлять себя и других частью огромного целого — коллектива.

Четвертая особенность — растворение в коллективе. В коллективе может раствориться как собственное «Я» (но только в пассивном, ведомом коллективе, в Нас, на которых воздействует внеш. няя сила, а не в Мы), так и Другой (в Они и в Них). При растворении Другого в Они или в Них теряется личная ответственность конкретного Другого за фрустрирующую ситуацию. Однако такое растворение имеет и положительные аспекты, вероятно, облегчая социализацию индивида, во всяком случае в ситуации выполнения управленческой и организационной деятельности. Как будет показано ниже, показатели этого кластера часто оказываются значимыми для успешного решения управленческих задач.

Пятая особенность — способность к объединению своего «Я» со значимым Другим (Именем собственным) в Мы, тоже очень важное свойство для успешного решения управленческих задач, которое, облегчая, с одной стороны, управление группой (что естественно), с другой, способствует личностным успехам в планировании и осуществлении сложной организационной деятельности.

РЕШЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ЗАДАЧ — другой аспект нашей работы.

Мы объединили ряд наиболее коррелирующих между собой показателей и в дальнейшем рассматривали их как один показатель. Это было сделано с целью уменьшения количества переменных в соответствии с пожеланиями специалистов по многомерной статистике, что «малоинформативные или дублирующие признаки должны исключаться» [114, с. 338]. Далее рассматриваются следующие переменные: «Я» (местоимения Я), Мы (все местоимения 1 лица множественного числа). Ты к Себе (все местоимения 2 лица, употребленные по отношению к самому себе). Ты к Другому (все местоимения 2 лица, употребленные по отношению к Другому), Он (местоимения Он/Она), Они (все местоимения 3 лица множественного числа). Имена. В матрицу также вошли количественные показатели решения управленческих и организационных задач. Нас интересовала взаимосвязь каждого показателя, полученного в ситуации реальной деятельности (а задачи Организационного теста были максимально приближены к проблемам, которые приходится решать менеджерам в своей повседневной работе), и переменных, характеризующих особенности внутреннего мира личности. Результаты представлены в таблице 1 в конце данного раздела.

Показатели мышления: гибкость, нестандартность, системность — по Организационному тесту характеризуют особенности интеллектуального процесса

решения управленческих задач. Показатели взаимосвязаны, они значительно коррелируют между собой ($r = 0,5—0,7$) и, вероятно, являются составляющими единой организационной стратегии. На уровне психических процессов они связаны с одними и теми же характеристиками образной и вербальной сферы. «Гибкость мышления» связана: в образной сфере — с представлением объективированных образов будущего ($r = 0,3$;

$p < 0,02$); представлением удаляющейся линии будущего ($r = 0,4$;

$p < 0,002$); восходящим характером линии будущего ($r = 0,3$;

$p < 0,07$); в вербальной сфере — с местоимением Мы ($r = 0,3$;

$p < 0,02$), Ты к себе ($r = 0,3$; $p < 0,02$), Они ($r = 0,3$; $p < 0,08$), Имена ($r = 0,3$; $p <$

$0,01$). «Системность мышления» коррелирует практически в такой же степени с теми же показателями. «Нестандартность мышления», сохраняя эти корреляции (кроме связи с местоимением Они) дополнительно коррелирует с представлением панорамных (ярких, цветных, больших) образов ($r = 0,3$;

$p < 0,2$), и с расходящейся линией будущего ($r = 0,3$; $p < 0,03$).

Показатель «Способность к планированию» по стратегии близок к предыдущему, характеризует соответствующее управленческое качество. В образной сфере оно было связано с удаляющейся линией будущего ($r = 0,3$; $p < 0,02$), с расхождением линии будущего ($r = 0,3$; $p < 0,02$), с восходящим характером линии будущего ($r = 0,3$; $p < 0,09$). В вербальной сфере — с местоимением Мы ($r = 0,3$; $p < 0,03$), Ты к себе ($r = 0,3$; $p < 0,008$), Именами ($r = 0,4$; $p < 0,005$).

Показатель «Способность к управлению группой» характеризовал такое управленческое качество, как умение делегировать полномочия, поручать другим людям выполнение заданий, планировать для них работу. Он представлял собой другую организационную стратегию, заключающуюся в преимущественной организации работы других людей для выполнения своих целей. Он был связан со следующими особенностями интрапсихических процессов. В образной сфере — со структурированностью линии будущего ($r = 0,4$; $p < 0,007$). В вербальной сфере — с местоимением Ты, обращенным к себе ($r = 0,3$; $p < 0,02$), и с Именами ($r = 0,4$; $p < 0,004$).

Показатель «Мотивация к достижению» выявлял стремление испытуемого решить управленческую задачу, его настойчивость в поиске правильного решения. Данное управленческое качество, проявляющееся в образной сфере, связано с представлением объективированных образов ($r = 0,44$; $p < 0,001$), с удаляющейся линией будущего ($r = 0,24$; $p < 0,02$). В вербальной сфере — с местоимением Мы ($r = 0,3$; $p < 0,006$), Ты, обращенном к себе ($r = 0,4$; $p < 0,002$), Именами ($r = 0,3$; $p < 0,02$).

Можно выделить две организационные стратегии, обеспечивающиеся различными психологическими механизмами. Первая — индивидуальная — предполагает, что испытуемый сам должен выполнить все задания. Выбор этой стратегии требует от человека активизации его собственных способностей: умения планировать, гибкости мышления, нестандартности и ряда других. Испытуемые, выбравшие эту стратегию, при решении Организационного теста планировали выполнить самостоятельно весь объем работы, не подключая к деятельности других людей. Среди таких испытуемых были и очень успешные организаторы с гибким, нестандартным мышлением, но организовывали они главным образом свою собственную жизнь; были и неуспешные — испытуемые, не справившиеся с заданиями теста. Интересно, что самые сложные и неординарные решения предлагали именно испытуемые с этой стратегией. Поскольку многие задания теста буквально требовали делегировать часть полномочий кому-то, то испытуемым-индивидуалистам приходилось максимально напрягать интеллект и творческие способности, чтобы самим справиться со всем объемом работы.

Мы получили ряд интересных корреляций между показателями, относящимися к

течению внутриспсихических процессов (мышлению, воображению, внутренней речи) и характеристиками внешней организационной активности, частично предполагавшихся нами по результатам предыдущих исследований. Во-первых, реализация индивидуальной стратегии предполагала восходящий характер жизненной линии человека (на уровне пространственно-временных образных гештальтов это выражалось восходящей линией будущего). Во-вторых, такие испытуемые представляли образы будущего «от себя» (удаляющаяся линия будущего). Испытуемые, использующие вторую, социально-управленческую стратегию, должны обладать как индивидуальными способностями, так и социально-психологическими, в частности, способностями к управлению группой. Подключение других позволяло испытуемым высвободить часть своего времени и, предположительно, использовать его для каких-то других целей. С одной стороны, это плюс; с другой — делегирование части полномочий снижало уровень требований к развитию собственных возможностей и способностей и, возможно, приводило к их частичному недоразвитию. Реализация этой стратегии во времени требует предварительной очень хорошей проработки будущего во внутреннем плане. Способность руководить группой коррелирует со структурированностью линии будущего, говорящей о высоком уровне развития у индивида когнитивной перспективы.

В вербальной сфере для реализации обеих стратегий необходимы равные предпосылки: развитие собственной «Я-концепции» и формирование отношения к себе как к субъекту (появление во внутренней речи местоимения Ты к Себе), а также уважительное отношение к Другим людям (употребление Имен). С успешностью организационной деятельности также коррелирует употребление местоимения Мы. В нашей предыдущей работе [26] мы выявили три различные причины употребления Мы во внутренней речи: первая — первичное Мы, когда «Я» просто не вычленяется из океана коллективного бессознательного; вторая — растворение «Я» в социальном Мы; и третья — способность моего «Я» к объединению с другими «Я» в коллективный субъект. Как нам кажется, для успешной организационной деятельности необходимо третье Мы, которое также свидетельствует о сложности «Я-концепции» индивида и включении в нее Других людей.

ТИПОЛОГИЯ БУДУЩИХ УПРАВЛЕНЦЕВ. Кластерный анализ разделил всех наших испытуемых на две большие группы, заметно отличающиеся друг от друга. Основой для деления явилась общая успешность—неуспешность решения Организационного теста. Первая группа включала в себя два более мелких кластера (1-й и 2-й) и состояла из испытуемых, полностью справившихся со всеми заданиями, правильно составивших план работы на неделю, на один день, разработавших самые эффективные варианты маршрутов движения для выполнения этих планов. Вторая группа включала в себя три более мелких кластера (3-й, 4-й, 5-й); испытуемые, составившие эти кластеры, по тем или иным причинам не сумели выполнить задания полностью, некоторые решили часть заданий, другие попробовали решить все задачи, но допустили слишком много ошибок и т. д. Более глубокий анализ особенностей решения каждым испытуемым Организационного теста, характеристик личностной организации времени, своеобразия внутренней речи и реакций на фрустрирующую ситуацию позволил нам дать типологическую интерпретацию кластерам, выделив в соответствии с числом кластеров пять типов управленцев (точнее, будущих управленцев нашей страны). При этом два типа (кластера) — это успешные управленцы, а три типа — руководители средней успешности. Рассмотрим подробнее каждый тип (средние значения всех показателей по кластерам приведены в таблице 2 в конце раздела). По каждому показателю возможное количество баллов колебалось в промежутке от 1 до 7.

Первый тип — индивидуалы (15%). Представители этого типа успешно

справились со всеми заданиями Организационного теста; показатели делового мышления (системность, гибкость) и способности к планированию у них очень высоки, выше средних по выборке (5—6 баллов), а количество нестандартных решений и вообще выше, чем у представителей всех других типов. Выше среднего у них и мотивация к достижениям. Однако в процессе работы они ни разу не воспользовались возможностью делегировать часть своих полномочий кому-то еще; они не стали перепоручать свои дела домочадцам, соседям, коллегам по работе и даже подчиненным (все эти персонажи входили в условие теста). Даже в заданиях, предусматривающих подключение других людей к выполнению собственных планов, эти испытуемые постарались обойтись собственными силами. В результате они успешно выполнили все задания, но показатель «руководство группой» у них достоверно ниже, чем у других типов (кроме 5-го, куда вошли тоже индивидуалисты, только не справившиеся с заданиями), он равен 1,1 балла (из 7 возможных).

Приоритет индивидуального стиля подтвердился и в тесте Розенцвейга—Хитровой. При напряженных взаимоотношениях с миром (фрустрирующие ситуации) у испытуемых преобладала интуитивная реакция (направленная на самих себя). Испытуемые предпочитали сами разрешать сложные жизненные ситуации, в трудных случаях они брали на себя инициативу и ответственность (и за победу, и за неудачу).

Характерной для подобного стиля внешней активности (индивидуальная деятельность и личная ответственность) является прежде всего организация внутренней речи испытуемых этого типа. Во внутренней речи довольно высока частота употребления местоимения «Я» и самая низкая по отношению к другим типам частота употребления местоимения Мы. Также минимально представлены местоимения Они и Имена собственные. Все это говорит о том, что представители этого типа неохотно интегрируются с Другими людьми в единое целое — Мы. Низкое количество местоимений Они обычно свидетельствует о том, что и Другие люди в их сознании не интегрированы между собой. В представлениях остальных типов Они часто бывают враждебным персонажем, противостоящим «Я» или Нам. Здесь же Другие просто отсутствуют, не превращаясь ни в дружеских Мы, ни во враждебных Они.

Однако внутренняя речь индивидуалов диалогична, в ней в достаточном объеме представлены местоимения второго лица Ты и Вы. Распространены обе формы диалога (разговор с другими и разговор с самим собой), поскольку индивидуалы используют мысленное обращение на Ты и по отношению к конкретным Другим людям, и по отношению к себе. Прежде всего это говорит о высоком уровне рефлексии, сложной «Я-концепции» и творческом характере их мышления, поскольку диалог однозначно входит в состав как характеристик творческого человека [7, 31], так и качеств интеллектуального процесса [73]. С другой стороны, раз есть диалог, то это означает, что Другие люди присутствуют в мыслях, во внутренней речи этих испытуемых, и присутствуют как равные, как субъекты, как активные персонажи, за которыми индивидуал признает право на собственное мнение и собственное решение. Но (и это важно) индивидуал не пытается руководить этими субъектами, возможно, просто потому, что не хочет с ними объединяться.

Внутренняя структура личностного времени у представителей этого типа также носит творческий характер. Их линия будущего — расходящаяся, что свидетельствует о развитии у них дивергентного мышления и прогнозирующем (по В. Ф. Серенковой) способе планирования (подробнее с характеристиками расходящейся линии будущего можно познакомиться в следующей главе и в наших работах [28, 29]). При планировании своей жизни испытуемые предпочитают составлять несколько вариантов планов, предусматривающих различные варианты

развития событий; далее они воплощают тот или иной вариант плана, свободно оперируя со временем и жизненными обстоятельствами. В деятельности эта их особенность внутреннего времени проявилась в высокой гибкости мышления, а также в составлении запасных вариантов плана в моделируемой Организационным тестом руководящей деятельности. Внутренняя форма их личного времени предопределила особенности выполнения ими управленческой функции «планирование деятельности». Выше среднего у представителей этого типа развиты когнитивная и личностная перспективы.

Итак, 15% студентов, обучающихся по специальности «Менеджмент», выраженные индивидуалы. Разумеется, при необходимости они могут хорошо справиться с обязанностями руководителя не-большой организации (поскольку все задания организационного теста они выполнили), но административное руководство как форма внешней активности не является для них органичным продолжением их внутренней активности (мыслей, образов). Психологической «ценой» этому будет постоянное перенапряжение, вследствие нагрузки, которую им придется нести в виде выполнения дополнительной работы по перекодированию внутренней (интраперсональной) системы взаимоотношений Я—Другой в систему внешних (управление этим Другим).

Представителям этого типа легче все сделать самим, чем делегировать свои полномочия другим людям. Причин этому может быть две. Особенность субъект—субъектных отношений, когда нормальному выполнению своих обязанностей (отдавать распоряжения, требовать их выполнения, налагать взыскания) руководителю мешает гипертрофированное чувство субъектности Другого (уважение к нему как к личности, независимой и равной). Другая причина связана с чувством собственной значимости, когда руководитель пытается все «взять на себя», потому что считает, что справится со всем лучше, он старается выполнить весь объем работ самостоятельно или, по крайней мере, проследить за ходом выполнения. Подобный способ управления еще уместен в небольшой организации, пока руководитель в состоянии справиться со всем объемом работ, но он препятствует переходу руководителя на более высокий уровень руководства (это называется первым кризисом руководителя [97]).

Психологически комфортнее люди этого типа будут чувствовать себя не в административном руководстве, а на должности ведущего (главного) специалиста. Именно здесь они смогут максимально самореализоваться, т. е. выразить вовне особенности своего внутреннего диалога и проявить присущие им таланты и способности (нестандартность мышления, творческое планирование и т. д.). В социальном плане в малой группе они также будут играть роль эксперта, а не лидера.

Второй тип — руководители (41%). Представители этого типа также успешно справились со всеми заданиями Организационного теста. Показатели делового мышления у них высоки, достоверно выше, чем у представителей других типов (кроме 1-го). Первому типу они немного уступают в нестандартности мышления, зато слегка превосходят их в гибкости и системности разработок. У представителей этого типа самая высокая мотивация достижений (выше всех остальных) и, разумеется, значительно выше способности к управлению группой. Последние у этого типа — самые высокие по всей выборке, именно из-за этого тип и получил название «руководители»; показатель «руководство группой» у них равен 4,9 балла. Планируя работу, испытуемые этого типа проявили воистину большие руководящие качества, по возможности поручив и перепоручив все дела подчиненным, коллегам, родственникам, соседям, друзьям. Многие из испытуемых в своих планах даже предусмотрели контроль за выполнением своих поручений. Все это обнаруживает в них природных руководителей.

Поведение во фрустрирующих ситуациях подтверждает специфику этого типа. У его представителей самый высокий уровень эмпативной реакции (направленной на внешний мир и на других людей), т. е. в состоянии стресса они предпочитают находить выход в организации помощи со стороны других людей. Интересно, что у них также самый высокий уровень реакции, направленной на самозащиту (или самообвинение). Это объяснить не так просто, поскольку для пользы дела была бы выгоднее ориентация на достижение цели. Кстати, на этой самой полезной реакции скорее уж сосредоточены индивидуалы (причем как успешные — 1 тип, так и неуспешные — 5 тип). Вероятно, в момент опасности настоящие администраторы все-таки больше думают, как самим «выйти сухими из воды», а не о завершении дела, что, может, и верно в наше время, когда банкротство является одним из самых эффективных способов разбогатеть.

Естественно предположить, что такая бурная внешняя организационная активность базируется на соответствующем внутреннем основании (и в виде особенностей планирования личностного времени, и в виде специфики мысленной речи).

На уровне внутреннего времени — это высокоструктурированная, сцепленная и поднимающаяся вверх линия будущего. Все показатели образной модели, относящиеся к целевой и социальной сфере, выше средних. Единственный показатель, выпадающий из общего высокого уровня, относится к области планирования личностного роста и дивергентному мышлению. Линия будущего у представителей этого типа преимущественно сходящаяся, они предпочитают однонаправленный способ планирования будущего (по В. Ф. Серенковой), т. е. они не строят множества альтернативных планов, предусматривающих различные варианты развития событий, а воплощают один генеральный план, который, скорее всего, и приведет их к успеху. Свое собственное развитие как личности они планируют вместе с социальным ростом — карьерой (самоактуализация, по А. Маслоу).

Интересно, что все показатели внутреннего планирования у представителей этого типа высоки, но не самые высокие. Всегда найдется какой-либо тип, у которого данный показатель будет выше. Но нет ни одного другого столь гармоничного типа. Если у третьего типа преобладает личностная перспектива, то «хромает» когнитивная (образы будущего у них необъективированные). У четвертого типа все в порядке с объективацией образов, зато «западает» сцепление образов (входящее в состав мотивации к деятельности). У руководителей все — на уровне, ничто не слишком, но и ничего не в дефиците. Возможно, для подлинных управленцев это и хорошо, что их собственные личностные темпоральные качества не столь блестящи, чтобы рассчитывать выполнить все свои планы самостоятельно, иначе они бы «превратились» в индивидуалов.

Особенно ярко особенности, присущие этому типу, проявились на уровне внутренней речи. В интрапсихических (мысленных) взаимоотношениях с другими людьми, как и в предыдущем случае, здесь преобладают субъект—субъектные отношения. «Руководители» относятся как к субъектам и к самим себе, и к Другим людям. У них высокий уровень употребления «Я» в мысленной речи, по отношению к себе они также могут употреблять и местоимение Ты. Хотя Ты здесь встречается значительно реже, чем в предыдущем случае, что говорит о снижении общей рефлексии у представителей этого типа и значительно меньшей самокритичности (по сравнению с индивидуалами). Зато в их внутренней речи обильно присутствуют Другие, прежде всего в объединении с собой как Мы, и просто как значимые Другие, как Собеседники, как Ты. Мысленная речь руководителей диалогична, она обращена преимущественно к собеседнику, другому человеку (подчиненному, коллеге, начальнику), это говорит и о творческом характере мышления, и о субъектном

отношении к Другим людям. Очень много форм множественного числа — это и уже упомянутые Мы, и Они; в последнем случае Другие мысленно интегрируются между собой, без всякой связи с лицом, о них думающим; (возможно, они даже враждебны мыслящему «Я»). Впрочем, общее количество местоимений Они примерно равно количеству местоимений Мы, так что Другие здесь не недруги, просто их много, поэтому и возникают формы множественного числа.

Представители этого типа в нашей выборке самые многочисленные (41%). С одной стороны, радуется, что самая большая группа студентов, обучающихся по специальности «менеджмент», по своим личностным качествам относится именно к типу «руководитель». С другой стороны, смущает, что общее количество представителей этого типа среди будущих руководителей — даже меньше половины всех обучающихся. Мы можем предположить, что именно из этих студентов в будущем выйдут менеджеры и руководители от низшего звена до самого высшего. Социальная роль, которую представители этого типа предпочитают играть в группе, — лидер.

Оставшиеся три типа обучающихся — лица, частично справившиеся с заданиями Организационного теста, допустившие ошибки в работе и не сумевшие распланировать и выполнить ряд заданных дел. Общие показатели делового мышления у представителей этих типов близки между собой и достоверно ($p < 0,01$) отличаются от соответствующих показателей успешных типов. Однако хотя представители этих трех типов оказались равно неуспешными в выполнении заданий (если судить по количеству баллов), но неуспешность каждого типа качественно отлична, и это-то и позволило нам выделить типы. Два типа (3-й и 4-й) из группы среднеуспешных близки к «руководителю», поскольку в процессе работы над тестом пытались делегировать часть полномочий другим людям и поручать им выполнение дел, однако общая слабость планирования (по баллам близкая к минимальной) не позволила им справиться с заданиями теста. Один тип (5-й) — похож на «индивидуала», поскольку его представители, как и близкие им индивидуалисты из группы успешных, попробовали сами исключительно самостоятельно выполнить весь объем работ; они ни разу не сделали попытки поручить или перепоручить часть дел своим подчиненным, друзьям или родственникам (имеющимся у них по условиям заданий теста).

Третий тип — прожектеры (10%). Мы затруднились в определении этого типа из-за его крайне противоречивых психологических характеристик. В конце концов остановились на названии «прожектеры» (поскольку представителям этого типа свойственно придумывать несбыточные планы), однако в первоначальном варианте мы называли их «ответственными исполнителями типа секретарши» (из-за высокого развития у них личностной перспективы и всего комплекса целеволевых исполнительских функций). Вероятно, противоречие личностных качеств предоставляет этому типу два выбора, два варианта жизненного пути: в первом они будут пытаться воплотить в жизнь собственные планы, что заранее обречено на неудачу; во втором — планы других людей (руководителей), в чем они могут преуспеть, благодаря хорошо развитой личностной перспективе и высокому уровню целеволевых качеств.

Представители этого типа хуже всех выполнили задания Организационного теста, обнаружив достоверно самый низкий уровень как способностей к деловому мышлению (гибкости, нестандартности и системности мышления — по 3—4 балла), так и способностей к планированию вообще (1,1 балла). Зато уровень развития руководящих качеств был вполне высок (второе место после «руководителей») и равен 4,1 балла, т. е. представители этого типа не испытывают никаких сложностей в отдаче приказаний другим людям, более того, представители этого типа необоснованно часто прибегают к делегированию полномочий, порой в ситуации,

когда дело было бы проще и легче выполнить самому и одному. Например, при необходимости включить в план работ на день «навещать больную жену» (одно из заданий теста) они предпочитают отправиться в больницу с кем-то еще (с другом, с ребенком, с коллегой) и предварительно планируют встречу с этим Другим, на что тратят дефицитное время.

Во фрустрирующих ситуациях испытуемые этого типа ориентированы строго на самих себя, они демонстрируют инпунтивную реакцию (направленную на себя) и сосредотачиваются на самозащите (или самообвинениях) вместо достижения цели. Короче говоря, в ситуации стресса представители этого типа предпочитают думать о том, как им избежать ответственности.

Внутренняя организация личностного времени у этого типа отличается большим своеобразием, что и вызвало у нас колебания в обозначении этой группы. Прежде всего обращает на себя внимание высокий уровень развития личностной перспективы. Все характеристики линии будущего говорят о целеволевых качествах этих людей, их настойчивости, их сосредоточенности на достижении цели; линия будущего у них высокоструктурирована, образы будущего сцеплены между собой. Эти показатели достоверно выше, чем у представителей всех других типов, т. е. они самые настойчивые, самые последовательные, более других мотивированы на воплощение будущих планов. Их линия будущего — сходящаяся, более того, самая сходящаяся из линий всех типов. Это значит, что они предпочитают однонаправленный способ планирования (чтобы не расплыться), т. е. составляют только один — генеральный — план на будущее и в дальнейшем воплощают именно его, не признавая никаких отклонений (которые, возможно, фрустрируют их).

Разумеется, отказ от альтернатив и жесткое планирование говорят о развитии у них конвергентного мышления и нетворческом осуществлении жизненного пути. Но высочайший (из всей выборки) уровень целеволевых качеств мог бы это компенсировать, если бы соответствующее развитие у них получила бы и когнитивная перспектива. Однако, как показал Организационный тест, их когнитивные способности в условиях управленческой деятельности оставляют желать лучшего, поскольку многие задания Организационного теста представляли собой чисто интеллектуальные задачи, похожие на те, что используются в тесте на интеллект. В рамках их внутреннего времени также наблюдается слабое развитие когнитивной перспективы, но не в виде отсутствия планов, а, скорее, в виде наличия громадного количества (высокий уровень показателя «легкость представления образов будущего») нереалистичных, непродуманных планов. С одной стороны, тщательному планированию мешает слабое развитие общих когнитивных функций. С другой — образы их будущего — не объективированы, т. е. представляются в пространстве субъективно внутреннем («внутри головы»), а не внешнем. Вообще в психологии принято определять свойство объективации образа как необходимое, чтобы образ мог служить регулятором действий или эталоном активности: «чтобы модель была воплощена в практику, проект реализован или перцептивная гипотеза проверена, образ должен быть объективирован, т. е. находится там, где находится реальность, оригинал» [104, с. 202]. И в наших предыдущих исследованиях было показано, что испытуемые с необъективированными образами отличаются «громадью» нереалистичных планов («хочу стать шпионом», «считаю себя королевой») [28]. Так что именно необъективированность образов будущего послужила определяющим показателем для обозначения типа — «прожекторы».

Что же касается управленческой функции представителей этого типа, то противоречие основных характеристик (высокие целеволевые качества при нереалистичности планов, стремление занять руководящее положение при неумении спланировать деятельность и т. д.) не позволяет сделать однозначных выводов об их дальнейшей судьбе. Многое будет зависеть от жизненной

перспективы, т. е. тех жизненных обстоятельств (начальный капитал, связи и пр.), которые не зависят от результатов наших тестов. Один из наиболее адекватных вариантов самовыражения для представителей этого типа — место ответственного исполнителя (заместителя, снабженца, секретаря), человека, который выполняет чужие планы, передавая распоряжения вышестоящего начальника. Однако если представитель этого типа научится искусству планирования и разовьет в себе когнитивные качества, то с его целеустремленностью он может продвинуться достаточно далеко. Опять же в некоторых направлениях бизнеса слабые качества этого типа (нетворческий характер планирования, отсутствие гибкости мышления, неразвитая рефлексия и низкая самокритичность) могут даже обернуться сильными сторонами при хорошей настойчивости и силе воли. Но все-таки невысокий интеллект, наверное, поставит свои ограничения хотя бы потому, что, по данным западных психологов, способность к управленческой деятельности растет вместе с IQ [9].

Четвертый тип — пассивные (24%). Средние показатели делового мышления (3,8-4,6 балла), средние показатели способности к управлению групп (3,3 балла). Способность к планированию несколько выше, чем у предыдущего типа, но много меньше, чем у успешной группы (1,8 балла). По количеству верно решенных заданий представители этой группы незначительно отличаются от предыдущей (чуть-чуть успешнее), но по качеству интрапсихических мыслительных процессов, лежащих в основании их внешней активности, — это крайние противоположности.

По реакции во фрустрирующих ситуациях этот тип похож на «руководителей»: также преобладает эмпативная реакция, направленная преимущественно на внешнее окружение — объективный мир и Других людей, но в отличие от них у этого типа не выражена фиксация на самозащите, зато преобладает фиксация на препятствии. Иными словами, в опасной ситуации представители этого типа заикливаются на опасности, замечают и обращают внимание только на тревожные сигналы и часто переоценивают ее. Обращает на себя внимание и самый низкий из всей выборки (достоверный в ряде случаев) уровень интуитивных реакций, направленных на самого себя, т. е. представители этого типа при фрустрирующих обстоятельствах не склонны выдвигать себя в качестве активных субъектов ситуации: брать ответственность или вину, искать способы разрешения и т. д. Ответственность за случившееся должен взять на себя внешний мир, ему принадлежит право исправить положение. Такое их качество и предопределило название типа — «пассивные».

Пассивность проявляется и в структуре внутреннего времени, главным образом в слабом уровне развития личностной перспективы. Один из показателей линии будущего, характеризующий мотивационный и целеволевой компонент перспективы — «наличие сцепления между образами», — очень низок, достоверно ниже, чем у предыдущего типа. Когнитивная перспектива достаточно развита, образы будущего самые объективированные из всей выборки, и генерируются эти образы достаточно легко. Практически одинаковое развитие получают и однонаправленный, и прогнозирующий способ планирования будущего, т. е. у студентов этого типа конвергентное мышление сменяется дивергентным, и наоборот. Можно сказать так, представители этого типа вполне способны составить разумные, реалистичные планы относительно своей жизни; планирование и фантазирование не доставляет им особых трудностей. Сложности возникают в связи с необходимостью воплощения планов, вот тут-то пассивность (лень) представителей этого типа и дает о себе знать. Возможно, им просто не хочется воплощать придуманные ими же самими планы.

Снижение чувства собственной субъектности проявляется и во внутренней речи этих испытуемых. У них самая низкая частота употребления местоимения «Я» во

внутренней речи (достоверно ниже, чем у 2-го и 5-го типов). А люди, не склонные в мыслях говорить «Я», стараются не говорить «Я» и во внешней речи, например, когда распределяется работа или когда нужно взять на себя ответственность. С другой стороны, «Я-концепция» здесь достаточно сложна, поскольку в своей внутренней речи они иногда обращаются к себе на Ты, что подразумевает внутренний диалог, спор с самим собой и даже самокритику. Во внутреннем мире представителей этого типа существует, хотя и редко, диалог с другими людьми (мысленное обращение к Другими на Ты). Интеграция с Другими в Мы возможна, но также не часто. Гораздо чаще во внутреннем мире представителей этого типа Другие интегрируются между собой в Они, и эти Они могут противостоять их личному «Я» (которого и без того «мало»).

Испытуемые пассивного типа вряд ли займут высокие руководящие должности, причиной этому будет не столько отсутствие способностей, сколько все та же пассивность, нежелание брать на себя инициативу и ответственность, преувеличение опасности во внешнем мире. Низкий уровень внутренней мотивации может быть скомпенсирован извне — мотивацией близкого человека, который возьмет на себя роль «кнута». В этом случае возможны определенные успехи, в том числе и в области административного руководства, поскольку некоторые способности к руководству здесь имеются.

Пятый тип — пессимисты (10%). Похожи на индивидуалов тем, что совершенно не пытались руководить группой, делегировать полномочия, распорядиться. По организационному тесту у них способность к руководству группой минимально возможная — 1 балл, но показатели делового мышления лучшие из этой группы (справившиеся с заданиями частично); все показатели выше 4 баллов (4-4,6 балла). Как и у индивидуалов, у них высокая нестандартность мышления, разумеется, для своей группы (4,6 балла). Достаточно хорошо по сравнению с двумя последними типами развита также общая способность к планированию деятельности (3 балла).

Во фрустрирующих ситуациях, как и у индивидуалов, у них преобладает интуитивная (направленная на себя) реакция; выше среднего фиксация на препятствии. Достоверно ниже, чем у других типов, у них уровень импутивных реакций (несубъектных, например, предполагающих, что «все само устроится», что «ничего страшного не происходит»), т. е. представители этого типа не ожидают, что фрустрирующая ситуация разрядится сама собой по прошествии времени. Уже это может быть косвенным свидетельством пессимизма, поскольку в социальной психологии считается, что обычно людям свойственно надеяться на лучшее — нереалистичный оптимизм. А отсутствие такого оптимизма (бессознательной надежды на лучшее) часто является спутником легкой депрессии — «печальный, но мудрый» [81].

Отвержение будущего (возможно, страх перед будущим) особенно ярко проявляется на уровне внутренней организации личностного времени — бессознательных ожиданий относительно собственного будущего. Отвержение будущего начинается уже с того, что представителям этого типа было трудно представлять картины будущего (показатель «легкость представления образов будущего» у них самый низкий по выборке), обычно это бывает, когда людям по какой-то причине не хочется представлять образы будущего. А причина чаще всего одна — ничего хорошего от будущего они не ждут. Далее, у представителей этого типа (единственного из всех) линия будущего — нисходящая, они неосознанно ожидают в будущем социального понижения, что тоже не способствует оптимизму. Наконец, их линия будущего сходящаяся. С одной стороны, это говорит о нетворческом планировании, отсутствии альтернатив в планах на будущее, с другой, что им трудно будет отойти от своих собственных пессимистических настроений (которые, овладев человеком, обладают способностью самовоплощаться).

Единственное, что в данном случае успокаивает, что личностная перспектива у этого типа не очень выражена (сцепление между образами ниже среднего), а значит, они не очень мотивированы на воплощение своего (не лучшего из возможных) жизненного плана и не будут целенаправленно и активно пытаться воплотить его в жизнь.

На уровне внутренней речи у них частота употребления местоимения «Я» самая высокая из всех типов. Вероятно, это связано с отсутствием у представителей этого типа способностей руководить группой и объясняется значительной концентрацией на своей собственной персоне. Остальные показатели средние.

Исходя из полученных данных, можно предположить, что пессимисты решили обучаться по специальности «менеджмент» не потому, что почувствовали в себе призвание к руководящей работе или обнаружили какие-то организаторские способности. Они пошли учиться не «для того, чтобы» (стать руководителем, добиться успеха в жизни, разбогатеть и т. п.), а «из-за того, что»; из-за того, что в их настоящем все плохо (нет работы, нет дохода, прежняя специальность никому не нужна) и выхода из этого они не видят, а учеба для них — прежде всего способ отложить принятие решений (где найти новую работу или как заработать деньги).

По общим результатам этого исследования можно сделать следующие выводы.

1. Взаимосвязь между Миром Внешним (организационная и управленческая деятельность) и Миром Внутренним (особенностями организации личностного времени и социального пространства), безусловно, существует. И полученные в нашем исследовании положительные корреляции лучшее тому подтверждение.

2. Успешность организационной деятельности связана с развитием «Я-концепции» человека и формированием у него отношения к себе как к субъекту — носителю активности и творцу собственной жизни. Это сопровождается появлением во внутренней речи обращения к себе на Ты, Имен других людей и использованием местоимения Мы, облегчающего интеграцию своего «Я» с другими «Я» в коллективный субъект.

3. Успешные управленческие стратегии часто обеспечиваются близкими психологическими механизмами. Выделенные в нашем исследовании две организационные стратегии: индивидуальная и социально-психологическая, предполагают развитие у испытуемого прогнозирующего способа планирования времени, представления объективированных образов и хорошего развития «Я-концепции».

4. Однако эта связь (внешнее—внутреннее) не является однозначно линейной. Численные значения коэффициентов корреляции невелики (0,3-0,4 по Спирмену); это подразумевает, что, кроме обнаруженных нами взаимосвязей внешнего и внутреннего, существуют и другие причины, влияющие на показатель и объясняющие значительную часть успеха управленческой деятельности.

5. Всех будущих управленцев, принявших участие в нашем исследовании, можно разделить на пять типов. Два первых успешно справились с заданием, при этом первый тип использовал индивидуальную стратегию (индивидуалы), а второй — социально-психологическую (руководители). Три последних типа не смогли справиться со всеми заданиями Организационного теста и выполнили только часть работы. При этом третий (прожектеры) и четвертый (пассивные) типы пытались использовать социально-психологическую стратегию и руководить другими людьми. Для успешности третьему типу не хватало развития когнитивной перспективы, а четвертому — личностной. Пятый тип (пессимисты) использовал индивидуальную стратегию; его ожидания относительно будущего пессимистичны, что мешает ему добиться жизненного успеха.

Глава 3

СООТНОШЕНИЕ ОСОЗНАВАЕМЫХ И НЕОСОЗНАВАЕМЫХ МЕХАНИЗМОВ В ЛИЧНОСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ

1. ЛИЧНОСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ НА ЯЗЫКЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОБРАЗНЫХ ГЕШТАЛЬТОВ

Каждый человек живет во времени, и время его жизни не исчезает бесследно, а вовлекается в глубины субъективной психической реальности, формируя внутренний мир, который закономерно включает в себя представления о прошлом, о настоящем и будущем личности. Прошлое существует в нашей памяти (прожитых годах и событиях, их заполнявших; в воспоминаниях: радостных и печальных) и в структурах нашей личности, в характере, складывавшемся в те далекие годы, когда прошлое было настоящим. Прошлое никуда не исчезает, оно продолжает существовать в нас самих, и каждый раз, когда мы принимаем какое-то решение, мы сознательно или бессознательно опираемся на прошлый опыт (когда-то мы так поступили, и у нас все получилось). Незнакомые люди нам нравятся или не нравятся в зависимости от того, на кого из наших давних знакомых они похожи, или от того, чьи поступки из нашего прошлого напоминают нам их поступки. Наконец, сегодня мы знаем о мире только то, что узнали в прошлом.

Будущее неизвестно, но люди не могут не думать о нем, а думая, не воссоздавать его в планах, мечтах, страхах, надеждах. Поэтому-то будущее также существует, существует в образах нашего внутреннего мира. Во внутренней психической реальности одновременно существуют несколько различных вариантов будущего, некоторые из которых закономерно осуществляются, а другие останутся в виртуальной форме. Но присутствие в нашей психике всех этих вариантов, равно как и прожитых лет, предопределяет наше настоящее — наши решения и поступки. Когда мы поступаем не так, как нам подсказывает прошлый опыт, мы делаем это потому, что хотим достигнуть какой-то цели в будущем. Например, волнующие образы грядущей счастливой жизни заставляют нас переносить текущие трудности и методично работать над воплощением этого варианта будущего в жизнь. Бывает и наоборот, слишком навязчивые образы мрачного будущего (страхи) сковывают нашу энергию и волю и постепенно подавляют нас и в настоящем [41].

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЛИЧНОСТИ

Поэтому так и хочется порой «заглянуть внутрь» психической реальности и «увидеть», что же там «находится», чтобы понять человека с его сегодняшними проблемами и помочь ему. Исследованию жизненного пути посвящено много работ [76, 66]. Однако «чужая душа — потемки», а психологи лишены возможности непосредственно наблюдать структуру психики другого человека [54, с. 49], поэтому приходится вновь и вновь обращаться к интроспекции, что мы и сделали в настоящем исследовании. Чтобы преодолеть основные недостатки классической интроспекции: крайний субъективизм испытуемых в оценке своего опыта и невозможность сравнивать данные, полученные двумя разными людьми, — мы применили новую систему получения и анализа образного материала, опирающуюся на адаптированную к задачам исследования стратегию НЛП.

Первым принципиальным моментом в нашей работе был подход к образу как к изображению (по Л. М. Веккеру и Б. Ф. Ломову [35]). Представление образа в виде изображения позволило нам сформулировать второй важный принцип нашего исследования. Мы решили отказаться от анализа содержания сознания, заключенного во внутреннем образе, потому что именно содержание наиболее

субъективно и изменчиво, а провели анализ формальных характеристик образа, выделяемых методологией НЛП: особенностей его формы, величины, места расположения в пространстве воображения (по Р. Бендлеру и Д. Гриндеру [12, 20]).

В основу работы положена известная техника временных линий нейролингвистического программирования (С. и К. Андреасы) [12]. Данная техника творчески переработана под углом зрения личностной организации времени и апробирована на российской выборке.

Временная линия — это последовательность образов (мысленных картин), в которых индивидуум представляет события своего прошлого, настоящего и возможного будущего. Обычно мы предлагали респондентам представить четыре образа прошлого: 20-летней, 10-летней, 5-летней и годичной давности; один образ, относящийся к настоящему времени; и пять образов будущего: через 1 год, через 5 лет, через 10 лет, через 20 лет и через 50 лет.

Иногда предлагалось представить дополнительный образ «через 100 лет». Всего 10—11 образов.

Для стандартизации представлений всем испытуемым предлагается воображать в картинах одно и то же максимально общее событие, например, «как они умываются», «как чистят зубы» или «как принимают пищу» и т. п. Если испытуемый утверждал, что он «не умеет представлять образы» (безобразный тип мышления), то ему предлагалось представлять мнимые картинки.

Образно представляя эти события, испытуемый как-то их располагает в пространстве своего воображения. Одни образы ему представляются ближе, больше, ярче; другие — дальше, меньше, туманнее. Далее испытуемый сообщает интересующие экспериментатора характеристики своих образов.

В результате мы получали информацию о следующих формальных особенностях мысленных образов прошлого, настоящего и будущего у каждого испытуемого.

— Субъективное местоположение образа в пространстве воображения: где именно человек представляет ту или иную картину своей жизни относительно самого себя — впереди, позади или вокруг себя, справа или слева от себя, выше или ниже.

Выделялись: восходящая линия будущего (образы будущего последовательно поднимаются вверх), горизонтальная (образы будущего на одной прямой) и нисходящая (образы будущего опускаются вниз).

— Субъективное расстояние до образа: как далеко от себя испытуемый представляет ту или иную картину своей жизни. Обычно оценивалось относительное расстояние — ближе или дальше от испытуемого представляется последующий образ относительно предыдущего.

— Субъективный размер образа: насколько большими или маленькими представляются испытуемому эти картины. Оценивался также относительный размер — большим или меньшим представляет испытуемый последующий образ относительно предыдущего.

Выделялись: расходящаяся линия будущего (образы будущего последовательно увеличиваются) и сходящаяся (образы будущего последовательно уменьшаются).

— Цвет, яркость и четкость каждого образа.

— Представление себя в образе: диссоциированное или ассоциированное. Если испытуемый на задание экспериментатора «представить, как вы гуляете по улице 5 лет назад» представлял изображение самого себя, гуляющего по улице, — это диссоциированный образ. Если же он представлял окружающую обстановку, улицу, то это — ассоциированный образ.

— Объективированность образа: показатель описан Л. М. Веккером и Б. Ф. Ломовым. Он характеризует расположение образов во внешнем по отношению к себе пространстве (образ объективирован) или во внутреннем, «внутри головы»

(образ необъективирован).

Кроме этого у линии прошлого и будущего анализировались еще два параметра:

— Структурированность линии — закономерное представление образов во внутреннем пространстве. Структурированная линия представляет собой функцию от времени, образы располагаются во внутреннем пространстве максимально упорядоченно, каждая последующая картина появляется непосредственно после предыдущей, образуя линию. Обычно эта линия близка к прямой, но иногда может быть и более сложной формы. Неструктурированной считалась такая линия, в которой внутренние образы располагались во внутреннем пространстве психики беспорядочно. Иногда их место зависело от реального положения предмета, например, испытуемый представлял свою ванную комнату слева от себя, потому что она и на самом деле была в левой части квартиры.

Отдельно анализировались: «разрывы», «перегибы» в ровной последовательности образов и «особо выделяющиеся образы» (самые большие или самые маленькие). С их помощью на основе свободных ассоциаций давалась психологическая интерпретация событий.

— Сцепление между образами: характерно для структурированных линий. После того как испытуемый представил ряд своих временных образов в пространстве воображения, испытуемому предлагалось «мысленно передвинуть крайний образ». При этом у части испытуемых остальные образы оставались неподвижными (отсутствие мысленного сцепления), а у других самопроизвольно перемещались вслед за первым (наличие сцепления). Если сцепление наличествует, то не имеет значения, какой именно образ двигать — все равно смещается вся линия.

В наших экспериментах принимало участие 111 человек, мужчин и женщин в возрасте от 25 до 35 лет, у которых организация времени исследовалась описанной выше оригинальной методикой. Часть испытуемых имела среднее образование и на момент обследования обучалась на курсах; другая часть имела высшее образование и обучалась в аспирантуре.

Таким образом, мы получили возможность «заглянуть во внутренний мир» человека и по множествам характеристик образов увидеть, как он организует время своей жизни во внутреннем плане. Но что же означает каждый из выделенных нами параметров?

В концепции личностной организации времени, развиваемой школой К. А. Абульхановой-Славской, для анализа способов организации жизни предложена совокупность трех понятий, трех пространственно-временных ценностно-смысловых образований: «жизненная позиция», «жизненная линия», «жизненная перспектива». Жизненная позиция есть результирующая достижений личности, она как бы аккумулирует ее прошлый опыт и одновременно является потенциалом ее будущего. Траектория жизненного движения личности определяется как «жизненная линия», которая, соответственно, имеет восходящий или нисходящий, прерывистый или непрерывный характер (с точки зрения самовыражения, самореализации личности). И наконец, К. А. Абульхановой предложена оригинальная классификация перспектив: психологические, личностные и собственно жизненные [7].

Первые есть собственно когнитивная (сознательная) способность личности предвидеть будущее, прогнозировать его, структурировать и видеть себя в будущем. Однако когнитивная перспектива не содержит в себе готовности реализовать прогнозируемое будущее. Личностный потенциал, содержащий мотивационное устремление в будущее, связан с другой перспективой — личностной, т. е. реальной личностной возможностью реализовать намеченные планы. Третья перспектива — жизненная — создается предшествующей жизнью и выражается в жизненной позиции личности. Жизненная позиция может быть тупиковой и закрывать личности всякую возможность продвижения в будущее, несмотря на наличие хорошо

продуманных планов и огромного мотивационного желания их осуществить. В других случаях жизненная позиция, наоборот, может открыть перед личностью новый уровень возможностей, которые остается только реализовывать.

В нейролингвистическом программировании методика исследования временной организации (положенная нами в основу нашей модели) носит название «временная линия». Даже по названию термин близок к понятию «жизненная линия». Будучи построенной в пространстве—времени носителя в виде последовательности образов, временная линия и в действительности представляет собой «траекторию жизненного движения личности». Такое совпадение представлений, полученных в двух совершенно не связанных направлениях психологической науки, является очень интересным и доказательным.

ЖИЗНЕННАЯ ЛИНИЯ

Итак, как пишет К. А. Абульханова, жизненная линия «имеет восходящий или нисходящий характер, прерывистый или непрерывный». Что такое прерывистый или непрерывный характер жизненной линии и как он может проявляться в нашей модели? Как мы отмечали в предыдущих работах [28,30], на линии прошлого у человека отражаются события его жизненного пути — наиболее тяжелые физические и психологические травмы (клиническая смерть, попытка суицида и т. п.) разрывают линию прошлого, таким образом, выражая прекращение жизненного движения личности в данном году, появление нового движения личности или, возможно, по истечении времени движения изменившейся личности. Это, если так можно сказать, насильственное прерывание жизненной линии. Парадоксальным образом личность подвергается насилию со стороны жизни, причем имеется в виду жизнь, заполненная какими-то событиями. Разрыв в этом случае всегда инициируется какими-то событиями в жизни человека.

Согласно проведенному нами исследованию [30], в образах линии прошлого — ретроспективы — нашли свое отражение следующие особенности жизненного пути личности:

— События, представляющие угрозу для жизни индивидуума: попытки самоубийства, клиническая смерть, тяжелые физические травмы. Обычно события такого рода приводили к разрыву ретроспективы.

Испытуемый А., 36 лет. Образы 30-, 20- и 10-летней давности находятся слева от него, образуя прямую. Образы 5 и 1-летней давности находятся далеко впереди от него, также на одной прямой. С помощью построения дополнительных образов выяснилось, что критическая точка, точка разрыва — возраст 30 лет. Оценка субъективной валидности данных, полученных с помощью нашей методики: испытуемый довольно давно решил, что жить стоит только до 30 лет, в 30 лет предполагал уйти из жизни, предпринял даже слабую попытку суицида. (На момент обследования, естественно, был жив.)

— Потери родных и близких, психологические травмы. События такого рода часто сопровождалось появлением темных, неподвижных, маленьких, нечетких картин, соответствующих возрасту происшествия, часто такие образы располагались ниже соседних. Если событие оказывало влияние на последующую жизнь, мог наблюдаться перегиб линии.

Испытуемая Б., 32 года. Образы 30-, 27-, 25-летней давности постепенно увеличиваются в размерах и расположены, далеко слева. Образ, относящийся к восьмилетнему возрасту, — неожиданно маленький, темный и располагается внизу слева. Последующие образы тоже относительно маленькие, постепенно поднимаются и выходят на прежний уровень только к 15-18-летнему возрасту. Оценка субъективной валидности: в 8 лет у испытуемой была глубокая психологическая травма, связанная с насилием по отношению к ней других людей,

последствия которой, по ее словам, она ощущала все школьные годы.

— Вытеснение неприятных и тяжелых переживаний. Визуализация образов, соответствующих времени вытесняемого переживания затруднена. Испытуемые утверждают, что они «ничего не могут вспомнить», «ничего не могут придумать», при попытках сделать это они испытывают неприятные эмоции. Если же образы в конце концов и представляются, то они очень нечеткие, и на их визуализацию потребовалось значительно больше времени, чем на остальные.

Испытуемая В., 28 лет. Достаточно легко представляла образы 20- и 10-летней давности. Образ 5-летней давности не появился, появилось какое-то тяжелое чувство. Вслух испытуемая пожаловалась на то, что она вообще плохо помнит события того времени. Переживание было обусловлено трудными первыми родами. Вытеснение психологического материала, вероятно, было связано с тем, что ребенка очень ждали и хотели. Вероятно, испытуемой было неприятно связывать долгожданного малыша с болезненными переживаниями.

— Этапы жизненного пути. Этапные жизненные события (переезды, изменения статуса) обычно приводили к перегибу линии в точке соответствующего возраста. Это не сопровождалось ни ухудшением образов, ни тяжелыми чувствами.

Испытуемый Г., 30 лет. В его линии прошлого 2 отчетливых перегиба, попадающих на период 5-7 лет и 12-15 лет. Первый перегиб испытуемый связал с тем, что «в этом возрасте я научился читать», а второй— «я написал свое первое стихотворение и понял свое призвание».

Следует учесть, что предлагаемая классификация в достаточной мере условна. У некоторых людей даже самые тяжелые переживания не могут поколебать их жизненной линии и выражаются разве что едва заметным уменьшением образа. У других людей и небольшая психологическая травма может разорвать линию, если они придают ей большое значение.

В наших исследованиях [30] было выявлено два уровня организации личностью своего времени: сознательный — ориентированный на существующие в обществе социальные нормы и представления, и неосознаваемый — более глубинного, экзистенциального характера. Вероятно, жизненная линия интегрирует особенности как неосознаваемого, так и сознательного уровня организации жизни и жизненного пути личности. Для оценки сознательного пласта мы просили испытуемых дать характеристику своему уже пройденному жизненному пути, разделить его на этапы и отметить самые важные в их жизни события. Разделяя свою жизнь на этапы, испытуемые преимущественно ориентировались на обыденные представления (а именно на существующее в обществе представление о том, что жизнь складывается из детства, отрочества, юности и зрелого возраста). При этом начало и конец каждого этапа большинство испытуемых соотносили со временем своего приобщения к определенному социальному институту или событию (поступление в школу, окончание школы, поступление в вуз, окончание вуза, начало трудовой деятельности, армия, реже вступление в брак и рождение ребенка).

Однако, как это видно из приводимых выше примеров, на более глубоком личностном уровне, на уровне существования пространственно-временных образных гештальтов получили свое отражение совсем другие события жизненного пути человека, прежде всего жизненно важные как для самого человека, так и для выживания всего рода человеческого. На временной линии отразились события, представляющие собой угрозу для жизни индивидуума; сильные эмоциональные потрясения, психологические и физические травмы [30].

Интересно, что в качестве значимых (или этапных) событий рождение ребенка называли и мужчины, и женщины, но только у женщин оно отражалось на уровне образных представлений, приводя к перегибу временной линии или изменению образов. Довольно часто критические точки временных линий приходились на время

переездов испытуемого из города в город. Вероятно, в детском, подростковом и юношеском возрасте переезд воспринимается как ломка всей прежней жизни и начало новой. Что же касается социально значимых событий (основываясь на которых, человек сознательно организует свою жизнь), то они получили удивительно незначительное отражение на временной линии. При этом те из них, которые все-таки приводили к перегибу линии, чаще всего сопровождались каким-либо другим событием (тем же переездом).

Другой интересный полученный факт — то, что на уровне образных гешталтов у некоторых испытуемых запечатлелись события их внутренней жизни, связанные с личностным ростом. Это такие события, как «осознание смысла собственной жизни», «просветление», «написание первого стихотворения» и т. д. Это означает, что внутренняя жизнь человека может быть настолько напряженной, что сравнима по силе воздействия на подсознание с факторами, влияние которых закреплено на биологическом уровне продолжения рода, сохранения жизни).

События прошлого формируют внутренний мир человека, изменяя пространственно-временные характеристики образов-представлений о том или ином этапе своей жизни. Еще раз подчеркнем, что изменяются именно формальные характеристики образов, имеющих отношение к данному жизненному периоду, поскольку содержание каждого образа было максимально нейтральным и не имеющим никакого отношения к происходящим в это время событиям (картина того, «как испытуемый умывался в это время»). Следовательно, происходящее в это время с испытуемым отразилось на каком-то очень глубоком уровне организации психики, приводя к изменению всего образного слоя, относящегося к этому возрасту. Например, все (любые) образы, относящиеся к году тяжелой болезни, представляются испытуемому черно-белыми, хотя образы Других лет жизни — цветными.

Другие виды разрывов во временной линии не связаны с какими-то событиями в жизни человека и отражают тенденции личности разрывать траекторию своего развития в данной точке. Главным образом, это касается разрывов между прошлым и настоящим, настоящим и будущим. Временная линия, действительно, может образовывать трансспективу, понимаемую В. И. Ковалевым как некое временное образование, соединяющее в настоящем перспективу (будущее) и ретроспективу (прошлое) и дающее возможность «сквозного видения» и сквозного движения по образам в любом направлении, как из прошлого в будущее, так и из будущего в прошлое [65]. Ярким примером сквозной временной линии может быть следующая модель.

Испытуемый П. Линия прошлого составлена из образов, которые находятся в нижней половине пространства воображения (картины, прошлого с течением времени приближаются к испытуемому, постепенно поднимаясь, но никогда не доходят до средней линии); настоящее он видит перед собой в виде небольшой картины, а линия будущего удаляется вверх. Все образы находятся на одной прямой и представляют собой функцию от времени. Испытуемый легко визуализирует образы, как прошлого, так и настоящего и будущего.

Наше эмпирическое исследование позволяет следующим образом уточнить теоретическое понятие трансспективы, введенное В. И. Ковалевым: он был прав, утверждая возможность связи прошлого, настоящего и будущего в категории «видения», т. е. в категории, связанной с образной сферой. Однако не подтвердилось его убеждение в универсальном характере трансспективы как непрерывной связи (линии) прошлого, настоящего и будущего у всех людей — это лишь одна модель подобного способа связи наряду с существованием иных.

В других случаях временная линия прерывистая. Примером прерывистой жизненной линии может быть следующая модель.

Испытуемый Р. Линия прошлого удаляющаяся (образ «-20 лет» находится возле испытуемого, «-10» отступает дальше влево и т. д., картина событий, приходящихся на прошлый год, находится «далеко влево»), образ настоящего окружает испытуемого со всех сторон, а линия будущего приближается справа (образы, близкого будущего находятся «далеко вправо» и с возрастанием времени постепенно приближаются). Эта линия разорвана в двух местах: прошлое никак не связано с настоящим, а настоящее с будущим. Каждое время существует в психике испытуемого как бы. Само по себе, без всякой связи с остальными. Мы не исследовали этот феномен детальнее, но можно предварительно предположить, что подобная жизненная траектория может свидетельствовать о каких-то личностных особенностях индивидуума.

Другая характеристика жизненной линии, по К. А. Абульхановой, это ее нисходящий или восходящий характер, что в теоретическом ключе могло показаться скорее метафорой. Как показали исследования [140, 141, 151], в целом пространство воображения личности не однородно: одни его области являются более значимыми, более важными, они «бронируются» для наиболее «ценных» образов; другие области, наоборот, говорят о незначительности отраженных в образе событий. Но наиболее ярко ценностная асимметрия, действительно, проявляется на оси «вниз—вверх». Пространство «внизу» обычно представляется менее важным, личность «помещает» там картины второстепенных событий, образы мало значимых людей. Пространство «вверху», наоборот, привлекает повышенное внимание, сюда личность относит образы значимых людей и событий. Возможно, нисходящий или восходящий характер жизненной линии непосредственно отражается на временной линии. Линия, направленная вниз, носит нисходящий характер, линия, направленная вверх, носит восходящий характер. Хотя, скорее всего, это не единственный способ выражения характера жизненной линии.

Таким образом, временная линия превращается в личностный вектор, наиболее ярко проявляющийся на линии будущего. Восходящий характер вектора будущего, как было показано в нашем исследовании, говорит о самоактуализирующейся личности (в терминах А. Маслоу), о гармоничном сочетании творческих и целеволевых качеств, с одной стороны, личностных тенденций и запросов общества — с другой. Человек с восходящим вектором будущего обладает творческими и интеллектуальными способностями, уверенностью в себе и своих силах, хорошей приспособленностью к обществу, общественным нормам и требованиям, самообладанием и высокой самооценкой.

К. А. Абульханова также связывает существование жизненной линии с самореализацией личности, ее саморазвитием. Однако понятие саморазвитие шире, чем понимаемая по А. Маслоу самоактуализация. Именно поэтому восходящий характер жизненной линии может выражаться на временной линии и другим способом, нежели направлением личностного вектора.

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Перспектива — одно из важных понятий в личностной организации времени. Как мы уже отмечали, в рамках концепции личностной организации времени существует не одна перспектива, а несколько. При этом две перспективы: когнитивная и личностная, получают свое отражение на нашей модели. Что же касается жизненной перспективы, то, согласно основным положениям теории, она связана с жизненной позицией. Как нам кажется, обе они больше связаны с сознательным уровнем организации психического, и поэтому в меньшей степени проявляются в языке пространственно-временных образных гешталтов.

По определению, когнитивная перспектива отражает способность личности предвидеть будущее, прогнозировать и структурировать его. В наших исследованиях

способность к прогнозированию и планированию будущего проявлялась уже в момент построения временной линии. Некоторые испытуемые легко представляли картины будущего, и картины эти обладали четкостью и яркостью. Другие испытуемые затруднялись в представлении образов будущего (имеются в виду случаи, когда человек испытывает сложности в визуализации практически всех образов будущего, а не какого-нибудь одного, ибо последнее может быть связано с планированием неприятного события). Образы будущего появлялись у испытуемого с большим трудом, часто спустя некоторое время, и были нечеткими, мутными, туманными.

Испытуемый И; 23 года. Отказывается представлять образы будущего, мотивируя это тем, что «поскольку я не знаю детально, что там будет, как я могу это представить в образе». При повторной просьбе экспериментатора («мол, что бы ни случилось, умываться-то ты. все равно будешь») с большим трудом и спустя значительное время вообразил несколько нечетких картин. Еще некоторое время спустя он отметил, что «от опыта остался очень неприятный осадок».

На момент обследования испытуемый находился на перепутье жизненного пути, он закончил вуз по не актуальной и теперь не интересной даже ему специальности и уже некоторое время находился без работы и без средств к существованию, что привело к развитию пессимизма.

Представление образов будущего характеризует когнитивную перспективу. Чем быстрее появляются образы будущего, чем они субъективно «более четкие и яркие», тем лучше разработана у данного испытуемого когнитивная перспектива. Чаще всего хорошая визуализация образов вела к структурированности линии будущего. Поэтому показатель «структурированность линии будущего» также связан с существованием когнитивной перспективы, но в меньшей мере, чем предыдущий.

Испытуемый О., 23 года. Образы прошлого приближаются слева, настоящее видит перед собой, будущее представлено яркими большими картинами, постепенно поднимающимися вверх. Методика вызвала у испытуемого интерес, по завершении эксперимента он выразил настойчивое желание рассказать экспериментатору содержание своих видений. Этот испытуемый также закончил вуз. Но какая разница между двумя этими выпускниками! Незадолго до эксперимента испытуемый О. участвовал в конкурсе, получил стипендию и поступил в аспирантуру в Америке, куда и собирался поехать через некоторое время.

Мотивационный компонент представлений о будущем (личностная перспектива) связан с особенностями уже выстроенной в воображении субъекта последовательности образов будущего. А способность построить эту последовательность была связана с когнитивной перспективой. Главной характеристикой личностной перспективы является показатель «сцепления» образов будущего. Сцепленной считалась такая линия будущего, если при попытке мысленно подвинуть один из образов остальные самопроизвольно приходили в движение и двигались за перемещаемым образом. Соответственно, если остальные образы не двигались и перемещаемый образ двигался изолированно, то линия будущего считалась не сцепленной. Показатель сцепления линии будущего положительно коррелировал с такими личностными особенностями, как уверенность в себе, своих качествах, с социальной уверенностью, твердостью характера и приспособленностью к социуму, с целеволевыми характеристиками и образовательным уровнем испытуемых [23, 29].

Говоря о перспективе, невозможно не остановиться на представлениях испытуемых о продолжительности своей жизни и их отношении к смерти.

Исследователи часто полагают, что у каждого человека существуют представления о возможной продолжительности их жизни. Эта гипотеза положена в основу методики А. А. Кроника, предлагавшего респондентам назвать

предполагаемый год смерти, но отвергается К. А. Абульхановой как универсальная особенность психологического времени. Полученные нами результаты частично свидетельствуют в пользу этого первого представления: продолжительность жизни у некоторых людей буквально «запрограммирована» на уровне пространственно-временных образных гештальтов. Картины будущего времени такими испытываемыми представляются все меньших и меньших размеров, достигают, наконец, размера точки и далее не представляются вообще. В других случаях, и то с большим трудом, представляются лишь картины окружающей обстановки, но себя в ней испытываемый увидеть не может. Обычно такая временная линия на сознательном уровне сопровождается представлениями об ожидаемом конце жизни именно в этом возрасте.

Планирование продолжительности жизни осуществляется несколькими способами. Первый способ — жесткое планирование, или схождение линии будущего в точку (размер образов будущего постепенно уменьшался и в каком-то возрасте оказывался равным величине точки, после этого образы больше не появлялись вообще или продолжали появляться в виде точки).

Испытуемая Д., 46 лет, имела твердое убеждение, что она умрет в 52 года, это ее мнение основывалось на продолжительности жизни ее родственников (в том числе матери), а также совпадало с ее установкой, что жить стоит лишь до 50-55 лет. Линия будущего у нее сходилась в точку именно в 52 года, и последующих картин просто не появлялось.

Второй способ — исчезновение из изображения образа самого себя (начиная с некоторого возраста, испытываемый не может в мысленной картине будущего представить себя). И третий способ — мягкое планирование, или отчуждение образа позднего возраста от основной линии будущего (последние образы представляются резко отличными от предшествующих, они визуализируются в другой части мысленного пространства).

Испытуемая Е., 35 лет. У нее линия будущего обрывалась на уровне +8 лет, и последующих картин также не было; при предложении экспериментатора все-таки представить образ отдаленного будущего, у нее появилась туманная картинка, в которой ее самой не было. У этой испытуемой были серьезные психологические проблемы, она считала, что ей осталось жить еще 8 лет, поскольку так ей было предсказано экстрасенсом, которому она очень верила. Хотя причиной обращения ее к нам было именно желание «избежать предначертанного».

Однако многие испытываемые не могут назвать предполагаемую продолжительность своей жизни, кратко отвечая «проживу много». И наряду со сходящимися временными линиями существуют и другие, например, те, что мы назвали расходящимися. Расходящиеся линии будущего принципиально не сводимы к точке и чаще всего сопровождаются своеобразными представлениями испытываемых о продолжительности их жизни. Это касается, главным образом, группы аспирантов, а в группе лиц со средним образованием различия выражены много меньше. Итак, испытываемые-аспиранты с расходящейся линией будущего отвечают на вопрос о продолжительности жизни парадоксальным ответом, как, например, «я собираюсь дожить до 150 лет, а почему бы и нет, мне нравится жить», или «а может быть, я еще живым куда-нибудь попаду». Среди этих испытываемых довольно распространены представления о том, что конец их жизни будет сопровождаться чем-то необычным, но, в отличие от испытываемых со сходящейся линией будущего, эти представления лишены конкретности. Испытуемым со сходящейся линией были свойственны представления об одном-единственном возможном конце их жизни религиозного плана (новая реинкарнация, рай или ад) или бытового («умру — и все»). Испытуемые с расходящейся линией, скорее, предполагали, завершение жизни как «что-нибудь особенное», не определяя, что именно.

ВРЕМЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

Важнейшей временной характеристикой с точки зрения всех без исключения подходов в психологии, изучающих время, является ориентация личности на прошлое, настоящее или будущее. Как эти ориентации отражаются на нашей модели? По всей видимости, временная ориентация личности является интегральной характеристикой, включающей в себя ряд показателей временной линии.

Во-первых, следует учитывать местоположение линии. Как мы уже замечали выше, во внутреннем пространстве психики существуют области более значимые (вверх и вперед) и менее (вниз). Расположение линии в значимой области внутреннего пространства может говорить об ориентации человека именно на это время. Например, одна из испытуемых, ориентированных строго на будущее, представляла линии прошлого слева внизу, а будущего — прямо впереди.

Во-вторых, важным показателем значимости образа может служить скорость визуализации. Как отмечает ряд исследователей, на скорость визуализации значительно влияют эмоции субъекта. Лица людей, неприятных испытуемому, появляются в памяти медленнее, чем лица приятных. То же самое касается образов событий. При этом даже неосознаваемые эмоции влияют на скорость визуализации [34]. Среди наших испытуемых было несколько человек, которые очень медленно представляли образы либо прошлого, либо будущего. Один испытуемый сначала утверждал, что у него вообще «нет линии прошлого», потом с большим трудом представил ее, кстати, в нижней области внутреннего пространства; образы будущего он представлял легко и быстро, и располагались они в верхней области мысленного пространства.

Этот человек устремлен в будущее вплоть до полного отвержения прошлого. Значительно чаще испытуемым было затруднительно представлять образы будущего, некоторые из них сначала утверждали, что не могут этого сделать. Если экспериментатор продолжал настаивать, то образы постепенно появлялись, только скорость визуализации была очень медленной, а сами образы — маленькими и мутными.

В-третьих, большое значение имеют качественные характеристики изображения: величина соответствующих образов, их яркость, четкость, наличие в них цвета и движения. Большое значение также может иметь фактор ассоциации—диссоциации образов и степень их субъективной близости к испытуемому. Существуют данные, свидетельствующие о совпадении типов личности по К. Г. Юнгу [135] с особенностями их временной транспективы [25]. А именно, представители сенсорного типа, ориентированные на настоящее, склонны представлять настоящее в виде яркой объемной картины, расположенной вокруг них; практически все образы у них ассоциированы (они видят картину окружающей обстановки). Испытуемые интуитивного типа представляют образы в диссоциированной форме (как образ самого себя, проделывающего то или иное действие). Испытуемые других типов, ориентированных на настоящее, также представляют его в виде большой, яркой картины, расположенной в значимой области внутреннего пространства (обычное место настоящего — прямо перед собой).

Испытуемые, ориентированные на будущее, склонны представлять его образы большими, яркими, цветными и располагать их ближе к себе. Испытуемые, ориентированные на прошлое, в таком виде представляют образы прошлого.

Для лучшего выявления временных ориентации человека необходимо, во-первых, учитывать все значимые факторы, во-вторых, сравнивать интегральные характеристики прошлого, настоящего и будущего между собой. Некоторые люди могут быть ориентированы больше, чем на одно время. Другие игнорировали все времена.

Рассмотрим примеры.

Испытуемый Л., 27 лет. Ориентирован на настоящее. Образы настоящего ассоциированы, располагаются вокруг него, образы. большие, яркие, цветные, движущиеся. Образы прошлого и будущего располагаются частично слева, частично внизу, они заметно меньше по размеру.

Испытуемый М., 22 года. Ориентирован на будущее. Образы будущего у него увеличиваются в размерах и поднимаются вверх. Прошрое вытеснено, визуализируется плохо, внизу, но никакими неприятными эмоциями не сопровождается, просто неинтересно его представлять. Настоящее — прямо перед собой, по величине сравнимо с начальными картинками будущего.

Испытуемая Н., 32 года. Частично ориентирована на прошлое, частично на будущее. Образы прошлого большие, яркие, находятся впереди и слева. Образ настоящего впереди, сравнительно небольшой. Будущее очень 'далеко впереди, однако уходит вверх, хотя размеры образов со временем уменьшаются.

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ И ТВОРЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ

Современная психология — это психология развивающегося человека. Поэтому, говоря о личностном времени, невозможно избежать вопроса о развитии личности во времени. Хотя в ряде концепций развитие сводится к возрастным изменениям, закономерно повторяющимся у всех индивидуумов (теории жизненного пути как череды жизненных циклов), все-таки в настоящее время большее распространение получили другие теории, связывающие развитие с творческой самореализацией личности [2,3], поиском жизненного смысла (В. Франкл), возможностью реализовать все свои возможности и способности (самоактуализация по А. Маслоу) [82] и, наконец, с расширением сознания, интеграцией неосознаваемых сфер и выходом через бессознательное на более высокий уровень самоосознания (процесс индивидуации по К. Г. Юнгу, подробно рассмотренный нами в другой работе [24]).

Существуют, как минимум, два представления о жизненном пути творческих личностей и особенностях взаимоотношения творческой личности с социумом. С одной стороны, это взгляды гуманистических психологов (А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс и др.), идеализирующих эти взаимоотношения, представляющих, во-первых, каждого человека потенциально творческой личностью, во-вторых, связывающих творческое развитие личности (самоактуализацию) с социальным ростом, эмоциональной и психологической зрелостью, возрастанием социальной адаптивности, уравновешенности, жизненного спокойствия и оптимизма.

С другой стороны, другими авторами подчеркивается противоречие между личностью, тем более творческой, и социумом: «между отдельным человеком, личностью, тем более яркой индивидуальностью и социальной действительностью всегда существует противоречие. Оно существует потому, что социум никогда не удовлетворяет потребностей индивида, а индивид никогда не отвечает требованиям социума» [1, с. 16].

Вероятно, просто существуют разные личности, одни развиваются в удивительной гармонии с социумом, другие — противоречая ему. Проведенное нами эмпирическое исследование выявило значительную зависимость между особенностями интрапсихического пространственно-временного континуума и некоторыми творческими характеристиками (творческий склад и творческая продуктивность по ММРІ, дивергентный способ решения проблем и прогнозирующий способ планирования времени). Вообще творческие показатели коррелируют со многими характеристиками образной сферы, а именно со структурированностью линии прошлого, расхождением линии прошлого, расположением линии прошлого в левой области пространства воображения, расположением образов прошлого в верхней области пространства воображения, расхождением линии будущего, удаляемостью

линии будущего и расположением линии будущего в верхней области пространства воображения. В каждом описании творческий компонент играет свою роль, формируя общую характеристику личности.

Но особенно тесна связь творческих характеристик личности с двумя показателями организации пространственно-временного континуума, и оба этих показателя относились к будущему времени, т. е. были сопряжены с перспективами развития личности. Первый показатель — это расположение вектора будущего в верхней области пространства воображения. Второй показатель — последовательное увеличение размеров образов будущего и расходящаяся перспектива.

Наши данные дают возможность говорить не о творчестве вообще, а позволяют выявить разные типы творческих личностей, на необходимость чего указывал В. Н. Дружинин, предлагая в такой типологии соотносить показатели творчества и интеллекта [53]. Выделенные в наших исследованиях два способа представления восходящего характера жизненной линии можно связать с двумя типами творческих личностей. Первые из них располагают линию будущего в верхней части пространства воображения. Вторые представляют расходящуюся линию будущего.

Для развития индивидуумов первого типа характерна тенденция к самоактуализации, понимаемой в терминах А. Маслоу как процесс последовательной реализации всех своих возможностей и способностей и становление здоровой, эмоционально и психологически зрелой, великолепно социально адаптированной, уравновешенной и оптимистичной личности. Недаром расположение линии будущего в верхней части ПВК входит в кластер целеволевых характеристик и положительно коррелирует с такими шкалами ММПИ, как самообладание, уравновешенность, уверенность в себе и своих силах, приспособленность к обществу, высокая самооценка. У представителей этого типа наряду с творческими способностями высокое развитие получают показатели интеллекта: расположение образов будущего вверху коррелирует как с творческими характеристиками (творческий склад и творческая продуктивность), так и интеллектуальными (интеллектуальная активность).

Полученный на основе нашего эмпирического исследования данный тип творческой личности близок к описанному В. Н. Дружининым типу, характеризующемуся, по его мнению, сочетанием высокого интеллекта и высокой креативности и живущему долго и продуктивно [53].

Если же от творческого пути гения спуститься к обычным личностям, то, возможно, именно представителям этого типа свойствен способ самореализации, охарактеризованный Н. Е. Харламенковой: «Самоутверждение нормальной личности происходит благодаря умеренному, но постоянному повышению притязаний, благодаря реальным достижениям личности» [123, с. 148].

Другой тип творческой личности, представленный в нашем исследовании, характеризуется расходящейся линией будущего, последовательным возрастанием субъективного размера образов будущего. Мы предположили, что расхождение линии будущего связано с общей креативностью и дивергентным мышлением по Дж. Гил-форду. Дивергентное мышление — это мышление, «идущее одновременно в различных направлениях», оно варьирует способы решения проблем и может привести к неожиданным выводам и следствиям, в то время как конвергентное мышление проявляется в том случае, когда человек решает задачу, требующую от него на основе множества различных начальных условий выбрать единственно верное решение [144].

Показатель «расходящаяся линия будущего» в наших исследованиях образывал собственный кластер, кластер дивергентных характеристик, куда наряду с ним входили: дивергентный способ решения проблем и прогнозирующий

способ планирования будущего (составление нескольких вариантов плана). Расхождение линии будущего в наших исследованиях коррелировало также с творческими шкалами MMPI: творческий склад и творческая продуктивность, — и шкалами, говорящими о чувствительности и социальной дезадаптации. Следует отметить отсутствие корреляций между расхождением линии будущего и показателями интеллекта, во всяком случае определенными по тесту MMPI.

Мы определили параметр расхождения линии будущего как одну из временных характеристик дивергентного мышления. Мышление же вообще (конвергентное или дивергентное) — это все-таки нечто большее, чем только способ решения проблем или способ планирования будущего, изучаемый в нашем исследовании. Поэтому, определяя с помощью нашей методики то, как — конвергентным или дивергентным способом — представляет свое будущее испытуемый, мы можем судить о предпочитаемом способе мышления данного испытуемого в отношении к будущему, но, безусловно, не можем делать заключение о его способе мышления вообще. Можно представить высокотворческую личность с дивергентным мышлением, несколько не ориентированную на будущее (если такое, конечно, возможно), вероятнее всего, у нее будет сходящаяся линия будущего, что никак не умаляет ее творческих достижений.

Развитие индивидуумов при наличии расходящейся линии будущего предположительно близко к описанному К. Г. Юнгом процессу индивидуации [134]. Выше мы проанализировали представления о продолжительности своей жизни у индивидуумов с расходящейся и сходящейся перспективой. Испытуемые с расходящейся линией будущего более склонны распространить творческий период своей жизни до самого ее конца. В каждом описании творческий компонент играет свою роль, формируя общую характеристику личности.

Но особенно тесна связь творческих характеристик личности с двумя показателями организации пространственно-временного континуума, и оба этих показателя относились к будущему времени, т. е. были сопряжены с перспективами развития личности. Первый показатель — это расположение вектора будущего в верхней области пространства воображения. Второй показатель — последовательное увеличение размеров образов будущего и расходящаяся перспектива.

Наши данные дают возможность говорить не о творчестве вообще, а позволяют выявить разные типы творческих личностей, на необходимость чего указывал В. Н. Дружинин, предлагая в такой типологии соотносить показатели творчества и интеллекта [53]. Выделенные в наших исследованиях два способа представления восходящего характера жизненной линии можно связать с двумя типами творческих личностей. Первые из них располагают линию будущего в верхней части пространства воображения. Вторые представляют расходящуюся линию будущего.

Для развития индивидуумов первого типа характерна тенденция к самоактуализации, понимаемой в терминах А. Маслоу как процесс последовательной реализации всех своих возможностей и способностей и становление здоровой, эмоционально и психологически зрелой, великолепно социально адаптированной, уравновешенной и оптимистичной личности. Недаром расположение линии будущего в верхней части ПВК входит в кластер целеволевых характеристик и положительно коррелирует с такими шкалами MMPI, как самообладание, уравновешенность, уверенность в себе и своих силах, приспособленность к обществу, высокая самооценка. У представителей этого типа наряду с творческими способностями высокое развитие получают показатели интеллекта: расположение образов будущего вверху коррелирует как с творческими характеристиками (творческий склад и творческая продуктивность), так и интеллектуальными (интеллектуальная активность).

Полученный на основе нашего эмпирического исследования данный тип творческой личности близок к описанному В. Н. Дружининым типу, характеризующемуся, по его мнению, сочетанием высокого интеллекта и высокой креативности и живущему долго и продуктивно [53].

Если же от творческого пути гения спуститься к обычным личностям, то, возможно, именно представителям этого типа свойствен способ самореализации, охарактеризованный Н. Е. Харламенковой: «Самоутверждение нормальной личности происходит благодаря умеренному, но постоянному повышению притязаний, благодаря реальным достижениям личности» [123, с. 148].

Другой тип творческой личности, представленный в нашем исследовании, характеризуется расходящейся линией будущего, последовательным возрастанием субъективного размера образов будущего. Мы предположили, что расхождение линии будущего связано с общей креативностью и дивергентным мышлением по Дж. Гил-форду. Дивергентное мышление — это мышление, «идущее одновременно в различных направлениях», оно варьирует способы решения проблем и может привести к неожиданным выводам и следствиям, в то время как конвергентное мышление проявляется в том случае, когда человек решает задачу, требующую от него на основе множества различных начальных условий выбрать единственно верное решение [144].

Показатель «расходящаяся линия будущего» в наших исследованиях образовывал собственный кластер, кластер дивергентных характеристик, куда наряду с ним входили: дивергентный способ решения проблем и прогнозирующий способ планирования будущего (составление нескольких вариантов плана). Расхождение линии будущего в наших исследованиях коррелировало также с творческими шкалами MMPI: творческий склад и творческая продуктивность, — и шкалами, говорящими о чувствительности и социальной дезадаптации. Следует отметить отсутствие корреляций между расхождением линии будущего и показателями интеллекта, во всяком случае определенными по тесту MMPI.

Мы определили параметр расхождения линии будущего как одну из временных характеристик дивергентного мышления. Мышление же вообще (конвергентное или дивергентное) — это все-таки нечто большее, чем только способ решения проблем или способ планирования будущего, изучаемый в нашем исследовании. Поэтому, определяя с помощью нашей методики то, как — конвергентным или дивергентным способом — представляет свое будущее испытуемый, мы можем судить о предпочитаемом способе мышления данного испытуемого в отношении к будущему, но, безусловно, не можем делать заключение о его способе мышления вообще. Можно представить высокотворческую личность с дивергентным мышлением, несколько не ориентированную на будущее (если такое, конечно, возможно), вероятнее всего, у нее будет сходящаяся линия будущего, что никак не умаляет ее творческих достижений.

Развитие индивидуумов при наличии расходящейся линии будущего предположительно близко к описанному К. Г. Юнгом процессу индивидуации [134]. Выше мы проанализировали представления о продолжительности своей жизни у индивидуумов с расходящейся и сходящейся перспективой. Испытуемые с расходящейся линией будущего более склонны распространить творческий период своей жизни до самого ее конца, который, в свою очередь, они не склонны планировать вообще. В своем развитии такие испытуемые предпочитают ориентироваться на свой внутренний мир, бессознательное (положительная корреляция с интроверсией по MMPI), актуализацию неосознаваемых субличностей и скрытых возможностей, нежели на рост социальный.

Интересно проследить, как фактор «культуральных прототипов» или «социальных представлений» влияет на оценку испытуемыми своего способа решения проблем.

Если в группе лиц со средним образованием менее половины всех испытуемых считали свой способ мышления дивергентным, то в группе аспирантов — три четверти. При этом количество расходящихся и сходящихся линий будущего в обеих группах было примерно одинаковым.

Как показали исследования, люди обычно представляют умного человека как человека интеллектуального труда. Недаром в русском языке «умный» и «интеллектуальный» синонимы. Как показало исследование Н. Л. Смирновой, люди в своих представлениях наделяют умного человека такими характеристиками, как оригинальность, нестандартность, креативность, а среди когнитивных качеств указывают: сообразительность, острый ум, гибкость мышления [109]. Поэтому вполне естественно, что молодые ученые ищут и находят у себя характеристики творческого мышления, сознательно или бессознательно стремясь соответствовать, назовем это так, внутреннему эталону ученого.

Таким образом, в нашем исследовании было выявлено два типа творческих личностей и два способа организации жизни. Первый тип характеризуется сочетанием творческих, интеллектуальных качеств и показателей социальной адаптированностиTM; представители этого типа строят свою жизнь в большей или меньшей гармонии с социумом и развиваются путем, близким к описанной А. Маслоу самоактуализации.

Второй тип характеризуется общей креативностью и дивергентным мышлением; представители этого типа отличаются большей или меньшей социальной дезадаптацией, их развитие ближе к описанному К. Г. Юнгом процессу индивидуации, что отвечает второй точке зрения на творческую личность.

Следует отметить, что эти типы не являются взаимоисключающими, поскольку в основу типологии положены два различных показателя, а не разные значения одного и того же. Пространственно-временные континуумы некоторых индивидуумов включают оба этих показателя (расходящаяся линия будущего в верхней области интрапсихического пространства), у других индивидуумов ПВК включает только один из этих показателей (линия будущего или вверху, или расходящаяся), при этом второй показатель может быть или не выраженным (приравненным к нулю), или выражать противоположное качество (отрицательное значение); и наконец, ПВК отдельных индивидуумов может быть полностью лишены творческих показателей: сходящаяся линия будущего внизу (к слову, в наших экспериментах такие ПВК обнаружены не были). Все это говорит об огромном разнообразии творческих личностей, которые могут быть встречены в реальности.

В заключение сделаем некоторые выводы. Внутренний мир человека богат и разнообразен. Концепция личностной организации времени, являясь соединением объективных особенностей времени (психологических, психофизических) и субъективных (восприятие, переживание, осознание времени), позволяет нам проложить мост между глубинными внутриспсихическими процессами и внешне видимым поведением.

В данной главе мы проанализировали основные неосознаваемые компоненты личностной организации времени на уровне пространственно-временных образных гештальтов. На этом уровне мы выявили особенности жизненной линии субъекта, ее прерывистый или непрерывный, восходящий или нисходящий характер.

На основе анализа образов возможного будущего оказалось возможным исследовать когнитивную и личностную перспективы субъекта, показать интегральный характер временных ориентации (ориентации на прошлое, настоящее или будущее). Характер жизненной линии индивидуума напрямую связан с развитием личности во времени. Особенности процесса саморазвития, самореализации личности тесно связаны с ее интеллектуально-творческими характеристиками; на основе существующих образных представлений о будущем

можно выделить два способа творческой организации жизни.

Непрерывный характер жизненной линии (представленный последовательной чередой образов во временной линии) говорит о наличии сквозной связи прошлого, настоящего и будущего (транс-спективы). Жизненные линии других индивидуумов имели прерывистый характер (наличие разрывов во временной линии, несвязанное друг с другом расположение линий прошлого, настоящего и будущего). Теоретически выделенный восходящий или нисходящий характер жизненной линии получил свое прямое выражение на языке пространственно-временных гештальтов. Образы будущего восходящей линии представлялись испытуемыми в верхней части пространства воображения, а нисходящей — в нижней. Другое воплощение характера жизненной линии выражалось в последовательном увеличении или уменьшении образов будущего.

Из трех видов перспектив две (когнитивная и личностная) нашли свое воплощение на уровне образных гештальтов. Когнитивную перспективу лучше всего может характеризовать способность индивидуума представлять образы будущего, скорость их визуализации, четкость изображения. Личностная перспектива, характеризующая мотивационную детерминанту представлений о будущем, проявилась в «сцеплении между собой» образов будущего. Сцепленной считалась такая линия будущего, когда при попытке респондента мысленно подвинуть один из образов остальные самопроизвольно двигались за ним.

Кроме этого, на уровне образных гештальтов можно изучать субъективные представления испытуемых о длине перспектив, т. е. о продолжительности их жизни. У части испытуемых продолжительность их жизни буквально «запрограммирована» на уровне пространственно-временных образных гештальтов. Картины будущего времени такими испытуемыми представляются все меньших и меньших размеров, достигают, наконец, размера точки и далее не представляются вообще или же представляются с большим трудом, причем образ самого индивидуума в них отсутствует. У других испытуемых представление о предполагаемой продолжительности жизни отсутствует, что накладывает ограничение на методику А. А. Кроника. Особенно это касается расходящихся перспектив, которые принципиально не сводимы в точку. Индивидуумы с таким будущим на вопрос о возможной продолжительности жизни отвечают или очень неопределенно, или парадоксом.

Временные ориентации индивидуумов носят интегральный характер и включают в себя несколько показателей временной линии: расположение образов времени в значимых областях пространства воображения (вверху или впереди), величина образов, их яркость, наличие цвета и движения, а также скорость визуализации.

При изучении развития личности во времени в нашем исследовании было выявлено два способа творческой организации жизни. Для первого типа характерно сочетание творческих, интеллектуальных качеств и показателей социальной адаптированности; представители этого типа строят свою жизнь в большей или меньшей гармонии с социумом и развиваются путем, близким к описанной А. Маслоу самоактуализации. Им было свойственно представлять линию будущего в верхней части пространства воображения. Для второго типа характерны общая креативность и дивергентное мышление; представители этого типа отличаются большей или меньшей степенью социальной дезадаптации, склонны к интроверсии, их развитие ближе к описанному К. Г. Юнгом процессу индивидуации. На уровне образных гештальтов они представляли расходящуюся линию будущего. При этом данные способы не являются взаимоисключающими, они могут сочетаться, приводя к увеличению разнообразия творческих и нетворческих личностей.

2. РОЛЬ НЕОСОЗНАВАЕМОГО В СПОСОБАХ ЛИЧНОСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ

В предыдущем исследовании основным предметом явился способ воспроизведения, воссоздания в образной неосознаваемой сфере личности ее жизненных глубинных событий — переживаний, не всегда доступных и интроспекции самого субъекта, и исследователю, а также преобладание в ее жизни прошлого, настоящего и будущего и их разнообразные способы связи, образные эквиваленты жизненной линии, когнитивных и личностных перспектив. В нем получили доказательство две основные теоретически сформулированные гипотезы нашей концепции личностной организации времени — выделение и структурирование жизненного пути как жизненной линии (и ее характеристик) и выделение когнитивной и личностной перспектив. Самым сильным моментом этого доказательства явилось то, что эти структуры выявились через характеристики образной, т. е. неосознаваемой сферы личности, причем в четких, объективно измеряемых параметрах. Было доказано и то, что неосознаваемая образная сфера воплощает и воссоздает и характер жизненного пути, и некоторые особенности творческих типов личности.

Образные гештальты, выявленные Т. Н. Березиной, обнаружили, как на неосознаваемом уровне происходит структурирование жизненного пути, и личность, отрываясь от своего прошлого, неосознанно «ломает», «разрывает» жизненную линию, придавая ей восходящий или нисходящий характер. Однако важно отметить, что этот неосознаваемый уровень характеризует личность не как субъекта, сознательно и активно организующего время жизни, но как субъекта, «логика» жизни которого оформилась, отложилась в виде некоторых произвольных временных ориентации.

Исследование Н. Ю. Григоровской не имеет своим прямым предметом соотношение времени личности и ее жизненного пути, можно сказать, что оно, скорее, имеет это соотношение своим результатом. На первый взгляд, она концентрируется на временной организации личности как таковой, а не на организации личностью времени жизни. Но сам способ построения модели исследования оказывается таким, что выявляет интегральную, отлившуюся в самой личности способность к организации времени жизни и деятельности. Можно сказать, что исследовано многопараметральное отношение личности и времени (и именно времени жизни) и ее способность (в типологических разнообразных вариантах) к организации этого времени. Тем самым модель ретроспективна (отношение уже сложилось в предшествующей жизни) и перспективна одновременно — поскольку способность — это проекция, потенция, ресурс. Эпицентром модели и основной категорией явилась самореализация личности, т. е. детерминирующая тенденция (выражаясь терминами Аха) личности к объективации.

В исследовании Н. Ю. Григоровской (1999, г.) была построена и эмпирически проверена модель множественных временных параметров: сознательного (когнитивного и рефлексивного), мотива-ционно-личностного, неосознаваемого эмоционально-смыслового и действенно-практического. Исследовался комплекс, составляющий отношение человека ко времени, включающий способы планирования времени деятельности (и субъективные рефлексивные представления о них); неосознаваемые, но доступные вербализации понятия, ассоциации; бессознательные «образы», «метафоры»; даже телесные временные «проблемы».

Опишем подробнее методы и эмпирическую базу исследования. «В эксперименте принимали участие 140 мужчин и женщин, средний возраст — тридцать лет.

1. Для исследования способа, каким личность проявляет себя во времени, использовался Организационный тест, моделирующий процесс реальной

организации времени, и специальный двухминутный тест на самореализацию.

2. Для получения субъективных показателей, связанных с оценкой людьми своей способности к планированию и его особенностями (долгосрочностью, системностью, гибкостью, ориентацией на выполнение в срок и пр.), применялся разработанный автором опросник (на базе методики О. В. Кузьминой «временные ценности личности» и опросника планирования времени В. Ф. Серенковой).

3. Для выявления других личностных параметров использовались опросник для измерения потребности достижений Ю. М. Орлова, шкала самооценок личностной тревожности Ч. Спилбергера, метод исследования уровня субъективного контроля.

4. Для изучения неосознаваемых временных особенностей анализировались показатели образной сферы (вербальные и графические): ассоциации на слово «время», графическое изображение времени, а также образы и метафоры, с помощью которых респондентом выражались смысл, суть и действие времени.

5. Уровень рефлексии (времени и способов планирования) определялся анкетой, специально разработанной автором; учитывались и определения времени, которые давали испытуемые, и их комментарии к графическим рисункам.

6. Для определения специфических «проблемных» телесных зон, связанных с условиями самореализации личности во времени, использовался тест «Нарисуй фигуру человека» в интерпретации телесно-ориентированной психотерапии» [43, с. 5-6].

В результате обработки полученных данных было выявлено шесть важнейших комплексных факторов:

«1-й фактор — своеобразной организационной способности личности, т. е. способности к планированию деятельности, представляющей собой интегральное качество, включающее гибкость, системность, нестандартность мышления, мотивацию достижения, общую интернальность (и даже выявленную в силу особенностей методики способность к руководству группой);

2-й фактор — основных типобразующих критериев, позволивших выделить три типа (о чем ниже подробнее);

3-й фактор — успешности субъективного планирования;

4-й фактор — выраженности телесных «временных» проблем;

5-й фактор — сквозных характеристик, связанных с контрастностью сознательного и бессознательного уровней;

6-й фактор — дивергентных стратегий, включающих ориентацию на будущее, гибкость планирования, способность к предвидению, внутреннюю детерминацию времени и т. д.».

В результате сопоставления этих факторов, на наш взгляд, были выделены общие функциональные роли комплексов первоначально выделенных параметров.

1. «Инструментальный», операциональный механизм личностной организации времени обеспечивается способностью к планированию (его долгосрочностью, системностью), локусом контроля и рефлексией времени. 2. Стратегии самореализации во времени обеспечиваются способностью планирования, рефлексией времени (как ментальной стратегией) и интернальностью (как мотивационно-личностной стратегией). 3. Бессознательная сфера личности, выявленная через разнообразные вербальные ассоциативные, метафорические и образные (графические) данные, квалифицирована Н. Ю. Григоровской как специфический ресурс, резерв личности в ее отношении ко времени и в конечном итоге — самореализации в жизни.

Но главное достижение в работе Н. Ю. Григоровской — это разработанная ею типология темпоральных особенностей личности по материалам, полученным с помощью оригинальной методики изучения неосознаваемых временных характеристик испытуемых (методика Н. Ю. Григоровской). «В методику входило 3

задания — «написать ассоциации к слову „время"», «нарисовать время графически», «подобрать темпоральные образы и метафоры». Все эти задания обращены были к области неосознаваемых переживаний испытуемых и позволяли изучать невидимые глубинные временные особенности людей (их представления о времени и о своем месте в нем). В основу типологии была положена категория темпоральной свободы, определяемой по вербальным и графическим временным переживаниям испытуемого. В понятие свободы входят особенности самореализации человека во времени, его временные установки, особенности восприятия, переживания и планирования времени. Чем более свободен человек темпорально, тем больше время из «врага» — Хроноса, пожирающего своих детей, становится «другом» — полем для всестороннего развития и самореализации личности».

Н. Ю. Григоровская выделила три основных временных типа (1-й, 2-й, 3-й) и два промежуточных (промежуточный между 1-м и 2-м, а также промежуточный между 2-м и 3-м).

«Первому типу свойственно рассматривать время как упорядоченное в некую проживаемую серию, имеющую абсолютный и абстрактный статус. Безжалостное, принуждающее действие времени принимается (вопреки свободе „Я") как динамика, придающая форму течению жизни. Довольно часто в ассоциациях на слово „время" (и в его определениях) встречаются образы западни или лабиринта, характеристики его как „колеса, по которому ползет человек", как „бремени, которое нужно избыть". Время — „плен", „старение", „срок, дающий о себе знать"» [43, с. 18]. По ее мнению, людям этого типа мало свойственна рефлексия, размышления; они редко задумываются о себе и о проживаемом времени. Представители этого типа, скорее, сосредоточены на настоящем, в котором живут, чувствительны к отдельным текущим моментам, но с трудом представляют будущее, особенно отдаленное, и незначительно ориентированы на прошлый опыт. Можно сказать, что они живут в актуальном «теперь». Время для них — нечто внешнее, жесткая холодная неизбежность, оно неизменно, абстрактно и существует вне всякой связи с живущем в нем человеком. Время невозможно ни изменить, ни повлиять на него. Время однонаправленно. В доказательство последнего положения Н. Ю. Григоровская приводит временные рисунки представителей 1-го типа. Они часто изображают время как прямую линию, или как луч, или как совокупность точек, также расположенных по прямой.

В отличие от них, представители 2-го типа обладают большей временной свободой. «Данный тип может позволить себе более широкий спектр опытов со временем, его переживания пластичны, обладают большей свободой, позволяют познать скрытые измерения в жизненных проявлениях, воспринимая различные ситуации как более открытые, „проницаемые". Он умеет использовать динамизм времени, работая с разными временными параметрами непосредственно, согласно желаемым результатам. На личностном уровне это осознается как факт, что необратимо плохого положения дел не существует, многое может свершиться „помоему", удовлетворением и большей полнотой своих реализации» [43, с. 19-20]. Представители этого типа более оптимистичны, более удовлетворены жизнью, поскольку обладают большим спектром темпоральных способностей, хорошо развитой интуитивной функцией, рефлексией, гибким и долговременным планированием. Они скорее ориентированы на будущее, чем на прошлое или настоящее. Будущее привлекает их главным образом своими возможностями: «подлинную сущность человека составляет именно возможность, она задает перспективу развития» [42, с. 232].

Как нам представляется, это очень важное положение, потому что введение категории «возможность» позволяет нам перейти от причинно-следственной модели мира к вероятностной. В настоящее время в математике разрабатывается новая

вероятностная парадигма реальности (школа А. Н. Колмогорова), которая позволяет сделать переход от однозначности причинно-следственных отношений к многомерному вероятностному восприятию действительности и к большей неоднозначности будущего как общей темпоральной категории.

В психологической реальности категория «возможность» впервые появляется у представителей второго типа (по Н. Ю. Григоровской). Представители первого, как это видно из их описания, предпочитают однозначную причинно-следственную последовательность, в том числе и темпоральную: прошлое, настоящее, будущее. Но возможность означает неопределенность. Отсюда представители второго типа должны лучше переносить ситуацию неопределенности, чего не могут вынести представители первого типа. Возможно, именно это является разделительной чертой между типами, а не способ рисования времени на графике. По Н. Ю. Григоровской, второй тип часто изображает время в виде сходящейся или расходящейся спирали. Однако существует множество других форм, не сводимых к прямой или спирали, частично промежуточных, частично вообще других. В частности, представление о времени как о круге, очень часто встречающееся в рисунках испытуемых. Круг — это еще не спираль и явно не прямая. В ранних работах Н. Ю. Григоровская предполагала выделить представление о времени в виде круга или окружности как типологическую характеристику (время как замкнутый контур, ограничивающий личность, — самое несвободное темпоральное представление), но в последующем отказалась от этого. Упоминание о круге (а это одно из самых распространенных изображений времени) осталось только в характеристиках испытуемых первого типа, которые, «чтобы снять угрожающий характер времени, стремятся активно разорвать его „круг“, осознанно или неосознанно избирая способ планирования, связанный с преодолением препятствий» [42, с. 228]. Однако время первого типа — прямая, и, «наверное, нет более непохожей на круг фигуры. С другой стороны, круг — это и не спираль, ведь, по Н. Ю. Григоровской, спираль — изображение времени второго типа — подразумевает темпоральную свободу, а круг, по ее мнению, фигура ограничивающая.

Разделение образного ряда на линейные и округлые формы древнее, еще самые первые варианты алфавита — рунические — содержали две основные формы знаков. По мнению исследовательницы древних рунических символов А. В. Добряковой, «рассматривая рунические надписи, можно нередко встретить такие, где помимо чисто прямых линий попадают символы с круглыми и полукруглыми элементами./.../ Это не случайное отклонение, не ошибка, а свидетельство того, что существует, по меньшей мере, еще одна матрица, связанная с круглыми и полукруглыми символическими системами» [51, с. 86]. Это выделение округлой и линейной формы связано с глубинными неосознаваемыми способами организации ментального опыта человеком. М. А. Холодная, исследуя особенности организации когнитивного опыта, показала, что это выделение округлых и линейных форм образного ряда в свою очередь связано с использованием соответствующих слов (у большинства людей незнакомое слово «мамлына» ассоциируется с округлой картиной, а «жакарэг» с линейной), а значит, «особенности знаково-звукового устройства слова закономерно проецируются как на уровень визуально-пространственных представлений, так и на уровень чувственно-сенсорных впечатлений [125, с. 178]. Предположение о представленности в языке (точнее, в древних языках) структурных особенностей пространства—времени делает филолог-востоковед Н. Б. Заболотная. «Даже выборочный этимологический анализ основного словарного состава языков, имеющих древнее происхождение, позволяет реконструировать свидетельства переходного периода от „правополушарной цивилизации“, молчаливого этапа развития человечества, к стадии становления

формализованного синтетико-аналитического аппарата обработки информации о мире, мотивированной деятельностью левого полушария. Названный переломный период преобразования языка внутреннего видения в озвученную материализованную абстракцию характеризовался всплеском образной знаковой символики, каждый элемент которой представлял собой голографическую иерархию смыслов, сворачивая единовременную информацию о невидимых пространствах Вселенной и о конкретной проявленной реальности. В этот период осуществился переход „состава времени" и состоялась фиксация в языковом духовном наследии необходимого объема знаний» [56, с. 9-Ю].

Что же касается времени человека, то, по мнению Н. Н. Трубникова, динамика здесь заключается в переходе от округлых форм к линейным. «Общее направление этих изменений, как это можно предположить, задается от так или иначе понимаемого циклического времени к времени историческому, от замкнутого и повторяющегося круга к некоторого рода „линии" (хотя бы как отрезка большего цикла), от линейного к последовательному, от бесконечного к конечному, и, в конце концов, /.../ к идее целостного времени» [113, с. 48]. Аналогичный вывод сделан М. И. Воловиковой в работе, посвященной реконструкции образа времени в православном сознании Древней Руси. «Да, у давних наших предков не было этой Прямолинейной устремленности вперед — к прогрессу. Образ времени носил в себе отпечаток повторяемости, но одновременно и неповторимости, благодаря тонкому (и довольно трудному) искусству уставщиков в составлении служб, сочетаниям по нескольким кругам (циклам): дневному богослужебному кругу; недельному, годовому и цикла, связанного со сроком Пасхалий, рассчитываемому на несколько лет» [37, с. 54]. Аналогичное представление круга времени существовало и в языческой культуре как славян, так и других этносов: «оно универсально, универсально прежде всего потому, что имеет внеязыковые, внепсихологические основания — оно связано с природой, с деятельностью солнца и ее отражением на земле» [111, с. 17]. Однако, будучи естественным природным, в сознании людей оно тем не менее постепенно трансформировалось в линию времени, и наиболее ярким примером такой линейности является речь человека (как одна из основных характеристик сознания) — речь всегда однонаправленна и линейна [15].

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что связь между образами времени и типом личности гораздо сложнее и однозначного перехода от рисунка к типу быть не может. Впрочем, составляя свою типологию, Н. Ю. Григоровская учитывала не только данные рисуночного теста, но и вербальный ряд — ассоциации, метафоры. Это позволило ей выделять конфликт или его отсутствие между сознательными временными представлениями человека и неосознаваемыми. При этом вербальный уровень рассматривался как осознанный, а графический как неосознаваемый. Например, если человек рисует время как горизонтальный отрезок, а в ассоциациях пишет, что «время это река, и плыть в ней можно как вперед, так и назад; как влево, так и вправо», то очевиден конфликт между неосознаваемым структурированием времени по первому типу и осознанным — по второму. Кстати, наиболее часто временные конфликты встречались именно у первого типа.

Самый свободный во временном отношении — третий тип. «Третий тип отличается более свободным отношением ко времени, возрастанием объективных и субъективных показателей планирования и в целом — большей „интегрированностью своих временных параметров"», — пишет Н. Ю. Григоровская [43, с. 20-21]. Представителей этого типа очень немного — около 3% от всей выборки, чуть больше людей относится к промежуточному (между 2-м и 3-м) типу — 7%. Это естественно, потому что представители этого типа в темпоральном отношении одарены гораздо больше среднего человека. А одаренных людей в

любой области мало. «У представителей данного типа развита временная рефлексия, метрика времени — субъективна, указывается, что время — фактор внутреннего плана, его восприятие меняется в зависимости от внутренних условий и различных состояний сознания (теория относительности), им можно управлять согласно своим желаниям. Они обладают богатым и интегрированным бессознательным ресурсом (материал бессознательного содержателен, разнообразен и не содержит явных противоречий по отношению к сознанию). У них хорошо развита прогностическая способность, стратегии реализации взаимодополняющие (с „конвергентным" и „дивергентным" компонентами) и эффективные. Основой оптимистичности их взгляда на время, его проявления составляет мысль, что оно может поддержать столько опыта и жизни, сколько мы можем вместить» [43, с. 21].

Третий тип описан достаточно противоречиво. Вероятно, это объясняется различными психологическими и личностными характеристиками испытуемых, вошедших в этот тип. Рассмотрим подробнее особенности времени представителей 3-го типа.

Начнем с того, что графическое время, по Н. Ю. Григоровской, — у них вертикаль (главным образом, прямая, луч, отрезок, прямая с надетой на нее спиралью, расположенные в вертикальной плоскости). Но вертикальная прямая — это все-таки тоже прямая, а значит, по графику этот тип похож на 1-й. Однако на уровне вербальных определений, метафор, он совсем иной; время как «веер пространства, сложенный — он задает направление, а развернутый — пульсацию и объем» [43, с. 21]. Отсюда некоторое противоречие между всеми описанными темпоральными возможностями этого типа и достаточно простой графикой.

Как мы уже писали выше, существуют первичные когнитивные формы в виде линейных и округлых фигур. На наш взгляд, было бы адекватнее выделять темпоральные типы с учетом этой особенности, например, описать линейную и округлую формы для каждого из типов; для типа с наименьшей степенью свободы (первого); для типа с большей степенью свободы (второго) и для типа с максимальной свободой организации времени (третьего). Это позволило бы избежать ряда противоречий в темпоральной типологии. Для третьего типа свойственными могли бы быть та же прямая и расходящаяся спираль, расположенные в вертикальной плоскости. Однако это только предположение.

Далее, в качестве особенности третьего типа Н. Ю. Григоровская описывает ситуацию абсолютного «здесь и теперь», в котором одновременно переживается прошлое, настоящее и будущее; «время не линейно и не последовательно, «выстроенные» им переживания аккумулируются в одном месте. Все открытия происходят не в других местах, а «внутри ряда» [43, с. 21], который-то и символизируется вертикальной прямой. Однако ситуация, когда все темпоральные «переживания аккумулируются в одном месте», — это состояние отсутствия движения времени, и оно описывается известными в физике статистическими концепциями времени (подробнее рассмотренными нами в следующей главе). Суть их в том, что все события прошлого, настоящего и грядущего в действительности существуют одновременно. Движение времени — это иллюзия, порождающаяся нашим собственным движением по четырехмерному континууму, в котором и существуют эти события (так, поезд идет мимо станции, а пассажиру кажется, что это дома и деревья проплывают перед ним).

Но статичное представление о времени противоречит динамическому описанию его для первых двух типов. Или третий тип принципиально отличается от двух других, или же мы имеем дело с гораздо более сложным взаимодействием физической и психической реальности.

Однако, несмотря на отмеченные выше противоречия темпоральной систематики,

Н. Ю. Григоровская смогла сделать то, что до нее не удавалось, пожалуй, никому, — разработать типологию, интегрирующую сознательные и неосознаваемые представления людей о времени, восприятие и переживание его и особенности реальной жизни людей в его потоке. Многие противоречия в типологии объясняются ею, исходя из противоречий человеческой природы и наличия скрытых конфликтов между сознанием и подсознанием, между психологическим и телесным уровнем и т. д. Она выделила три основных темпоральных типа, различающихся по степени их временной свободы.

Первый тип ограничен временем. Время для него — жестокая внешняя сила, которая подавляет или подгоняет его. Представители этого типа живут в узкой области актуального настоящего, частично для них актуален прошлый опыт, планы их относятся преимущественно к близкому будущему.

Для представителей второго типа время — это сходящаяся или расходящаяся спираль, они более свободно чувствуют себя во времени. Для них большое значение имеют потенциальные возможности, заложенные в каждом событии, ситуации или объекте. Этот тип ориентирован на будущее, он «способен к развитию, изменчивости, ему доступны различные дихотомии, разнонаправленные вектора времени» [43, с. 23], этот тип обладает преимущественно дивергентным мышлением и прогностическим характером планирования времени.

Третий тип наиболее сложный в темпоральном отношении и обладает наибольшим количеством степеней свободы во времени. Он имеет субъективную метрику времени, его внутренний опыт, течение и переживание времени зависят от состояний сознания. В деятельности он использует разнообразные стратегии, которые сочетают гибкость и целенаправленность, конвергентное и дивергентное мышление.

3. ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСОЗНАНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ВРЕМЕНИ

В конце предыдущей главы мы попытались проанализировать функциональные связи в общей модели личностной организации времени на основе данных, полученных в исследованиях особенностей временной организации, проведенных Л. Ю. Кублицкине и О. В. Кузьминой.

В данном разделе мы также вернемся к общей модели личностной организации времени, но уже с учетом не только организации, но и всего жизненного пути.

В исследовании В. И. Ковалева первый компонент — сознание, был рассмотрен скорее как сознательность, т. е. способность только одного творческого типа личности к овладению временем и построению жизни. В работе В. Ф. Серенковой сознание было исследовано как проективная способность личности к планированию времени жизни, будущего, определению жизненных целей, планов, перспектив, т. е. в основном как осознание будущего. Оно рассматривалось не столько как когнитивная, сколько как ценностно-смысловая ориентация личности, причем в возрасте, максимально направленном на самореализацию. Но у разных типов выявилось преобладание дивергентных или конвергентных стратегий (по определению Дж. Гилфорда) планирования, индивидуализированность или стандартизированность жизненных перспектив, их оптимистичность — пессимистичность, глубина (проблемность) или поверхностность (иллюзорность) и выраженность способности видеть себя в будущем.

Чрезвычайно важным фактом, обнаруженным в исследовании Серенковой, явилось то, что у некоторых типов личности преобладало планирование дел, событий и т. д. (что обычно и планируется, прогнозируется), а у других — проблем. Получается, что у одних людей предметом планирования являются реальные, а у других — идеальные формы жизни. Это крайне существенно в следующем отношении: планирование реальных «предметных событий» является выражением

стремления личности воплотить в жизнь ситуации, известные ей из жизни других людей (например, выйти замуж и т. д.), тогда как планирование проблем является фактически определением будущих задач самого сознания, его предстоящей работы. Более того, поскольку планировались собственно личностные проблемы (личностного роста, изменения характера) или жизненные (построение других отношений с близким человеком — матерью, отцом), то их можно расценивать как проектирование внутреннего мира, внутренней жизни.

Как это расценивать? Когда планируется нечто отсутствующее сегодня, но определенное (в социальных планах), когда проектируется нечто несуществующее, но по точным заданным критериям (например, в архитектурных проектах), то сознание осуществляет проектирование будущего по определенным критериям (теоретическим при моделировании; практическим, реальным при планировании). Но когда планируется нечто глубоко личностное, проблемное, то сознание должно вырабатывать свои «опоры», критерии, контуры этого будущего идеального пространства. Это свидетельствует о детерминирующих ценностных пролонгированных способностях сознания и личности.

Личность, будущее Я, представляется не таким, как сегодня, а изменившимся. И здесь надо поставить вопрос, почему же это изменение Я не осуществимо в настоящем, а относится к будущему? Этот вопрос никогда не ставится: хотя во множестве теорий «Я-концепции» выделяются Я — реальное и Я — идеальное. Это означает, что личность осознает необходимость определенного времени для осуществления такого изменения. Будущее предстает не как то, что когда-то само собой наступит. Оно мыслится как дорога к нему, которую должен «осилить идущий», как мост, который еще надо построить, чтобы попасть на берег будущего. Иными словами, планирование будущего оказывается не планированием конечной цели = точки, желанного события, а масштаба внутреннего или жизненного труда, работы, которая может привести к будущему. А это означает, в свою очередь, что личность не бросает «якорь» в настоящем, она не заземлена на него своим сознанием, а распространена на все, что впереди и ведет вверх.

В исследовании Л. Ю. Кублицкине сознание времени изучалось в своеобразном интервью, дифференцировалось исследователем по основному критерию абстрактности—конкретности представлений о времени на абстрактные (почти философские) представления о времени как таковом, что естественно для аспирантов, изучавших философию, и на представления о личностном времени, т. е. времени жизни и особенно времени деятельности. Но в специально разработанном Л. Ю. Кублицкине опроснике предметом изучения фактически выявилось сознание как рефлексия — как обобщение своего способа действия во времени с помощью предложенных на выбор вариантов возможных «режимов» деятельности. Задача, поставленная опросником, была не простой, поскольку ни в науке, ни в обыденной жизни респонденты не сталкивались с понятием «режима» и должны были самоопределиваться сразу по отношению к нескольким режимам. Так что Л. Ю. Кублицкине выявила, хотя и по образцу, по критерию, но достаточно обобщенное определенное представление о времени, существующее в сознании респондента, и путем этого обобщения повела его к осознанию=рефлексии своего типичного способа действия, деятельности. Однако нужно отдавать себе отчет, что при отсутствии понятия режима любому человеку осуществить рефлексию своего способа деятельности во времени было бы очень сложно или практически невозможно. Можно сделать вывод, что тип, связывающий осознание времени с деятельностью, относится к функциональному (по классификации В. И. Ковалева), а с жизнью в целом — к активно пролонгированному, творчески созидательному. Философское сознание времени присуще пассивно пролонгированному типу, который не связывает сознание времени с собственной жизнью.

Кузьмина сосредоточилась (и ограничилась) в своем исследовании только двумя режимами и облегчила испытуемым задачу рефлексивного обобщения, а рефлексия своего времени респондент должен был осуществлять только по критерию успешности.

Из этого цикла исследований нельзя сделать полного вывода о степени развития рефлексивного сознания, о наличии—отсутствии рефлексии своего способа действия во времени и жизни, поскольку рефлексивные задачи трудно сопоставимы, т. к. имели разные масштабы и критерии. Можно сделать вывод лишь об адекватности—неадекватности рефлексии своего способа действия, о наличии—отсутствии четкого образа действия во времени у разных типов, т. е. о характере рефлексии. Можно сделать вывод, что рефлексия не развита у типа, который внешне детерминирован временем, и развита у типа с внутренней детерминацией времени.

Но на основе исследования О. В. Кузьминой можно выдвинуть предположение, что способность к рефлексии — обобщению своего способа действия, обеспечивается либо когнитивным механизмом (т. е. наличием развитого, точного восприятия времени), либо эмоционально-личностной тревожностью (т. е. самоконтролем как личностной особенностью), либо развитием «Я-концепции», т. е. образом Я в будущем, от которого идет обратная связь, проявляющаяся в рефлексии настоящего. Другим важным моментом для выявления способности к рефлексии является отмеченная нами выше привязанность деятельности к настоящему, а сознания — к деятельности. Это конкретное, целенаправленное, удерживающее контур деятельности сознание погружено в деятельность, его интеллектуальный механизм — в решении текущих задач. Для рефлексии же необходима абстракция от настоящего, выход за пределы пространства деятельности и обобщающая способность сознания. Ей нужны «опоры» для этой абстракции — либо извне данные, либо собственные критерии и механизмы. Судя по данным О. В. Кузьминой, тревожность у одного типа содействует рефлексии как привязанному к ходу деятельности самоконтролю. Но у другого — тревожность, «связывая» сознание, делая его задачи чрезмерно конкретными, не позволяет ему осуществить абстракцию и обобщение — «отлет» от настоящего. Таким образом, разные взаимосвязи сознания и переживания (в форме тревожности) времени определяют характер рефлексии как неотступного, процессуального контроля или как выход за пределы настоящего времени. Этот выход облегчается для респондента, если ему даются критерии для рефлексивной работы (О. В. Кузьмина предлагала критерии успешности деятельности, с одной стороны, и критерии «временные ценности», с другой).

Критерий успешности деятельности сам получает разную трактовку у разных типов, поскольку для одних — это объективный критерий продуктивности деятельности (отсутствие ошибок), для других — субъективный (легкость способа деятельности, адекватная внутреннему ритму требуемая экспериментатором скорость выполнения задания). Можно себе представить, что если испытуемый сбивался со своей привычной скорости, ритма, «размерности» в осуществлении деятельности, в его рефлексии проявлялась отрицательная модальность.

Можно предположить, что развитое восприятие времени косвенно связано с четкостью внутреннего ритма и способствует (как следует из результатов связи рефлексии и восприятия) рефлексии как внутренней четкости деятельности. Здесь рефлексия в известном смысле тоже «погружена» в деятельность, неотрывна от нее, но она обеспечивается не тревожной напряженностью, а, напротив, спокойным чувством ритма времени.

Но эти соображения требуют дальнейшей проверки, поскольку в исследовании Л. Ю. Кублицкине и В. Ф. Серенковой респондентами были студенты, а у них

преобладает ориентация на будущее над рефлексией настоящего, т. к. рефлексивная способность, умение формироваться в решении жизненных противоречий, преодолении трудностей деятельности, которой у студентов еще нет. Проблемность жизни и деятельности развивает рефлексивную как жизненную способность личности.

Может ли быть найдено общее основание при сравнении характера и роли переживаний в разных исследованиях для уточнения общей модели личностной организации времени? В исследовании Л. Ю. Кублицкине переживания, выявлявшиеся по классическим методикам Кнаппа и др., были собственно эмоциональными характеристиками времени как такового, подобно тому как у некоторых типов сознание было определением характера времени (что было включено в качестве специального экспериментального задания в последующей работе Н. Ю. Григоровской). В работе О. В. Кузьминой эмоциональная составляющая была исследована в качестве личностной тревожности (что прямо не сопоставимо со способом переживания времени). В исследовании Т. Н. Березиной удалось выявить проявления в образной сфере, отражения в ней гибких и значимых личностных переживаний=событий, их место в жизненном пути личности. Эти переживания не вербализуемы, как в первом случае (Л. Ю. Кублицкине), и не диагностируемы как свойства личности во втором (О. В. Кузьмина). Они иногда вытесняемы и с трудом или медленно воспроизводимы. Н. Ю. Григоровской удалось выявить некоторые проявления эмоциональной сферы в виде образов, рисуемых самим субъектом, и в виде метафор, а Т. Н. Березина выявила личностные переживания (но не переживания времени, а переживания событий в самой жизни, происходящих в определенное время). Если суммировать все данные Н. Ю. Григоровской, то можно выявить общую направленность, или «тон» эмоциональной сферы, проявляющуюся в свободном или несвободном отношении ко времени, и ее функцию как ресурса сознания времени.

Если две первые работы (Л. Ю. Кублицкине и О. В. Кузьминой) позволили выявить роль переживания как блокирующую или активирующую связь сознания и деятельности, о чем выше уже говорилось, то две вторые открыли принципиально новые способы (методы) выявления эмоциональной сферы, личностных переживаний во времени жизни, как определенным образом координирующих соотношение ее прошлого, настоящего и будущего, влияющих на характер жизненной линии и собственно личностных временных эмоциональных тенденций, проявляющихся в разных интегралах типов личностной организации времени.

Поскольку жизненные эмоциональные события глубоко индивидуальны и по времени, и по роли в жизненном пути, то Т. Н. Березина придерживается принципа рассмотрения «случаев», которые, однако, высвечивают закономерности изменения характера жизненного пути и его линии. Н. Ю. Григоровская же, вобрав в свою модель максимум временных измерений и выделив основные факторы, сумела получить типологию личностных способов самореализации во времени жизни (она, так же как и О. В. Кузьмина, дополнительно измеряла личностную тревожность, что делает их данные в некоторых аспектах сопоставимыми).

Резюмируя результаты ее исследования, можно сказать, что в данной типологии составляющие комплекса (или способа организации времени) представлены в своих функциональных связях друг с другом. Например, рассматривается не просто то, как планируется время, а то, как данная способность увеличивает временные возможности личности. Особенно существенно, что бессознательная сфера личности рассматривается как ресурс сознания и условие свободы в отношении личности ко времени. Бессознательную «составляющую» пока довольно сложно категоризовать в принятой психологической системе понятий. Мы попытаемся сделать это на основе обеих проведенных работ ниже. В работе Н. Ю. Григоровской

к ней относятся и образный, и смысловой, и эмоциональный, и целеволевой компоненты. Но опять-таки важно то, что исследователь, не проводя строгого «анатомического» анализа этого уровня, подчеркивает его целостную функциональную роль как «имманентной семантики личности», как «эмоционального тона», окрашивающего это бессознательное отношение.

В целом же работа, во-первых, подтверждает ранее полученные данные о том, что (назовем это, как в начале) переживание времени может быть блоком связи сознания и деятельности, и, во-вторых, выявляет новое положение, что оно дает ресурсы сознанию, аккумулирует, высвобождает сознание и саму личность в ее взаимоотношениях со временем. Интересно, что рассогласование сознательной и бессознательной сфер организации времени создает такое «напряжение» для самой личности, которое сужает пространство ее активности до момента настоящего и, не позволяя пережить всю его полноту, ограничивая способность сознания личности испытать его как ценность, одновременно блокирует и будущее.

Большая слаженность, согласованность сознательной и бессознательной сфер дает личности возможность маневра, гибкости и тем самым уверенность владения временем, чувство удовлетворенности предоставленными им возможностями, отсутствие напряжения, догматической привязанности к срокам. Сама личность переживает себя как проект, осознает свою перспективность. Соотношение прошлого, настоящего и будущего не задается их объективно временной последовательностью, а создается как композиция самой личностью. И, наконец, у типа личности, обладающего реальным ресурсом бессознательного в виде его разнообразия, время целиком ценностно, поддается расширению и углублению. Становится совершенно свободной композицией субъекта, вбирающего в нее все многообразие и «полифонию» времен.

Итак, у первого типа время линейно, точно и имеет жесткую последовательность, у второго — диахронно, дивергентно, подчинено воле субъекта, способного гибко обращаться с ним, развивать разнообразные тактики. У третьего — время внутренне детерминировано, поэтому ценностно, субъективно безгранично, а субъект обладает способностью строить свои стратегии, свои композиции разных времен (в том числе за счет способности планирования времени, придающей ему уверенность).

На основании этой типологии и рассмотренных Т. Н. Березиной «случаев» воплощения в образной сфере личностно значимых событий прошлого рассмотрим проблему переживания времени. Переживание времени как составляющая общей модели личностной организации времени, которое с разных ракурсов разными методами было исследовано в цикле наших работ, требует более углубленного теоретического анализа и в общем, и в типологическом ключе.

Относится ли переживание времени к сфере бессознательного, как считает Н. Ю. Григоровская, или неосознаваемого? Является ли переживание времени в качестве особого феномена, выявленного Л. Ю. Кублицкине с помощью методик Кнаппа и др., именно переживанием времени как такового или переживанием чего-либо, происходящего в это время?

Чрезвычайно важным для ответа на эти вопросы нам представляется исследование А. О. Прохорова, которое осуществлялось совершенно независимо от нашей концепции и эмпирических исследований. Во-первых, он выделил как основную категорию ситуаций, с которыми связаны переживания, и дифференцировал их на обратимые и необратимые во времени. К первым он отнес те ситуации, в которых «действие не завершено и субъект всегда может вернуться к ее разрешению. Например, изменить свое поведение, улучшить коммуникацию и общение, попытаться изменить поведение своего партнера и т. п.» [93, с. 28]. «Иная картина характерна для необратимых ситуаций. В этих ситуациях действие

завершено и событие невозможно изменить. Как правило, к этим событиям относятся потери близкого человека, измены в семье, несчастные случаи, длительные травмирующие ситуации (например, пьянство мужа), развод, несправедливость с последствиями, клевета, тяжелая неизлечимая болезнь» [93, с. 29]. Острое негативное подавляемое состояние людей переходит в равновесное либо в неравновесное состояние низкого уровня, которое длительно в силу необратимости ситуации. В необратимых ситуациях автор выявил у респондентов искаженное восприятие времени, у некоторых — «перегиб» жизненной линии (отмеченный в работе Т. Н. Березиной): «жизнь как будто бы разделилась на до и после события», чему способствовали амнезия памяти, притупление мышления, погруженность в боль утраты, горе. В обратимых ситуациях, напротив, появляются острота мышления, концентрация внимания на ключевых моментах ситуации. Некоторые субъекты прибегают к творчеству — пишут стихи и т. д., что способствует повышению психической активности, энергетике субъекта и переходу его в более устойчивое состояние. Способами преодоления неравновесных состояний являются либо приобретение жизненного опыта преодоления кризисных ситуаций и, как следствие, появление новообразований в структуре личности, изменение ее отношений — «другой путь — сознательное овладение субъектом способами саморегуляции» [93, с. 37]. Следует отметить, что ни в работах Л. Ю. Кублицкине и О. В. Кузьминой, ни в диссертации Н. Ю. Григоровской не был выделен критерий позитивных—негативных переживаний, которые выявила Т. Н. Березина. А. О. Прохоров, как будет показано далее, выделил фактор положительных—отрицательных состояний, что является критерием переживания времени.

В качестве негативных неравновесных состояний выступают страх и апатия (см. об этом ниже), влияющие на волевые процессы и мышление, а также состояние неудовлетворенности. В комплексе, который связан с позитивными переживаниями, наблюдается повышение волевой активности, легкость, раскованность (свобода) переживаний, повышение активности воображения, веселость и т. д. Этот комплекс А. О. Прохоров называет фактором активности процессов и переживаний; в его состав входят следующие психические процессы: активация восприятия, мышления, возрастание речевой активности и рост адекватности поведения. Хотя А. О. Прохоров выделяет эти моменты как разные плеяды, в целом их можно назвать активностью (переживаний, поведения, психических и личностных процессов).

Третьим ключевым моментом является дифференциация самих состояний на кратковременные и длительные. Это чрезвычайно существенно в свете показателя, положенного в основу типологии Ковалева — фактора ситуативности—пролонгированности как характеристик личностной организации времени. А. О. Прохоров, так же как Н. Ю. Григоровская, вышел к комплексным (плеяды) характеристикам активности, прежде всего определяемым по параметру связанности или низкой связанности («рассеянности») показателей (при длительных неравновесных состояниях), а также по их низкой вариативности (устойчивости) и низкой энергетической составляющей, низкой интенсивности. Очень существен факт, указывающий на сходство с пассивно пролонгированным типом (по В. И. Ковалеву), что длительные отрицательные состояния активизируют интеллектуальную сферу личности (отрицательные, негативные состояния активизируют, по его мнению, рефлексивные процессы, направленные на принятие решений в трудных ситуациях, на функционирование моделей устойчивого поведения), вследствие чего субъект приобретает новые знания, смыслы и в конечном итоге выходит из длительных негативных состояний.

Резюмируя интересные данные, полученные А. О. Прохоровым теоретико-экспериментальным путем, можно отметить следующие параметры его анализа равновесных—неравновесных состояний.

1. Обратимые — необратимые ситуации.
2. Ситуативно пролонгированные состояния.
3. Позитивные — негативные состояния
4. Активные — пассивные состояния.
5. Концентрированные — «рассеянные» связи их психических составляющих.
6. Напряженность и когерентность показателей негативных состояний выше, чем позитивных.

7. Формирование новообразований в структуре личности, с одной, и влияние ее характера, с другой стороны.

8. Вариативность — устойчивость состояний. По поводу этих данных можно высказать следующие комментарии. Во-первых, сами ситуации имплицитно охарактеризованы как негативные, трудные. Отсутствует анализ роли позитивных обратимых и необратимых ситуаций, который, в свою очередь, очень важен для выявления параметра позитивных пролонгированных состояний. Существуют ли таковые? По-видимому, для активно пролонгированного типа (по В. И. Ковалеву) и третьего типа (по Н. Ю. Григоровской) характерны именно позитивные состояния, поддерживающие и питающие ее активность. Далее, в этой связи важно выявить, существуют ли позитивные, но пассивные пролонгированные состояния? Иными словами, анализ разнообразия состояний еще должен быть продолжен.

Во-вторых, для нас существенно, что сами состояния в понимании А. О. Прохорова не являются переживаниями времени как таковыми, но они являются длительными (пролонгированными) или ситуативными, т. е. переживаниями во времени. В-третьих, термин «состояние» фактически эквивалентен не столько эмоциональной характеристике, а комплексу всех психических процессов, который приобретает разное функциональное значение именно для определенной цели — выхода из трудной ситуации. Но крайне важен отмечаемый при этом факт, подтверждение которому получено и Григоровской, — свободы, легкости переживаний. В отличие от нее, здесь этот факт не рассматривается в своей функциональной роли по отношению к уровню сознания. Скорее, в такой роли рассматриваются негативные, маловариативные переживания, поскольку они актуализируют рефлекссию, интеллектуальные процессы. Но тем не менее он крайне важен сам по себе.

В-четвертых, анализ уровня и характера состояний только в отдельных своих аспектах подводит к раскрытию их личностной функции (новообразований) и связи с характером личности.

Однако хотя понятие состояния не является эквивалентом понятию переживания (эмоционального), сам факт выделения их позитивной креативной модальности служит существенным дополнением к характеристике переживания времени как личностного состояния постольку, поскольку эта модальность нами ранее в достаточной степени не учитывалась. Мы получаем возможность сопоставления длительности—краткости позитивных—негативных состояний не только с характером самой личности, не только с ее выходом из необратимой ситуации (как в анализе А. О. Прохорова), но с линией жизненного пути, с жизненной позицией.

Представляется, что переживания: и ситуативные, и пролонгированные, и положительные, и отрицательные, — влияют не только на внутреннюю организацию психических процессов (имея в виду и самые высшие — интеллектуальные, волевые и т. д.), что проанализировал А. О. Прохоров, но и на оптимистический или пессимистический, а также на внутренний и жизненный «уклад» или ценностно-временной способ жизни личности. И негативные переживания способны питать не только рефлекссию, но и творчество, как это очевидно из биографий великого Бетховена, Ницше и других выдающихся личностей. Пассивность в реальных ситуациях, беспомощность в жизни, напротив, не препятствовали основанному на

трагическом отношении к жизни, напряженному, неустанному творчеству. Также, по-видимому, существуют и пролонгированные позитивные состояния, которые вызваны не ситуациями, с чего начинается и на чем основывается А. О. Прохоров, а детерминированы самим субъектом, им удерживаются и развиваются.

По-видимому, очень существенные в разных своих модальностях переживания, будучи неосознаваемыми, не составляют собственно сферы бессознательного, которое, на наш взгляд, более разнообразно по своим модальностям, более вариативно (вариабельно, в смысле смены позитивных и негативных, стенических и астенических эмоций), более динамично, в силу чего его трудно четко дифференцировать на ситуативные и пролонгированные состояния. Волевые механизмы чаще всего вообще осознаваемы, произвольны, т. е. личностно детерминированы, поэтому они не могут быть отнесены к сфере бессознательного, даже полностью к категории «состояния», составляющей структуру неосознаваемого.

Очень сложной проблемой является понятие «образа» как составляющего бессознательной сферы. По-видимому, те образы, которые поддаются вербальному и графическому изображению, относятся не к бессознательной, а неосознаваемой сфере, хотя нельзя отрицать наличие символических эмоциональных образов на бессознательном уровне. Важен тот факт (обнаруженный сначала Т. Н. Березиной одним методом, а затем Н. Ю. Григоровской — другим), что образные «данные», которые, как правило, в отечественной психологии относятся к сфере отражения действительности (образы как категория восприятия и т. д.), на самом деле являются выражением состояний, смыслов и внутреннего мира субъекта. Это следует из нашего понимания положения С. Л. Рубинштейна о созерцании как особом, кроме познания и деятельности, отношении субъекта к действительности.

Причем крайне существенно то, что образы — эти, казалось бы, в высшей степени мимолетные, динамические и произвольные (как образы воображения) конструкты — запечатлевают в себе прошлое и доносят его до настоящего. Они воспроизводят в иной форме (причем поддающейся объективному анализу) то, что происходит во внутреннем мире личности, ее неосознаваемые глубоко личностно значимые переживания.

Главным выводом этих рассуждений является то, что «материалы», данные, проявляющиеся в образах, выявляют и несут в себе смысловые характеристики неосознаваемых переживаний. Не сами по себе переживания длительны или ситуативны. Они таковы, если учитывать только их детерминацию ситуацией, а не субъектом. Они ситуативны или пролонгированы в зависимости от их смысла для личности. Он придает им временное измерение, поскольку могут быть осмысленными, иметь глубокий смысл и негативные, отрицательно эмоционально окрашенные переживания. Обычно этот аспект упоминается в связи с проблемами памяти, воспоминаний, которые могут носить как произвольный, так и непроизвольный характер (как поется в старинном русском романсе, «вспомнишь и лица, давно позабытые»). Но в нашем случае не функция памяти, а функция смысла состоит в том, чтобы записать в книге внутреннего мира глубочайшие потрясения. На таком «коде», языке, который, не будучи доступен произвольной интроспекции, может быть «считан», реконструирован особым исследовательским методом (как это удалось сделать нашим исследователям Т. Н. Березиной и Н. Ю. Григоровской). Если в культуре символы народов воплощены в предметной форме, то в индивидуальном бессознательном смыслы воплощаются в образах. И именно воплощение смысла в образе придает ему особое временное измерение и делает его фактом существования субъективной реальности.

Личностная организация времени связана со временем — длительностью актуальности смысла, а эта актуальность определяется его ролью в ансамбле

многих личностных смыслов в ее внутреннем и интернально-экстернальном пространстве. Переживания через смысл актуализируют мотивацию, в свою очередь порождают поведение, поступки, включение в деятельность.

Смыслы — это первый уровень временной, собственно личностной организации. Личность не обязательно рефлексивно преодолевает негативные состояния (как считает А. О. Прохоров), они — эти тяжелые переживания — сами прекращают свое существование, заканчиваются, когда теряется смысл или они вытесняются другими. Если смысл приобретает роль доминанты и осознается как событие жизни, он, концентрируя волевые, интеллектуальные усилия личности, приобретает характер устойчивого жизненного отношения.

Независящее от личности структурирование времени — это смыслы, а зависящее, определяемое и удерживаемое во времени — отношения, совокупность которых образует и пролонгированную, и устойчивую, т. е. одновременно константную жизненную позицию. Категория, с которой нужно, по-видимому, начинать анализ на неосознаваемом уровне, — смысл, а на сознательном — отношение. И, в свою очередь, одни типы личности с преобладанием неосознаваемого уровня во временной организации более, как показала Н. Ю. Григоровская, «чувствительны к различным возможностям, не имеют жесткой или однозначной связи прошедшего, настоящего и будущего» [43, с. 20]. Их открытость, проективность определяется динамичностью их смысловой сферы. Другой тип, с преобладанием сознательной организации времени, оказывается обладающим свободой отношения ко времени в силу того, что имеет собственные временные координаты — отношения, владеет способностью планирования, рефлексии. Этому типу свойственна опытность и уверенность, что и обеспечивает его свободное отношение ко времени.

Итак, можно дифференцировать сферу неосознаваемого уровня личностной организации времени на неосознаваемое, но могущее быть осознанным (по С. Л. Рубинштейну), и собственно бессознательное. Пока нельзя утверждать определенно, что смыслы относятся именно к сфере бессознательного; можно согласиться со Славской, которая, опираясь на понятие А. Ф. Лосева «лектон», как обозначающее знаемый, но не фиксированный смысл, дифференцирует неосознаваемые смысловые интерпретации и собственно бессознательные. Эта дифференциация может быть подтверждена именно изучением временного аспекта личностной организации. Переход от динамической и непрерывно континуальной сферы сознания личности к структурированно континуальной происходит на грани бессознательного и неосознаваемого. Смысл есть способность удержать во времени переживание, продлить последнее во времени. В самом начале данного параграфа мы упоминали важнейшее положение, сформулированное Григоровской: отношение ко времени не составляет особого отношения, оно пронизывает систему всех личностных отношений. Обобщая проанализированные нами исследования, можно сделать выводы относительно общей модели личностной организации времени.

Самым «проблемным узлом» этой модели является переход от бессознательной сферы к неосознаваемой и от нее к сознанию. Бессознательная сфера это, согласно Фрейдю, бессознательное влечение личности, основанное на сексуальности; согласно К. Г. Юнгу — коллективное (архетипы) и индивидуальное, находящиеся в сложных соотношениях. Не обсуждая здесь темы структуры и функции бессознательного, выходящей за пределы нашей проблемы, можно сказать только, что оно и непрерывно динамично во времени, процессуально (по С. Л. Рубинштейну и А. В. Брушлинскому) и одновременно обладает некоторой аморфной статикой, связанной с экзистенциальностью, телесностью индивида, и особой статикой коллективного бессознательного. Важно, однако, пока только то, что оно образует глубинный континуум внутренней организации времени. Он — этот континуум — это

экзистенциальное время личности, время ее существования. В этом континууме впервые появляется потребность «отметить» свою экзистенциальность, эмоционально «пережить» ее. Такое переживание, в отличие от первичного влечения, — это воспроизведение одной экзистенциальности в другой и через другую. Это воспроизведение есть отрыв времени воспроизведения от того, что воспроизводится, — первичная экзистенциально-психическая абстракция. Этому пласту психики соответствует «лектон» как первое структурирование внутреннего времени в интуитивном смысле — в интерпретации (А. Н. Славская). Это связано с процессами индивидуации (по К. Г. Юнгу), т. е. самотождественности как первой «остановки», даже приостановки движения психического во времени.

Затем появляется потребность выразить себя. Эта потребность реализуется через интеграцию внешнего и внутреннего уже в форме смысла. Можно сказать, что через смысл личность переживает себя — как себя в мире и мир в себе. Смысл есть квантование времени, фиксация этим временем непрерывной континуальности психического. Смыслы — это уже не столько эмоция, сколько переживание в общепринятом смысле слова: переживание = понимание. Однако в данном своем аспекте смысл есть «единица» внутреннего времени, в другом — средство в структуре внутренних часов, образуемых интерпретационными композициями в смысловом пространстве. Смысл оказывается минутой, или часом, или неделями и годами внутреннего времени в зависимости от способности переживания «удержаться» во времени (или обратно — смысл удерживает переживание). Однако при недостаточной определенности этих отношений важно одно выявленное А. Н. Славской положение, что смысл — «единица, составляющая систему интерпретаций, т. е. связей и соотношений, а связи и соотношения — это «трактовка» переживаний, внутренне воспроизводящих отношения личности с миром, его событиями и ситуациями. Это связи и соотношения, обозначение одного через другое, одного в другом и есть «имманентное» субъективное время личности, формирующееся при переходе от бессознательного к неосознаваемому». Это свое время своей жизни и есть чувство времени.

Уместно сослаться на исследование К. Хелкама, проведенное в контексте работ Ж. Пиаже и П. Жане, в котором прежде всего обнаруживается, что восприятию объективного времени ребенок учится. Он не сразу овладевает временными представлениями, которые мы бы назвали социальными (например, зная, что родители старше его, он не может быть уверен, что они родились раньше). Для ребенка чрезвычайно сложна иерархия последовательностей в прошлом времени и т. д. Но это овладение «социальными часами», которое происходит одновременно и с помощью овладения речью, уже ложится на основу внутренних «часов», внутреннего чувства времени.

Образы — это иные способы фиксации времени, в них и через них смысловая сфера соединяется с когнитивной, которая первоначально выступает как выражение внутреннего времени. Воображение — функционирование образной сферы — есть произвольный и частично произвольный механизм работы неосознаваемого. В «работе» воображения явственно проступает субъективность как свободная «игра» образами, отсутствие внешней логики в их композициях. В этом контексте интересен и объясним полученный Н. Ю. Григоровской факт, что разнообразие образного материала составляет ресурс свободы сознания. Сознание на определенном этапе овладевает способностью абстрагироваться от настоящего и переноситься в любое время и пространство исключительно в силу свободы воображения и игры образами.

Но переход от неосознаваемого уровня к осознанному, хотя часто представляется простым актом внимания, осмысления, на самом деле личностно опосредован. Динамика сознания и его консерватизм (статика) в равной мере связаны с личностными опорами, которые воплощаются в ее характере и отношениях.

Личность в отечественной психологии принято определять как устойчивый психический склад человека. Но где же в этом определении ее динамичность, проективность? Прежде всего нужно несколько переформулировать понятие «устойчивый», заменив его понятием «определенный», что не отрицает его статики как образования, но дает возможность уловить и динамику. Но глубина проблемы заключается в том, что личность и изменчива и определена (имеет свой «склад»), она разотождествляется в своем движении и снова отождествляется (идентифицируется) сама с собой. Она, изменяясь, сохраняется, т. е. ее время складывается из диалектики ее статики и динамики. Разотождествление личности происходит при построении ею отношений с другими людьми, социумом. Разотождествление связано с несовпадением идеального личностного времени и времени других людей. Но идентифицируется с собой она уже не как обособленная субстанция, а в своих отношениях, в их времени—пространстве, где существует двойная детерминация времени и временем (со стороны субъекта и со стороны самой деятельности, ситуаций и других людей).

Личностное опосредование перехода от неосознаваемого к осознаваемому уровню временной организации связано с определением ценностного времени этих отношений. В них она не только самовыражается, но и самореализуется. Сознание возникает как способность разрешения противоречий между внутренней и внешней детерминантами.

Здесь формируется его атрибутивная функция приписывания, т. е. идеальное причинение другим людям неких оценок, характеристик и т. д., и экспектации — ожидания от других людей этих оценок, мнений, поступков, т. е. проективные функции. Самым существенным, например, в экспектации является прогнозирование реальных оценок, поступков других людей во времени. Время личности и ее сознания — идеальное время и пространство, которое связано с экзистенциальным смысловым временем внутреннего и интернально-экстернального пространства неосознаваемой и бессознательной сфер. Система отношений есть система и способ идеального и реального времен, каждое из которых в своем темпе и смысле не совпадают друг с другом. За счет этого расхождения (и диссонансов), «ножниц» времен возникают акты осознания. Функция обобщения и категоризации сознания личности, обеспечивая соотношение, связь реального и идеального времен, образует семантически-смысловое пространство, «распоряжаясь» прошлым, настоящим и будущим временем. Способность сознания — это способность личности как субъекта жизни, релевантная ее времени и пространству.

Целеполагающая функция сознания более проективна, чем конкретна. Обычно ее исследовали и определяли в контексте проблемы деятельности, ее структуры. Однако жизненные цели, аккумулирующие личностную мотивацию, организующие волевые усилия с учетом общественных требований, норм и ценностных нравственных ориентации, идеалов самой личности, есть проявление сложнейшей работы сознания, которая не просто обобщает нечто сходное, но интегрирует различные модальности объективного и субъективного мира (А. Н. Славская). Они формируются человеком самостоятельно на основе осмысления всей предшествующей жизни и деятельности. В цели соотносится уже определенная, вырастающая из жизненных отношений интенция, проекция личности в будущее и неопределенность, связанная с невозможностью предугадать и предотвратить все еще отсутствующие (будущие) обстоятельства, и условия ее реализации. Выражая потребность субъекта, цель воплощает и его зависимость от отсутствия в настоящем того, что могло бы удовлетворить потребность, и стремление к этому, и готовность преодоления. Таким образом, она представляет собой не только идеальное предвосхищение будущего состояния, достижения, но и интеграцию самых разнообразных модальностей личного побуждения. В этом смысле цель не

только идеальная, но идеально-экзистенциальная проекция в будущее, характеризующаяся большой стойкостью, отвлеченностью, освобожденностью и противостоянием обстоятельствам и ситуациям, непреодолимостью, направленностью. Цель, таким образом, это не только способность сознания, но жизненная способность личности.

Осуществление целеполагания предполагает актуализацию и преобразование важнейшей личностной жизненной способности — ее притязаний. Притязания — это также проективная модальность личности, выражающая комплекс ее требований к себе, оценку себя, своих желаний и надежд, обобщенное сознанием представление о «Я», концепции «Я», предполагающая то, что личность считает вправе получить от жизни, на что она рассчитывает, какое место она хочет занять и т. д. Соотношение целеполагания и притязаний в силу этого должно быть рассмотрено в следующей главе, посвященной активности личности.

Глава 4

АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ЖИЗНЕННАЯ ТЕМПОРАЛЬНАЯ СИСТЕМА

1. АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ

Активность, так же как и сознание, принадлежит к высшим жизненным образованиям и способностям личности. К их числу, как бы через запятую, мы относим и третью способность — к организации времени жизни [4, б]. Однако проведенные теоретические и эмпирические исследования уже позволяют на данном этапе, во-первых, рассмотреть эти способности более интегрированное в их взаимосвязях и взаимопроникновениях, взаимопересечениях. Во-вторых, необходимо на данном этапе дифференцировать, чтобы впоследствии соотнести, временные характеристики личностной организации (как объективной, т. е. от личности не зависящей, так и субъективной — ее самоорганизацию) и ее способность к организации времени жизни, жизненного пути, т. е. последовательность пролонгированного процесса, имеющего свою временную архитектуру, темпоральную структуру. Безусловно, что отделить одно от другого возможно только в определенных целях научной абстракции, поскольку личность как раз и «размещает» свою временную систему во времени жизни, изменяется, развивается также во времени, в определенные периоды жизненного пути. Но тем не менее такая абстракция в целях теоретико-эмпирического исследования необходима так же, как была необходима абстракция сознания, в принципе от личности не отделимого, и переживания, рассмотренных в предыдущей главе.

В предшествующих работах мы выделили две основные формы активности личности — инициативу и ответственность и, гипотетически, ее структуру, включающую притязания, саморегуляцию и удовлетворенность.

Саму активность, в отличие от ее определений другими авторами, мы охарактеризовали как способ реализации, потребности в деятельности, в общении, в самовыражении, самоосуществлении личности в формах жизни. Активность есть способ разрешения противоречия, возникающего во взаимодействии личности с жизнью, ее обстоятельствами, условиями. Это противоречие присвоения и объективации.

Присвоение — проявление активности личности в овладении культурой, опытом, социальными возможностями, «потребление» общественных благ и ценностей, использование возможностей, поддержки других людей для обеспечения своей

жизни. Потребление, присвоение может носить творческий или индивидуальный характер, проявляясь в свободном распоряжении присвоенными ценностями, духовными, культурными благами, в их преобразовании и развитии. Через присвоение осуществляется удовлетворение жизненных потребностей личности в безопасности, уровне жизни, творчестве на основе получения образования, пользования правом и материальными благами.

Объективация — в конечном итоге — то, что отдает личность обществу «в обмен» на предоставленные ей блага. Однако в сознании личности и ее реальной жизни объективация как непосредственная «отдача» обществу своих сил и способностей выступает только в деятельности, более того — в труде. Но жизненный путь, личная жизнь является такой опосредствующей в соотношении присвоения и объективации, которая скрывает их прямую связь. Личность стремится жить собственной жизнью, не только отдавая себя обществу, она хочет реализовать себя в разнообразных формах жизни индивидуальным, именно ей присущим образом. Самореализация отвечает изначальному стремлению осуществить свои возможности, прожить достойную жизнь, достичь того, чего достоин по своим критериям.

Уточнить природу и сущность активности на новом этапе ее исследования нам позволило обращение к определению личности, данному С. Л. Рубинштейном еще в конце тридцатых — начале сороковых годов в «Основах общей психологии». Он определил личность как триединство ее потребностей, мотивов, направленности — «хочу»; способностей, возможностей — «могу» и характера — «что есть я сам, каков я». Однако долгие годы и после появления этой формулы способности, потребности и характер рассматривались изолированно как разные сферы личности.

Мы попытались переформулировать это определение следующим образом. Личность есть способ связи своих способностей и потребностей, отвечающий ее характеру. При интеграции этих «составляющих», во-первых, сама личность выступает как субъект использования своих способностей для удовлетворения своих потребностей. В вышеприведенном соотношении объективации и присвоения эти модальности разорваны: объективируясь, личность отдает свои способности, присваивая — удовлетворяет потребности, но присвоение и объективация опосредованы обществом. На самом деле изначальное оно опосредовано личностью. Если личности удастся установить связь своих потребностей и способностей, то она получает возможность «дистанцироваться» от общества, получает резерв времени, поскольку становится самодостаточной, самоосновной. Она может распоряжаться своими способностями в избранном ею направлении, развивать их в заданной ею самой мере.

Соединение потребностей и способностей становится основанием развития личности, поскольку только удовлетворение потребности в самореализации ведет к развитию. Самореализация — это прежде всего применение своих индивидуальных способностей творческим образом.

Иное определение получает и характер. Это не просто волевой, сильный или слабый, цельный или противоречивый характер. Основанием определения характера становится способ «употребления» способностей для удовлетворения своих потребностей. Не следует думать, что тем самым мы приходим к эгоистическому, эгоцентрическому типу личности индивидуалиста. Потребности могут носить просоциальный характер, выражаться в мотивации служения обществу, людям, и тогда человек самозабвенно отдает свои силы, свои организаторские, педагогические, управленческие способности, всю свою энергию обществу. Он отдает их сам, по своей воле и желанию, что свидетельствует о целостности личности, ее характера. Если же личность не может удовлетворять свои потребности «своими силами», она становится так или иначе зависимой от общества, окружающих людей тем или иным образом. Она нуждается в опеке,

патро-нации или, напротив, становится потребителем общественных благ, пользователем способностей других людей, не отдавая взамен своих собственных, а потому не развивая их.

В этой «точке» лежит и ключ к способу связи внутреннего и внешнего социального времени. Становясь самодостаточной, личность сама становится субъектом, решающим проблему, как распорядиться временем своей жизни, в том числе и общественно необходимым. Если такое состояние не достигается, она так или иначе оказывается детерминированной временем внешним. Это различие типа детерминации времени или временем было эмпирически выявлено, но не объяснено.

Активность, если вернуться к ее определению после обращения к преобразованной формуле личности, оказывается интегральным выражением способа связи способностей и потребностей в соответствии — с качествами характера. До сих пор психологи, выявив важнейшую, по всеобщему признанию, высшую модальность личности «направленность», не сумели конкретизировать ее сущность. Она получила довольно плоское определение через два конкретных вида: эгоистическая (индивидуалистическая) и коллективистская.

На самом деле, действительно, активность как характерный способ связи потребностей и способностей приобретает определенную направленность в зависимости от этого способа. Ответственность (как действительный способ связи потребностей и способностей) выступает как проявление готовности личности обеспечить развитие и использование своих способностей в максимальной мере. В ответственности выступает единство гарантий перед собой и перед обществом.

Под способностями мы имеем в виду не только способности в принятом смысле слова, но силы, энергию, возможности личности, тем самым приближаясь к идее Маслоу о самоактуализирующейся личности.

Как известно, ответственность является воплощением истинного (самого глубокого и принципиального) отношения к собственной жизни и жизни вообще. С точки зрения Рубинштейна, ответственность — это не только осознание всех последствий уже содеянного, но и ответственность за все упущенное. Ответственность возникает в связи с тем, что каждое совершающееся сейчас действие необратимо. Поэтому «ответственность — это способность человека детерминировать события, действия в момент их осуществления по ходу их свершения, вплоть до радикального изменения всей жизни» [96, с. II]. Можно выделить ответственность как своего рода самоограничение («как бы чего не вышло») и ответственность, которая может проявляться в свободе своего выбора, т. е. в осознании права на него и в способности его отстаивать. Ответственность является такой формой активности, которая дает человеку возможность жить не ситуативно, а сохраняя автономию от мира и проявлять инициативу, т. е. целостно и гармонично вписаться в социальный мир. С. Л. Рубинштейн призывал к ответственности человека не только за его поступки (воплощенные планы в виде результатов деятельности), но и за судьбу способностей (тантов, данных ему природой, которые он сумел или не сумел воплотить).

Это представление С. Л. Рубинштейна о неиспользованных (упущенных) возможностях в жизни, о нереализованных способностях человека направляет внимание на то, как человек может построить жизнь, чтобы более полно реализовать свои возможности, способности в данных реальных жизненных условиях, выводит к проблеме построения жизненной стратегии. Особенно остро проблема реализации возможностей человека встает в связи с необратимостью жизни, ибо необратимость жизни требует особого отношения человека к отпущенному ему сроку (особенно к настоящему), требует от него своевременности. Своевременность — это способность человека определить момент наибольшего

соответствия логики событий и своих внутренних возможностей и желаний для решительного действия, способность определить момент готовности начать то или иное дело (не только в смысле настроения, желания и т. п., но и в смысле трезвой оценки своих «шансов» умений, учета возможных трудностей и т. п.).

Своевременность — это качественно индивидуальная характеристика отношения человека к жизни во времени, которая является не только способностью к планированию или к определению последовательности операций во времени; прежде всего это способность «разместить» свою активность во времени и обстоятельствах жизни так, чтобы она отвечала внутренним притязаниям, вела к удовлетворению и объективной успешности. Высший уровень развития этой способности означает, что вся динамика жизни начинает зависеть от ее субъекта. Ценностное отношение к жизни проявляется в мотиве успеть воплотить себя в жизни (создать что-то ценное как для самого себя, так и для общества). Эта основная потребность в объективации проявляется в стремлении расширить границы своего индивидуального бытия, т. е. воплотить (объективировать) себя на основе применения своих способностей.

Активность в таком ее понимании выступает как самоорганизация личности во времени. Сохранение целостности, установление связи потребностей и способностей становится внутренней задачей, важной в плане внешнего существования — для выстаивания в сложном противоречивом социуме и для самовыражения в нем.

Активность личности проявляется в характере притязаний, в которых заложено представление, опережающее реальное проявление достижений.

Исследованиями проблемы соотношения успеха и неуспеха с уровнем притязаний занимался Ф. Хоппе, в его работах был обнаружен существенный факт, указывающий на существование двух мотивационных тенденций «надежды на успех» (мотив успеха) и «боязни неудач» (мотив неудачи). На основе своих данных Ф. Хоппе сделал вывод о детерминации уровня притязаний личности ее индивидуально психологическими особенностями и о возможности установить на основе этих опытов стиль поведения человека в целом. Он показал также, что очень часто поведение некоторых испытуемых, их манера справляться с конфликтами в ситуации опыта, совпадает с их поведением в реальной жизни. Им были выявлены стойкие индивидуальные различия у испытуемых по таким личностным характеристикам как склонность к самоутешению или другим способам «затушевывания» неприятной действительности.

В работах Х. Хекхаузена выделяется «потребность избежать неудачи» и «потребность достижения успеха»; на основе этого критерия четко разделяются две группы испытуемых: первая ориентированна на успех, вторая — на избегание неудач. При доминировании потребности к избеганию неудач у индивидов наблюдается постановка негативно сформулированной цели и при этом явно присутствует желание событий, которые могли бы исключить неудачу, сожаление о поведении, которое привело к неудаче, или нерешительность и боязнь последствий неуспеха. Таких испытуемых часто называют «избегателями», которые опасаются неудачи и усматривают в сильном побуждении к достижению угрозу себе. Я. Рейковский называл таких людей «перестраховщиками»; они занижают уровень своих притязаний и отличаются меньшей эмоциональной устойчивостью и импульсивностью. В его работах была выявлена связь мотивации достижения с процессами целеполагания. Преобладание той или другой мотивационной тенденции, т. е. надежды на успех или страх неудачи, всегда сопровождается различиями в выборе степени трудности цели. Мотивированные на успех предпочитают цели, которые лишь незначительно превосходят уже достигнутый результат. Мотивированные на неудачу разделяются на 2 группы: представители

первой нереалистично занижают цели, так что успех становится легкодостижимым, обеспеченным, представители второй завышают цели, чем успех сразу исключается.

И. А. Джидарьян выделила особый тип счастья, характерный для этих людей, испытывающих повышенный страх перед неудачами, тревожных и эмоционально неустойчивых. Это счастье иметь и обладать тем, чем и так уже реально обладаешь и боишься потерять [48].

В дипломной работе Н. А. Растригиной, выполненной под нашим руководством, исследовалась не реальная деятельность в настоящем, а способ моделирования личностью своей активности в настоящем, на основе ее саморегуляционных возможностей. Мы верифицировали притязания личности соответственно выделенным в литературе стратегиям в ориентации личности на успех или неудачу. Мы предположили вслед за другими авторами, что неудачи порождают неудовлетворенность личности, а успех удовлетворенность. Однако эта связь представляется слишком простой, поскольку мы фактически обходим в этом предположении механизм саморегуляции. Последний был детально проанализирован нами применительно к качеству личности как субъекту текущей деятельности.

Модальности «могу» и «хочу» рассматривались как самостоятельный механизм личности, как ее идеализация своих возможностей соотносительно с желаемым. Поэтому мы исследовали не только способы связей предрасположенности, готовности, заключенные в притязаниях (ориентациях на успех—неудачу) с удовлетворенностью—неудовлетворенностью, но и связи между всеми соотношениями этого сложного показателя: ориентир на успех (неудачу) могу—хочу—удовлетворенность (неудовлетворенность).

Н. А. Растригина выдвинула гипотезу, «что не само по себе соотношение всех этих модальностей и даже не уровень их выраженности («сила» желания, «сила» возможностей) определяют личностный потенциал, а наличие—отсутствие внутренних противоречий между возможностями—желаниями—удовлетворенностью—неудовлетворенностью и ориентацией на успех—неудачу» [96, с. 26].

Основываясь на том, что, с одной стороны, оценочным критерием подлинности жизни личности является удовлетворенность — обобщенное чувство состоявшейся, удачной жизни, а также на том, что, с другой стороны, личность осуществляет свою сущность во времени и пространстве жизненного пути, целью работы Н. А. Растригиной стало «исследование механизмов самоорганизации личности, которые обеспечивают необходимый баланс сил во времени и пространстве жизненного пути». Задачей исследования явилось выявление способов самореализации личности в качестве субъекта жизненного пути во времени, т. е. приведения в соответствие целей, притязаний и возможностей с объективными требованиями жизни [96, с. 27].

«Для достижения целей исследования использовался целый комплекс методик.

1. Методика Т. Элерса для диагностики склонности личности к мотивации избегания неудачи [91].

2. Методика Т. Элерса для диагностики склонности личности к мотивации достижения успеха [91].

С помощью методик Элерса получились эмпирические результаты выраженности каждой из двух важнейших мотиваций, которые возникают при отражении субъектом объективной действительности в соответствии со своими ожиданиями, что дало возможность учесть отдельное влияние как одной, так и другой мотивации на удовлетворенность в жизни. Кроме этого, мы учли факт, что в структуре личности представлен не один, а несколько мотивов, и с учетом «борьбы» между ними чаще актуализируется тот, который более выражен или доминирует по отношению к другому. Поэтому мы вычисляли результат разницы между стремлением к успеху и

страхом неудачи с учетом влияния одного мотива на другой (доминирующий, а значит, и легче актуализируемый) мотив, преобладающий при субъективном отражении объективной действительности.

3. Методика исследования неосознаваемых временных представлений Н. Ю. Григоровской, включающая в себя определение временных особенностей личности через графические символы и ассоциации на слово «время», с помощью которой мы определили временную позицию личности и соотнесли ее с полученными результатами.

4. Оригинальная методика, позволяющая достичь цели исследования, содержала задание испытуемым «определить степень силы выраженности («могу» и «хочу») в процентном (%) соотношении». Испытуемым предлагалась задача на приблизительное определение степени удовлетворенности жизнью в категориях «сейчас», «хочу» и «могу» по шкале от 0 до 100%. Это позволяло выявлять желания («хочу») и возможности («могу») не только как состояние личности, но как потенциал уровня ее активности (динамический потенциал). С помощью этой методики удалось выявить субъективную оценку своего соотношения с объективными условиями жизни в настоящий момент — «сейчас». Оценка до 60% фиксирует результат неудовлетворенности в жизни, а оценка от 60% — удовлетворенности. Величина пространства, в котором личностью строится соотношение между наличным и желаемым результатом, (т. е. тем что «есть» и тем, каким «хочет» быть), отражает меру противоречия и вычисляется как результат разницы баллов (в %) между тем «хочу» и тем, что «сейчас» — («хочу—сейчас»).

Исследование проводилось среди студентов 1-го и 2-го курсов отделения практической психологии Института им. Н. Нестеровой и студентов 3-го и 4-го курса отделения психологического консультирования Института психоанализа. Всего в исследовании, которое проводилось как в индивидуальной, так и в групповой форме, приняли участие 67 испытуемых.

Представления испытуемых о наличии у себя возможностей («могу») дало нам основания выделить несколько важных моментов в саморегуляции личности. Во-первых, оценку своих возможностей по отношению к настоящему (что я могу сейчас), вычисляемую как результат разницы баллов (в %) между тем, насколько личность считает себя удовлетворенной в жизни «сейчас», и тем, насколько она считает себя способной достичь («могу»). Во-вторых, мы получили от испытуемых самооценку возможностей в отношении желаемого результата («хочу—могу»), вычисляемую как результат разницы баллов (в %) между тем, что личность может, и тем, что она желает. И наконец, третье — это отношение разницы «могу—сейчас»—«хочу—могу» (т. е. ближе в сторону какой оценки — того, что есть «сейчас», или «хочу», ставит испытуемый оценку «могу») дает возможность определить, на что в большей мере опирается личность в представлениях о своих возможностях — на реальную ситуацию, рассматривая свои возможности как то, что есть сейчас, или на желаемое, рассматривая свои возможности скорее как потенциал будущего.

Диапазон предполагаемых самим человеком возможностей в пространстве самореализации может быть вычислен как разница между разницей «могу—сейчас» и разницей «хочу—могу», и результат баллов («могу—сейчас» — «хочу—могу») будет являться предполагаемым личностным ресурсом, обозначенным (%) в отношении выделенного для себя пространства (объема). Каждый человек самостоятельно выстраивает и весь диапазон того пространства, в котором он осуществляет саморегуляцию, и, ориентируясь в нем, тем или иным образом оценивает свои возможности».

Последовательное сопоставление полученных эмпирических данных позволило Н. А. Растригиной определить зависимость удовлетворенности в жизни от влияния доминирующей мотивации личности, различных способов саморегуляции, учесть

условия, в которых, по самооценке личности, она самореализуется, и проверить правильность нашего предположения, соотнеся полученную оценку личностью своего потенциала (личностного ресурса) с временной позицией личности.

Собранные данные были последовательно (поэтапно) обработаны «сначала методом размещения данных испытуемых в некотором координатном мотивационно-семантическом (динамическом) пространстве с целью выявления зависимостей:

1. Между стремлением к успеху и избеганием неудач.
2. Удовлетворенности—неудовлетворенности и успехом—неудачей.
3. Удовлетворенности—неудовлетворенности с преобладанием стремления к успеху или боязни неудач» [96, с. 31].

Затем выявленные способы саморегуляций мы сопоставляли с зависимостью между «удовлетворенностью—неудовлетворенностью и:

1. Соотношением возможностей относительно наличной ситуации (субъективный ресурс) и преобладанием мотивации к успеху или избеганию неудач.

2. Соотношением возможностей и желаний и преобладанием мотивации к успеху или избеганию неудач.

3. Соотношением возможностей относительно наличной ситуации и соотношением возможностей относительно желаний» [96, с. 31].

4. В процессе обработки собранных данных были получены следующие результаты, которые можно сформулировать в виде трех пунктов:

«4.1. Не подтвердилось сделанное нами ранее допущение о том, что по мере увеличения мотивации к избеганию уменьшается мотивация достижения. Мы не обнаружили прямой связи (корреляции) между этими двумя мотивами. Однако подобное сопоставление позволяет предположить, что существуют более сложные и противоречивые связи в механизмах внутриличностной детерминации. Связи между мотивом успеха и неудачи и обеих ориентации с удовлетворенностью не являются непосредственными универсальными приемами. Для того чтобы выявить опосредствующие их звенья в системе личностной организации, мы разделили респондентов на группы по разным основаниям, о чем ниже поговорим подробнее.

- 4.2. В среднем по выработке удовлетворенность достигнутым "сейчас" не зависит ни от стремления к успеху, ни от избегания неудач.

- 4.3. Однако при более тонком способе обработки появляются интересные типологические закономерности. Если дифференцировать респондентов по уровню мотивации на группы с высокой, низкой и средней ориентацией на успех—неудачу, то обнаружится следующее:

- а) в группе, ориентированной на успех, при небольшом страхе неудач отмечена тенденция к увеличению числа недовольных жизнью;

- б) в группе, ориентированной на избегание неудач, с повышением мотивации отмечена тенденция к увеличению довольных своей жизнью;

- в) состояние удовлетворенности настоящим отмечено в группе испытуемых с высокой мотивацией к успеху и высоким показателем боязни неудач;

- г) в группе со средними показателями опыта успеха и неудач равномерно распределяются довольные и недовольные своей жизнью».

Исходя из того, что проблеме самоопределения личности составляет разрешение противоречия между условиями, обстоятельствами жизни и требованиями общества, с одной стороны, и возможностями, способностями, потребностями и целями личности, с другой стороны, задачей человека как субъекта является разрешение этих противоречий.

Основываясь на том, что «внешнее действует только через внутреннее» (С. Л. Рубинштейн), мы констатируем, что, во-первых, существует объективная логика событий, во-вторых, субъект одновременно выражает свою внутреннюю логику.

Поэтому субъект (при условии, что он является субъектом своей жизни и обладает ответственностью за то, что его жизнь зависит только от него самого), самоопределяясь в жизни, способен выделить в объективной действительности свою проблемную ситуацию, т. е. только те трудности, которые мешают его продвижению вперед, удовлетворению его главных потребностей. Следовательно, в объективной действительности субъективно выделяется проблемная ситуация, своевременное разрешение которой удовлетворяет потребности в самовыражении, самоутверждении.

В исследовании Н. А. Растригиной такими внутренними условиями являлись субъективные особенности сознания и переживания, которые влияют на временную регуляцию. С точки зрения своевременности такими особенностями являются: а) оценка реальной ситуации или мера достигнутого на данный момент времени;

б) оценка своих возможностей (относительно своих желаний и реальной ситуации); в) планирование желательного результата в будущем (исходя из наличной действительности и предполагаемых возможностей). К внутренним условиям также относились: содержательные (волевые) аспекты человека, выражающие преобладание стремления к успеху или страха неудачи, и временная позиция личности.

Внешние условия, в которых живет и действует человек, могут быть удовлетворительными или неудовлетворительными с его точки зрения; эта оценка, по всей видимости, будет отражать меру противоречия между личностью и действительностью, наличие или отсутствие у нее оптимальных способов самореализации.

Таким образом, степень удовлетворенности жизнью зависит от субъективного отражения внешних условий, соотносимых с проблемной ситуацией человека, его субъективными трудностями, мешающими продвижению вперед.

Удовлетворенность жизнью как обобщенное чувство ее подлинности возникает в результате сопоставления себя и реальных условий и обстоятельств своей жизни (а значит, принятием или непринятием этих условий как задач), с одной стороны, и наличием или отсутствием адекватного для человека способа самореализации. В этих условиях — с другой. Поэтому удовлетворенность в жизни зависит от оптимального способа соотношения внутреннего и внешнего, т. е. оценки своих возможностей, желаний в реальных условиях своей жизни и отношения к ним.

Мы соотнесли удовлетворенность в жизни отдельно с уровнем стремления к успеху, с уровнем мотивации к избеганию неудач и с преобладанием одной из двух этих мотиваций. Это дало нам возможность выразить степень противоречия между личностью (и наличием—отсутствием у нее адекватного способа самореализации) и действительностью. В результате были получены следующие данные. Во-первых, удовлетворенность в жизни не связана прямо с преобладанием в прошлом ни опыта успеха, ни опыта неудач. Во-вторых, значительное преобладание стремления к успеху отмечается либо у недовольных своей жизнью, либо у почти абсолютно (на 90%) довольных своей жизнью «здесь и сейчас». В-третьих, значительное увеличение стремления к избеганию неудач снижает оценку удовлетворенности в жизни в сторону неудовлетворенности. В-четвертых, высокая и средняя степень как мотивации к успеху, так и мотивации к избеганию неудач не связана с удовлетворенностью; но при очень высокой мотивации к успеху проявляется связь с удовлетворенностью жизнью, а при очень высокой ориентации к избеганию неудач проявляется связь с неудовлетворенностью. Получается, что только очень высокий уровень мотивации к успеху и избеганию неудач связан с удовлетворенностью и неудовлетворенностью жизнью.

Далее мы предприняли попытку выявить связь самоорганизации жизни с наличием—отсутствием противоречия, преобладанием мотивации к избеганию

неудачи или стремления к успеху и восприятием времени через ассоциации на слово «время». Результаты представлены в виде таблицы, в которой отражены различные типы внутриличностной детерминации.

Таблица 1

Временные ассоциации и мотивационные ориентации у всех испытуемых [96]

Влияние мотива	Преобладание мотивации		
	К успеху	Равенство 2-х мотивов	К избеганию неудач
Низкая	19. «Деньги, страх пустоты, спешить, незаполненность» 17. «Волна, солнце с лучами, оси координат» 7.	22. «Вечность, пустое пространство, время не существует»	
Средняя	9 «Мгновение, жизнь, смерть» 8. «Бесконечность, ускользающее, времена года, быстротечность, история» 10. «Вода, течение, циркуляция, движение вперед, прямота, солнце» 28. «Деньги, опыт, работа, знание, космос, жизнь» 35 «Вода, жизненной силы» 42.		5. «Бесконечность, смысл вечности, универсум» 6. «Часы, свидание, Вселенная, работа, самоактуализация» 56. «Бесконечность, песочные часы» 62 «Дети, жизнь, опоздание, стаж, часы, возраст» 9. «Бежит, песчинки падают, много, оно проходит, но еще есть»
Высокая	«Басы, деньги, пунктуальность» 48. «Часы, лекция, досуг, отдых, стрелки, утро, года, века, эра» 58. «Сила, мощный поток, Млечный путь, песок» 61. «Деньги, старость, песок. МУДРОСТЬ» 3. «Скорость, необъятность, напряженность, полет, стремительность»	11. «День, ветер, музыка, стрелки, воздух» 16. «Возраст, луна, смерть,	2. «Изменение, вращение, намерение, осуществление, путь» 47. «Жизнь проходит, бесконечность, вечность,

от
17

14. «Песок, вода,
облака, плывут, дорога»
40. «Возраст, бежит,
деньги, опоздание, жизнь»
25. «На данный момент всепесок, вода,
хорошо»

Кипр, помидоры» бездна, карающий меч» 49.
31. «Вечность, «Жизнь, деньги, часы,
отрезок, взлет— секунды, река, коротко,
падение» 32. срочность, рождение,
«Дорога, течение старость, мудрость»
реки, линейка» 63.
«Жизнь, космос,
камни»

Ни 24. «Деньги, экзамены,
зкая опоздания, не высыпаюсь»
43. «Транспорт, действие,
здоровье» 44. «Действие,
до перемены, решительность,
10 движение вперед» 52.
«Час, год, течение, путь,
период, вечер, ночь, день»
53. Жизнь, свобода, дорога
вверх» 65. «Жизнь,
непрерывность, рождение,
старость, смерть»

15. «Жизнь, год, век, і
сутки, сезон» 34. «Летит,
стоит на месте, ураган,
космос, пустота»

Ср 1. «Возраст, ступени,
ед планы, надежды, ритм,
метроном» 4. «Река, вода,
нявремена года, день
рождения, дети» 12.
от «Древность,
10 бесконечность, суета,
через, спешка» 18. «Цветы,
ДО звезды, любовь, доброта,

33. «Деньги, пистолет и
крест» 55. «Времена года»
21. «Постоянство, быстрое,
скольжение, бег» 23.
«Бесконечность, дорога»
26. «Ночь, ветер, страх,
мгла, бесконечность» 27.
«Миг, стрела, молния» 39.
«Минута, будильник,

бежит, пространство» 41.
 «Жизнь, добро, свет» 50.
 «Бесконечность, быстрое
 течение, сожаление,
 тленность, искаженное
 восприятие» 59. «Жизнь,
 течение» 57. «То
 ощущение, в котором я
 нахожусь» 67. «Жизнь,
 здоровье, дети, возраст,
 дружба»

Вы 38. «Миг, секунда,
 сокая неделя, год, вечность,
 от 17 столетия, момент, шаг,
 продвижение, победа,
 цель, надежда»

60. «Часы,
 стрелки, дни,
 года, месяцы,
 стремительный
 поток»

13. «Текущая вода,
 седина, погасший костер с
 пеплом, кладбищенские
 мотивы»

Мотивация к достижению — это характеристика мотивационно-целевой сферы, выражающая стремления человека достигать высокого уровня реализации и одновременно его настойчивость в преодолении препятствий — первая из показателей активности человека, с которой мы встречаемся при рассмотрении вопроса о взаимосвязи пролонгированной—ситуативной, активной—пассивной и внутренне—внешне заданной временной регуляции. Как уже говорилось в предыдущих главах, ориентация на будущее связана с долгосрочностью планирования (работа В. Ф. Серенковой) [105].

«В рамках нашей концепции, личность как субъект своего жизненного пути самостоятельно выстраивает стратегию самореализации в пространстве внешних и внутренних условий, субъективных и объективных возможностей и ресурсов, соотнося желательное ("хочу") с реальным, т. е. данным сейчас (внешними условиями, обстоятельствами жизни и внутренним опытом), и субъективной оценкой своих возможностей ("могу"). Субъект — тот, кто самостоятельно строит стратегию собственной жизни, придерживаясь определенной жизненной линии, ибо, как отмечено у Дж. Гибсона, "рельсы не сходятся только для машиниста". Мы можем проследить различные стратегии целеполагания и целедости-жения у различных людей, их зависимость от субъективной оценки результатов прошлого опыта и

удовлетворенности достигнутым в жизни результатом.

Преобладание в мотивации стремления к избеганию неудач или стремления к успеху влияет на процесс целеполагания и целеосуществления; можно, сопоставляя доминирующее стремление в мотивации личности с оценкой своих возможностей (субъективным ресурсом), проследить, как оценивают разные люди свои возможности и на что при этом в большей степени ориентируются.

Разница между оценкой своих возможностей и удовлетворенностью своей жизнью в данный момент будет отражать субъективную оценку возможной перспективы самореализации в сложившихся условиях и обстоятельствах жизни. Таким образом, мы получаем ряд интересных закономерностей.

1. Преобладание стремления к успеху над избеганием неудачи прямо не влияет на субъективную оценку своих возможностей относительно настоящего, т. е. оценка своих возможностей не зависит от преобладания стремления к успеху или избегания неудач.

2. Довольные и недовольные своей жизнью используют различные стратегии, на которые влияет не преобладание стремления к успеху или страха неудач, а субъективная оценка своих возможностей, которая строится либо предпочтительно с опорой на то, что есть (до 20%), либо больше рассматривается как собственный потенциал (от 20%).

Среди испытуемых с преобладанием неудач встречаются как довольные своей жизнью, так и недовольные. При этом удовлетворенные своей жизнью оценивают свои возможности, опираясь на оценку результатов, достигнутых на данный момент времени, — отношение «могу—сейчас» (вычисляемое как разница этих процентных показателей) у них меньше 20%, т. е. свои возможности они расценивают, больше опираясь на то, что есть сейчас (чем на то, чего они желают достичь). Испытуемые, неудовлетворенные своей жизнью, оценивают свои возможности значительно выше достигнутого ими на данный момент времени результата; отношение «могу—сейчас» у них больше 20%, т. е. свои возможности они рассматривают с опорой не на то, что есть в наличии, а больше как собственный потенциал.

Среди испытуемых с преобладанием успеха также есть удовлетворенные своей жизнью и неудовлетворенные. Удовлетворенные своей жизнью оценивают свои возможности, исходя из оценки результатов достигнутого на данный момент времени; а неудовлетворенные оценивают свои возможности значительно выше достигнутого ими на данный момент времени результата.

В общем, можно сделать следующий вывод: именно субъективная оценка своих возможностей относительно реальной жизненной ситуации влияет на удовлетворенность или неудовлетворенность в жизни, а не стремление к успеху или страх перед неудачей. Испытуемые, которые считают, что они способны и могут достичь гораздо большего, чем есть в настоящий момент, и рассматривают свои возможности как свой потенциал, неудовлетворены своей жизнью. Наоборот, испытуемые, которые оценивают свои возможности как незначительно превосходящие то, что есть в настоящий момент (при средних значениях преобладания успеха и неудач), удовлетворены своей жизнью».

По Н. А. Растригиной, «разница (отношение) между «могу» и «хочу» отражает степень противоречия между самооценкой личностью своих способностей и возможностей и субъективной оценкой перспективы развития в данных условиях и обстоятельствах жизни. Может ли человек в данных условиях свободно реализовать все свои желания, или испытывает трудности, или не вполне осознает, что он может и чего он хочет, поддерживая высокую самооценку (иллюзией всемогущества) и испытывая неудовлетворенность в жизни» [96, с. 41].

«Что же касается соответствия своих возможностей своим желаниям и влияние на них разницы успеха—неудачи, то данное исследование позволило получить

следующие эмпирические результаты.

1. Оценка своих возможностей относительно своих желаний не связана прямо с преобладанием стремления к успеху или избеганию неудач.

2. Удовлетворенные и неудовлетворенные своей сегодняшней жизнью используют различные стратегии, что больше складывается не под влиянием стремления к успеху или боязни неудач, а зависит от оценки своих возможностей ("могу") в отношении желаемого ("хочу").

3. Независимо от преобладания стремления к успеху или опыта неудач, неудовлетворенность в жизни возникает, если желания значительно превосходят возможности. Однако среди испытуемых с преобладанием неудач, в случае небольшого преобладания страха неудачи, довольные и недовольные своей жизнью испытуемые используют различные стратегии; а при более высоких показателях преобладания неудач у неудовлетворенных своей жизнью испытуемых их желания значительно расходятся с их возможностями. Среди испытуемых, выбирающих успех, при низких и средних показателях величина расхождения желаний и оценки своих возможностей не связана прямо с удовлетворенностью настоящим, а при очень высоких показателях стремления к успеху оценка своих возможностей близка или равна желаемому, а иногда даже превосходит желаемое.

Стратегию соотношения реального, возможного и желательного довольные и недовольные жизнью испытуемые выстраивают по-разному. Неудовлетворенные своей жизнью испытуемые оценивают реальное и возможное достаточно остро; у них разница между оценкой своей удовлетворенности "сейчас" и оценкой своих возможностей быть удовлетворенным "могу" в процентном выражении (т. е. результат вычитания баллов "сейчас—могу", который характеризует оценку возможности относительно оценки того, что есть "сейчас") не превышает 25%. При этом их оценка своих возможностей относительно желаний либо значительно превосходит их желания, либо равна им, либо их незначительно превышает (до 27%).

У неудовлетворенных своей жизнью испытуемых при значительной самооценке своих возможностей относительно реального положения дел (от 25% и выше) происходит либо снижение желаний (так, чтобы возможности превысили желания), либо совпадение возможного и желаемого, либо человек выискивает более широкие перспективы для реализации в будущем своих возможностей и все возрастающих желаний. При низкой оценке своих возможностей в настоящем неудовлетворенные жизнью испытуемые продолжают ориентироваться на свои желания, которые значительно превосходят возможности (от 30% и выше).

4. Существует группа испытуемых, у которых отрицательное соотношение между возможным и желательным. Некоторые из них в своем жизненном целеполагании учитывают свои возможности, но не видят дальнейшей перспективы (ничего не желают). Другие слишком обременены внешними, но не внутренними обязательствами, так что они желают только того, что требуют эти обстоятельства, а значит, у них отсутствует ответственность перед собой. Наконец, у третьих желания ограничиваются внутренним запретом; это может быть стратегией более высшего морально-нравственного порядка, однако в нашем исследовании эти моменты детально не анализировались.

Если удовлетворенность жизнью "здесь и теперь" рассмотреть как способность (возможность) оптимально достигать желаемого, то, очевидно, что на конкретном этапе жизни (в настоящем) разные люди по-разному оценивают свои способности координировать свои усилия для полной реализации своих возможностей. Испытуемые могут быть более ориентированы на будущее (ожидаемые последствия) или на прошлое (прошлые события), наконец, на существующие в настоящем внешние обстоятельства. Вообще-то личность по определению —

организатор своей жизни и должна бы разрешать противоречия между реальными и идеальными, реальными и оптимальными моделями поведения, но в действительности это происходит не всегда.

С учетом ожидаемых результатов своих действий человек строит поведение. Мы предложили испытуемым определить степень удовлетворенности жизнью в категориях «сейчас», «могу», «хочу» по шкале от 0 до 100%. Это позволило нам определить субъективную оценку потенциала своих личностных возможностей по сравнению со своим желанием быть удовлетворенным и их соотношение — с выраженностью удовлетворенности—неудовлетворенности сейчас.

На основе всех этих данных мы попробовали выявить способы самоорганизации личности во времени. Типообразующими были выдвинуты следующие параметры: а) преобладание мотивации достижения успеха или избегания неудачи; б) оценка личностью своих возможностей достичь желаемого относительно настоящего; в) временная позиция. Были выявлены три типа. У первого мотивация к успеху превосходила мотивацию к избеганию неудачи. У второго мотивация к успеху была близкой (или равной) мотивации избегания неудачи. У третьего мотивация избегания неудачи превосходила желание достичь успеха. ...

При этом преобладающая величина устремления к успеху не оказывает прямого влияния на удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью и на существующие противоречия (между "хочу" и "могу", между "имею" и "хочу" и т. п.). Однако чем выше желание успеха и субъективная оценка собственных возможностей ("сейчас—могу"), тем ниже степень удовлетворенности. При незначительном же преобладании стремления к успеху желания равны или незначительно превышают возможности. Оценка своих возможностей у испытуемых этого типа может снижаться с ростом стремления к достижению успеха, либо оставаться равной и даже превосходить свои желания. А в общем у представителей этого типа преобладает максимализм, ориентация на полное, абсолютное (на 100%) удовлетворение своих желаний.

Абсолютное большинство представителей этого типа жизнью довольны. Они равномерно распределяют собственные усилия по ходу жизни так, чтобы их желания не намного превышали возможности, это дает им удовлетворение своей судьбой и снижает, если не сводит вообще на нет, мотивационные противоречия. Своё настоящее они оценивают как среднее по возможностям (средние показатели разности "сейчас—могу"),

Только незначительное число представителей этого типа своей жизнью не довольны. У них отмечены крайние оценки своих возможностей (либо все, либо ничего) при незначительной мотивации к достижениям.

Таблица 4 Показатели мотивации, удовлетворенности жизнью и самооценка возможностей у третьего типа

№ респ.	Мотивация к		Разница между удовлетворенностью в жизни и возможностью	Разница между		Оценки возможностей				
	успеху	избеганию		сейчас-хочу	сейчас-могу					
49	19	21	-2	65	70	10	35	5	30	-25

27	16	18	.2	60	70	40	20	10	-	40
								30		
26	15	17	-2	25	70	75	50	45	5	40

Как показано в таблице, у представителей третьего типа субъективная возможность добиться успеха (внутренние и внешние ресурсы) увеличивается вместе с ростом желания и снижением удовлетворенности. Иными словами, чем больше человек хочет добиться успеха и чем меньше при этом он доволен собой настоящим, тем больше у него шансов получить желаемое. Субъективная возможность добиться успеха уменьшается, если желания расходятся с возможностями, а человек при этом продолжает испытывать удовлетворение от себя настоящего. Наконец, чем ниже субъективная возможность добиться успеха в настоящем, тем больше исполнение желание ориентировано на будущее (они откладываются на потом).

Попробуем проанализировать влияние оценки своих возможностей разрешить противоречие между желательным и сложившейся ситуацией у испытуемых всех трех типов, довольных жизнью и недовольных, при их ориентации на успех или неудачу». Как показывают результаты исследования Н. А. Растригиной [96], удовлетворенность в жизни прямо не связана ни с ориентацией на избегание неудач, ни со стремлением к успеху, ни с преобладанием одной из этих мотиваций; скорее, она зависит от способностей личности оптимально согласовывать свои возможности и желания со сложившимися условиями (соответствующая разность колеблется от 0 до 25). Интересно, что на самооценку испытуемых не влияют ни ориентация на успех, ни страх перед неудачами, однако значительное преобладание в мотивации личности ориентации на опыт неудач, независимо от используемой стратегии самоорганизации, приводит к снижению удовлетворенности в жизни. А чрезмерно завышенная вера в свои силы и возможности (разрешить противоречие между желаниями и сложившимися условиями жизни — разность 75—30) не связана с преобладанием стремления личности к успеху или страхом неудачи. Это выражено у каждого из выделенных типов, но преобладает у людей, неудовлетворенных в данный момент времени «сейчас».

Преобладание в ориентации личности стремления к успеху или избеганию неудачи при чрезмерно заниженной оценке своих сил и возможностей разрешить противоречия между «хочу» и «могу» также присуще представителям всех трех типов. Однако у лиц, ориентированных на успех, заниженная самооценка проявляется только у неудовлетворенных жизнью. Соответственно, у лиц, испытывающих страх перед неудачами, занижение самооценки возможно в двух случаях: у довольных жизнью — при незначительном преобладании страха перед неудачами, у недовольных жизнью — при значительном преобладании страха перед неудачей.

Полученная типология способов самоорганизации личности подтверждается и на уровне внутренних неосознаваемых темпоральных представлений испытуемых (по ассоциациям на слово «время»). Рассмотрим наиболее выраженные примеры темпоральных представлений у испытуемых различных типов с наличием мотивационных противоречий и без них (т. е. у лиц, жизнью довольных).

Сначала рассмотрим испытуемых из группы неудовлетворенных, имеющих противоречия между желаниями и возможностями, настоящим и будущим и т. д. по всем трем типам. (См. стр. 64)

Испытуемые первого типа с выраженными мотивационными противоречиями

(недовольные собой или жизнью).

№ 53. Значительная уверенность в своих силах при слабой ориентации на успех. В ассоциациях на «время» преобладает позитивный боевой настрой — «жизнь, свобода, дорога вверх».

№ 18. Значительная ориентация на успех при некотором преобладании уверенности в своих силах. Ассоциации на «время» — позитивны, но они не «боевые», в них, скорее, проявляется надежда на получение поддержки извне — «цветы, звезды, любовь, доброта, взаимопонимание».

№ 24. При очень высокой оценке своих возможностей значительно выражено стремление к успеху. Здесь испытуемый воспринимает время как некую личность, противника, победа над которым может дать большой выигрыш, борьба с ним подгоняет испытуемого. «Время — деньги, экзамены, опоздания, не высыпаюсь».

№ 19. Очень высокое стремление к успеху при обычной уверенности в своих возможностях. Время продолжает выступать личностным противником. «Время — спешить, страх пустоты, незаполненности».

№ 65. При неуверенности в своих возможностях — огромная ориентация на успех. Время выступает, скорее, как философская категория, это подразумевает то, что с ней нельзя ни дружить, ни бороться, время независимо от испытуемого и в нем проглядывает негативный компонент — «жизнь, непрерывность, рождение, старость, смерть».

№ 44. Низкая оценка своих возможностей при значительно выраженной мотивации к успеху. «Время — действие, перемены, решительность, движение вперед».

Испытуемые второго типа с выраженными мотивационными противоречиями (недовольные собой или жизнью). Таких очень мало, мы смогли выбрать только одного человека.

№ 33. Оценка полной невозможности осуществить желаемое при отсутствии доминирования одного из мотивов отражает неопределенность способов достижения желаемого (способ достичь успеха фантастичен или даже преступен). «Время — рука с пачкой денежных купюр, пистолетом и крестом на цепочке».

Испытуемые третьего типа с выраженными мотивационными противоречиями (недовольные собой или жизнью). У них преобладает страх перед неудачами при различных оценках собственных сил.

№ 41. Оценка своих возможностей как низких для осуществления желаемого при некотором опыте неудач характеризует ориентацию на помощь других и надежду на лучшее. «Время — лучик солнечного света, жизнь, свет, добро».

№ 34. Сниженная оценка своих возможностей добиться успеха при значительном опыте неудач ведет к пессимизму. «Время — летит, стоит на месте, ураган, пустота».

№ 13. При огромной убежденности в своих силах и способностях осуществить задуманное, доминирует страх перед возможной неудачей. «Время — текущая вода, седина, погасший костер с пепелищем, кладбищенские мотивы».

№ 21. Значительно выраженная уверенность в своих силах при влиянии опыта неудач. «Время — постоянство, скольжение, бег».

Далее рассмотрим примеры темпоральных ассоциаций у довольных собой и жизнью испытуемых всех трех типов. Довольные испытуемые первого типа.

№ 48. Незначительное преобладание стремления к успеху при неопределенности своих возможностей. Удовлетворенный человек никуда не спешит и не комплексует по поводу своих недостатков. Время остается свободным, и его можно посвятить отдыху. «Время — часы, лекция, досуг, отдых, стрелки, утро, года, эра».

№ 35. Преобладает уверенность в своих силах при умеренной мотивации к успеху. Время здесь воспринимается как помощник. «Время .— вода, жизненные

силы».

№ 58. Преобладает уверенность в своих силах при достаточной мотивации к успеху. И опять время выступает помощником — «сила, Млечный путь, мощный поток, песок».

Довольные испытуемые второго типа. Таких только один человек.

№ 5. Неопределенность мотиваций при равномерном распределении усилий. Время — философская категория, воспринимаемая с едва заметным позитивным оттенком — «смысл вечности, бесконечность, универсум».

Довольные испытуемые третьего типа (имеющие опыт неудачи).

№ 9. При некоторой уверенности в своих возможностях — слабый страх неудачи. «Время — бежит, песчинки падают, много, оно проходит, но еще есть».

№ 47. При некоторой неуверенности в своих возможностях — слабый страх неудачи. «Время — бесконечность, вечность, карающий меч, бездна, жизнь проходит».

Из сравнения темпоральных ассоциаций с удовлетворенностью— неудовлетворенностью и ориентацией на успех или на избегание неудачи можно сделать ряд выводов. Во-первых, внешние условия оказывают влияние на мотивацию личности, а чувство удовлетворенности и подлинности жизни является субъективным отражением внешних условий, характеризующих ее проблемную ситуацию. Значительное увеличение стремления к успеху возможно лишь при удовлетворительных внешних условиях, а чрезмерное избегание неудач — при неудовлетворительных. Это является подтверждением постулата о субъективном характере отражения объективной действительности, при котором субъект отражает реальность в соответствии с собственными ожиданиями. Во-вторых, не только особенности субъективного отражения формируют внутреннюю реальность субъекта, во многом она результат влияния активности личности (ее способов саморегуляции); например, значительное преобладание установки на избегание неудач однозначно) вызывает неудовлетворенность жизнью. В-третьих, удовлетворенность жизнью является не только обобщенным чувством подлинности жизни, но и формируется в результате сопоставления себя с реальными условиями и обстоятельствами жизни: принятием или непринятием этих условий как задач и наличием или отсутствием адекватного для человека способа самореализации в этих условиях.

В соответствии со способами реализации можно выделить несколько стратегий. Первая, когда успех или неуспех не связан ни с настоящим и с отношением «могу—хочу» для будущего. Вторая отражает интенцию в будущее («хочу» преобладает или равно «могу») независимо от успеха или неуспеха.

В данной выборке нет людей, удовлетворенных прошлым, все они ориентированы на будущее, поскольку имеют желания («хочу») или возможности («могу»), но при высокой и при низкой удовлетворенности жизнью играет роль разница между стремлением к успеху и влиянием опыта неудач. Значение движущей силы играет не сам успех, а оценка своих возможностей относительно настоящего и желаемого будущего, которая сказывается на соотношении удовлетворенности и разнице успеха и неудачи.

Завершая свое сложное исследование, Н. А. Растригина приходит к следующим выводам: «Личностная самоорганизация носит типологический характер, который обнаруживает внутренний механизм саморегуляции — соотношение между возможностями, желаниями и удовлетворенностью как итогом предыдущей и движущей силой будущей активности, а также соотношение внутреннего контура активности с внешними условиями — прошлыми, настоящими и будущими.

Гармоничность или внутренняя противоречивость активности личности во времени жизни составляет ее жизненную проблему. Решение этой проблемы в

значительной мере зависит от того, насколько личность уверена в своих силах и в своем будущем.

Главным результатом нашего исследования является эмпирическое обнаружение того, что внутренний контур активности составляет определенный интеграл, что доказывается на основе процедуры вычитания и получения разницы («ресурса») между возможностями, желаниями, оценкой того, что есть, их соотношением и т. д. и включает удовлетворенность, использующую (или не использующую) этот ресурс в последующей активности. Это и есть наличный внутренний потенциал личности.

Характеристика временной организации личности заключается в оптимальном способе соотношения своего потенциала (соотношением вышеназванной разницы «могу»—«хочу»—«удовлетворенности сейчас») и ориентации на реальную ситуацию или будущее» [96, с. 53-54].

Следует подчеркнуть, что типологические различия заключаются в том, что одни имеют динамический потенциал, а другие осознанный, что подтверждает разделение перспектив на когнитивную и личностную.

В цикле наших исследований мы отправились от теоретически выделенных, и в этом смысле абстрактных параметров личностного времени, времени личности в жизненном пути: пролонгированности—ситуативности, временных режимов деятельности, ее планирования, и главное, от несложной модели осознания, переживания и практической организации деятельности во времени. Идя от этих параметров, мы получали типологические характеристики личности именно в этих категориях. Однако с момента, когда Л. Ю. Куб-лицкине обнаружила факт внешней—внутренней детерминации времени, который никак не предполагался в наших теоретических гипотезах, мы начали все более интенсивно использовать в исследованиях различные личностные методики, как бы изменив направление: не от времени — к личности, а от личности — к особенностям ее времени. Так, уже в исследовании О. В. Кузьминой выявлялась личностная тревожность (по Спилбергеру), потребность в достижениях (по Ю. М. Орлову), личностные временные ценности. Иными словами, начал реализовываться подход, при котором выявлялись не проявления личности (во времени жизни и деятельности), не отношения ее ко времени (осознание, переживание времени), а ее собственные внутренние временные механизмы, которые описывались в традиционных личностных категориях и — одновременно — темпоральных. Так мы стали проникать «вглубь» личностной организации времени.

Огромным шагом в этом проникновении было исследование Т. Н. Березиной, выявившей особенности неосознаваемой личностной сферы, поскольку последние наиболее имманентны личности и никак не могут быть «приписаны» ей, даже в хорошем смысле, экспериментатором, исследователем.

Существенно, что если В. И. Ковалев шел от модели «личность — жизненный путь», в которой предполагалось связующее звено, и этим звеном выступил временной способ жизни личности, то Т. Н. Березина фактически исследовала модель «жизненный путь „внутри“ личности», в ее неосознаваемой образной сфере. И теоретические гипотезы, в частности, о типах жизненных перспектив, которые выдвигались нами ранее, получили подтверждение как действительные личностные реалии (о чем выше уже говорилось).

Н. Ю. Григоровская значительно расширила число изучаемых личностных модальностей — включила сознательный и неосознаваемый уровни, и даже телесный природный, базальный, выходящий, как известно, за пределы личностного, т. е. индивидуальный. Но главным достижением ее работы было то, что она поставила вопрос, каково соотношение между уровнями — прежде всего осознаваемым и неосознаваемым (в ее терминах—бессознательным), т. е. фактически вопрос о саморегуляторном механизме личностной организации

времени. На первый взгляд, в ее исследовании превалировало изучение отношения ко времени. Но фактически это уже было не абстрактное отношение к внешнему времени (выявляемое методиками Кнаппа, Кроника-Головахи, в которых испытуемый как бы выбирал, какие из предложенных в опроснике способов переживания времени он «находит» у себя или они совпадают с его способом переживания), а произвольно выраженное, т. е. внутреннее отношение. Можно привести следующую аналогию, раскрывающую принципиальное различие методов. Мы можем теоретически составить типологию ответственности и спрашивать респондентов, какой из предложенных типов он «опознает как свой» или «считает своим». Но это далеко не значит, что он реально обладает этим типом ответственности. Это можно выявить только в эксперименте.

Н. Ю. Григоровская получила данные, вскрывающие внутренние (разные у разных типов) темпоральные характеристики личностей, особенно значимые с точки зрения ресурсов, возникающих из способа связи осознаваемого и неосознаваемого уровней. Но поскольку неосознаваемый уровень был выявлен ею также скорее в аспекте представлений, образов, смыслов, то собственно «движущие силы», побудители темпоральной активности личности остались вне поля зрения. Однако тем не менее характеристика отношений личности ко времени ею была получена в ее полном объеме. Важную онтологическую характеристику этого отношения составили «телесные» показатели; фактически ею была выявлена внутренняя «архитектоника» времени, которая составляет предрасположенность к стратегии в жизненном пути, т. е. самореализации. Можно сказать, что удалось выявить не умозрительное, а экзистенциальное темпоральное отношение личности, ее самовыражение во времени. Типология Н. Ю. Григоровской показала, что эти отношения, способ самовыражения не просто различаются у разных личностей. На первый взгляд, в наборе не присутствовали категории жизненного пути (ни образы событий, как у Т. Н. Березиной, ни планирование будущего, как у В. Ф. Серенковой), но оказались получены такие интегральные показатели отношения личности ко времени, которые содержали емкую характеристику — внутреннюю концепцию времени, специфическую для каждого типа, в соответствии с которой его представители и будут строить свою жизнь.

Н. Ю. Григоровская выявила не отношение ко времени жизни (ее масштабу, периодам и т. д.), а временную организацию личности, которая неизбежно проявляется в способе жизни, в темпоральном структурировании ее в соответствии со своим отношением. Н. А. Растригина, частично используя методики Н. Ю. Григоровской, пошла в своем исследовании от другого «отправного пункта» — от мало освоенной модели личности С. Л. Рубинштейна («могу», «хочу» и «я сам»), опираясь одновременно на идею саморегуляции и разработанную нами модель семантического интеграла активности личности. Она отправлялась от активности, ее гипотетического механизма, который до сих пор не был исследован. Ее респонденты не рассуждали о времени, не продуцировали его образов, не определяли своего к нему отношения, они (рефлексивным, осознанным путем, т. е. на основе самонаблюдения) определяли меру своих желаний, возможностей, удовлетворенности, а экспериментатор выявляла (по методике Эйлерса) профиль их притязаний (ориентация на достижение успеха или на избегание неудачи). В работе речь шла не впрямую о временной организации личности, а опосредованно — о ее временной позиции. Но оказалось, что изученная в собственно личностных категориях архитекtonика активности каждого типа дает ответ на вопрос о личностном временном ресурсе причем не том, который выявлялся у Н. Ю. Григоровской через соотношение неосознаваемого и осознаваемого уровней, а том, который дает ответ на вопрос о «движущих силах» личности, о ее в широком смысле слова импульсе. Но если ранее предполагалось, что движущая сила — это

мотивация, или даже мотивация достижений, притязаний личности, то в данном исследовании было доказано, что это интегральная характеристика, во-первых, и, во-вторых, ее «сила» зависит от соотношения («разницы») составляющих. В более теоретическом выражении активность как личностный «двигатель» определяется тем, как сама личность (осознанно или нет) связывает свои потребности и «способности» на основе характера, а свои притязания и удовлетворенность через самореализацию. Выявился своеобразный КПД активности личности (включающий и вариант «плато» — пассивность). Таким образом, можно записать ряд следствий.

1. Нашла свое эмпирическое подтверждение идея семантического интеграла и как структуры, и как движущей силы активности личности.

2. Выявились не только теоретически определенные составляющие интеграла — притязания, саморегуляция, удовлетворенность, но именно интегральный способ их связи, имеющий выраженный типологический характер.

3. Удалось выявить семантику этого интеграла не только путем подсчета непосредственных корреляций между притязаниями, саморегуляцией и удовлетворенностью—неудовлетворенностью, но и:

а) типологической конкретизации притязаний (ориентация на успех или на избегание неудачи); б) конкретизации механизма саморегуляции в личностных модальностях «могу»—«хочу» (С. Л. Рубинштейн) и степени их выраженности; в) путем выявления связи «могу» и «хочу» с настоящим и будущим, т. е. временной позицией личности.

4. Путем подсчета разницы этих модальностей выявилась оценка личностью своих возможностей в отношении настоящего, в отношении желаемого результата и интегральный показатель — личностный ресурс, который очерчивает диапазон возможностей человека в том пространстве, в котором он осуществляет саморегуляцию.

Установлено, что только уровень мотивации успеха или неудачи связан с удовлетворенностью, что оценка своих возможностей не зависит от преобладания мотивации успеха или неудачи, что удовлетворенные жизнью оценивают свои возможности применительно к данному моменту (к наличным достижениям), а неудовлетворенные рассматривают свои возможности не с опорой на наличные достижения, а на собственные потенциал, т. е. эти два типа используют различные стратегии не под влиянием стремления к успеху или избегания неудачи, а благодаря оценке возможностей «могу» относительно своих желаний «хочу». Но при высоких показателях преобладания неудач у неудовлетворенных жизнью их желания сильно расходятся с их возможностями, а при высоких показателях успеха оценки возможностей и желаний — равны, а иногда первая превосходит вторую. У неудовлетворенных оценка возможностей превосходит их желания или практически им равна. Но уровень их оценки своих возможностей определяет ориентацию на желания: при высокой оценке возможностей в настоящем они начинают превышать желания, т. е. респонденты не видят дальнейшей перспективы или ответственно выполняют только необходимое (долг в силу внешних обстоятельств). Чем выше оценка собственных возможностей и желание успеха, тем ниже степень удовлетворенности .

Здесь удалось вплотную подойти к объяснению гипотетически выявленной «двуликкой» роли удовлетворенности — в одних случаях завершающей активность, погашающей ее («срок»), в других — побуждающей именно дальнейшую активность, пролонгированность. Об удовлетворенности, оказалось невозможно говорить абстрактно, а только соотносительно с другими составляющими интеграла.

Таким образом, Н. А. Растригина «вернулась» на новом витке к теоретическим категориям В. И. Ковалева о пассивности—активности личности во времени. Но выявленный ею механизм, будучи органически соединен с результатами Н. Ю.

Григоровской о способе самовыражения во времени, дает возможность не только сделать теоретическое допущение о ситуативности—пролонгированности активного и пассивного типов, а говорить о том, какой «силы» активности (соединенной с временной позицией) «хватит» на какой масштаб жизни, на какую ее «мерность» не в чистых категориях длительности времени, а в категориях трудностей, неожиданностей, одновременностей, своевременности, способна личность.

Данные Н. А. Растригиной позволяют сделать прогноз, не какую «дистанцию» (короткую или длинную) «пробежит» личность в жизни, а какой ресурс активности и прочности, устойчивости она имеет, чтобы вступить во взаимодействие с жизнью. Однако «двигателем» является не только активность. Мы не можем исключить совершенно не исследованную нами эмпирически роль уровня развития личности и как движущей «силы» активности. К анализу этой сложной проблемы — в силу минимума данных о развитии взрослой личности — мы и обращаемся.

2. АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И НЕОБЫЧНЫЕ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Нам, живущим в потоке времени, довольно сложно судить о том, что представляет собой весь поток. Для этого хорошо бы вырваться из времени, воспарить над ним и взглянуться бесстрастным оком в оставленную стихию. Или же, чтобы нас вырывали из потока какие-то силы, и тогда, может быть, на короткий миг время откроет перед нами свои глубины и продемонстрирует свойства, о которых пока мы даже не догадываемся. Возможно, такое иногда и происходит с нами в моменты, когда гомеостаз внутреннего и внешнего нарушается, например, при стрессе, при угрозе нашему физическому существованию или в ситуации напряжения всех сил на пути к недоступной цели; привычные отношения между организмом и окружающей средой в этот момент рвутся, и время демонстрирует свои необычные свойства.

Прежде чем начать описывать эти свойства, обнаруженные нами в эмпирическом исследовании личностного времени, сделаем краткий обзор существующих в естественных науках теорий времени, поскольку некоторые из описанных нами свойств весьма фантастичны и традиционно объясняются как субъективные проявления психического, а не как темпоральные характеристики (игра воображения, вытеснение неприятных событий, бессознательные предпочтения, галлюцинации, обманы чувств и т. п.). Мы же полагаем, что все они отражают определенные аспекты реальности: и не субъективной (а тем самым как бы несуществующей), а реальной физической, и наша задача — определить, какие же это аспекты. Для доказательства этого положения достаточно будет проанализировать, какие же существуют в естественных науках теории времени. В математически безупречных теориях и строгих физических экспериментах уже давно описаны и порой подтверждены самые важные свойства времени, которые только могут наблюдаться в самой бурной фантазии самого оригинального из наших испытуемых. В физике, оказывается, достаточно места, чтобы вместить многие известные психофизические феномены [19].

Впрочем, нельзя не отметить, что большинство из естественнонаучных теорий, упоминаемых в этой главе, расходятся между собой в определении как природы, так и основных свойств времени, если не являются вообще прямо противоположными. Но это не помещает нам в дальнейшем сослаться на положение то одной теории, то другой при описании свойств психологического времени. В конце концов история науки знает массу примеров того, как на очередном витке своего развития истина примиряла самые несовместимые концепции, объединяя их в новую интегральную теорию (корпускулярно — волновая теория света объединила противоположности «свет — это волны», «свет — это частицы»). Когда-нибудь это будет сделано и для физики времени. И уже в настоящее время делаются попытки не противопоставлять

друг другу отдельные физические концепции, а объединить их метатеорией. Особенно много попыток сделано для объединения реляционного и субстанционального подходов, т. к. «не существует реляции без субстанции». Как отмечал А. П. Левич, отличие рассматриваемых подходов в нюансах исходных постулатов; в субстанциональном подходе постулируется материя в неидентифицируемых современными технологиями формах и ее упорядоченное движение, в реляционных подходах постулируется материя в известных формах, а упорядочение движения не упоминается, т. е. субстанциональный и реляционный подходы, вводя время через разные виды различных форм материи, составляют не оппозицию, а дополнение друг к другу [74]. Однако создание такой метатеории в физике — дело будущего, для психологии же современное многообразие физических концепций открывает более широкое теоретическое пространство ее собственных поисков и разработки метатеории психологического времени.

В естественнонаучных представлениях можно выделить две пары взаимно дополнительных концепций времени. Первая пара концепций расходится по вопросу о природе времени, об отношении категорий времени и движения, или изменения. Субстанциональная концепция рассматривает время как особого рода субстанцию, наряду с пространством, веществом и прочим. Реляционная концепция считает время отношением (или системой отношений) между физическими событиями. Вторая пара концепций выражает разные точки зрения на процесс становления, т. е. расходится в вопросе об отношении времени и бытия. В рамках статистической концепции события прошлого, настоящего и будущего существуют реально и в известном смысле одновременно, а становление и исчезновение материальных объектов — это иллюзия, возникающая в момент осознания того или иного изменения. Согласно динамической концепции, реально существуют только события настоящего, события прошлого уже реально не существуют, а события будущего еще реально не существуют [84].

Современная физика предпочитает реляционный и динамический подходы к пониманию пространства—времени (и триумфом их явилась знаменитая теория относительности). В ней раскрывается неразрывная связь пространства и времени как единой формы существования материи, а также постулируется единство пространственно-временной и причинно-следственной структуры мира. Дальнейшим развитием реляционных взглядов являются теории многомерной Вселенной, математически обосновывающие существование дополнительных пространственных и временных измерений (модели Калуцы—Клейна) [124]. Однако из-за того, что наш мир, к сожалению, очевидно четырехмерен (3 пространственных и 1 — временное), дополнительные измерения обычно рассматриваются как скрытые, практически не влияющие на физическую реальность [36]. В большей части таких моделей описываются дополнительные пространственные измерения, но существуют и более экзотические точки зрения. М. Павшич и Р. Ингрэхем предложили шестимерную модель Вселенной; в ней рассматриваются две скрытые времяподобные координаты в дополнение к 4-м видимым. Математически существование такой реальности допустимо, и наш мир вполне может оказаться именно ею. Однако вообразить на практике, что представляют из себя эти скрытые временные размерности, очень трудно. Авторы концепции вместо этого рассуждают «о некоторых тонких свойствах, используемых в физике, или даже гипотетических уравнений, которые косвенным образом свидетельствуют о возможности трактовать их с позиции существования дополнительной временной координаты» [Цит. по: 36, с. 156].

Существование скрытых временных размерностей можно понять разве что по аналогии с пространственными (впрочем, человек всегда представлял время по аналогии с пространством). Дополнительные пространственные измерения обычно

рассматриваются либо как очень маленькие (размером с гипотетический квант пространства), либо как замкнутые размерности, имеющие с нашей Вселенной в каждой ее точке лишь один общий квант. По аналогии с этим можно представить скрытое временное измерение как некоторую темпоральную протяженность (субъективно переживаемую как длительную, возможно, даже заполненную событиями психической жизни), которая по часам внешнего мира занимает долю секунды, при этом эта доля, являющаяся входом в замкнутую темпоральную мерность, остается доступной в каждый момент реального времени.

В других направлениях физики существуют свои блестящие концепции, теоретические и экспериментальные находки, возможно, и не сравнимые по популярности с теорией относительности, но открывающие свою грань в познании времени.

Статический подход детально проработал оригинальный русский мыслитель начала века М. Аксенов в своей трансцендентально-кинетической теории времени, где он впервые (до Минковского) назвал время четвертым измерением, однако понимал его, скорее, как еще одно пространственное измерение, в котором осуществляется «движение не тела нашего, но самого недоступного нашему восприятию, для нас трансцендентального, воспринимающего в нас начала». Именно в этом четвертом пространственно подобном измерении «все объекты и все явления (события) существуют до нашего их восприятия и после него (нужды нет, что для всех нас, для всего человечества существование их еще не наступило или прекратилось уже)» [10, с. 26, 58]. В современной физике близкие идеи развивает, например, известный американский астрофизик Т. Голд. Согласно его концепции, «реальный мир полностью может быть описан с помощью схемы, состоящей из линий, протянутых в четырех измерениях, где каждая частичка материи представлена некоторой линией (...). Мы, которые являемся частями этой схемы, имеем такое отношение к ней, что порождаем фикцию «времени», которое всегда движется вперед и перемещает нас вдоль себя» [143]. Важнейшим приложением статической теории времени для психологии является принципиальная возможность обратного хода времени не только в психическом плане (воспоминания), но и физическом (существование «машины времени»), а также возможность переместиться в будущее психологически (предвидение) и даже физически.

Субстанциональное направление представлено работами многих современных исследователей [16, 33, 129]. Ярчайшим представителем субстанциального направления мы бы назвали отечественного астронома, доктора наук Н. А. Козырева с его причинной механикой, представляющей собой энергетическую концепцию времени, в которой он рассматривал время не как отношение, а как субстанцию, заполняющую Вселенную и связанную с выделением и поглощением энергии. Именно время он рассматривал как источник энергии звезд. Если отвлечься от проблемы звезд и обратиться к психическому, то в рамках этой концепции возможно не только влияние времени физического мира на человека, но возможен и обратный процесс — влияние человека на это время, поскольку «время представляет собой самостоятельное явление природы и оно может каким-то образом воздействовать на объекты нашего мира и протекающие в нем процессы (причем не исключено и обратное воздействие состояний объектов и характеристик процессов на какие-то свойства времени» [67, с. 413]. Итак, едва ли впервые физик постулирует принципиальную возможность воздействия объекта (а это понятие относится и к человеку с его психическим) и состояний объекта (а для человека — это разнообразные психические состояния) на время. Это утверждение близко к онтологической концепции философской антропологии, разработанной С. Л. Рубинштейном в книге «Человек и мир». Он рассматривает присущую человеку детерминацию как «самопричинение» и «причинение другому», считая, что человек

не только деятельностью, но и самим фактом своего существования изменяет бытие, изменяет его своим познанием (познание тоже выступает в новом качестве). По-видимому, это относится и к психике.

Материалистическая философия выделяет несколько темпоральных протяженностей: физическое, химическое, биологическое, психологическое и социальное времена, каждое из которых характеризуется своими особыми свойствами, делающими невозможным свести одну временную размерность к другой. Однако, с другой стороны, об особенностях течения времени в любом случае судит человек, и лишь то время, которое он воспринял и пережил, становится доступным науке, будь то химия или геология. Поэтому любое изученное нами время в известной степени психологическое, а значит, каждое темпоральное явление, обнаруженное нами хоть раз в каком-либо объекте (от всей Вселенной до летящего к свету комара), является свойством и человеческого времени; и наоборот, все феномены нашего внутреннего Хроноса имеют свое место и в масштабах всего Мира.

Наши представления о времени в чем-то схожи с концепцией, развиваемой физиком, лауреатом Нобелевской премии И. Пригожиным. Он выделяет только две основные темпоральные протяженности: время внутреннее и внешнее. «Переход от динамического обратимого по времени описания, характерного для классической механики, к вероятностному описанию осуществляется не через локальное преобразование специального вида, включающего в себя нарушенную временную симметрию. Важную роль в этом переходе' играет новое понятие времени — внутреннее время, которое отлично от астрономического времени. Внутреннее время также можно измерить по наручным часам или с помощью какого-нибудь другого динамического устройства, но оно имеет совершенно иной смысл, поскольку возникает из-за случайного поведения траекторий, встречающихся в неустойчивых динамических системах» [92, с. 6-7]. Таким образом, можно избежать нагромождения все новых и новых темпоральных протяженностей (время биологическое, биохимическое, метаэкологическое, биосоциальное и т. п.), выделив две основные формы: время внешнее и внутреннее. Естественно, что внутреннее время существует в каждой системе (от химической реакции Белоусова—Жаботинского до человека, и от звездной системы до погодного цикла на Земле). В зависимости от степени сложности системы внутреннее время будет обладать теми или иными темпоральными качествами (психологическими, социальными, геологическими), но эти качества определяются прежде всего структурой и свойствами самой системы, а не особенностями новой категории времени. При всем качественном разнообразии у выделенных таким образом времен будет нечто общее — они являются внутренними по отношению к какой-то внешней системе и должны обладать рядом самостоятельных свойств, что позволяет их изучать по какой-то единой схеме.

И. Пригожий разрабатывал свою концепцию времени для достаточно простых физических и химических систем, а по поводу столь сложного объекта, как человек, он предположил, что его «внутреннее время существенно отличается от внешнего времени, отсчитываемого по наручным часам, оно соответствует, скорее, возрасту человека» [92, с. 235]. Изучение же временных размерностей еще более сложных систем (психики, социума) не являлось задачей физика И. Пригожина. Но мы можем предположить, что, будучи внутренним, психологическое, личностное время подчиняется основным законам внутреннего времени, а его своеобразие является прежде всего проявлением свойств самой системы — в данном случае своеобразие человеческой личности как активного субъекта.

По отношению к человеку существует концепция индивидуального времени, предложенная Т. А. Доброхотовой и Н. Н. Брагиной на основе изучения темпоральных особенностей левого и правого полушарий мозга. Возможно, понятие

индивидуального времени, разрабатываемого в рамках их концепции, схоже с понятием внутреннего времени хотя бы тем, что «индивидуальное пространство и время существуют, пока жив человек и функционирует его мозг. Это пространство и время прерываются вместе со смертью мозга, вместе со смертью правши и левши» [50, с. 195] (по И. Пригожину, внутреннее время человека — именно возраст). Хотя, разумеется, «между этими двумя концепциями существуют и разногласия, связанные, в частности, с возможностью или невозможностью обратного хода времени.

Новая научная парадигма, разработанная Международным обществом по изучению времени (общество организовано в 1963 г. в Нью-Йорке на конференции по междисциплинарным перспективам исследования времени [146]), также включает в себя ряд постулатов, говорящих о сложности времени и о единстве всех его проявлений. Вот они. 1. Понимание действительности в самой своей основе невозможно без понимания времени. 2. Время не является неделимым — оно составное. 3. Время представляет собой иерархию все более и более сложных временных протяженностей. 4. Время — это часть общей эволюции Вселенной, в каком-то смысле эта эволюция и состоит в эволюции времени. 5. Иерархичность времени, каким мы его знаем, отражает и воплощает различные фазы его эволюции [143].

Но при всем при этом личностное время — не просто еще одна из темпоральных протяженностей, внутренних по отношению к внешнему окружению; именно оно венчает собой временную иерархию, во всяком случае в нашей человеческой концепции мира. Теория личностной организации времени впервые в психологии обосновывает активную роль психики (на самом высшем ее уровне — уровне личности) в организации времени жизни. В физике подобные концепции разрабатываются уже давно, и базируются они на самых современных данных этой науки. Во-первых, исследование процессов, происходящих в микромире, привело к тому, что экспериментатор со своим оборудованием, приборами, своим видением мира оказался вовлеченным в эти процессы. Как это сформулировал известный физик Ю. Вигнер, «невозможно последовательно сформулировать физические законы, не принимая в расчет сознание» [153, с. 172]. Во-вторых, это концепции, разрабатываемые в физике макромира: идея бутстрапа (Джеффри Чу), которая постулирует всеобщую глубинную взаимосвязь всех явлений во Вселенной, в том числе и взаимосвязь явлений физических и психических; исследования Дж. Хэгелина, предположившего, что включение сознания в физику может происходить через отождествление последнего с геометрией пространства—времени. В рамках последней гипотезы именно возникновение психики и сознания в конечном счете и предопределило эволюцию Вселенной и определило облик мира, окружающего нас сегодня (антропный принцип) (Ю. П. Карпенко [62]).

Более того, физики уже ставят эксперименты, в которых изучают влияние сознания на внешнее пространство—время. В качестве примера можно привести эксперименты Г. Стэппа по влиянию человека-оператора на протекание физических процессов, в частности, на процесс радиоактивного распада, предполагающее участие сознания в редукции волновой функции. Оператор должен был повлиять на процесс радиоактивного распада, который осуществился год назад и был автоматически записан на дискету без всякого вмешательства человека. Воздействие удалось. Вывод автора гласил, что до ментального акта (наблюдения, осуществляемого человеком) редукции волновой функции не происходит, потому что отсутствует соучаствующее в этом сознание и даже для уже происшедшего процесса сохраняется вероятность другого варианта развития событий [152].

В психологии идея активной роли сознания впервые была высказана С. Л. Рубинштейном в рамках его субъектной парадигмы, в которой психическое

рассматривается не только как отражение физического мира, но предусматривается творческая роль самой психики человека в мире. «Человек — конечное существо — включается в мир, в его бесконечное бытие как: 1) бытие, преобразующее реальность и 2) как преходящее в форму идеального существования» [100, с. 341].

Субъектный принцип в психологии получил также свое развитие в трудах В. А. Петровского, предложившего принцип надситуативной активности — совершенно нового вида неадаптивной активности. Именно эта форма активности позволяет субъекту выйти за рамки причинно-следственных отношений и, в конечном счете, преобразовать их; достигает этого он тем, что ставит перед собой избыточные по отношению к исходным условиям цели. «Речь идет о том, что человек как бы предрешает своей волей то, что фактически предрешить не может, и ради этого готов пойти на известные жертвы. Тем самым зависимость от обстоятельств оборачивается Зависимостью от воли действующего» [90, с. 284—285].

Концепция личностной организации времени постулирует активность человеческой личности в восприятии, переживании, осознании и организации времени своей жизни, тем самым выделяя самый высший темпоральный пласт — личностное время. В процессе такой личностной активности человек организует время своей жизни, влияя на него. С идеей личностного времени впервые в психологии появилась возможность рассматривать темпоральную активность личности, т. е. влияние понятия психики на такую фундаментальную мировую категорию, как время. До сих пор мы рассматривали такое влияние лишь в ограниченных пределах как организацию личностью времени своей деятельности, своего жизненного пути. Однако время, как мы отмечали выше, едино; и любой обнаруженный феномен является прежде всего общим свойством времени, а личность, организующая время своей жизни, обладает способностью организовывать свое внутреннее время вообще. Такая организация подразумевает воздействие человека на переживание хода времени (ускорение или замедление внутреннего времени), на осознание прошлого, настоящего и будущего своего жизненного пути (сюда могут быть включены в том числе и элементы предвидения будущего), наконец, на осуществление поведенческой и деятельностной активности по преобразованию условий окружающего мира и т. п.

То, что время относительно и существуют условия, которые могут изменять скорость и, может быть, даже направление его течения, в физике известно давно (теория относительности). Правда, до сих пор никто не рассматривал личность как возможный источник таких изменений. Обычно в качестве явлений такого рода рассматривались события космические: околосветовые скорости (при которых собственное время быстро летящей частицы замедлялось относительно внешнего мира — феномен наблюдался при регистрации времени жизни некоторых солнечных частиц с малым периодом полураспада), поля тяготения очень больших масс (гипотетические «черные дыры» — массивные звезды, сжавшиеся до километровых или метровых размеров, на поверхности которых время замедляется, возможно, до полной остановки). Возможно, темпоральные феномены подобного рода также регистрируются при субатомных явлениях [61].

Но так или иначе, в физике постулируется возможность влиять на собственное время системы, изменяя ее свойства; а в психологии категория личностного времени предполагает способность личности организовывать (а значит, изменять и преобразовывать) время своей жизни. Вместе с тем условия, при которых возможно изменение времени, являются неординарными и для физики, и для психологии. Звезда, чтобы изменить течение времени, должна превратиться в самое загадочное явление в Метагалактике, в гравитационный коллапс, возможно, открывающий для нее выход за пределы существующей Вселенной. Элементарная частица — разогнаться до умопомрачительных скоростей и вплотную подойти к световому

барьеру. Человек — стать Личностью, той самой, что, по С. Л. Рубинштейну, своим действием непрерывно взрывает, изменяет ситуацию, в которой находится, и вместе с тем непрерывно выходит за пределы самой себя [102].

При обычных условиях внутреннее и внешнее время достаточно хорошо синхронизированы и постоянны относительно друг друга. Можно сказать так, наши маленькие личные часики идут в ногу с внешними ритмами, и поэтому в норме большинство особенностей личностного времени незаметно, подавляемое тяжелой поступью Больших часов. Но если гомеостаз отношений по какой-либо причине оказывается нарушен, то наши внутренние часы могут «вырваться» из-под контроля внешнего времени и проявить какие-то необычные свойства.

Нарушение гомеостаза возможно по двум причинам. Первая — внешняя. Вторая — внутренняя. В первом случае установившиеся отношения «человек—мир» разрушают какие-либо изменения во внешнем мире. Во втором случае их изменяет собственная активность человека. Большая часть реальных случаев необычных темпоральных переживаний происходит по первой причине. Изменения во внешнем мире часто касаются жизнедеятельности человеческого организма, например, изменившиеся условия начинают угрожать самой жизни человека; в этом случае, если человек в ответ на воздействие не перейдет в какой-либо другой временной режим, он просто умрет. Другие изменения не столь серьезны: изменяется качество или количество внешних событий (потеря работы, отпуск, переезд и т. д.). Изменения могут происходить и в социальной среде: одни люди вообще уходят из системы взаимоотношений (из-за собственной смерти), другие изменяют свое отношение к человеку, — все это вынуждает индивида менять свое, в том числе и темпоральное, поведение. Изменения во внешней среде обычно рассматриваются как стрессовые и изучаются соответствующими разделами психологии и медицины [64], в которых достаточно подробно рассматривается и характер темпоральных переживаний при стрессе: «остановка времени», «замедление или ускорение времени», «выпадение из времени» и т. п. [41, 131, 132].

Что же касается изменения гомеостаза между внешним и внутренним «изнутри», по причине собственной активности, то в литературе такие случаи почти не представлены, если не считать описания почти фантастических возможностей индийских йогов (остановка времени, продление собственной жизни, омоложение и др.) [95] и мастеров восточных единоборств (японские ниндзя настолько ускоряли внутреннее время, что казались невидимыми в момент выполнения боевых действий для внешних наблюдателей) [52]. Однако только при разрушении гомеостаза изнутри мы имеем право говорить о личностном времени, поскольку сами определили его как внутреннее Время Личности. По большому счету только те темпоральные феномены имеют отношение к собственно личностному времени, в которых человек ведет себя как личность, т. е. активно воздействует на мир, преобразует его и разрушает привычный уклад, «выходя за пределы самого себя» (говоря словами С. Л. Рубинштейна), самореализуясь по принципу гетеростаза.

Впрочем, поскольку личность есть качество каждого человека, то любое психологическое темпоральное явление развивается в поле личностного времени. Другое дело, что насколько в человеке развита личность, настолько она и организует свое время. По К. А. Абульхановой, развитие личности во взаимодействии с миром происходит в несколько стадий. Исходным уровнем является «как бы невыделенность личности из хода событий жизни и изменения ее условий. (...) Затем, на следующем уровне, личность начинает выделяться, самоопределяться по отношению к событиям; здесь изменчивость личности заодно с ходом событий уже прекращается — личность выступает как все более стабильная. На высшем уровне личность (...) начинает все более последовательно и определенно проводить свою линию в жизни, хотя не обязательно ведущую к успеху или удовлетворению» [2, с.

35-36]. Вместе с развитием личности внутреннее время человека становится все более личностным и свободным.

Для более полного описания свойств личностного времени, которое бы включало и самые редкие, мы провели специальное эмпирическое исследование необычных феноменов времени. С этой целью мы предъявляли опросник, в котором предлагали респондентам описать по специальной схеме имевшиеся в их жизни случаи, «связанные с какими-то необычными переживаниями, или ситуации, когда происходила активация каких-то резервных способностей». Респонденты имели среднее, среднее специальное или высшее образование. Возрастной диапазон также был велик: от 18 до 65 лет. Все испытуемые не имели видимых психических отклонений: на момент исследования работали или учились, имели семью и вели обычный образ жизни. Из более чем двухсот описаний мы выбрали только те, которые имели отношение к проблеме времени (около 100). У части испытуемых также исследовалась внутренняя модель времени — временная линия, представляющая собой череду мысленных образов прошлого, настоящего и возможного (по методике, описанной в предыдущей главе), и исследовалось неосознаваемое представление о времени по методике Н. Ю. Григоровской. Рассказы типа «мне изменила любимая девушка, и с тех пор я потерял веру в человечество — это мое самое сильное переживание» — далее не рассматриваются.

Все изученные нами случаи можно разделить на несколько больших групп.

1. Явления ускорения/замедления внутреннего времени относительно внешнего. Здесь же феномен «выпадения времени».

2. Явления, связанные с получением информации из будущего или прошлого, часто понимаемые как возможность обратного хода времени.

3. Явления альтернативного времени (одновременного проживания человеком в двух временах).

4. Явления возникновения дополнительного времени (проживание лишних, не фиксируемых по внешним часам дней, часов и минут).

Все группы случаев могут подразумевать под собой определенные свойства внутреннего времени. Рассмотрим подробнее каждое из свойств.

СВОЙСТВО 1. ИЗМЕНЕНИЕ ХОДА ВРЕМЕНИ (замедление или ускорение внутреннего времени относительно внешнего).

Наиболее часто встречающееся свойство, не противоречит ни одной космогонической теории. В той или иной степени присутствовало в переживаниях практически всех наших респондентов (даже в большинстве не относящихся к проблеме времени случаев). Даже можно сказать так: почти любое происшествие, ситуация, отличающиеся для индивида в лучшую или худшую сторону от обыденных, сопровождаются переживаниями изменения хода времени. Однако дальше мы будем рассматривать только те случаи, в которых это переживание играло главную роль.

Опишем некоторые характеристики данного свойства времени.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ. Вопрос не так прост, как кажется. Проще всего определить, что при ускорении субъективного времени человек ощущает его как: 1) возрастание скорости внутренних процессов (успел столько сделать/подумать/ощутить);

2) растяжение временного промежутка (мое время растянулось);

2) замедление скорости внешних процессов (все как при замедленной съемке). А при замедлении, наоборот, 1) ощущение снижения скорости внутренних процессов (ничего не успел сделать); 2) сжатие временных промежутков (не заметил, как столько времени прошло);

3) представление, что во внешнем мире все происходит слишком быстро (все

вокруг так и мелькает); 4) осознание того, что за субъективно краткий временной интервал в окружающей реальности произошло слишком много событий (не успел оглянуться, а тут столько всего произошло).

Однако реальные переживания испытуемых часто отступают от этой схемы. Частично это связано с существованием у всех живых существ (начиная с беспозвоночных) двух систем ориентации во времени: «биологических часов», основывающихся на ритмичных внутренних процессах (дыхание, сердечный цикл, ритмика мозга), и системы наблюдения за динамикой внешних процессов («солнце всходит и заходит»), когда о ходе времени судят по изменениям, происходящим в окружающем мире (на этом принципе построена работа любых часов) [49, 133]. Человек, вспоминая и пересказывая случаи из своей жизни, ориентируется то на одну систему отсчета, то на другую. Во-первых, разные люди описывают одно и то же явление в прямо противоположных терминах: одни как «ускорение времени», другие — как «замедление времени». В ситуации, когда собственное внутреннее время движется быстрее, часть испытуемых замечала ускорение времени (ориентируясь на ритм внутренних часов): «мое время резко ускорилось, я успел услышать, как что-то потрескивает, ощутить, как медленно люстра отделяется от потолка»; другая часть обращала внимание на замедление (ориентируясь на ритм внешнего мира): «время замедлилось, оно шло, как при замедленной съемке, я успела подробно рассмотреть лицо водителя той машины». Во-вторых, испытуемые не всегда сами понимают, на какой параметр ориентироваться, а значит, что именно произошло со временем, то ли оно ускорилось, то ли замедлилось: «я много раз возвращалась к этому случаю и думаю, что тогда для меня время остановилось или убежало».

Случаи, подобные этим, вероятно, объясняются просто — внутренней (интернальность) и внешней (экстернальность) ориентацией человека. Кроме того, они не дотягивают до уровня личностного времени, поскольку происходящее не связано с активностью личности как субъекта жизни. Человек остается пассивным на протяжении всего переживания, а ход его внутреннего времени изменяется под действием внешних сил, а не порождается собственной активностью. Хотя сами испытуемые затрудняются в определении темпоральных изменений, экспериментатору удается это сделать без труда по вышеозначенным критериям. Что мы и сделали.

ЗАМЕДЛЕНИЕ ИЛИ УСКОРЕНИЕ. Замедление внутреннего времени. В нашем исследовании встречались лишь единичные случаи. Вероятно, значительная часть такого рода моментов остается незамеченной, поскольку замедление времени часто встречается в ситуациях, бедных внешними событиями (сидел, ничего не делал, не заметил, как столько времени прошло).

О замедлении своего времени испытуемый обычно судил или по субъективному переживанию длительности, или по количеству событий, произошедших извне.

(С. Н., муж., преподаватель, 52 года. Я ждал телепередачу, ничем особенным не занимался, поглядывал время от времени на часы. Глянув в очередной раз (субъективно через 10—15-минутный промежуток), увидел, что прошло уже несколько часов, а передача давно и началась, и кончилась.)

По субъективному переживанию и по ускорению внешних событий.

(Т. Б., жен., научный работник, 33 года. В детстве я как-то раз посмотрела на часы и увидела, как быстро движется минутная стрелка (обычно-то движение ее незаметно). Я просто смотрела на нее, а она неслась. Потом у меня это еще несколько раз получалось. Теперь не получается.)

Кроме замедления внутреннего времени, иногда респонденты описывали ситуации «выпадения времени». Однако большая часть случаев такого рода, на наш взгляд, не имеет отношения к темпоральным феноменам, потому что имели место

состояния нарушения сознания («у меня были очень трудные роды; говорят, что я была без сознания, при этом что-то говорила, делала, но я ничего не помню; когда очнулась, оказалось, прошло два дня — я просто выпала из времени»). Меньшая часть случаев, скорее всего, представляет собой разновидность замедления внутреннего времени («только что я находилась на горке на безопасном расстоянии от края, момент, и я уже внизу, ударилась и плачу»).

Ускорение субъективного времени встречается очень часто, разнообразно в проявлениях. Под ускорением мы понимали такие переживания, когда во внутреннем мире время двигалось быстрее, чем во внешнем; состояние сопровождалось субъективным ощущением растянутости темпорального промежутка, а также могло заполняться психическими событиями внутреннего плана (мыслями, образами) и даже поведенческими проявлениями (движениями) в количествах больших, чем это допустимо по внешним часам. Все случаи ускорения времени различались по другому важнейшему свойству внутреннего времени, определенного нами как плотность переживания.

ПЛОТНОСТЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ. Для следующего явления мы взяли название, введенное астрономом Н. А. Козыревым для обозначения активного свойства времени. Согласно его теории, «у времени, кроме направленности хода, есть еще одно физическое свойство — его плотность» [67, с. 368]. Это свойство, по его мнению, кроме причинно-следственного аспекта, может быть косвенно связано с насыщенностью психологического времени: «возможно, что наше психологическое ощущение пустого или содержательного времени имеет не только субъективную природу, но, подобно ощущению времени, имеет и объективную физическую природу» [67, с. 357].

Личностная организация времени включает в себя четыре составляющих: восприятие, осознание, переживание времени и практическую организацию. В данной работе мы более детально остановимся на переживании. А под плотностью переживания времени будем понимать глубину переживания, уровень задействованности в нем всех психологических и психофизических систем, таких как мышление, воображение, двигательная активность.

Малая плотность. Переживание включает в себя только субъективное ощущение, что время ускорило или замедлилось. В таких случаях ускорение сопровождается ощущением, что время тянется очень долго по отношению к какому-нибудь внешнему событию, но это чистое переживание, оно не заполнено никакой психической активностью (ни мыслями, ни действиями). Такое переживание могло возникать в момент опасности, в ситуациях неприятных или болезненных для индивида.

(Ю. Б., муж., преподаватель, 24 года. «При моем первом прыжке с парашютом. В начальный момент свободного падения я потерял, как мне показалось, ощущение времени, и эти 3 секунды показались мне гораздо больше по продолжительности. Но что-то подумать я не успел».)

В психологической литературе неоднократно описаны временные переживания с данной плотностью: ощущение того, что собственное время растянулось, а внешнее тянется еле-еле, обычно это бывает в ситуациях ожидания, скуки, неприятия и даже болезни [41, 131, 137]. Также и после моментов субъективного ускорения времени иногда испытываемые ощущают потерю энергии, выражающуюся в усталости, переутомлении и т. д. Кстати, именно при малой плотности переживания испытываемые обычно не могут четко определить, что же произошло с их временем: ускорило оно или замедлилось.

Средняя плотность. Субъективно растянувшийся промежуток внутреннего времени заполняется перцептивными картинками, мыслями, образами (картины своей жизни), иногда даже интеллектуальной активностью (решением задач).

(Г. В., муж., учитель труда, 22 года. «Мне было лет 10, мы с другом катались на лодке, я выпал и стал тонуть. Увидел, как в воде вокруг меня образовалось множество пузырьков, они всплывали. Пока я находился в воде, перед моими глазами промелькнуло множество картин. Друзья утверждали, что прошли считанные секунды, но мне казалось, что прошло очень много времени, пока меня вытащили».)

При таких переживаниях испытуемые обычно используют преимущественно внутренние ориентиры для определения хода времени (биологические часы). Сохраняется связь течения времени с энергетикой организма.

Возрастание плотности переживания должно включать двигательные и поведенческие компоненты. Но на этом уровне подлинное подключение физического плана пока не достижимо, зато появляются описания случаев, сопровождавшихся ощущениями тяжести в теле, неподвижности, невозможности пошевелиться, словно испытуемый на каком-то глубинном уровне, почти инстинктивно, пытается успеть что-то сделать в неожиданно растянувшийся промежуток времени, но пока не может.

(С. Н., муж., 52 лет, преподаватель. «Однажды подо мной на уроке подломился стул, и я упал. В этот момент мое время ускорилося. За мгновение, что я падал, я успел о стольком подумать.' Подумал, что это конец занятия, что сейчас ребята будут смеяться, будет шум, даже подумал, как именно я буду восстанавливать дисциплину, но шевельнуться и как-то предотвратить падение не мог».)

Часто переживание ускорения внутреннего времени сопровождается ощущением необходимости последующей расплаты, причем платит человек за короткий промежуток ускоренного времени тоже временем, временем своей жизни (это стоило мне нескольких лет жизни и многих седых волос). Иногда расплата осуществляется негативными ощущениями психологического и физиологического плана (потом со мной была истерика).

(Н. Б., жен., фармацевт, 28 лет. «Я ехала с ребенком на машине, и тут произошло столкновение с грузовиком. За какие-то доли секунды было столько мыслей о ребенке, как его спасти, хотелось закрыть его своим телом, ужас... Все обошлось, мы отделались только испугом. Но все равно потом во всем теле ощущалось напряжение, внутренняя дрожь, сердце стучит, руки трясутся. И еще долгое время эта история вызывала те же ощущения».)

Высокая плотность. Переживание растянутости внутреннего времени сопровождается обилием мыслей и чувств, а также выраженной двигательной активностью, с помощью которой человек старается избежать губительного воздействия и восстановить нормальные отношения с внешней средой.

(С. К., жен., концертмейстер, 20 лет. «Я шла через железнодорожный мостик по шпалам. Вдруг вижу впереди поезд. И слышу сзади гудок — навстречу тоже идет поезд. Отойти некуда, прыгнуть невозможно — высоко. Я побежала вперед, чтобы успеть до конца мостика и там спуститься. Я боялась не успеть, поэтому показалось, что мостик очень длинный и что время вдруг побежало. Казалось, что бегу очень долго. Но я успела и добежать, и перевести дыхание».)

Очень много подобного рода примеров собрал Н. А. Носов [88]. Он объясняет их, исходя из собственной концепции, переходами человека из нашей реальности в реальность другого уровня, необыденную реальность, в которой действуют другие законы природы, точнее, выпадением человека на некоторое время «из константной реальности в виртуальную». И в его примерах, и в случаях, описанных нашими испытуемыми, переживание ускорения внутреннего времени часто сопровождалось ощущением замедленности времени внешнего (поезд словно замедлил ход) или более длительным переживанием короткого события (мне казалось, что я бегу очень медленно, просто перебираю ногами в воздухе). При высокой плотности переживания, вместе с ускорением внутреннего времени также возрастают

энергетические траты организма, что может сопровождаться последующей отдачей и необходимостью отдыха.

Иногда испытуемые отмечают у себя развитие физических способностей в момент субъективно ускорившегося времени (силы, гибкости, меткости, выносливости).

(П. С., жен., фельдшер, 23 года. «Мы с подругой шли в гости, и к нам пристали незнакомые парни. Как только я их увидела, я очень испугалась и, себя не помня, забыв про подругу, перепрыгнула через забор. Когда пришла в себя, удивилась — он в полтора раза выше меня. О времени не думала, это произошло мгновенно: я здесь — и вот я уже там, никто не успел отреагировать».)

В ряде случаев ускорение внутреннего времени происходит не инстинктивно, по причинам внешним (угроза жизни), а возникает в ответ на внутренние потребности человека выйти за пределы отмеренных ему возможностей. Здесь мы встречаемся с фактами личностной активности человека как субъекта жизни по преобразованию окружающей ситуации в соответствии с поставленными им целями. Такие случаи сопровождаются активацией способностей уже не только физического плана, но и когнитивных, творческих.

(А. К; жен., режиссер. 21 год. «Когда я сдавала госэкзамены, то не успела написать диплом. И вот в ночь перед защитой я села за работу. Написать эту работу за одну ночь было просто нереально. Время тянулось мучительно медленно, мысли путались. Но все же к утру я написала 150 стандартных листов без единой ошибки. В итоге моя дипломная работа была признана лучшей на курсе».)

Интересно, что после подобных случаев некоторые испытуемые отмечали не состояние упадка сил, а, наоборот, подъем, радость, гордость за себя, за выполненную работу.

ЭНЕРГЕТИКА ПЕРЕЖИВАНИЯ. Даже в относительно простых и хорошо известных науке феноменах психологического времени появляется очевидная связь внутреннего времени и энергии, точнее, энергетики организма.

И в нашем исследовании большинство описаний включало именно такие случаи. С одной стороны, тяжелые стрессовые ситуации, требующие больших энергетических затрат со стороны организма и психики (операция, болезнь), могут сопровождаться феноменом ускорения времени (чаще, впрочем, воспринимаемым как замедление самим испытуемым). С другой стороны, ускорение времени без всяких видимых причин (один-единственный случай в нашем исследовании) вызывает тяжелое состояние организма, словно человеку пришлось потратить массу сил и энергии на это неожиданное ускорение своих внутренних часов.

(А. Б., муж., милиционер, 25 лет. «Находился на дежурстве по маршруту патрулирования, объезжали Театр оперы и балета. Мне показалось, мы объезжаем его целый час, хотя на самом деле ехали секунд 10-15. В это время я почувствовал тяжесть, давление. Чтобы уменьшить эти чувства, наклонился в сторону поворота и спросил: „Почему мы ездим по кругу, и какой это по счету круг?“ После моего вопроса все рассеялось и ко мне вернулось обычное состояние».)

При средней и высокой плотности переживаний связь внутреннего времени и энергетики организма выступает отчетливее. Ускорение времени ведет к повышению энергетических затрат организма (последствия, например, как после сильной физической нагрузки — усталость, напряжение, мышечная дрожь). Но в случае средней плотности энергетические траты связаны именно с изменением темпорального хода, а не с мышечной работой, поскольку растянувшийся промежуток времени не заполнен действиями и движениями. Интересно, что сами испытуемые мгновения ускоренного времени часто связывают с последующим укорочением времени жизни. Это любопытно, поскольку автор концепции внутреннего времени И. Пригожий понимал под внутренним временем человека

возраст. И многие люди интуитивно это чувствуют, связывая время своей жизни и с внутренним ритмом биологических часов бесхитростными утверждениями («я заплатил за это несколькими годами жизни»), и с общей энергетикой организма — здоровьем («на этом я потерял остатки своего здоровья»). Интересно, в социальных представлениях славян ускорение и замедление времени однозначно связывалось с магическими действиями, например, существовал прием концентрации времени, его магический эффект «определялся сжатием годового времени до одного момента, свертывание его в „клубок"» [НО]. В подобных представлениях народная мысль представляла время скорее в форме энергетической субстанции (которую можно сжать, растянуть и тем самым добиться магического воздействия на физический мир), нежели реляции.

СВОЙСТВО 2. ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ИЗ ДРУГОГО ВРЕМЕНИ (будущего или прошлого).

Сюда мы отнесли четыре вида случаев: предчувствие опасности, получение нейтральной информации из будущего, феномен дежа вю «это уже было» и воспоминание информации о далеком прошлом. В общем и целом, все эти явления можно разделить на 2 большие группы: подтверждающие гипотезу о существовании обратного хода времени (из будущего в прошлое) и отвергающие ее (стрела времени). Разумеется, сами испытуемые не выражали свои мысли в таких категориях, они просто инстинктивно придерживались одной из концепций.

Стрела времени. Испытуемые этой группы, описывая случай, по собственной инициативе подчеркивали, что «время обратно течь не может». Давая определение времени (одно из заданий нашего опросника), отмечали такие его свойства, как необратимость, направленность в будущее. «Время — это то, что быстро летит и не возвращается назад. Стрела времени. — Ш. Т., учительница, 40 лет».

Однако, несмотря на такую категоричность, респонденты или описывают единичные случаи предсказания грядущих событий, или даже полагают, что могут делать это постоянно. Часто их ощущение будущего развития событий появлялось в момент, предшествующий опасности. Такое предвидение обычно рассматривается как инициированное будущими негативными происшествиями (предчувствие опасности).

(В. Б., муж., журналист, 30 лет. «Я стоял самым первым в очереди на пригородный автобус. Подошел автобус. Неожиданно я вышел из очереди. Люди сели, автобус уехал. „Что это со мной?" — я покрутил пальцем у виска и поехал на следующем. Едва мы отъехали, как открылась картина тяжелой аварии первого автобуса. Если бы я на нем поехал, то мог быть ранен или хуже».)

Такие случаи описываются очень часто в научной и популярной литературе [83, 88]. Другие случаи более естественны. Человек просто глядит на какой-то предмет и видит, что с ним будет дальше. Никакой пользы или вреда для самого человека от этого знания нет, и использовать его на практике он не может.

(Н. П., жен; учитель, 29 лет. «Иногда я могу предсказать то, что впоследствии может произойти; для этого мне достаточно посмотреть на какой-то предмет. Недавно я смотрела на зеркало и подумала, что оно разобьется, и оно на следующий день разбилось».)

То же относится к получению информации из прошлого. Хотя по своей инициативе никто из наших респондентов таких случаев не описал, но после наводящих вопросов некоторые охотно рассказали и о таких явлениях, которые испытуемые этой группы объясняли прошлыми жизнями или памятью предков, в этих случаях стрела времени остается необратимой: («был кем-то я тогда, поэтому мне постоянно и снится Египет»),

Обратный ход времени. Представление о нем более распространено. В объяснениях способностей и в описаниях случаев у испытуемых явно

прослеживалось представление о существовании обратного хода времени. Давая определение времени, они подчеркивали такие его свойства, как обратимость, возвращение назад, движение по кругу. «Время уходит далеко-далеко, за ним невозможно угнаться; потом оно возвращается к нам, но снова бежит вперед; (...) это время переживает кто-то другой, и начинается все снова и снова, как цепная реакция. — Ж. К., учительница, 20 лет». Предвидение будущего у таких испытуемых больше напоминало феномен «дежа вю», также свойственный представителям этой группы («со мной бывают такие моменты, когда я что-то думаю и мне приходит мысль, что это уже со мной было»: — М. Ш., жен., фельдшер, 25 лет).

(Е. П., жен., инспектор отдела кадров, 25 лет. «Когда-то в детстве я увидела, как солнечный мягкий свет падает в комнату через окно; чувство уюта, чистоты, свежести и спокойствия охватило меня. Я даже не знаю, было ли это наяву, сначала я думала, что это вообще был сон. А однажды я переехала в новую квартиру и увидела эту картинку на самом деле, и то же ощущение повторилось. И тогда я вспомнила случай из детства».)

Впрочем, испытуемые этой группы описывают и другие варианты предвидения будущего: и в момент опасности, и как постоянное свойство («я могу предсказывать будущее»). При получении информации из прошлого они склонны объяснять это реальным путешествием в прошлое своего духа, души, астрального тела («наши шаманы умеют улетать в прошлое и там видеть, что с человеком было или с его предками»).

Но главное отличие между представителями этих групп (кроме того, что они разделились в соответствии с существующими физическими концепциями) заключается не в случаях (которые почти схожи) и не интерпретации последних (которую еще и мы проинтерпретировали), а в структуре их внутреннего времени, выявляемой с помощью наших методов. У представителей второй группы (считающих, что время движется по кругу) их внутреннее время и на самом деле круг; образная транспектива их времени (временная линия) образует окружность или полукруг. Располагая образы своего прошлого, настоящего и будущего по пространству воображения, они замыкают их последовательность в кольцо: например, картины отдаленного будущего заходят за спину и там постепенно приближаются к месту, где находится точка ноль, — их самый давний образ из прошлого (есть варианты полукруга, или замыкания в кольцо только линии будущего, или только линии прошлого). Рисуя время на бумаге (одно из заданий нашего опросника — методика Н. Ю. Григоровской), они также изображают его как круг или (реже) спираль.

У представителей первой группы (разделяющих гипотезу стрелы времени) внутреннее время — прямая. Их транспектива — как стрела, образы следуют друг за другом, образуя прямую линию: например, картины прошлого начинаются за спиной, приближаются, обхватывают человека настоящим и образами будущего уходят строго вперед. При рисовании времени на бумаге респонденты также предпочитали прямые линии (прямая, ломаная и др.).

Современная физика так и не ответила на вопрос: возможен ли обратный ход времени. Существование стрелы времени (почему время вообще движется) объясняют трояко. Первое объяснение связывает ход времени с расширением Вселенной (когда она начнет сжиматься, время изменит знак — и, возможно, мы еще раз проживем свои жизни, но уже вспять). Уравнения теории относительности и квантовой механики инвариантны относительно изменения хода времени [36], так что если время поменяет знак во всей Вселенной или в какой-то ее части — ничего не изменится, мир продолжит существовать, и все законы физики в нем будут действовать. Оставаясь в рамках теории относительности, время также может изменить свой знак при переходе светового барьера. Если скорость системы станет

выше скорости света (c), то время в такой системе приобретет также отрицательное значение и потечет в обратную сторону. Впрочем, такой феномен возможен только гипотетически, а предсказанные сверхсветовые частицы — тахионы (которые теоретически и должны обладать предсказанным темпоральным свойством) — пока не обнаружены.

Такой феномен внутреннего времени личности (обращение хода времени через увеличение скорости системы до, возможно, сверхсветовой) был описан религиозным философом П. А. Флоренским. По его мнению, подобное наблюдается в сновидениях, в которых иногда мы встречаемся с «возможностью времени течь с бесконечной быстротой и даже, выворачиваясь через себя самого, по переходе через бесконечную скорость, получать обратный ход, смысл своего течения» [119, с. 38]. С подобными сновидениями сталкивались многие из нас. В литературе же обычно приводится классический сон с опережающим отражением будущего события, которое продуцировало сновидение до своего возникновения. Спящий пережил в сновидении целый год или более французской революции, присутствовал при самом ее зарождении, участвовал в ней, а затем, после долгих и сложных приключений, с преследованиями и погонями, был, наконец, схвачен и приговорен к смертной казни, возведен на эшафот, голова его была уложена на плац и холодное острие гильотины уже ударило его по шее. В этот момент он проснулся оттого, что спинка железной кровати, откинувшись, ударила его по обнаженной шее [119]. Было бы естественно, если бы удар по шее вызвал такой сон после, но в описанном случае сон ему предшествовал, как будто бы спящий «знал», что с ним произойдет в ближайшее время, и его сновидение, выполняя предсказанную З. Фрейдом охранительную функцию, стремилось подготовить его к будущему удару. «Таким образом, в сновидении Время бежит, и ускоренно бежит, навстречу настоящему, против движения времени бодрственного сознания. Оно вывернуто через себя, и значит, вместе с ним вывернуты и все его конкретные образы. А это значит, что мы перешли в область мнимого пространства» [119, с. 44].

Другое направление физики объясняет ход времени вторым началом термодинамики, однонаправленностью роста энтропии в этом мире, это объяснение полностью отвергает даже теоретическую возможность обратного хода времени (концепция И. Пригожина). Однако предвидеть будущее можно, и оставаясь в физических рамках этих теорий. Вселенная, по И. Пригожину, — телеологична, у каждого движения есть цель, а у субъекта движения есть представление и о собственной цели, и о движениях соседних объектов; даже маленькие частички в опыте «ведут себя так, как если бы каждый элемент объема следил за поведением своих соседей и учитывал его с тем, чтобы играть нужную роль в общем процессе» [87, с. 18]. Применительно к человеку существуют свои теории, которые блестяще ложатся в данное представление о физической реальности, теория опережающего отражения П. К. Анохина в физиологии [13], системная психофизиология В. Б. Швыркова и Ю. И. Александрова [11, 128].

Третья гипотеза в физике утверждает, что никакого хода времени нет (а значит, любой возможен); прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно в каком-то пространстве, ощущение времени порождается нашим движением по этому пространству, и только наше неумение двигаться в противоположную сторону мешает нам отправиться в прошлое (статичный подход). На уровне человека такой физической картине мира, может быть, соответствует прекрасно разработанная теория индивидуального времени Н. Н. Брагиной, Т. А. Доброхотовой, часть феноменов которой возможна «лишь при наличии двух времен. Одно из них течет медленнее или быстрее (или даже в обратную сторону) относительно другого времени» [50, с. 194]. Доказательством существования обратного времени служит явление левшества и ряд феноменов, присущих левшам: обратное письмо, речь,

зеркальное письмо и, самое главное, конечно, — это предвидение будущего (по их мнению, присущее только людям с левополушарными асимметриями).

В наших исследованиях мы не определяли асимметрии испытуемых, кроме видимой (какой рукой пишет), поэтому о связи правшества-левшества с предвидением будущего говорить не можем. Но в одном из ранних исследований (данные не опубликованы) мы проверяли связь структуры внутреннего времени (формы временной линии) со способностями испытуемых к осуществлению феноменов, описанных у Т. А. Доброхотовой и Н. Н. Брагиной и связанных с обратным ходом времени. Многие из испытуемых с округлыми временными линиями (замкнутыми в кольцо, полукруглыми, спиралевидными) задолго до нашего опыта умели писать левой рукой зеркальным письмом, легко и быстро произносить слова наоборот и т. д. Они случайно обнаружили у себя эти качества. Другие испытуемые с круговыми трансспективами научались этому прямо в процессе нашего эксперимента. Все это косвенно может свидетельствовать в пользу существования обратного хода времени. Однако нас разочаровал тот факт, что при большем или меньшем усердии все без исключения испытуемые (правши, левши, с прямыми временными линиями, с округлыми) спокойно обучались и писать зеркальным письмом, и читать такие тексты. Так же как и то, что выраженные правши часто считают, что они могут предсказывать будущее.

Приходится признать, что есть два ответа на вопрос об обратном ходе времени, две формы обыденных представлений на этот счет, два способа предсказывать будущее; и есть две группы людей на очень глубоком (неосознаваемом психологическом и даже психофизиологическом) уровне испытывающие тяготение к одному из вариантов. Остановимся на этом.

ПЛОТНОСТЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ. Может быть, невозможность выбрать один ответ связана с тем, что известные людям случаи получения информации из прошлого или будущего относились к ситуациям с низкой плотностью переживания. Возможно, при низкой плотности переживания слишком сложно разглядеть тонкие механизмы физического мира. Все описанные у нас случаи получения информации о будущем или прошлом также имели низкую плотность переживания феномена.

Маленькая плотность в данном случае обозначает, что человек переживает «перенос во времени» только в субъективном плане (отсутствует и информационный уровень, физиологический и уж тем более физический). Отсутствует реальный перенос информации: феномен «дежа вю» и большая часть предвидений ощущаются лишь в момент реализации (повторного переживания), и только тогда человек понимает, что «он это знал заранее» или «это уже было». Даже в описанном выше случае предвидения катастрофы автобуса, когда непонятное ощущение заставило человека выйти из очереди, все равно осознать акт предвидения он смог лишь тогда, когда увидел катастрофу первого автобуса. Кстати, при специальных попытках «предсказать будущее» (даже людьми, считающими это своей профессией) достоверность результатов также не велика и часто в процессе работы опускается к случайным величинам [75].

В связи с низкой плотностью переживания не приходится также говорить о связи способности к получению информации с личностной активностью. Увы, большинство случаев предвидения происходит спонтанно, без всякого желания или нежелания самих респондентов.

Средняя плотность предполагает информационный перенос и иллюзию присутствия (осязательные, зрительные, слуховые галлюцинации). В примерах предвосхищения у левшей (приводимых Т. А. Доброхотовой и Н. Н. Брагиной) иногда события достигают нужного уровня по одному из параметров (эффект присутствия), но «отсутствует подтверждение того, что «предвиденное» потом осуществилось в действительности» [50, с. 95], поэтому говорить о средней плотности не приходится.

Переживанием с таким уровнем плотности можно считать разве что перенос в прошлое под гипнозом (т.н. гипнорегрессия). Загипнотизированный человек ощущает (видит, слышит и осязает) моменты прошлого, вспоминает забытую информацию; при регрессии в дородовое состояние он может даже физически принять форму эмбриона [45].

Высокая плотность, вероятно, должна вести к физическому переносу в прошлое или будущее (или хотя бы к полной иллюзии такого переноса). События с высоким уровнем плотности пока не зафиксированы.

ЭНЕРГЕТИКА ПЕРЕЖИВАНИЯ. Очевидной связи между энергетикой человека и предчувствием будущего не отмечено. Похоже, что явление предвидения не требует особых затрат энергии, его переживание не сопровождается ощущениями траты энергии (усталостью, болезнью и др.) и не вызывает выброса энергии. Далее, нет никакой энергетической разницы между движением вдоль потока времени (в будущее) и против (в прошлое). Отсутствует она и в описаниях наших респондентов, не наблюдается и при сеансах гипноза. Ощущение энергетических затрат при гипнотическом сеансе или в сеансе самогипноза одинаково как при погружении в прошлое, так и в будущее. Возможно, это следствие того, что во всех зафиксированных случаях плотность переживания была очень маленькой; также не исключено, что с ростом плотности могут увеличиваться энергетические затраты.

СВОЙСТВО 3. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВРЕМЕНА.

Описания одновременного существования человека в двух временах (или пространствах-временах) встречались довольно редко. Мы разделили все такие переживания на 2 группы: «одновременное существование в 2-х реальностях» и «появление гостя из другой реальности». Поскольку случаев довольно мало, то установить связь с плотностью переживания сложно.

Типичный случай первого рода. Человек находится в нашей объективной действительности, осознает себя, что-то делает; но при этом ощущает, что он находится одновременно и в другом месте, переживает и воспринимает реальность другого плана, видит картины, слышит речь. При этом человек может мыслить и чувствовать себя сразу в двух реальностях

(А. В., жен., секретарь, 25 лет. «Я шла по улице. Вдруг мне показалось, что я попала в какую-то иную жизненную ситуацию, т. е. мимо меня проезжали машины, шли люди, и я как бы их замечала, но параллельно я была не здесь, помню то ли дом, то ли комнату, какие-то люди, разговор. В последующем я ощущала такое еще 5 или 6 раз».)

В других случаях человек, существуя в объективной действительности, адекватно воспринимая ее и осознавая себя, встречает в ней живое существо или неодушевленный предмет, на его взгляд, не принадлежащий этой реальности. При этом сам человек, ощущая себя «здесь и сейчас», одновременно визуально и аудиально воспринимает и этот объект. Иногда после такой встречи остаются какие-то материальные следы (открытые двери, цветок), которые, впрочем, на наш взгляд, не существенны, поскольку могут быть случайным совпадением. Скорее всего, реальность другого времени — виртуальна (в терминах Н. А. Носова [88]), точки ее пересечения с нашим миром не велики, а возможность оставить явные материальные следы — мала. Другие люди или не замечают этот объект, или же не обращают на него внимания, хотя под влиянием переживающего могут воспринять следы его пребывания. Плотность переживания, скорее всего, близка к средней.

(М. К., жен., воспитательница, 22 года. «Я шла по улице и вдруг увидела необычную женщину лет 30-ти. Она была одета в старинное длинное, пышное черное платье, а на ее голове была черная шляпка-таблетка, лицо прикрыто вуалью. У женщины были черные волосы, собранные сзади в пучок, и такие же черные глаза. В общем, не заметить ее было трудно. Я остолбенела.

Постепенно немного придя в себя, я увидела, что по тротуару туда-сюда снуют прохожие и как будто совершенно не замечают женщину. Я обошла вокруг нее, она внимательно за мной наблюдала. Я немного прошла вперед и оглянулась. Женщина приложила к губам указательный палец и сказала мне: "Никогда в жизни не оглядывайся". Я быстренько отвернулась, и тут подошла моя подруга и сказала, что никакой женщины она не видела».)

Свойство «существовать в двух временных реальностях» поддается тренировке и может быть связано с организацией личности своего времени. В таких ситуациях человек и тренирует это свое свойство сознательно, и в последующем активно использует это в собственной деятельности, направленной на достижение каких-то внутренне поставленных целей. В наших исследованиях встречались единичные случаи такого рода.

(К. А., жен., научный работник, 58 лет. «Когда родились дети, мне стало совершенно не хватать времени на научную работу; то одно, то другое отрывало меня от письменного стола. Тогда я стала развивать теоретическое мышление, способ существовать в двух временных режимах: в одном я все время отрываюсь, помешиваю кашу, успокаиваю детей, говорю по телефону, — а в другом, параллельно, продолжаю работать над статьей, потом сажусь и записываю».)

С физической точки зрения объяснить это свойство внутреннего времени можно двояко: оставаясь в рамках реляционного подхода — существованием скрытых времяподобных измерений, в которые человек может проникать из своего внутреннего пространства; а исходя из субстанциального подхода — способностью личности самостоятельно вырабатывать эту гипотетическую субстанцию — время. Подробнее обо всем этом мы поговорим, обсуждая другое темпоральное свойство, до сих пор не встречавшееся нам в психологической литературе.

СВОЙСТВО 4. ПОЯВЛЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ.

В нашей работе такое явление встречалось в единичных случаях и только при достаточно значимой плотности переживания события. Возможно, феномен «дежавю» («это уже было»), помещенный нами в раздел, касающийся обратного хода времени, мог бы иллюстрировать это свойство с очень низкой плотностью переживания, однако это только предположение.

В нашем случае респондент описывает ситуации, когда он, прожив определенный временной промежуток до какого-то этапа, неожиданно как бы оказывался в прошлом и проживал это время еще раз. Нами выделены две важные черты этого переживания. Первая — способность проявляется только при ситуациях, когда напряженность внутренней жизни человека очень велика и к какому-то моменту достигает огромного напряжения в ситуации дефицита внешнего времени («готовит диссертацию к защите», «дописывает роман»), а ритм внешней жизни не выражен, т. е. вовне с человеком практически ничего не происходит, или происходят одни и те же привычные в своей обыденности события (завтрак, обед, ужин), среди которых впоследствии невозможно выделить ни одно, которое могло бы служить точкой отсчета. Второе — это феномен личностного времени: от начала и до конца человек живет, мотивированный внутренними проблемами, которые перед ним никто не ставил, кроме него самого. Здесь хрупкое равновесие, установившееся между человеком и миром, разрушает не мир, а собственная активность человека, стремящегося к личностным целям, и достаточно было бы от них отказаться, как мгновенно был бы восстановлен гомеостаз. Но тогда человек перестал бы быть субъектом.

(К. В., жен., аспирант, 29 лет. «Я готовила проект на конкурс, тогда мне казалось что важнее этого ничего быть не может. У меня была неделя срока. В субботу утром проект должен был быть сдан. Я распределила работу по дням, но катастрофически не успевала. В пятницу к вечеру, когда я совершенно „зашилась“, со мной

произошло что-то типа истерики, коллеги меня стали успокаивать: „Завтра закончишь“. Оказалось — сегодня четверг, хотя по моему графику шел уже пятый день. За лишний день я все успела — проект сдала. Потом много раз пыталась понять, появился день или я ошиблась в счете, но не за что было зацепиться, до сих пор не знаю».)

ПЛОТНОСТЬ переживания, вероятно, близка к средней, поскольку, с одной стороны, человек не только субъективно переживает феномен, но и заполняет «дополнительное время» размышлениями, работой над проектом, и даже существует материальное доказательство того, что за дополнительное время появились дополнительные мысли (текст проекта). С другой стороны, явных физических следов такого дополнительного времени не наблюдается, человек не оказывает никакого реального воздействия на мир (не оказывал он ни при первом проживании дня, ни при дополнительном), вся его активность — внутреннего плана. Интересно то, что в конце концов даже сама респондент не может точно определить, появился у нее «лишний» день или она ошиблась в счете, поскольку у нее отсутствовали какие-то внешние «зацепки» (насколько была не насыщена внешняя жизнь), по которым можно было бы определить, сколько прошло дней на самом деле.

ЭНЕРГЕТИКА ПЕРЕЖИВАНИЯ. Особых энергетических последствий в виде упадка сил или болезни респонденты не отмечали. Естественная усталость после тяжелой работы компенсировалась радостью; конечно, оттого, что работа получилась, но, главное, от осознания самой ситуации. Последнее важно отметить особо. Люди переживали особую радость (интерес, любопытство, подъем) не от завершения дела как такового, а от нового качества, которое они в себе открыли (развитие новой способности, нового умения), оттого что на какой-то момент в своих возможностях они вышли за пределы самих себя и сделали, казалось бы, невозможное. Кстати, и сам случай испытуемым запомнился, главным образом, этим «выходом за пределы», а не выполнением работы, поскольку по прошествии времени само дело уже не казалось таким важным.

Объяснений здесь, как и для случая сознательного существования в двух альтернативных временах, может быть несколько, в зависимости от того, какую физическую концепции времени мы предпочтем. Наиболее естественно обнаруженное нами явление ложится на статичные теории физики. Если никакого течения времени нет, а есть только наше движение по 4-мерному континууму, в котором прошлое реально существует, даже когда мы его «проехали» (как существуют железнодорожные станции после того, как наш поезд их миновал), всегда есть принципиальная возможность для перехода нашего «Я» в самого себя, но в прошлом. Энергетические затраты такого перехода могут быть незначительны, поскольку нет переноса материальных тел и не оказывается воздействие на физический мир, а вся деятельность человека происходит во внутреннем плане. Субъективность такого проявления времени не делает его менее убедительным, поскольку все «психическое объективно существует только как субъективное» [32, с. 187].

С точки зрения субстанциального направления физики, появление дополнительного времени также может быть без труда объяснено. Если время — субстанция, то человек может «вырабатывать» ее или, функционируя подобно механизму, «перекачивать» из внешней среды (подобным механизмом Н. А. Козырев объяснял энергии звезд). Наконец, в реляционной физике единственным подходящим объяснением могут служить модели Калуцы—Клейна, предполагающие наличие у нашего мира скрытых измерений, в т. ч. и времяподобных [36]. Как мы уже писали выше, такое скрытое измерение может оказаться мигмом нашего времени, который, однако, за собой скрывает замкнутую длительность (не существующую по

часам нашего мира). Для объяснения нашего случая осталось только предположить, что внутреннее время человека также обладает скрытыми темпоральными размерностями; возрастание психологической активности личности до определенного предела позволяет психике проскользнуть в этот миг и прожить там целый день или час, и не просто прожить, но и заполнить его своими мыслями, чувствами, образами.

Таким образом, можно объяснить простое растяжение времени. Для объяснения «одновременного существования в двух временах» необходимо предположить, что человек как субъект обладает способностью не только проникать в скрытые размерности, но и скользить по ним (чтобы создавалась иллюзия непрерывного движения), так лыжник скользит по холмам, передвигаясь одновременно в двух измерениях: по горизонтали — вперед, и по вертикали — то вверх, то вниз. Опять же скрытые размерности открываются каждым мгновением реального времени (если представить время как прямую, то самое простое — нарисовать скрытые размерности в виде пузырей, перпендикулярно отрастающих в каждой точке прямой в разные стороны), поэтому при достаточной скорости переход из «пузыря» в «пузырь» может представляться как непрерывное движение. Наконец, в случае «дополнительного времени» мы должны признать или то, что один вариант жизни человек прожил в скрытом замкнутом измерении, или же, что одна из этих дополнительных времяподобных координат обладает способностью открываться наружу в прошлом (например, за счет существования в нем обратного хода времени).

Кстати, концепция временных «пузырей» (скрытых времяподобных размерностей) взята нами из физики, где представляет собой одну из очень бурно развивающихся ветвей этой науки [123]. В отечественной психологии существует оригинальная концепция времени, предусматривающая существование «зазоров длящегося опыта», развиваемая В. П. Зинченко принципиально вне всякой связи с физикой. И тем не менее, глядя на сложные темпоральные диаграммы («облака и глубины») в его книге [58], наглядно представляются скрытые времяподобные координаты нашей Вселенной. «Интервалы, паузы на стреле содержательного времени назовем зазорами длящегося опыта. Из этих зазоров имеются входы в „облака“, „глубины“ внутренней формы живого движения. Под словами „облака“ и „глубины“ не скрываются сознательное и бессознательное. Их можно назвать просто „карманами“, „петлями“, „защечными мешками“, „копилками опыта“ и т. п.» [58, с. 301]. Следует также отметить, что в данной концепции предусматривается влияние активности (правда, не столько человеческой, сколько божественной) на психологическое время. Может человек и своей волей останавливать, растягивать и задерживать время, что совпадает с некоторыми выводами, полученными и в нашем эмпирическом исследовании. В. П. Зинченко пишет: «Это дление истинного акта или мысли поддерживается и непрерывно возрождается волей. Забегая вперед, замечу, что, возможно, Бог или судьба останавливают время в критических для человеческой жизни ситуациях» [58, с. 295].

И последнее, на чем мы хотели бы заострить внимание. Время связано с энергией. Наиболее явно это, разумеется, выступает у Н. А. Козырева, где время представляет собой материальную субстанцию, пронизывающую бесконечную Вселенную; субстанцию, играющую роль универсальной созидательной жизненной силы и способную служить неиссякаемым источником энергии [67]. Однако взаимосвязь времени и энергии постулируется и в других направлениях: она следует и из формул теории относительности, присутствует она и в математических идеях и построениях И. Пригожина. Наконец, каждый из нас сталкивался с этим в школьных задачах по физике, когда для того, чтобы преодолеть расстояние (S), необходимо затратить время (t), равно как и некоторое количество энергии (E). И это

удивительное соотношение времени и энергии не исчезает при переходе к более сложным объектам, наоборот, оно становится все более ясным и почти очевидным. Например, для психологического времени существует эмпирически доказанная связь (исследования М. И. Розеновой) между общей эргичностью (энергетическая составляющая темперамента) и способностью личности к ускорению времени [98].

Впрочем, рассуждать по этому поводу можно много, главное же то, что современная физика имеет в своем арсенале достаточно теорий и моделей, чтобы объяснить самые фантастические свойства внутреннего времени. Что же касается энергии, то в психологии это понятие напрямую связано с категорией активности.

АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ЛИЧНОСТНОЕ ВРЕМЯ. Итак, анализ необычных темпоральных феноменов на первый план вывел проблему, неявно имеющую отношение ко времени. Это проблема активности личности. Во-первых, для того, чтобы то или иное необычное качество времени проявилось, как правило, необходимым был -высочайший исходный уровень психологической активности. Недаром большинство необычных феноменов времени проявлялось под воздействием сильного стрессора (угроза для жизни, опасность для близкого человека, невозможность достичь поставленных целей), что вело к резкой активации нервной системы и всех психических процессов (по крайней мере, у тех испытуемых, у которых в будущем наблюдался необычный темпоральный феномен; те же, кто от страха терял сознание, — ничего не наблюдали, и ни о чем не рассказывали). Во-вторых, самые яркие феномены наблюдались не когда действовал стресс, а после того, как личность «приняла вызов» и противопоставила ему свою личностную активность. А личностное время — это внутреннее время активности личности. Поэтому-то и наиболее заметны эффекты личностного времени при высокой (и частично средней) плотности переживания, ибо плотность переживания оказалась качеством, напрямую связанным с личностной активностью.

•Поскольку личность человека развивается во взаимодействии с миром (выше мы выделили три этапа: 1) личность не выделена из окружающего мира; 2) личность самоопределена по отношению к внешнему; 3) личность проводит свою линию в жизни, по К. А. Абульхановой), то активность, которую можно представить как личностную, появляется довольно рано. В той или иной форме она присутствует на каждой стадии развития личности. Например, когда в ответ на внешнее воздействие респондент не только ускоряет свое время, но и начинает мыслить, как ему справиться с создавшейся ситуацией («думал, как буду восстанавливать дисциплину» — мысли преподавателя после падения со стула на уроке), — это проявление его как личности. Однако это пока еще адаптивная активность (говоря словами В. А. Петровского), и цель ее — восстановление гомеостаза, а не разрушение его. По В. А. Петровскому, личностная активность принципиально неадаптивна и надситуативна, и ее цель не достижение приспособительного результата, а воспроизводство себя как субъекта (проверка своих сил, возможностей, рост самооценки и т. д.) [90]. В нашей работе это соответствовало высшей форме личностной активности (когда личность становится субъектом жизни).

В соответствии с целями нашего исследования мы понимали активность личности несколько шире как любые (и надситуативные, и частично адаптивные) проявления тенденций внутреннего плана (стремления личности достигнуть цели, которую она сама ставит перед собой). Реакция ответа на угрозу из внешней среды инстинктивна и адаптивна, личностный компонент в ней мал, а так как личностное время проявляется лишь в движении личности к порождаемым ею целям, то в данной ситуации говорить о нем не приходится. А, например, стремление респондента написать 150 страниц дипломной работы за одну ночь диктуется его собственными желаниями (стать специалистом), какая же это активность — адаптивная

(специалист больше ценится в обществе и зарплата у него выше) или надситуативная (проверка себя как субъекта — могу или нет), — зависит от контекста, который нам сейчас уже не установить.

Важно другое, становление личности как субъекта жизни изменяет в темпоральных переживаниях знак эмоций: от страха, дрожи в руках и ногах до интереса «что там будет дальше» и радости от свершения почти невозможного. А от изменения эмоций недалеко и до управления собственной энергетикой. Может быть, поэтому после части переживаний остается ощущение усталости и болезненная слабость; после других — чувство бодрости и ощущение «могу все». И здесь-то проявляется отличие личностной активности личности от обычной психологической и адаптивной.

Выше мы отмечали, что переживание «дополнительного времени» респонденту запомнилось положительной эмоцией («надо же, это у меня здорово получилось»). Аналогичное явление наблюдалось и в ряде случаев при описании других свойств времени. Может быть, активность человека в этот момент и адаптивна (написать 150 страниц текста), но запоминается она преимущественно как достижение личностного плана; респондент в качестве самого важного итога отмечал не написанный диплом или выполненный проект, а развитие (или проявление) своих необычных способностей. Последнее сопровождалось и повышением (а то и завышением) самооценки и чувством своей «особенности», избранности. Поэтому, на наш взгляд, здесь мы имеем дело со спонтанным проявлением личностной активности, сходной с той, которую В. А. Петровский именовал надситуативной. Возможно, человек осознанно не ставил перед собой цель «породить себя как субъекта», но в процессе переживания своей внутренней активности он прежде всего поднялся как субъект. А может быть, уже то, что он как бы «принял вызов судьбы», взявшись за непосильную в темпоральном отношении задачу, и было для него постановкой надситуативной цели, только пока он не осознавал этого.

Личностная активность в темпоральных явлениях приводит к двум следствиям. Первое — напряжение, возникающее в человеке в процессе его подъема к самому пределу своих природных возможностей, активизирует резервные способности его организма и психики: от изученных нашей наукой (увеличение скорости счета в уме) до не совсем признаваемых ею (телепатия). Второе — возникает такое ощущение, что в процессе надситуативной личностной активности человек не только усиленно расходует энергетический запас организма, но и каким-то образом восстанавливает его. Респонденты, говоря об ускорении внутреннего времени в состоянии стресса, отмечали последующую отдачу физиологического (сердцебиение, дрожь, температуру, продолжительный сон и т. п.) и психологического (пониженное настроение, истерика, возникновение фобии на стрессор и т. п.) планов. Респонденты, рассказывающие об ускорении времени (двух планах времени, дополнительном времени) при достижении личностно поставленной цели, сообщали о позитивных последствиях (улучшении настроения, повышении самооценки, чувстве собственной значимости и т. п.).

В классическом представлении внутреннее время человека — его возраст, отсчитываемый по биологическим часам. В момент рождения (или даже зачатия) пускаются маленькие биологические часики, начавшие отсчет внутреннего времени. Поскольку концепция И. Пригожина телеоцентрична, следовательно, уже в этот самый момент существует конец возможного хода; продолжая метафору, можно представить его как «завод часов», изначально ограничивающий работу часов определенным промежутком. Мы бы определили продолжительность этого промежутка энергетически как потенциальную энергию, заложенную в каждом из нас, или (если признать существование связи между временем и энергией) как количество времени, отпущенного нам. Доказательством тому — разнообразные

концепции развития и старения в биологии, которые почти все согласны с тем, что существует некий изначальный предел возможной продолжительности жизни каждого организма, расходятся они лишь в определении механизма, его обеспечивающего: программа на генетическом уровне [69], результат износа организма, подобно износу любого неживого объекта [38], реализуется вследствие присущей организму программы развития, которая закономерно трансформируется в программу старения [49], следствие накопления в организме продуктов метаболизма (еще И. И. Мечников считал старение результатом накопления в организме ядов бактерий).

В современной биологии существуют концепции существования «программы смерти», которые предусматривают даже возможность ее преждевременного включения в ситуации резкой опасности для жизни, стресса. «У животного в этот момент включается программа смерти. Эта программа начинает работать, когда животное попало в безвыходное положение (стесненная ситуация, прочный захват) и когда его жизненные центры достаточно повреждены. Организм животного как бы соглашается с неизбежностью смерти и, может быть, даже желает ее» [103, с. 80]. Словно все время, вся энергия времени сгорают в один миг несовместимого с жизнью повреждения организма.

Человек, говоря, что за ускорение внутреннего времени в момент стресса он платит годами жизни, возможно, в чем-то прав. Существует, например, доказанная связь между стрессом и риском заболеть сердечно-сосудистыми заболеваниями: люди, живущие в постоянном стрессе (тип А), чаще болеют, что увеличивает опасность преждевременной смерти [122]. А как мы не раз уже отмечали выше, субъективное изменение хода времени (ускорение или замедление) возникает практически при любом стрессовом состоянии (это показано, в частности, в дипломной работе выпускника МПСИ С. Л. Гончарова, выполненной под нашим руководством). Получается, что при ускорении внутреннего времени человек усиленно «пережигает» отпущенное ему время жизни. Впрямую доказать это, наверное, невозможно. Но существует немало исследований, иллюстрирующих это положение. Главным образом это работы, показывающие связь стрессов и разного рода заболеваний, а также работы, уже показывающие влияние этих заболеваний на продолжительность жизни. Это цитированные выше исследования М. Фридмана и Р. Розенмана [122], данные Х. Руссека, о том, что наиболее стрессогенные специальности в области медицины, стоматологии и юриспруденции обнаруживают и высокие показатели по сердечно-сосудистым заболеваниям [63]; модель Кагана и Леви, описывающая возникновение психосоматических заболеваний под влиянием социальных и психологических стрессов.

Итак, люди, периодически ускоряющие свое внутреннее время относительно внешнего (под действием стрессов, из-за собственной тревожности или неуемных амбиций), активнее других расходуют выделенное им количество жизненной энергии и тем самым, возможно, сокращают время своей жизни. Наоборот, ведущие неторопливый, размеренный образ жизни люди расходуют эту энергию крайне бережно, они могут замедлять свое внутреннее время и увеличивать продолжительность жизни. Иллюстрацией к последнему служит и меньший риск заболеть сердечно-сосудистыми заболеваниями у людей типа Б, спокойных и неторопливых [122], и тот факт, что большинство долгожителей встречается на Кавказе среди лиц, ведущих традиционный образ жизни [38].

Однако, кроме процессов расходования энергии на протяжении жизни, с введением категории активности личности мы сталкиваемся с принципиально неэнтропийным процессом, когда личность в своей активности не только расходует, но и порождает время.

Как мы показали выше, в ряде ситуаций ускорение внутреннего времени (и другие

варианты более плотного его использования) ведет к росту удовлетворенности и повышению энергетического потенциала. А состояние удовлетворенности может вести к увеличению продолжительности жизни [63]. В конце концов недаром многие выдающиеся люди жили и творили долго и очень долго [53].

Итак, возможно, мы подошли к самому замечательному следствию личностного времени, ибо в рамках этой концепции личность может не только «прожигать» отпущенное ей время, но и порождать его своей активностью в качестве субъекта жизни.

Глава 5

ВРЕМЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

1. ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ЖИЗНИ

Среди упомянутых нами в начале общих временных категорий не случайно отсутствовала главная — развитие. В ней же содержится квинтэссенция человеческого времени, ею объединяются сама личность как определенная временная система и жизненный путь как ее способ осуществления себя во множестве времен и пространств и едином времени жизни.

Сложившиеся в мировой психологии теории развития позволяют дифференцировать в целях научного исследования следующие его специфические направления:

1. Возрастное, включающее его общую для всех личностей периодизацию.
2. Развитие личности как индивидуальности, представленное как развитие способностей, с одной стороны, и как развитие интегральной индивидуальности, неповторимости, вплоть до уникальности личности, с другой. Но здесь развитие не рассматривается во времени.
3. Развитие личности как члена общества, ее социализация, включающая освоение, потребление и созидание культурных ценностей и социальных норм, требований и условий, а также опыта социального взаимодействия.
4. Развитие личности в деятельности, труде, профессии. Развитие и творчество.
5. Развитие личности как субъекта жизненного пути.
6. Биография как история личности (Ш. Бюлер).
7. Нравственно-духовное развитие и совершенствование личности, развитие «по восходящей» (С. Л. Рубинштейн).

Среди понятий, раскрывающих непосредственно связанные со временем особенности развития личности, наиболее значимы следующие: этапы, или периоды, развития; понятия, подчеркивающие их последовательность и специфичность по отношению друг к другу; способности, аккумулирующие личностный временной потенциал; «сензитивность» как особая предрасположенность к развивающим воздействиям — понятие, близкое к знаменитой «зоне ближайшего развития» Л. С. Выготского; зрелость в понимании Э. Эриксона как сохранение идентичности в изменениях, возрастные кризисы; «потенциал личности» в понимании С. Л. Рубинштейна как неразвернутые, еще не реализованные возможности развития, «диахронический» или «гетерохронный» характер развития, особо подчеркиваемый Л. И. Анцыферовой, В. Д. Шад-риковым и др., наконец, завершая далеко не полный перечень, ананьевские понятия «современник» и «акме» как вершины развития, достигаемого личностью на определенном этапе ее жизненного пути. Среди концепций развития наибольшей известностью и конструктивностью отличаются: рубинштейновский принцип развития, объясняемого через деятельность; концепция развития Л. С. Выготского;

теория развития Кельберга, детально раскрывшего содержание стадий развития, имеющего восходящий характер и показавшего ведущую роль когнитивного в развитии личности; теория эпигенетического развития Эриксона, интегрировавшая роль биологических факторов воспитания и социокультурного окружения, а также раскрывающая содержание восьми психосоциальных кризисов, теория Ж. Пиаже.

С. Л. Рубинштейн первоначально сформулировал принцип развития применительно к пониманию психических процессов, подчеркнув, что главным является их личностное основание, которое интегрирует в единое целое психические явления, во-первых, и придает личностную направленность их развитию, во-вторых. Затем он разрабатывал принцип единства сознания и деятельности, сущность которого раскрывается только через понимание их принадлежности личности. Сознание личности проявляется в деятельности (как и другие психические процессы) и развивается в ней. Чрезвычайно важным здесь было расширение традиционного понимания развития как прохождения через некоторые последовательные (во времени) этапы. Между сознанием и деятельностью была установлена связь нового типа — отвечающая принципу одновременности. Нельзя сказать, что сознание сначала проявляется в деятельности, а затем развивается в ней. Это происходит одновременно. Тем самым понимание сущности развития было связано с функционированием системы (под системой подразумевалась личность), а не с прохождением ею ряда этапов. Наконец, сформулировав принцип детерминизма как преломления внешних условий через внутренние, С. Л. Рубинштейн доказал наличие внутренней «логики» в развитии личности, а поэтому не только ее избирательности к внешним воздействиям, но и способности «обособиться» от «логики внешних обстоятельств», самоопределиться по отношению к ним.

Таким образом, принцип развития личности интегрировал законом мерности поэтапного развития, функционального развития и специфического внутреннего развития личности. Наконец, С. Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир» вводит категорию субъекта жизненного пути, которая открывает перспективу для понимания восходящего характера развития личности, ее совершенствования. Удивительно, что сама эта идея была высказана им в молодые годы в некрологе на смерть Н. Н. Ланге, когда он сформулировал глубочайшую мысль о соотношении личности и жизни.

Огромный вклад в раскрытие объективных закономерностей развития личности внес Б. Г. Ананьев, прежде всего потому, что он преодолел свойственную всей мировой психологии (и особенно советской психологии — в силу идеологических причин) абсолютизацию роли детства в развитии личности и сосредоточенности психологов именно на развитии личности ребенка. Он поставил вопрос о развитии взрослой личности и указал, вслед за С. Л. Рубинштейном, на роль жизненного пути как особой траектории этого развития. Используя применительно к личности понятие «зрелость», он дифференцировал (вслед за Д. Берреном) этапы ранней, собственно зрелости и поздней зрелости. Анализируя этапы жизненного пути, он ввел очень перспективные понятия «старт» и «финиш», проанализировал процесс достижения личностью самостоятельности, материальной и моральной независимости, правовой зрелости; моменты, раскрывающие овладение реальностью взрослым человеком. одновременно он делит жизненный путь на фазы, определяемые историческими событиями, сменой способов воспитания, образа жизни, и считает, что он накладывается на возрастные стадии онтогенетического развития. Общей особенностью онтогенетического развития Б. Г. Ананьев считает гетерохронность, т. е. неравномерность развития разных психических функций. Этот подход в известном смысле противостоит концепции Кольберга, который утверждал, что всегда когнитивное развитие человека является ведущим по отношению к моральному,

исключая тем самым реальную сложность и вариативность путей развития разных личностей. Очень существенно, что Б. Г. Ананьев выделяет противоречия в развитии личности (и в ее характере), связывая их именно с ее индивидуальными особенностями и неравномерностью занятия личностью разных позиций, ее достижений и т. д. История личности, употребляя термин Ш. Бюлер, считает Б. Г. Ананьев, начинается позже, чем история индивида, и для «появления» личности важно достижение определенного уровня нервно-психического развития. Впрочем, исследование М. И. Лисиной, проведенное много лет спустя, показало, что личность, как называет ее М. И. Лисина — «праличность», возникает гораздо раньше, чем это предполагалось, чуть ли не в два месяца, и условием ее «появления» является общение. В свою очередь В. И. Слободчиков доказал, что для ранних этапов развития личности ребенка существенно не общение ребенка с матерью, предполагающее их обособленность, а наличие общности «мать—дитя», внутри которой развивается первичное по отношению к «я» — «мы», о котором ранее писал С. Л. Рубинштейн.

Далее Б. Г. Ананьев возражает против выделения в качестве основания периодизации ведущего вида деятельности (чего придерживались и С. Л. Рубинштейн, и многие другие психологи) и считает, что в основе периодизации лежит не принцип последовательности, а принцип одновременности: субъекты познания и деятельности возникают одновременно. Однако важно отметить и то, что категорией субъекта Б. Г. Ананьев (в отличие от С. Л. Рубинштейна) обозначал не совершенствование личности или организацию ее жизненного пути, а приписывал ей дифференциальное значение; он с помощью этого понятия дифференцировал специфику познания от специфики деятельности и последней от общения.

Однако в силу специфичности выявленных каждой теорией аспектов развития, не говоря о различии методологий его трактовки, в силу оригинальности концептуализации, несмотря на то, что психология развития уже выделилась в самостоятельную область психологии, теория развития и его реальность остаются недостаточно интегрированными.

Опираясь на проведенные исследования личностного времени, можно попытаться сделать шаг в этом направлении.

Несмотря на принятое деление жизни личности на прошлое, настоящее и будущее, существует единое специфическое время личности. Его единство определяется общими для всех личностей функциями прошлого, настоящего и будущего в отношении настоящего: прошлого как уже найденного и опробованного личностью индивидуального бессознательного и сознательного деятельного способа самореализации в жизни; будущего — как времени—пространства для поиска и открытия новых возможностей в себе и самореализация в мире. Прошлое «вбирается» личностью в свой настоящий способ жизни и свой «склад». Оно не остается оставленным позади реальным пространством. Оно становится идеальным и экзистенциальным пространством самой личности. Будущее — в отличие от прошлого — это проективное личностное пространство, образованное способностями ее сознания, воображения, мышления, мотивации достижений и притязаниями. Сколько жизненных сил, жизненных умений, способностей чувствовать, мыслить и осознавать личность вобрала из всех этапов своего прошлого в свое настоящее «я» и его отношения с миром, сколько проективного, конструктивного времени—пространства она способна охватить как свое будущее и сколь разумен и обоснован этот перспективный охват, масштаб, столь и сильна пружина личностного времени, движущая ее в это будущее. Проекция в будущее есть опора на реальное пространство — состояние настоящей жизни, обеспеченное механизмами самой личности. От прошлого движение жизни в основном идет к настоящему, в настоящем же личностью осуществляется реверсия времени — оно

идет от настоящего к будущему (как бы следуя привычному для нас ходу времени) и — одновременно — от будущего к настоящему. Здесь применим открытый С. Л. Рубинштейном в отношении связи сознания и деятельности принцип специфичности времени жизни каждой данной личности: особенность каждого типа личности в том, как она конструирует время—пространство своей жизни своим сознанием, активностью, переживаниями и... душой. Гегель видит эти движущие силы, но считает, что их проявление зависит от человека — «силы человеческой души, которые человек, именно потому, что он человек, должен признавать и которым он должен давать проявиться и развиваться в себе» [39, с. 224]. Ниже попробуем конкретизировать это понятие с наших научных позиций.

Развитие личности в жизненном пути носит, таким образом, типологический характер, как и сам способ ее жизни. Если следовать самой первоначальной (в цикле наших исследований) типологии В. И. Ковалева, то развитие функционального типа личности (активно-ситуативного) может достигать в краткий период максимального уровня, а характер его активности адекватен масштабу задач или ситуации, которая разрешается им продуктивно по внешним и внутренним критериям. Происходит достижение адекватного ее типу (индивидуальности) совмещения во времени способа самореализации, объективации в данный период жизни и развития (по С. Л. Рубинштейну). Таким образом, достижение зрелости осуществляется быстрым путем при совмещении оптимального функционального самовыражения и «присвоения» его результата как своего оптимального способа, т. е. развития.

Развитие пролонгированно-пассивного типа может носить, в соответствии с соображениями Юнга и Кольберга, действительно, преимущественно интеллектуальный характер, но не обязательно «вести за собой» нравственное развитие. Но, как показало исследование Т. Н. Березиной, наиболее интеллектуально развитый, т. е. творческий тип самореализуется как экстраверт или интроверт в межличностном или индивидуальном времени—пространстве. Поэтому первый тип (творческий экстраверт) может развиваться как активно-ситуативный тип. Но при этом для обоих типов необходимо осваивать время—пространство культуры как условие и контекст развития.

Тот тип, который В. И. Ковалев считает творческим (не в обычном смысле, а по критерию овладения временем жизни), может развиваться «по восходящей» (С. Л. Рубинштейн) таким образом, когда достижение одной ступени развития (ступени, а не этажа) создает внутренние и внешние предпосылки для следующей. Этот тип поэтому может быть максимально независим в своем развитии от содействующих или противодействующих ему обстоятельств.

Не приходится говорить о том, что пассивно-ситуативный тип, зависящий в своем развитии лишь от оптимально сложившейся «случайности» обстоятельств, не имеет внутренней «движущей силы» развития, но, вероятно, избегает и многих противоречий, которые порождаются активностью типов, становящихся субъектами своей жизни.

Развитие личности обеспечивается ее способностью умножать время жизни, достигая при этом подлинности самоосуществления своей индивидуальности в жизни. Понятие подлинности является первым, но не исчерпывающим его содержания аналогом эриксоновской «зрелости». Эта способность была эмпирически выявлена как внутриличностная детерминация или внешняя детерминация времени личности, различающаяся у разных типов.

За счет чего происходит «умножение» времени жизни? Для одного типа (например, функционального) — это интенсивность жизни, т. е. вмещаемость в ее время бесконечно большего числа свершений, общений, отношений и событий, чем у других людей; равномерная, бедная событиями жизнь вызывает у них чувство

скуки. Мы уже ссылались на пример жизни княгини Тенишевой, которая была необыкновенно насыщена самыми разнообразными видами деятельности и творчеством. Для другого типа (например, «созерцателя») умножение времени жизни — это ее глубина, проникновение в научные, духовные, нравственные проблемы. Для третьего типа (творческого) — это масштаб охвата деятельностного духовного времени—пространства культуры.

Жизнь С. Л. Рубинштейна была соизмерена им самим с судьбой науки, философии и одновременно с судьбой самого «малого» и слабого человека, которого он считал своим долгом поддержать и укрепить душевно. Это он делал и в жизни, и в науке, взяв на себя ответственность за судьбу психологии в страшное сталинское время.

Пассивно-ситуативный тип личности живет сегодняшним днем, обыденной, часто в силу внешних обстоятельств пустой, бедной событиями жизнью, в конце которой ему «нечего» и вспомнить.

Именно поэтому разные типы людей достигают личностной зрелости в разные периоды жизни, одни — в юности, другие — иногда только под старость, а иногда вообще не достигают ее. Поэтому «зрелость» — не данность возраста, а достижение определенного, соответствующего типу личности способа жизни. Это и есть своевременность личности, определяемая уже не как совмещение максимума активности и оптимального ему момента, «события» деятельности, а как нахождение своего способа жизни. Жизнь в таком случае приобретает характер подлинной жизни, т. е. такой, в которой личность максимально для своего типа реализует свою сущность. Можно сказать, что стремление к этой подлинности на неосознаваемом уровне заложено в смысле жизни, о котором люди обычно с трудом говорят, который нелегко сформулировать и осознать.

Однако именно из этого соотношения — самого глобального и кардинального для личности, складывается ее переживание времени. Как выше говорилось — оно связано со смыслами, но не в обычном их тривиальном понимании, а в том, которое следует из соотношения «своевременности—несвоевременности», подлинности — неподлинности самой жизни. Известно, что самосознание — это в том числе познание самого себя. Но иногда человек, наконец с трудом овладев рефлексией, научившись вести диалог с собой, составив представление о том, каков он на самом деле, начинает чувствовать (и даже отдавать себе отчет), что он жил до сих пор не своей жизнью, не знал, что он есть, на что способен, как должен был поступать, выбирать, отвергать, настаивать. Это дает ему чувство неудовлетворенности, сознание потерянного времени жизни. Такие переживания не связаны с событиями жизни — тяжелыми, негативными или радостными. Но это переживания, основанные на смысле — жизненном осмыслении соотношения себя со своей жизнью. Время расценивается как прожитое зря, пустое, растраченное.

Заниженная самооценка, критическое отношение к себе, тревожность не дают личности пережить подлинность отношения к себе, прочувствовать экзистенциально всю полноту своей личности, что также в итоге ведет к невозможности достижения подлинной жизни, своевременности. Человек сам ограничивает время—пространство своей активности, сковывает себя осторожностью, неверием в свои силы. Приходит сознание, что упущен «шанс», упущен оптимальный момент, период самореализации; личность постоянно сомневается, как ей поступить, в каком направлении идти. Так происходит сужение, сокращение времени самой личностью, которая не в силах преодолеть свои сомнения.

Эти личностные особенности и проявляются в наличии способности определять время или подчиняться внешне задаваемому времени.

Определение, детерминация времени субъектом связана с ответственностью. Последняя прежде всего есть способность идеально-лично очертить

пространство активности, которое может удерживаться личностью на протяжении определенного времени. Здесь мы имеем дело с типом, который сам ставит себе срок завершения деятельности, данного важного дела. Возможно, что в этом контуре времени он будет действовать ритмично, равномерно. Возможно, что в соответствии со своим типом он будет «долго запрягать, но быстро ехать», т. е. он отведет время на «раскачивание», которое даст ему возможность сконцентрировать все силы своего интеллекта, чувства в один момент («дефицита») и достигнуть успеха.

Но тип личности, ставящий себе срок (согласно типологии Н. Ю. Григоровской), в конечном итоге также в определенном смысле страдает самоограничением. Эта способность хороша для достижения определенной цели деятельности, для ее планирования. Но когда речь идет о деле жизни, о взаимоотношениях с людьми, способность ставить сроки оборачивается свободой внутри контура времени, но «разрезанием» его непрерывности, продленности в будущее за его пределы. «Окончание» чревато отсутствием связи с будущим, особенно если оно сопровождается успокаивающей и расслабляющей удовлетворенностью. Полностью реализовавшись на короткой дистанции, личность уже не может продолжить свой бег на длинную, долгую. Поэтому ответственность — это не только организация времени деятельности, ответственность — жизненная способность личности удерживать контроль за собой и всем происходящим, видеть скрытые стороны жизни, обнаруживающие себя в «последствиях», быть субъектом своей жизни и организатором жизни других людей.

Нужно сказать, что подробнее организация времени деятельности, выбор режима «дефицита» или «лимита» должна быть соотнесена личностью с масштабом организации времени жизни в целом, продумана ее стратегия с учетом своей ритмики, флуктуации. Если такая стратегия строится, личность берет на себя ответственность уже не только за данное дело (к сроку), а выстраивает перспективу связи разных дел, деяний, поступков в длительном временном масштабе.

Типу личности, привязанному к сроку (заданному извне или самим субъектом), присуще то «нетерпение сердца», о котором написал свой блестящий роман Цвейг. Стремление совершить поступок, сделать дело «подстегивается» нетерпением — особым, на наш взгляд, темпоральным переживанием. Оно, как справедливо отмечает Н. Ю. Григоровская, взрываясь скоротечной эмоцией, не дает личности охватить своим переживанием всю полноту возможностей данного времени, продлить мгновение, приостановить его. Это тоже не подлинность, но в данном случае не жизни, а чувства, которая объективно лишает личность полноты переживания смысла.

Тип, обладающий временной перспективой, т. е. личность в буквальном смысле слова проективная, движется своей мыслью и волей из настоящего, осуществляя реверсию времени. Она продлевает настоящее, вбирая в него будущее. Она расширяет свое настоящее время, сегодня живя одновременно будущим. Однако и для нее справедлива закономерность, согласно которой масштаб охватываемого одновременно времени должен быть пропорционален возможностям его переживания и реального действия в нем. Эти модальности должны быть пропорциональны друг другу, во-первых, и поддерживать одна другую, во-вторых.

Однако гармония, пропорциональность сознания, переживания и активности устанавливается у разных типов в разных масштабах времени (ситуативном или пролонгированном) и при разной ведущей роли одной из модальностей. Если пролонгированный тип оказывается в дефиците времени, т. е. не только не в своей временной размерности, но и в ее жестком варианте, его переживания блокируют его способность действовать. Нарушение пропорциональности ограничивает способность к организации деятельности.

Сказанное позволяет понять, что существует сложная цепь взаимосвязей

личности и ее жизни, которая в свою очередь влияет на удовлетворенность—неудовлетворенность личности, связанную с мерой переживания подлинности своей жизни. Удовлетворенность—неудовлетворенность складывается из функциональных возможностей данного типа личности, из характера связи осознания, переживания времени и его практической организации в деятельности, в общении. Тип личности влияет на способ, которым она включается в отдельные жизненные ситуации, задачи деятельности, общения. В свою очередь последние объективно складываются более или менее удачно для человека. Соотношение объективной и субъективной детерминант оказывается гармоничным (если они соответствуют друг другу) или противоречивым. Таким образом, возникает два ряда противоречий — внутриличностных, когда уже изначально негармонична связь сознания, переживания и активности, и между личностной организацией времени и объективными обстоятельствами.

Важно также отметить, что организация времени деятельности это не только и даже не столько организация времени внутри ее пространства-времени, контура, — это «размещение» деятельности в жизненном времени. На первый взгляд, это утверждение кажется парадоксальным, поскольку деятельность как труд в силу социальной необходимости уже «размещена» в нашей жизни, объективно забирая большую часть ее времени. Однако в книге «Стратегия жизни» мы не случайно определили различие между активностью личности и самой деятельностью как ее объективацией. Активность выражает потребность в деятельности, в общении, в познании (и у каждого типа личности мера активности, ее уровень и характер различны). Именно поэтому можно понять различия в способе включения в деятельность и мере активности при ее осуществлении у разных людей. Когда в психологии говорят об отчуждении личности от деятельности, речь идет не о том, что она вообще не работает, не трудится, а о том, что она делает нечто безлично, пассивно.

В связи с этим Л. И. Анцыферовой и нами было внесено уточнение в классическую формулу С. Л. Рубинштейна о развитии личности в деятельности.

Она развивается не в любой деятельности и не при любой степени активности ее осуществления. Активность, как мы установили, проявляется при наличии потребности в деятельности, интересе к деятельности. Исследование Н. А. Растригиной позволило выявить, что потребность принимает форму определенных притязаний (в том числе не только ориентированных на успех или неудачу, как в ее работе, но на место в данной деятельности, на роль ее организации). Но, кроме потребности в активности (в соответствии с ее структурой семантического интеграла), включаются и способности личности, которые, в свою очередь, находятся в определенном соотношении с потребностями и удовлетворенностью. Исследование показало, насколько разнообразны «профили» активности, а тем самым — различны «движущие силы» личности, ее функциональные ресурсы. У одних типов противоречия заложены уже в самой активности, у других — в соотношении активности и деятельности, активности и общения, связанного с деятельностью или составляющего основу различных жизненных отношений личности.

Развитие личности осуществляется не только в сензитивные, критические или определенные возрастные периоды, оно, реализуясь через разрешение противоречий внутреннего и внешнего, которые однозначно не связаны с возрастными, сензитивными или критическими периодами, этапами. В такой формулировке принцип развития звучит достаточно абстрактно, реально личность оказывается «соизмеримой—несоизмеримой» с жизненными противоречиями, которые принимаются ею, определяются ею как жизненная проблема. Противоречие может существовать в самой личности и заключаться, например, в дефиците ее

желаний по отношению к возможностям. Это противоречие, связанное с дефицитом «движущих сил», ресурсов личности.

Другие противоречия возникают в силу несоответствия характера ее активности и деятельности, способа самовыражения и необходимости, связанной с объективацией, самореализацией. Первые противоречия с большим трудом поддаются осознанию.

Осознание противоречия предполагает его верификацию как проблемы, т. е. ограничение его сторон, его сути. Мы ищем причины наших неудач или трудностей в отношениях к нам других людей, в сложившихся обстоятельствах. Что выбрать в качестве основы решения проблемы — свою собственную волю, активность, направив их на изменение ситуации, или выждать, пока сгладится ее острота, дать проявиться негативному отношению или сделать вид, что его не замечаем, игнорировать его внутренне? Так мы интуитивно ищем контуры проблемы, соотношение в ней зависящих и не зависящих от нас обстоятельств. Каждое противоречие, прежде чем превратиться в нашу проблему, проходит через наши принципы, прежде всего нравственные. Они придают ему определенность, очерчивая контуры несоответствия, зону несоответствия в ценностном измерении. Но рефлексивная работа не всегда поддерживается и стимулируется переживанием. Переживание продлевает противоречия во времени, втягивая нашу личность целиком в его «клинч», не давая возможности «взглянуть» на него разумно, рационально.

Противоречия, будучи превращены в проблему, приобретают идеальную временную форму («идеальный объект»), принадлежат к идеальному внутреннему времени и в этом времени оформляются в некоторый его «квант» — временную размерность. В таком виде они приобретают пролонгированный характер, который резко отличается от пролонгированности, придаваемой переживаниями. Во временной квант проблема может трансформироваться одновременно с течением мыслительного процесса, пока личность сохраняет ее в неразрешенном состоянии, она «удерживается» на осознанном и неосознаваемом (интуитивном) интеллектуальном уровне. В оптимальном случае переживания поддерживают его в актуальном состоянии. Проблема не принадлежит к «сегодня» или «вчера», она не имеет таких измерений. Она «удерживается» своей личностной значимостью, ее смыслом для личности, продолжая оставаться актуальной («сегодняшней») ровно столько, сколько смысла в нее вкладывает (приписывает ей) личность. Но ее временная специфика как проблемы заключается в том, что, подставляя любые конкретные значения, личность может менять местами сами переживания и вводить новые, взятые из любого времени и пространства. Это «вращение» переменных, их позиций, значений осуществляется внутри того «кванта» времени, в который оформлена проблема. Очевидно, чем более свободным во времени, располагающим независимостью к раз установленному соотношению является тип личности, тем большее число вариантов и соотношений он может позволить себе при ее решении.

Допустим, что мы искали причину нашей проблемы в негативном отношении других людей, но неожиданно «приходит в голову» мысль, что мы сами причина этого отношения, что люди обижены невниманием, невыполненным обещанием. Проблема поворачивается «другой стороной». Множество «если» выражают свободу перестановки переменных в сознании в процессе преобразования проблемы. Некоторые данные, значения извлекаются мышлением из реального времени и пространства жизненных поступков и событий, поскольку основные личностные проблемы — это проблемы жизни. Одна совершенно незначительная сама по себе ситуация, слово, взгляд могут оказаться «ключом» в реконструкции проблемы, ведущей к ее решению.

Что же есть в таком случае само решение? Мы согласны с теоретиками гештальтпсихологии в том, что это оптимальная для субъекта композиция, т. е. гештальт. Но мы не можем взять ни из одной теории мышления ни одного удовлетворительного для объяснения решения критерия. Таковым является только критерий ценностного времени: превращение составляющих проблемы в композицию сопровождается особым личностным временным состоянием, которое связано с превращением времени-неопределенности в ценностное время. Ценностное время — это новые возможности, умноженные в результате разрешения проблемы и снятия противоречий, которые не имели до сих пор ни личность, ни объективное положение вещей. Это новый гештальт (или композиция), дающий новое качество, обозначающее развитие личности.

Если не иметь в виду множество частных жизненных задач, которые мы решаем и для решения которых применим социальный и жизненный опыт, чужой пример, стереотипы и т. д., то жизненные личностные проблемы, как правило, оригинальны. Поэтому решение их достигается при наличии жизненной и личностной зрелости и одновременно повышает ее уровень.

Ценностное время — это время, релевантное такому типу личности, организация времени которого как особой системы включает активность темпорального отношения. Оно возникает при оптимизации всей системы как целого за счет особого отношения ко времени и эквивалентно самосовершенствованию личности. Если рассмотреть особенности первого типа (по Н. Ю. Григоровской) с последовательностью актов во времени, то можно предположить, что ему трудно разрешать противоречия, поскольку он своей темпераментальной структурой больше предрасположен к решению локальных задач, в которых противоречия сосредоточены в одном масштабе времени и пространства. Ему трудно удержать проблему в состоянии неопределенности длительное время, поскольку он каждый раз будет стремиться к «сроку», к завершению (по типологии Л. Ю. Кублицкине — это нормативный тип).

Второй тип, напротив, располагая «веером» вариантов, возможностей во времени, будет иметь перед собой все «проблемное пространство» (все противоречия) и не будет ограничивать себя сроками. Но, как показали исследования М. И. Воловиковой, слишком большое число вариантов, переменных и их значений приводит к легкости манипулирования ими в сознании, а тем самым может препятствовать остроте осознания и глубине решения. Свобода этого типа чревата поверхностностью, поэтому любая оптимизация системы требует от личности разработки особых, не присущих ей имманентно, компенсирующих ее ограничения способов. Мы считаем, что эти способы есть жизненные умения личности, содержащие ее ценностное время. К сожалению, у большинства людей так слабо развита рефлексия, что осуществить познание, осознание, рефлекссию своей личной организации времени, не зная ее признаков, критериев, практически невозможно. Л. Ю. Кублицкине установила, что даже рефлексивный образ своего способа действия во времени неадекватен, нечеток, противоречив, хотя деятельность во времени требует его осознания. Тем более трудно понять свои темпоральные отношения, их ограничения в решении проблем, поэтому, как правило, они познаются и преодолеваются только в ходе самого решения, а не заранее.

Привычка рассматривать любой результат только с точки зрения его внешнего значения (социального, деятельностного) привела к тому, что не рассматривались его субъективные последствия. Не только в сознании, в когнитивной сфере откладываются схемы, алгоритмы удачного способа решения, а в самой личности происходят превращения, которые расширяют ценностное время и увеличивают степень личностной зрелости. Можно с определенной долей условности

сформулировать принцип, согласно которому оптимальные решения жизненных проблем имеют своим следствием расширение ценностного личностного времени, т. е. развитие личности, возрастание степени ее зрелости.

Почему же возможны удачные, оптимальные решения, несмотря на темпоральные ограничения, «шоры» большинства типов? Именно в силу того, что это жизненные решения, в которых выступают в качестве «подсказки» удачно сложившиеся обстоятельства, другие люди, соучаствующие в проблемной ситуации, наконец, само время жизни. Темпоральные особенности типа толкают его на то, чтобы «проскочить» своими переживаниями проблему или превратить ее в частную задачу, отложив решение проблемы на будущее, всячески оттягивая его, но жизненная ситуация и участвующие в ней люди, вопреки ему, увеличивают остроту противоречия, сужают «поле», увеличивая напряженность в нем (по К. Левину), что оказывается внешним давлением, превращающимся затем в собственный дополнительный мотив личности.

Мы уже ссылались, но еще раз вернемся к прекрасному примеру «стратегии» Каренина, описанной в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Будучи человеком ритмичным, функциональным, по-видимому, обязательным в решениях к внешнему или внутреннему сроку, он, с одной стороны, превращает семейную проблему в задачи «объяснений» с Анной, а затем, не получив даже их решения, откладывает, как пишет Толстой, «свою проблему в самый долгий ящик».

Разрешение проблемы даст личности удовлетворенность, а с ней — «новое дыхание», ощущение открывшейся жизненной перспективы, которая закрывалась назревшей, но не разрешимой проблемой. Способность осуществить себя соответственно своей сущности в достигнутом решении проблемы есть умножение ценностного времени личности.

Способность быть собой, подтверждать и осуществлять свое «Я», в свою очередь, связана с тем контуром времени—пространства жизни, которое личностно определено. Это и есть ответственность. Именно она придает особую значимость, актуальность личностным проблемам. Мы испытываем трудности в том времени—пространстве жизни («поле», выражаясь терминами К. Левина), которое считаем своим, которое считаем пропорциональным своей личности. Ни одна из целей будущего не достигалась бы, если бы мы не испытывали ответственность за ее достижение, используя активность для преодоления противоречий. Ни одно последствие содеянного не волновало бы нас, если бы мы не «взяли» на себя, очертив его, круг действия множества целей, причин и их последствий.

У разных типов, как мы установили ранее, преобладает либо инициатива (свобода), либо ответственность. Свобода (в таком случае) сродни игре «без правил», в которой личность легко сменяет варианты, составляющие способы решений, не утруждая себя ограничениями, но и не вкладывая целиком самое себя в данный момент. Такая свобода, с точки зрения личностного времени, не всегда обеспечивает обратную связь с развитием, зрелостью личности, с умножением ценностного времени. Она, как игра, обладает «способностью» втягивать личность в свою азартную протяженность, но при невозможности остановиться, завершить. Личность теряет самостоятельность, самодостаточность. Преобладание одной ответственности тоже чревато регрессом. Чрезмерная ответственность умножает проблемы, для решения которых слабы ресурсы активности, свобода вариаций, допущения неопределенности. Ответственность, не пропорциональная личности, «разрезает» время жизни, ставя точки, в которых нужно резюмировать, подводить итоги. Время становится таким, которое присуще первому типу (по Н. Ю. Григоровской): только достигнув одного «срока», этапа, можно двигаться дальше. Личности не хватает свободы, чтобы охватить больший масштаб пространства жизни своей ответственностью.

Но в принципе оптимальная ответственность является установленной личностью пропорцией времени—пространства, охваченного ее гарантией, «объявленного ею своим, адекватным ее силам и возможностям ресурсом». В ответственности, как в механизме, заключена двойная детерминация: владение своими силами, способностями, ресурсами, возможностями дает личности масштаб, простор времени—пространства жизни, который она может охватить, «присвоить», в котором она гарантирует возможность, реализовать себя. А от величины этого масштаба зависит — по принципу обратной связи — степень уверенности в себе и ...свобода (гибкость, стратегичность) распоряжения своими способностями. Поэтому ответственность это высший уровень организации самой личности и одновременно ее жизненная проекция.

По предварительным данным исследования Е. Н. Пащенко, представление об ответственности в разных менталитетах (русском и французском) связывается с разными реалиями. Французы связывают ответственность с личностной зрелостью, т. е. развитием; русские — с социальными условиями, с институтами, обладающими правом привлекать к ответственности. Но это различие не абсолютно, поскольку оно связано с психосоциальными особенностями развития личности в разных обществах.

Классический вопрос, может ли личность нести ответственность за поступки, последствий которых она не предвидела, должен быть переведен из плана взаимосвязи личностного и правового в собственно личностный. Может ли личность отвечать за собственные поступки, независимо от ее прогнозирующей способности? Зрелость личности заключается в том, что она охватывает своей ответственностью все настоящее и будущее своего поведения, независимо от страха наказания и соответствующих социальных институтов. Она поступает определенным образом, чтобы достичь определенных ею целей, осознавая их последствия.

Ответственность выражает меру владения собой, своими ресурсами, возможностями—ограничениями, своим внутренним отношением к времени (как готовностью, как внутренней концентрацией, как стратегией организации времени) и способом реализации этой меры в действительности.

Реально свобода обеспечивается ответственностью как силой, придаваемой личности взятым на себя в жизни, тем, что она может реально гарантировать, т. е. осуществить своими силами (силами ума, желания, способностей), «силами, которые сами по себе субстанциональны, силами, которые именно потому, что они заключают в себе истинное содержание человеческого существования, и остаются также тем, что движет действиями человека и что в конце концов осуществляет себя» [39, с. 225]. Ответственность есть более или менее выраженная у разных людей потребность не только в использовании своих способностей (ума, воли, чувств), но личностное проецирование, очерчивание границ жизненного пространства—времени их применения и их эффективности.

Таким образом, специфика личностной организации времени — это прежде всего характер (и проблема) ее движущих сил, ресурсов, обеспечивающих ее жизненное движение и развитие. Если эти ресурсы низки и личность, не видя своей проблемы, их не может умножить, она не развивается и тем самым не расширяет время своей жизни, а использует его ценность.

Личностная организация времени включает отношение к нему, определенное нами как способ самовыражения (последовательный и «ритм», дивергентный или ...свободный в смысле абсолютной субъективной детерминации). Если один тип однообразно организован сроками, двигаясь от одного момента к другому, то другой нетерпим к однообразию и монотонности, гибок, виртуозен, способен к жизненной игре. Он может сочетать интенсивность во времени и экстенсивность в пространстве, т. к. его вариабельность — это множество одновременных событий,

явлений, людей. Его жизнь, соответственно типу, должна быть богата, разнообразна, но не обязательна. Поэтому он (по типологии Л. Ю. Кублицкине) не выбирает заданный режим, определенный срок, потому что он хочет определить его сам. Определит ли он его, зависит от меры его ответственности, степени зрелости. Третий тип способен к экспромту, ему присуще чувство необычного, он сензитивен ко всему новому. Это творческий тип (по Т. Н. Березиной), который предполагает свободу самовыражения.

Но, кроме характеристики личностного времени как жизненного движения, существует форма организации времени жизни, которая, на первый взгляд, носит строго статический характер — это жизненное отношение личности. После появления концепции отношений В. Н. Мясищева она не была должным образом осмыслена и присвоена психологической наукой, несмотря на наличие множества ссылок на его имя. Единственная и очень продуктивная попытка ее концептуального освоения была предпринята Е. Б. Старо-войтенко, разработавшей теорию жизненных отношений личности.

Отношения — это экзистенциальная «ткань» жизни личности, ее временно-пространственная архитектура. Отношения — это не только субъективное выражение мыслей и чувств личности к чему-либо или кому-либо (привязанность, ненависть, любовь). В отношениях личность не просто самовыражается, объективизируется, самореализуется, осуществляет себя. Личность — не субстанция, но и не только проекция, она расположена в реально-идеальном пространстве—времени жизни своими отношениями, которые, по определению, не имеют границы между внутренним и внешним. Они и субъективны, и объективны в том смысле, в котором объективна жизнь.

Понятнее и объяснимее кажутся отношения как взаимоотношения между людьми, о которых в жизни говорят как о сложных, конфликтных, или дружеских, партнерских. В структуру отношения вбирается очень много составляющих — и субъективное отношение к человеку (эмпатия, уважение), и намерения, вытекающие из его объективной и субъективно признаваемой роли в нашей жизни (использования, воспитания, союза), и наше поведение, поступки, выражающие наше отношение и устанавливающие консенсус между нашим к нему и его к нам отношениями.

Но отношения проявляются не только к людям, но и к деятельности, познанию, ко всему, что становится принципиально важным в жизни человека. Отношения личности — это ценностная временно-пространственная устойчивая архитектура ее жизни.

Отношения — во временном аспекте — особым образом связывают прошлое, настоящее и будущее. Они пролонгированы и в этом смысле интегрируют во времени прошлое и настоящее, составляя не прогнозируемую, а проецируемую личностью реальность ее будущего. Статике им придает определенность их «сюжетов» или субъектов (наша семья, дети, супруги, родители, друзья и т. д.), а ценность — наши потребности, значимость их для нас и наша индивидуальность. Динамику отношениям придает активность или взаимодействие с сюжетом — субъектом отношений.

Отношения во временном аспекте — это самовыражение личности, которое, как показала Н. Ю. Григоровская, содержит определенную темпоральную «размерность» (циклично-ритмичную последовательность, диахроничность или такую детерминацию субъектом, которая представляет его готовность ко всему). Во всех случаях, у всех типов способ самовыражения представляет предпосылку самореализации. Во всех жизненных отношениях каждого типа личности, в его самореализации, объективации так или иначе неизбежно проявляется темпоральная характеристика способа самовыражения. Как она проявляется — задача следующего исследования. Но предварительно можно сказать, что один тип

придерживается заданности отношений, следует их формальным критериям (ролевым, правовым), другой — легок и необязателен, но гибок в своих отношениях, может удерживать множество отношений с людьми. Третий стремится творить небывалые идеальные отношения, но может столкнуться на этом пути со множеством противоречий.

Развитие личности проявляется в способности интегрировать их (в том числе и иерархически) в динамике жизни, соответственно своему типу личности, «Я-концепции». В зависимости от степени их интегрированности время жизни становится более парциально разделенным на сферы (подобно свободному и необходимому времени) действия — личная жизнь, светская (как сейчас выражаются, «клубная»), деловая и «кухня, дети, церковь» (Küche, Kinder, Kirche) — у женщин.

Для нас важен внутренний стержень этих отношений, каковым может стать ответственность, реализуемая во всех отношениях, принципиальность и т. д., а также вышеупомянутый способ их построения личностью. Пользуясь аналогиями, можно сказать, что отношения с людьми могут быть подобны узкой извилистой тропинке или качающемуся над пропастью мостику, в них тесно обоим, и один неверный шаг или слово приводит к ломке, разрыву. Столь же узким, ограниченным может быть отношение к образованию, к своей работе и социальной роли. Другие отношения подобны просторному изящному мосту, где есть место и сойтись, и разойтись, и объединиться, и поспорить. Он просторен для подлинности проявлений обоих субъектов, для разрешения возникающих проблем, для духовного и делового партнерства. Отношения творческого типа могут быть неустойчивы при всей их необычности, оригинальности. Статичность отношений во времени жизни, их привязанность иногда приходит в противоречие с развитием этих отношений и самой личности. Неспособность матери перейти на другую роль по отношению к взрослой дочери, сыну ведет к стремлению законсервировать не только эти отношения, но и себя только в одном-единственном проявлении, неспособность найти в себе новые личностные качества, нежелание принять участие в собственных проблемах.

Исследование Т. Н. Березиной обнаружило, что для различающихся типов творческих личностей (интро- и экстраверта) различно время—пространство творчества. Для одного это внутренний, для другого — социальный мир. Можно предположить, что первый с годами становится большим консерватором, будучи замкнут в своем интеллектуальном пространстве, а второй, имея большое разнообразие отношений более творческого характера, способен к развитию. Однако приходится учитывать характер социального воздействия на отношения второго типа, который, даже будучи творческой личностью, оказывается ограничен в своем развитии собственным конформизмом, принятием узких стандартных социальных норм и отношений, тогда как интровертированный тип на этом фоне остается свободным индивидуалистом, индивидуальностью.

Здесь стоит сделать небольшие замечания по поводу соотношения творчества и развития личности вообще, которые часто воспринимаются как тождество. По-видимому, правомерен тот же принцип, который был высказан относительно развития личности в деятельности, в труде. В социуме происходит то же отчуждение от личности ее творчества, что и в любом другом простом труде. Личность творит по законам социальных норм, ожиданий, стереотипов и вырабатывает потребительское отношение к своему творчеству (деньги, слава). Иногда это продуктивный для своего времени и времени своей жизни компромисс. Иногда же она не подлинно, ограниченно проявляет себя в своем творчестве, лишь эксплуатируя свой талант, но не развивая его и тем самым не развиваясь сама.

Развитие личности возможно, если она развивает в себе потребность в

определенном способе использования своих способностей и овладевает этим способом, в состоянии его отстаивать. Это и есть ее ответственность за свое творчество, за себя как творца. Здесь ответственность заключается не в признании ошибок или проступков, их последствий, не в охвате масштаба — контура времени— пространства жизни, а в способности устоять, не измениться и не изменить себя, т. е. сохранить качественную определенность своей собственной личности.

Если Э. Эриксон подчеркивал важность удержания идентичности в жизненном движении, сохранения самоидентичности в изменении, то, следуя С. Л. Рубинштейну, надо подчеркивать важность самоидентичности в функционировании личности, в ее взаимодействии с миром, интегрированность отношений дает ей возможность владения ими, т. е. сохранения их как своих отношений и проявления себя в них.

Представляется, что это относится только к взаимоотношениям с людьми, но, напротив, не к познавательным интересам. Ведь, на первый взгляд, сам предмет познания не может привести к отчуждению познания от субъекта. На самом деле, поскольку личные отношения реализуются в социальном времени и пространстве, иногда социальные нормы приводят к минимизации глубоких личностных познавательных интересов, к прагматизму в приобретении образования. Не абсолютизируя, можно сказать, что приобретаются только «нужные» знания, развивается стремление к использованию готовых рецептов, схем, методик, минимизируется ценность собственного поиска, а вместе с ним и интеллекта, любознательности. Так в системе образования продуцируются компетентные, но узкие специалисты.

Проблема интегрированности отношений есть проблема цельности и зрелости личности, но не гарант ее нравственного развития. Именно поэтому мы дифференцировали с самого начала разные направления развития личности (как индивидуальности, как члена общества и т. д.). Достижение человеком социальной зрелости, социальная активность, как показывает действительность, автоматически не означает (а иногда вообще исключает) ее нравственное, духовное совершенствование; так же как иногда большой ученый, достигший вершин самореализации и творчества, не отличается ни великодушием, ни даже порядочностью в отношениях с людьми.

Только до определенного предела наш анализ времени человеческой жизни и развития личности мог быть абстрагирован от социального времени и самых разных форм его влияния на развитие личности. Как уже говорилось, Б. Г. Ананьев употребил важное понятие «современника», подчеркнув тем самым позитивное соответствие личности своей эпохе. В его же понятии жизненного «старта» легко при желании усмотреть роль благоприятных для ее продуктивности социальных условий — образовательных, экономических. Однако, как мы не раз отмечали, одни типы людей легче находят свое место в социуме, и происходит сложение и даже умножение и социального, и личностного времени. Другие оказываются на благоприятном для интенсификации жизни (но не развития личности) месте. Богатство и разнообразие отношений, событий почти автоматически развивает человека. Есть люди, сами умеющие использовать не только собственные, но и социальные ресурсы, что мы видим на примере использования властью финансовых ресурсов страны. Но обогащение, потребление не эквивалентно развитию личности. Для нее важно включение в социально проблемные пространства, участие в разрешении противоречий, взятие на себя ответственности за эти решения. Нельзя отрицать роли удачно складывающегося ансамбля обстоятельств, роли событий, отношений для развития личности, роли другого человека, как пишет Е. Б. Старовойтенко, — Учителя, мы бы сказали — Друга.

И если говорить о более конкретных масштабах социального времени-

пространства, то доказанным в отечественной психологии условием развития личности является наличие общности, характера межличностных отношений, имплицитно предполагающего развитие участвующих субъектов. Присвоение позиции «Мы» расширяет ценностное время личности.

Итак, развитие личности связано с целым рядом разноплановых временных механизмов и временными особенностями типа личности.

К числу первых относится возникновение особого ценностного времени и личностно-ценного времени—пространства жизни, ее отношений, которые обеспечиваются адекватностью и оптимальностью самовыражения и самореализации. Ценностное время личности — это время ее подлинной жизни, единство осознания, переживания и действия, достигающее полноты реализации сущности личности.

С. Л. Рубинштейн отметил наличие двух способов жизни: существования, которое, по нашим данным, связано с детерминацией внешним временем (временем ситуаций, событий, требований деятельности), и самоосуществления, осуществления себя, своей сущности, которое связано с детерминацией времени самим субъектом и внутреннего времени. Это один из кардинальных фактов, впервые выявленных Л. Ю. Кублицкине и подтвержденных в последующих работах данного направления исследований. В первом случае периодизация жизни определяется объективной «логикой»; непрерывность или прерывность времени задается внешними структурами: деятельностью, отношениями и т. д. Во втором случае личность выступает как субъект жизненного пути: ей свойственно сознание своих временных жизненных последовательностей и одно-временностей, которые носят и целевой, и причинный, и условно-сослагательный («если») характер, а также построение особой темпоральной формы — стратегии жизни. В этой связи возникает вопрос: происходит ли в первом случае развитие личности? А также — свойственна ли такой личности сама способность к организации времени?

Мы предполагаем, что в первом случае, при эмпирическом способе существования возникает два различных варианта жизненного движения. Первый, когда в силу объективно благоприятного хода жизни и объективно удачной, независимо от личности, временной организации ее активности, соотношения способностей, потребностей, характера, притязаний, саморегуляции, удовлетворенности возникает внутренне пропорциональный и пропорциональный внешним условиям способ существования. Сбалансированность внутренних движущих сил, — пропорциональность притязаний и удовлетворенности, дающая личности невысокий, но стабильный временной ресурс — движущую силу, — обеспечивает равномерность ее жизненного движения и относительную устойчивость внутреннего склада — это своего рода «спокойный» тип. Такая личность относится к первому типу (по Н. Ю. Григоровской), т. е. ей свойственна цикличная или поступательная временная последовательность, ритмичность, привязанность к срокам. Развивается ли она? Развивается в пределах оптимального соответствия избранной деятельности или благоприятных (развивающих) обстоятельств последней, в пределах оптимально складывающегося общения (благополучной семьи, хороших друзей и т. д.). Она развивается в пределах, представляемых возрастом, в пределах, представляемых принадлежностью к благополучному социальному слою, сфере, в пределах своей пропорциональности.

Другой вариант способа существования характеризуется отсутствием принципа гармонизации, пропорциональности во времени. Психический склад, притязания, активность не дают личности ресурсов для равномерного движения в жизни, низка мотивация для достижения, высок уровень притязаний, страх неудачи — во всех случаях имеет место временная диспропорциональность, которая придает поведению, жизненным проявлениям стихийный характер. Такой тип неизбежно

оказывается в противоречивом соотношении с действительностью. Но в отличие от вышеописанных противоречий и личностного способа их проблематизации и разрешения, ведущего к развитию, его противоречия деструктивны. Либо его деструктируют, дезорганизуют объективные временные требования, либо он фрустрируется, «уходит в защиту», либо он живет в пустом, не присвоенном времени, не наполненном ни разумными действиями, ни позитивными переживаниями. Его переживания носят характер агрессии, тоски или скуки, неудовлетворенности, его сознание пассивно. Этот тип не развивается, а, напротив, вступает на путь необратимого регресса даже при наличии способностей.

Способы осуществления личностью своей сущности в жизни разнообразны, но все они связаны с развитием личности. Гипотетически мы бы выделили несколько типов. Первый определяется наличием у личности ярко выраженных способностей, даже таланта, который становится основной движущей силой ее личности, жизни, ее развития. В способностях заключен временной потенциал, который дает личности ускорение в ее жизненных темпах. Как правило, развитие ее осуществляется в одном, главном направлении, куда влечет ее талант, способности, происходит через творчество в данной сфере. Личность движима своими способностями, талантом. Однако жизненные истории известных людей (если не говорить о выдающихся) свидетельствуют, что жизненная судьба таланта не всегда счастлива. Она часто делится на два периода — сначала период восхождения, проявления, расцвета, затем упадка; или, наоборот, трудности первого этапа, будучи преодолены, приводят к благополучию второго. Условно можно сказать, что здесь сущность личности эквивалентна ее способностям, а развитие происходит в пределах их реализации. Нельзя не заметить, что только огромные таланты, гении могли при этом остаться собой, сохранить свою личность, не пойти на компромисс с потребителями ее таланта. Здесь величие таланта соединилось с величием личности.

Второй тип характеризуется ранним становлением зрелости. Это зрелость не по возрастной периодизации, приведенной Б. Г. Ананьевым вслед за Бромлеем, а по жизненной. Ранняя зрелость (или взросление личности) часто определяется жизненной семейной ситуацией (потеря кормильца в семье ставит на его место сына или дочь, берущих на себя ответственность за судьбу семьи), иногда неблагоприятной или благоприятной (особое отношение в семье к ребенку, сочетание воспитания, образования, самостоятельности приводит к раннему и интенсивному развитию личности). Зрелость в последнем случае связана с гармонией духовного, душевного, интеллектуального развития. Зрелость содержит глобальный временной признак — она дает возможность опережения личностного движения и развития по отношению к ходу и событиям, формам жизни. Фактор опережения и есть временной потенциал личности, проявляющийся в жизни. Личность не только опережает своих сверстников, она опережает социально установленные нормы начала образования, профессиональной деятельности, карьеры (в тридцать лет становятся докторами наук, но не только и не столько за счет способностей, как в первом случае). Личность, включаясь в ту или иную профессию, приобретает своего рода ускорение темпов профессионального и одновременно личностного развития. Человек входит не в узкий профессиональный коридор, а охватывает множество спектров и направлений профессиональной самореализации, улавливает сущностные закономерности данной области, становится лидером ее развития. Здесь и создается личностью свое время — пространство, определяется его архитектура. Человек сам распределяет время, отданное разнообразным занятиям, за счет чего происходит умножение времени, и можно говорить о своеобразном временном прогрессе.

Можно выделить в особый тип наличие самого по себе оптимального личностного

склада, пропорционального характера активности или «наличие своеобразного «таланта жизни», обеспечивающего личности свободу, независимость и видимую легкость способа самореализации. Здесь, не имея в виду идеологического содержания, можно говорить о гармоничной личности, о том, что эта гармоничность даст ей временной ресурс, потенциал, обеспечивающий соответствие внутренней логики внешним обстоятельствам.

Особый тип представляет собой личность, развивающаяся через разрешение противоречий (и внутренних, и между внутренним и внешним, и собственно внешних). Ее зрелость достигается трудным путем разрешения жизненных проблем, на осознание и решение которых уходят жизненные силы. Здесь можно условно говорить о «затратном» механизме развития; эти затраты — не на осуществление деятельности, а на преодоление противоречий, но их разрешение дает возрастание личностных возможностей, личностный рост. Результаты развития превосходят затраты или эквивалентны им, но во всех случаях зрелость достигается через борение и преодоление, а не дается сама собой. Здесь также имеет место продуцирование ценностного личностного времени — оно составляет ее потенциал, возникающий в результате самореализации, а не до нее. Опыт решения противоречий укрепляет личность, дает ей силу и смелость быть собой, следовать в жизни и строить ее в соответствии со своей сущностью.

Но возможные варианты внутри этого типа различаются своим оптимистическим или пессимистическим, нигилистским складом и мироощущением. В одних мы видим печать радости, в других — горечи жизненных побед.

У этого типа можно выделить разные направленности развития — просоциального или индивидуалистического, соответственно, разные пространства — межличностное (общение с людьми) или индивидуальное, разные приоритеты — душевное или духовное развитие, соответственно разные масштабы развития личности.

Вслед за Л. Ю. Кублицкине [70] и Н. Ю. Григоровской [43] можно говорить о типе развития личности, обладающего выраженной способностью к организации времени (в деятельности или в жизни в целом). В ее структуру может входить в разном сочетании и способность к планированию времени (представление о наличии у себя этой способности), и способность к организации деятельности в разных режимах времени, и к координации взаимодействия во времени деятельности с другими людьми (вплоть до руководства ими), и гибкость в оперировании временем, и хорошее чувства ритма (своего, деятельности, жизни в целом), и умение использовать опыт прошлого, и свободное владение своими ресурсами и т. д.

Можно говорить, что у некоторых людей преобладают одни темпоральные способности, а у других — другие.

В целом, резюмируя, можно сказать, что временные потенциалы, дающие ускорение, интенсивность или экстенсивность жизни, придают ей определенный ритм, оптимальный для личности и создаются все более нарастающей способностью личности овладения своими природными психическими возможностями и особенностями, превращением их в ресурсы своей активности, со следующим использованием или сознательным применением своей активности как ресурса самовыражения, как ресурса самореализации в формах жизни, деятельности, общения в их специфическом времени. Чем более зрелым и гармоничным является ряд этих превращений, осуществляемых личностью, тем более зрелой она становится. Зрелость личности предполагает умножение ценностного времени. Но вышеуказанный ряд превращений осуществляется не только и не столько сознательно, на основе рефлексии, но и неосознанно, не только непосредственно, но опосредованно личностными проявлениями, способами объективации в жизни, которые она обобщает на ценностной основе.

Все это даёт личности ресурсы жизненного движения, опережения, ускорения и своевременности.

2. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ВРЕМЯ (Параграф написан А. Н. Славской)

Исследование и осмысление нами особенностей организации личностного времени позволяет вернуться к рассмотрению проблемы организации личностью времени ее жизни. В такой формулировке время жизни, на первый взгляд, кажется целиком объективным, в смысле не зависящим от личности временем объективных, событий, ситуаций, причин и обстоятельств. На самом деле время жизни — это производная от взаимодействия личности с вышеназванной объективной реальностью, время жизни — это способ взаимодействия личности с «преднаходимыми» (К. Маркс) ей условиями жизни. В этом понимании жизнь есть то, что сумел сделать сам человек в этих обстоятельствах, в этом социально-историческом времени. Последние создают время—пространство жизненного движения индивидов, живущих в свою эпоху и относящихся к определенным социальным слоям: их привязанность к земле, месту жительства (приземленность), к материальным благам (накопительство и т. д.) или свободу их передвижения, свободу, даваемую образованностью, обеспеченностью, и их уровень, прямо зависящий от совокупности средств, экономящих их время и силы, которые тратятся в борьбе за существование. В этом отношении не все противоречия личной жизни могут быть разрешены личностью, хотя они прямо и жестко ставят пределы ее развитию, образованности и духовности. Хотя Х. Томе [112] и считает, что развитые личности в равной мере могут быть сформированы и негативными, и благополучными жизненными условиями, но, на наш взгляд, это касается отдельных личностей. В целом при достаточном уровне материального благосостояния большинство личностей в разных формах получает дополнительное общественное время, а не только доступ к культуре. Именно это время увеличивает пространство и время их жизненных возможностей. Это не просто условия жизни, а благоприятные условия.

Как мы уже отмечали, отдельные личности в силу не зависящих от них жизненных обстоятельств попадают в оптимальные социальные сферы — по семейной принадлежности и преимуществам, по возможностям получения хорошего образования, в силу престижной и продуктивной в данный социальный период профессии они включаются в социально продуктивные структуры.

Жизненное движение этих личностей осуществляется в соответствии с общественным временем, умноженным на личное, в соответствии с принципом прогрессии времени. Жизненное время других людей, не попавших в сферы социального «ускорения», уходит на преодоление жизненной необходимости (причем это не только общественно необходимый труд и его время, но это время необходимости личной жизни малоимущих).

Сегодня десятки тысяч людей вернулись в исторически ранний способ жизни, тратя свое время на выращивание продуктов, купить которые у них нет средств, стали «совместителями» профессионального труда и земледелия или «совместителями» на нескольких рабочих местах, дающих им возможность выжить. Они затрачивают на этот труд уже не только общественно необходимое время, но гораздо большее время и не только личное время — они затрачивают силы, которые отнимают, «вычитают» из своей жизни, которые не восстанавливаются за отсутствием времени отдыха и отсутствием удовлетворенности жизнью. Эти силы могли бы быть потрачены на общение с близкими, на воспитание детей, на говоря о чтении и эстетических впечатлениях. Такие люди автоматически отчуждены от культуры, выброшены из числа духовно развивающихся личностей. Социум готовит

для масс, не могущих вырваться на другой уровень жизни, свои сферы, сокращающие время жизни, убивающие силы личности, толкающие на необратимый путь регресса. Это сферы массовой культуры, наркомании, преступности. Личность, не имеющая нравственных сил борьбы с ежедневной жизненной необходимостью, порожденной нуждой, мигрируют в эти сферы как сферы легкой и свободной жизни, расплачиваясь за эту легкость и свободу своей личностью или своей жизнью.

Итак, рассматривая совокупность и разнородность социальных «обстоятельств» личной жизни разных людей, мы не можем не принимать в расчет неравномерность распределения общественно полезного времени между людьми с разными судьбами (путями и способами жизни) и неравномерность их включения в позитивные или негативные сферы пространства жизни, содействующие прогрессу или регрессу личности. Конечно, случается, что закоренелый преступник становится священником или ребенок из нищей семьи становится крупным ученым, но это исключения из правила.

В целом, желая охарактеризовать способ жизни личности в этом социальном аспекте, нужно сказать о цене, которую «платит» личность за этот способ жизни и свое развитие.

Эта цена определяется мерой затраты жизненных сил на преодоление социально неизбежных трудностей. Можно ли назвать эти трудности противоречиями, которые превращаются в жизненную проблему? Мы предполагаем, что нужно говорить именно о социальном качестве жизни, определяющем ее цену для личности, и невозможности разрешить эти трудности, исходя из этого качества.

Подобно тому как существует доказанная нашими исследованиями семантика личностного склада — семантический интеграл, существует семантика жизненных ценностей, включая в последние и ценностное время, и жизненные силы личности [108]. Эта семантика определяет характер времени жизни — его расширение, умножение или сужение и сокращение. Время можно суммировать, умножать и терять. Время, затраченное на непрофессиональный труд, работа только для поддержания жизни, «выживания», существования есть непростительно высокая цена, которую «платит» личность за предельно низкий уровень качества своей жизни. Эта жизнь отнимает у личности силы, которые она могла бы истратить на лучшее, закрывает своей ограниченностью смысл и перспективу, отнимает оптимизм и здоровье.

Другая судьба требует от личности не такой высокой цены, но она «платит» ее за благополучие других людей, за улучшение социальной жизни, а мера затраченного труда определяется личностью добровольно, а не вынужденно. Поэтому, хотя личность не имеет своего досуга, отдыха, она испытывает удовлетворение, поддерживая питающие ее жизненные силы. При огромной нагрузке характер деятельности разнообразен, широк его масштаб и используемые способности (интеллектуальные, нравственные, организационные). Такая личность удовлетворяется не столько использованием способностей для удовлетворения собственных потребностей, но потребностей других людей или своих же, гуманистически ориентированных просоциальных потребностей. Такие люди часто не нуждаются в общественном одобрении и признании, во всяком случае — не зависят от него, они самодостаточны. Их жизнь протекает в межличностном пространстве, относительно свободном от социальной неизбежности, хотя люди, которым они помогают, находятся в том же пространстве необходимости.

Люди, имевшие делом своей жизни судьбу своего народа, судьбу человека в нем — Лев Толстой и Федор Достоевский, Махатма Ганди и Джавахарлал Неру, — были личностями, добровольно соединившими в своей жизни личное и общественное, человеческое, подчинившие первое второму и легко платившие самую высокую цену.

Но личная жизнь, оказывающаяся и объективно, и в силу личностной воли в другом соотношении с социальной при их противоречиях или расходящихся линиях, требует от личности цену за разрешение противоречий, решение которых объективно не зависит от нее. Эта цена также может быть измерена временем: неразрешимые жизненные трудности отнимают жизненные силы и уменьшают ценностное время жизни. Оставаясь неразрешимыми и нерешенными, эти противоречия не могут быть превращены в личностную проблему и сужают сознание личности. Они порождают чувство неудовлетворенности, бессмысленности жизни, скептицизм, а затем — цинизм.

Российская личность сегодня оказалась перед лицом полной социальной неопределенности, не говоря о противоречиях самого разного масштаба и происхождения; необходимое для нормального психического состояния личности соотношение времен — прошлого, настоящего и будущего — сужено до настоящего, прошлый опыт не для каждого оказывается пригодным в новых условиях, а жизненная перспектива, будучи связана с обществом, закрыта или неопределенна. Но для того чтобы жить и действовать, нужна определенность, и если ее нет в окружающей действительности, если каждый шаг в ней — эксперимент с неуправляемыми последствиями, а для каждого нового дня уже не годен опыт вчерашнего, то эту определенность личность может обрести только в самой себе.

Отсутствует концепция современного общества, но при этом более необходима концепция собственной жизни, определение своего собственного способа жизни, его связи с другими людьми, размещенности в социальном, профессиональном пространстве. Люди, привыкшие думать о социуме и в категориях социума, оказались лицом к лицу с проблемами личной жизни без личной или исторической привычки осмыслять эту жизнь, без практики построения личных и межличностных отношений в неорганизованном социальном пространстве.

Способ жизни, которым еще вчера жили миллионы советских людей, был искусственным — в нем была насильственно превзойдена мера общности, принадлежности личности обществу, и тем самым нарушена мера принадлежности себе, необходимая для полноты своего бытия. Социум развил в личности способности, делающие ее пригодной к общинному, а не к личному способу жизни: он сумел придать громкость тихим по своей природе личным переживаниям. Из масштабов личностного пространства эмоции были перенесены на площади, усилены микрофонами, насыщены исторической экзальтацией. И стали тусклее, беднее, ограниченнее в личной жизни.

Исторически российский менталитет — совершенно специфический синкрет, сложившийся на перекрестке западной и восточной цивилизаций, всегда обладал огромным надличностным идеалистическим потенциалом, но он обладал и средствами приведения в действие переживаний, верований, мотивации самих людей. Российская культура сохраняла секрет соединения духовного с душевным даже при наличии социального института насилия. Осуществляемая тоталитаризмом деперсонализация лишь на первый взгляд отвечала общинному корню русского характера. На самом деле, вытеснив социальное душевное и духовное, она лишила личность возможности экзистенциально переживать и проживать собственную жизнь. Насильственная идентификация личности с социумом лишила ее «Я-концепции», Эго, эгоцентризма, авторства собственной жизни.

«Отпустив» сегодня не только цены, но и людей, общество предоставило их самим себе, полагая, что психологические ресурсы России столь же неисчерпаемы, как и природные. Но жизнеспособность, дееспособность личности обеспечивается только адекватным ее сущности способом функционирования психики, а не любым. Личность должна восстановить свою самоидентичность, самооценку и

одновременно строить, согласно концепции В. Н. Мясищева [86], адекватные отношения с другими людьми, обществом. Обе эти задачи взаимосвязаны и должны быть отрефлексированы психологией, до сих пор работавшей с идеальной моделью личности.

Таким образом, социальная детерминация жизни личности имеет разнообразный, разноплановый характер, она и позитивна (отдавая человеку в виде различных общественных средств — технических, научных, информационных и других, общественное время, умножающее время его жизни), и негативна, требуя от него возврата этого времени, иногда в жестких формах определенных видов труда или потери личного времени в силу низкого уровня благосостояния. Может существовать несколько социальных детерминант, влияющих на личную жизнь, они действуют одновременно (иногда умножаясь в своем негативном качестве, иногда погашая друг друга). Социальная детерминация времени личной жизни одновременно вплетена в саму ткань этой жизни, в ее семантику, побуждая личность добровольно эксплуатировать свои жизненные силы и сокращать ценностное время жизни.

Социальная действительность сама имеет и статику (образ жизни, его приметы, поколения, эпоха), и динамику — события, оказывающие непосредственное воздействие и на сознание, и на жизнь масс. События, носящие антигуманистический характер, — войны, атомная и другие катастрофы, фашистские терроры, сталинские лагеря и другие, уносящие миллионы людей, внесли в обыденное сознание мысль о конечности своей жизни не в результате старения, страх неожиданной смерти, страх болезней, страх потери жизненных сил, дееспособности. Люди осознали, что в масштабах общества произошло обесценивание жизни, что она зависит от случайности, легко приносится в жертву. Это значительно подорвало индивидуализм сознания, представление о себе как субъекте своей жизни, придало чувство неуверенности (в завтрашнем дне), постоянно грозящей опасности, незащитности перед ее лицом.

Привело ли это к осознанию ценности каждого дня своей жизни? На этот вопрос трудно ответить в общей форме, но несомненно, что в жизненную мотивацию было внесено стремление «успеть» сделать сейчас, в настоящем как можно больше практических дел, ушел неторопливый ритм жизнедеятельности века, увеличилась ценность настоящего. Снизилась возможность приобщения к культуре, ограничилось время и свобода духовного развития.

Уровень технического прогресса создал противоречие, о котором выше шла речь, между временем — темпом, скоростями информационно-технических средств и пространств, и индивидуальными возможностями человека. К затрате в процессе труда общественно-необходимого времени, т. е. к проблеме производительности труда, прибавилась проблема человеческой цены этой производительности. Поэтому огромное место начали занимать проблемы оптимальной организации совместной деятельности, т. е. управления функционированием организации любого типа с целью повышения их эффективности. Проблема совместной деятельности имплицитно включает в себя возможность экономии времени за счет оптимальной организации усилий людей, их координации и кооперации и осознания себя субъектом своей жизни.

Кризис российского общества, неустойчивость, нестабильность его современного состояния лишили общественную жизнь и жизненный путь отдельных людей той пролонгированности, перспективности, которая обеспечивается стабильностью, гарантированностью бюджета семьи. Жизнь оказалась разбита на короткие отрезки, определяющиеся наличием финансов. одновременно исчезла профессиональная стабильность, гарантированность определенного уровня жизни в определенных профессиях.

Если в наших первоначальных исследованиях были выделены два ситуативных

типа, которые ограничивались «короткими дистанциями» в силу собственно психологических причин — личностной организации времени, то можно предположить, что сегодня и часть личностно-продолженных типов перешла в разряд ситуативных — но уже в силу причин социальных. Для лиц, которые по своей личностной организации являются продолженными, ситуативность оказывается не только не адекватна, она порождает противоречие между особенностью типа и социально обусловленной, вынужденной ситуативностью его проявлений в жизни. Они не умеют поспевать к внешне заданному сроку, их активность рассчитана на длительный период, будучи внешне прерывиста, каждый раз должна возобновляться заново, с «пустого места».

В этом социальном контексте проблема жизненного пути личности требует ее рассмотрения не как теоретической абстракции, а прежде всего как психосоциальной реальности. Такое рассмотрение возможно на основе осмысления и этого контекста, и реальных типологических особенностей личностной организации времени, выявленных в наших многочисленных исследованиях реальных граждан российского общества. Полученные временные модальности у разных типов — это представление о временных способах его личностной организации, сложившиеся у людей, живущих в нашем обществе в настоящее время. И потому, например, если время изображается одними как круг, замыкающий пространство, или как прямая, с одной стороны — как будто стрела, а с другой — как плато, это, по-видимому, не только выражает особенности образной сферы личности, а глубинную бессознательную интерпретацию своей жизни («белки в колесе» или «пассажира в вагоне»). И вместе с тем реализация психосоциального подхода к жизненному пути личности не означает отказа от теоретизации, моделирования и построений уравнений, но предполагает включение в них принципа реализма. Существует формула: $TV = S$ — время, умноженное на скорость, равно расстоянию.

Время как физическая величина независимо от ее разных концептуальных трактовок имеет характеристику скорости, которая, в свою очередь, эквивалентна проходимому расстоянию, т. е. длине пространства. Будучи распространено на жизненный путь человека, это физическое измерение и его формула означают, что с чем большей скоростью «идет» человек по жизни, тем длиннее его жизненный путь. В этой категории измерение превращения количества в качество еще не связано с личностью как таковой, но с ее временными способностями.

Ведущая и наиболее интегральная способность актуализации времени является высшей формой его реконструкции в пространстве жизни. Актуализация времени — это и присвоение общественного времени, и использование в настоящем прошлого опыта, это и использование своих общих и специальных способностей (по принятой в психологии категоризации), и целенаправленное использование своих временных способностей (планирования времени, произвольного ускорения своих психических процессов и действий и т. д.). Актуализация времени сближается с понятием самоактуализирующейся личности А. Маслоу, но это именно жизненная способность личности к интеграции (умножению и даже прогрессии) времен (социального, индивидуального) в пространстве жизненного пути.

Степенью этой интеграции изначально определяется уровень развития личности и тем самым ее жизненная позиция. Последняя, благодаря актуализации времени, обладает тенденцией к ускорению (что возвращает нас к первой простой абстракции скорости и длине жизненного пути). Жизненная позиция определялась нами выше как совокупность основных личностных отношений. Поскольку отношения определены, они относительно устойчивы и продолжены. Отношения, первоначально формируясь, затем сами становятся той координатой и даже опорой, которые поддерживает личность. Изменчивости, нестабильности, неопределенности жизни социума противостоит не только личность как таковая, но ее жизненная

позиция, состоящая из совокупности определенных отношений. Они придают пролонгированность, позитивную инерцию и тем самым известную устойчивость жизненной позиции личности.

одновременно жизненную позицию можно сблизить с ананьевским понятием «старта»; она является стартовой не в том смысле, что это начало предшествует жизненному движению, являясь его началом, а в том, что в ней, как в стартовой позиции, уже содержится потенциальный уровень, ресурс будущих достижений, первоначальный жизненный «капитал», дающий и впоследствии определяющий способ движения.

Устойчивая определенность личности и ее жизненной позиции, создаваемой комплексом отношений (привязанность, сотрудничество, дружба, семейные ролевые и личностно значимые отношения и т. д.), создает временной потенциал, или ресурс времени.

На протяжении жизненного пути жизненная позиция изменяется: во-первых, в отношении нарастания или убывания ее временного потенциала, во-вторых, в направлении изменения архитектоники, композиции составляющих ее отношений. Потенциал зависит как от объективных обстоятельств — вышеупомянутого включения в социально прогрессивные или регрессивные сферы, от качества жизни, так и от субъективных, прежде всего от развития личности, возможностей ее перехода на новые уровни самореализации и от ее субъективной концепции жизни.

Таким образом, «скорости» жизненного движения личности, «удлиняющие» ее жизнь, в свою очередь убыстряются, замедляются в зависимости от трех личностных способностей.

1) Актуализации — не зависящего от личности использования социальных и личностных — прошлых — временных ресурсов, а также зависящего от нее оперативного использования своих общих и «специальных» способностей; актуализация образует временной потенциал личности, достигнутый ею уровень жизненного развития, зрелости, т. е. своего рода «трамплин», входящий в ее жизненную позицию. Так способность к актуализации выступает как жизненный темпоральный ресурс личности или личностное обеспечение ресурсов ее жизненной позиции.

2) Потенцирования времени, о чем ниже пойдет речь.

3) Своевременности как своеобразной жизненной стратегичности, оперативности, «поворотливости» и «проворности». Здесь мы имеем дело с качественной личностной организацией времени жизни: «скорость» жизненного движения зависит от способности того, кто «идет» или «бежит» (или «летит») по жизни. Но скорость в данном случае не физическая, не психическая, а ценностно-личностная величина. Скорость зависит от актуализации, т. е. от того, насколько личность может суммировать или умножать (или вынуждена вычитать, делить) социальное и культурное время на индивидуальное, индивидуальное время прошлого на настоящее время, а настоящее — на будущее.

Актуализация — произвольная способность личности, но не осознаваемая, не сознательная, не целенаправленная.

В отношениях с теми, за кого мы в жизни отвечали или от кого зависим, мы черпаем жизненные силы, которые составляют наш определенный потенциал. Один тип людей дорожит самими по себе — очень небольшими по числу, но глубокими жизненными отношениями, готов взять на себя ответственность за «мы», а не только за «я». Другой — напротив — в силу «живости и фиксированности на настоящем моменте» приходит к недопониманию разницы между количеством и качеством отношений. Кто бы ни оказался рядом, он одинаково принимает их всех, не делая разницы между человеком, способным на огромную преданность, и просто «проходящим мимо». Актуализация такого типа заключается в том, чтобы тратить,

расходовать (деньги, подарки, менять знакомства и т. д.). Третий тип строит не столько отношения с людьми, сколько увлекается предметами (книгами, произведениями искусства и т. д.). Его отношения выражаются в его разнообразных интересах, а он выражается в них, насыщается ими (при отсутствии склонности к овладению материальными благами, комфортом).

Разные типы, согласно Д. Кейрси, отличаются тем, что одни более определены, упорядочены, стабильны сами как личности, другие опираются на стабильность отношений, жизненной позиции, которая, напротив, позволяет им быть более свободными, склонными к экспромту, романтизму и т. д.

Другой осознанной способностью личности является потенцирование времени, его сохранение (или экономия) или умножение. Актуализация в жизненном процессе выступает как способ его реализации на каждом жизненно важном этапе (способ «приходования и расходования»). Актуализация — это не только способность, определяющая жизненную позицию, но и особенность, проявляющаяся на протяжении жизни, т. е. ее линии. Личность в каждый данный отрезок жизни умножает разные времена, но не раз и навсегда. Именно поэтому актуализация — жизненная способность.

Выявленная в наших исследованиях особенность внешней и внутренней детерминации времени может быть переформулирована применительно к жизненному пути в виде категории «временного режима». Личность живет либо в свободном, либо установленном (строгом) режиме времени. Свободный временной режим жизни личности образуется в результате успешности личностных усилий человека, степени его «продвинутой», зрелости, адекватности его затрат — его целям, задачам и потребностям. временной режим, таким образом, оказывается одновременно и характеристикой жизненной позиции (удачной, успешной), и характеристикой жизненной линии. Потенцирование как осознанную потребность, можно определить только при учете временного режима. При заданном временном режиме жизни потенцирование превращается, как мы увидим, в манипулирование временем. При свободном режиме возникает осознанная способность личности. Тип, живущий в свободном режиме (с незадачным сроком — по Л. Ю. Кублицкине), имеет возможность осознанного выбора, создавая диахронизм жизненной линии из «веера направлений» или сочетания многообразия направлений (2-й и 3-й типы по Н. Ю. Григоровской). Тип, живущий в заданном временном режиме (внеличностном или надличностном), постоянно находится под контролем за соблюдением определенных временных норм (времени выполнения операции, процедуры). В этом режиме не требуется перевыполнения нормы, но и невыполнение недопустимо. Здесь, образно выражаясь, ставятся «временные рамки». Некоторые типы, привыкая к внешнему контролю или проявляя тревожность, сами становятся «контролерами» своей деятельности, обязательными, исполнительными. Функция контроля в условиях заданного режима открывает возможность к манипулированию временем как одной из промежуточных, но недостаточных форм его реализации в жизненном пути. Примеры манипулирования временем деятельности можно видеть в работе О. В. Кузьминой, выделенные ею типы либо ускоряют, либо замедляют темп, скорость в процессе работы, чтобы остаться в заданных сроках режимов. В процедуру манипулирования входят такие операции, как учет, контроль, программирование, моделирование и даже кодирование временного континуума личности, но не его планирование, все эти операции являются синонимами личностной несвободы в процессе временной регуляции. Очень существенно провести различие между объективной и субъективной детерминацией жизненной позиции и внешней или внутренней детерминацией времени. Объективная детерминация жизненной позиции — это социальные факторы, условия и требования, ее образующие, и их личностное выражение. Они влияют на временной

потенциал жизненной позиции, но не являются непосредственной внешней временной детерминантой. То же можно сказать по поводу детерминации жизни, исходящей от личности, и ее детерминации времени. Это разные детерминанты, хотя они и связаны. Объективная детерминация жизненной позиции — это социальное происхождение человека, его родители, уровень обеспеченности, образованности, в том числе здоровье, превосходные природные данные, способности. Внешняя детерминация времени — это ее заданный (рассмотренный выше) режим (в больницах, лагерях и на принудительных работах люди живут и по такому режиму).

Таким образом, можно соотнести введенное в исследовании Л. Ю. Кублицкине понятие «режима деятельности» и «внешней или внутренней детерминации времени» жизненного пути. Внешняя детерминация времени создает жесткий режим и ограничивает (или сводит на нет) способность осознанного потенцирования времени. Внутренняя детерминация связана с осознанным потенцированием, овладением временем.

Приспособленность личности к режиму в ее деятельности, профессии ведет к двум основным последовательностям, проявляющимся в жизненном пути. Первая заключается в том, что жизненный путь делится на отрезки, определяемые заданиями, целями и ...заданными сроками деятельности. Даже если реально деятельность, работа не столь значима для личности, она внутренне приспособляется к жизни «от звонка до звонка», «от полочки до полочки», «от одного задания к другому». Она переносит темп работы на темп жизни, хотя, повторяюсь, не обязательно видит в работе смысл жизни. Второе следствие — она привыкает внутренне к дроблению жизни на «сроки» и когда — внезапно — между ними образуется «пустое пространство», свободное время, она дезорганизуется, чувствует растерянность, «не находит себе места».

Применительно к этим людям правомерен событийный подход, предложенный Ш. Бюлер [139] и разработанный в отечественной психологии Е. А. Головахой и А. А. Кроником [40]. Они измеряют свою жизнь воскресными днями, свадьбами, разводами, рождением детей и т. д. Для них важны традиции, поскольку традиция дает некоторое чувство пролонгированности в чередовании отрывков жизни, а праздничные события, будучи традиционными, также извне помогают испытать чувство расслабленности, подобное свободе. Такие люди не в состоянии вырваться в идеальное ценностное жизненное пространство, поэтому у них нет осознанной способности потенцирования времени, хотя они способны к его актуализации — умножению социального времени на индивидуальное, индивидуального прошлого на настоящее. Их линию жизненного пути не совсем точно назвать прерывистой, поскольку прерывистость предполагает изменение ее направления (поворотные, по С. Л. Рубинштейну, поступки, моменты, события), т. е. личностно обусловленные изменения. Она является скорее рутинной, монотонной, подобно работе на конвейере. Вспоминается роман Кобо Абэ «Женщина в песках», где задача героини выжить совпадает с лавиной песка, каждый новый день неумолимо обрушивающейся на ее маленький домик. Такая жизнь на выживание, заданная жестокой внешней необходимостью, с одной стороны, ежедневно поглощает жизненные силы человека, связывая их, концентрируя на предельно монотонных делах, не оставляя ему ни грама ценностного времени, с другой — требует от него очень большой адекватности ежедневным делам и задачам, чтобы его силы были им пропорциональны и его не «засыпало песком». Здесь можно напомнить об обсуждавшейся ранее пропорциональности, которая в принципе выражает и обеспечивает соответствие полноте самовыражения личности.

Таким образом, характер жизненной линии определяется соотношением необходимости и свободы в жизни личности в ее изначальной позиции и «режиме»

жизни. У последнего типа нет зависимости жизненной линии от личности, личность — «слуга» своей жизни, целиком зависящая от жизненной необходимости.

Прерывистая жизненная линия связана по крайней мере с тремя факторами. Первый — личностная детерминация, исходящая из решения резко изменить жизнь. Потенцирование времени в данном случае проявляется в способности человека принять сознательное решение. Второй фактор связан с не зависящими от личности негативными или позитивными обстоятельствами — смертью близкого человека, его тяжелой болезнью, требующей высвобождения от всех дел для ухода за ним, или браком, появлением детей, когда женщина вынуждена или охотно бросает свою работу (или расторжением брака и изменением ее роли в семье, когда она, напротив, становится единственной кормилицей). При независимости от личности этих обстоятельств, теряя близких, мы теряем и себя и заново начинаем восхождение на жизненную гору, срываясь вниз и снова карабкаясь вверх. Как хорошо сказано героиней одного из романов — «мы избранники, которых на секундочку вырвали из плена тьмы, чтобы совершить нечто полезное». Варианты выражения таких «перегибов» жизненной линии выявлены Т. Н. Березиной в образной сфере личности во всем многообразии позитивных и негативных «интерпретаций» этих перегибов.

Однако следует добавить, что хотя эти «перегибы», «перерывы постепенности» объективны, они совершенно по-разному «перерабатываются» личностью, лишая ее жизненных сил для дальнейшего движения или выявляя ее новый скрытый потенциал и резервы для того, чтобы «начать сначала». Таким образом, потенцирование времени есть сознательное использование личностью своего временного ресурса для произвольного изменения хода жизни, для преодоления ее объективных «прорывов», «перерывов постепенности», т. е. для личностного обеспечения своей «логики» линии жизни при осуществлении ею перемен или возникновении «перегибов».

Третий фактор, влияющий на прерывистость жизненной линии, связан с соответствием—несоответствием активности личности жизненным ситуациям, ее способностью—неспособностью к своевременной самореализации. Здесь начинает обнаруживать свою роль третья способность личности к организации времени жизни — своевременность. Здесь мы снова обращаемся к введенному А. О. Прохоровым понятию необратимой ситуации. Своевременность личности как ее важнейшая жизненная темпоральная способность заключается не только в одном факте совмещения личностью «пика» своей активности и сущностного для ее реализации момента события (по аналогии с классическим выражением «еще рано братья за оружие»). Своевременность в масштабах жизненного пути заключается в своевременности затрат с точки зрения личностных усилий при прохождении наиболее сложных или наиболее решающих участков, поворотных этапов в ее жизни. Лишь для социальных (или политических) функционеров своевременность — это способность оказаться на нужном месте (в социальной иерархии) в нужное для себя время. В других случаях от личности требуется умение работать в правильно, осознанно найденном ею самом временном режиме. Студентам при вступительных экзаменах хорошо известна эта задача — составить пропорцию необходимых для подготовки предмета дней и интенсивности работы в течение каждого дня. Проблема состоит не в том, что студент приходит несвоевременно (опаздывает) на экзамен, а в том, что он не «построил уравнений» своей подготовки. То же происходит с нами, взрослыми, когда задан конечный срок сдачи каких-то важных документов, но довольно сложно предвидеть, сколько времени потребует «волокита» с каждым из них. Несвоевременность приводит к неудаче — провалу на экзамене, невозможности получить квартиру (из-за неоформленных в срок, недостающих документов) и т. д. Так создаются необратимые объективно ситуации.

Мы субъективно стремимся сделать их обратимыми, но по существу входим в новую ситуацию.

Здесь мы определим своевременность на короткой «дистанции». Ее сложнее выявить, особенно не имея критериев, на дистанции жизненного пути. Иногда более раннее супружество, рождение детей дает в последующем преимущества («опережение») в профессиональной работе. Иногда наоборот — женщина погружается в быт и не может быть успешна в работе. Есть критерии для своевременности в карьере (образование, выбор профессии, этапы профессионализации, социальные статусы). Например, если человек большую часть жизни проработал сотрудником, то вряд ли он проявит большие способности, слишком поздно став руководителем. Напротив, успешное, своевременное занятие профессиональной позиции дает эффект «ускорения» дальнейшего продвижения в смысле минимизации личностных затрат, усилий. Достаточно случайное или целенаправленное «попадание» человека в нужное время на нужное место дает ему потенциальную возможность «развернуться».

Принципиальная несвоевременность свойственна типу, в принципе не стремящемуся к жизненным достижениям — равнодушному к поражениям или успехам. Тип «игрока» воспроизводит в одном из своих произведений Лермонтов и — бесконечно скрупулезно — Ф. Достоевский в одноименном романе. Увлечение процессом, перепадами успехов, неудач, непринятие всерьез жизни, рассмотрение ее условий как переменных, в которые можно произвольно подставить любое значение, страсть к экспромту, неожиданностям — переносят личность в другое жизненное «виртуальное» измерение.

Напротив, стратегически своевременным является тип личности, который, например, не требуя от общества признания его таланта, не требуя славы, весь свой талант в нужный момент использует со всей данной ему жизненной силой. Так был радикально изменен весь ход Великой Отечественной войны, когда Жуков всю силу своей личности и данной ему власти использовал для применения своего полководческого таланта. Своевременность особо важна во время военных сражений, но она — скрытая пружина и мирной личной жизни.

Для анализа жизненной линии и ее характера (прерывистого или непрерывного) важно, что несвоевременность образует «разрывы», пробелы в жизненной линии, которые требуют «начать все сначала», а ретроспективно выглядят как зря потраченные силы и время (или «упущенное» время). Своевременность обеспечивает поступательную непрерывность жизненной линии и иногда ее восходящий характер.

Прежде чем обратиться к последнему, заметим, что характеристики жизненной линии ортогональны относительно ее пространства. «Веер» жизненных возможностей придает широту, объем жизненному пространству. Прерывность— непрерывность жизненной линии — характеристика, как бы лежащая на ее «плоскости». Наконец, восходящий характер жизненной линии определяется как произведение времени и пространства, как личностная «реконструкция» времени в пространстве, дающая особую творческую актуализацию времени. Восходящий характер жизненной линии придает личности духовность и душевность, но только тогда, когда все ценности переживаются ей, т. е. укоренены на бессознательном, более широко — экзистенциальном уровне. Восходящий характер жизненной линии и самой личности — движение и достижение ею уровня субъектности, акме (по Б. Г. Ананьеву) — связано прежде всего с ролью смысловых ценностей в жизни и ее главного смысла жизни. Но хотя понятие «смысла жизни» всегда связывается с высшим мировоззренческим уровнем сознания личности, оно, как показывает наш теоретический и эмпирический анализ, исследования Т. Н. Березиной и Н. Ю. Григоровской, «питается» и вырастает из бессознательных, более широко,

экзистенциальных переживаний жизни.

Было бы большим ограничением свести эту экзистенциальность только к эмоциям, к любым этическим или эстетическим переживаниям, поскольку последние есть научные или художественные абстракции, вырванные из живой ткани экзистенциального мира человека. Только ли это внутренний мир личности? Да, если он вбирает всю чувственную сферу соприкосновений, погружений человека в природу, всю неповторимость душевно-эмоционального единения с другим человеком. Этот мир глубоко индивидуален по существу своему, но он не имеет границы между внешним — человеческим, и внутренним — культурным. В категориях К. Г. Юнга представление об экзистенциальном ближе всего к понятию архетипа как коллективного бессознательного. Однако экзистенциальность не может быть утоплена в глубинах сознания, исторической памяти человека. Она одновременно и способ его единения с миром. И в этом отношении ближе к истине А. Ф. Лосев в его глубочайшей трактовке древней мифологии не как способности дикаря отделить себя от окружающего, сравнив себя с животными или богами, а лишь как символического способа переживания своего единства, синкретической связи с миром.

Экзистенциализм впервые попытался охватить философским объяснением эту непосредственность индивидуального бытия, но все же не смог соединить онтологический и психологический уровни, как справедливо замечает А. И. Филиппов. Основной дефект персонологии Сартра, заметили бы мы, в том, что он не смог раскрыть всю полноту экзистенциальности. «Обладание психологическим „я“, — писал Сартр, — является только знаком личности» [118, с. 148]. Знаковый принцип здесь абсолютно неадекватен, поскольку знак выступает как абстрактный и, более того, локальный способ обозначения чего-либо в действительности. Между знаком и обозначаемым как раз нет никакой непосредственной связи. Экзистенциальность же есть душевно-чувственное воспроизводство, т. е. способ жизни, ее процесс. Не случайно поэтому экзистенциализм не смог выбрать адекватных категорий для обозначения этого уровня и способа бытия человека, употребив только такие, как «тошнота» и т. д. Экзистенциальное — это не телесное, не органическое, не физиологическое — именно на этом уровне впервые происходит преодоление субстанциональности этих форм и через их посредство осуществляется самовыражение, находится способ единения человека с миром. Экзистенциальность не может быть описана в категориях восприятия или деятельности органов чувств так называемой чувственной ступени познания. Это, действительно, чувственная ступень, но не познания, а самой жизни, на которой происходит перевод биологического в природное, поиск своих природных способностей, уже оторванный от потребностей, т. е. свободный. Бессознательное — это иррациональный, но не категоризованный способ проявления своих природных сил. И в этом смысле в способе воспроизводства своей индивидуальности человек свободен. Экзистенциальность выполняет функцию нового способа соединения всех модальностей бытия человека и поиска способа функционирования, соответствующего этому новому единству. Она соединяет его чувствительность в широком смысле слова с его способностью воображения (непроизвольной образной сферой, игрой) как неким способом дистанцирования от чувственности, отлета от эмпиризма и в этом способе соединения апробирует свою способность чувствования и сочувствования. Тело овладевает языком танца, лицо — языком выражения чувств, слух — языком и, в единстве с телом, ритмом музыки [118]. Бессознательное на своем интуитивном языке резонирует с действительностью, определяя свой собственный чувственный способ связи с ней.

Экзистенциальность первична исторически и онтогенетически, но она сохраняется у взрослой личности, функционируя способом, типичным для ее

национального типа индивидуальности. К. Г. Юнг чрезвычайно глубоко раскрыл действительно существующую полярность западного и восточного типов экзистенциальности и показал преобладание экстравертированности у западной и интровертированности у восточной личности. «На Востоке, — писал он, — внутренний человек всегда имел такую твердую власть над внешним человеком, что у мира не было никаких шансов оторвать его от своих внутренних корней, на Западе же внешний человек забрал такую власть, что она заставила его отвернуться от своей сокровенной сущности и глубинного бытия» [135, с. 521]. Полярность же типов заключается в преобладании у западного ценности разума, сознания, а у восточного — именно экзистенциального пласта своего бытия, самооценности личности и ее души. Восточная культура, разработав искусство своих техник, позволила последнему работать с низшими психофизиологическими состояниями и за счет ослабления таким способом силы своего Эго, поднимать вверх уровень коллективного бессознательного, осуществлять самоосвобождение силы духа. Для западного человека главным условием является разумность и вера в Бога, поэтому средством освобождения оказывается институт Церкви и ее «техники». «И Запад, — писал К. Г. Юнг, — несмотря на свою экстраверсию, тоже имеет средство общения с душой и ее запросами; в его распоряжении институт Церкви, который дает выход неизвестной душе» [135]. Самого же человека своими силами религия не научила способам давать выход душевным процессам.

Таким образом, способ самовыражения связан с типом культуры, который обеспечивает преобладание в нем рационального или экзистенциального, иррационального, а также с типом экстра- или интровертированной личности. Скрытый парадокс в юнговской формуле заключается в том, что именно восточный интроверт оказывается менее эгоцентричен в сравнении с западным экстравертом в силу коллективного характера его бессознательного, а также непрерывной работе его души. С. Л. Рубинштейн считал, что первичной абстракцией психической жизни является не чувство «Я», а позиция «Мы», как он прекрасно написал в книге «Человек и мир» — «Республика субъектов».

Но для психологического анализа чрезвычайно важно различие онтогенетического развития экзистенциальности и ее «судьбы», сложившейся у взрослой личности, в том числе в силу не только ее принадлежности к тому или иному этническому типу, но жизненного пути, биографии, в той или иной мере определенной социумом.

Но для обоих аспектов анализа существенно то, насколько определенным оказывается способ самовыражения или, что то же, насколько экзистенциально выраженным является первичное Эго (будь оно более эгоцентрично или коллективно). Экзистенциальность — это не состояние, не пребывание, дление чувственности в ее стихийности, а поиск и нахождение бессознательным индивидуальных «тональностей», «композиций», из которых складывается более выраженный, темпоральный способ интеграции с действительностью. Первичным основанием экзистенциальности становится некоторое доминирующее в ансамбле других («доминанта» — по Ухтомскому) чувство, «интонация» (по Рубинштейну). Это обобщение сходно с интерпретацией, поскольку вовлекает множество самых различных отношенческих, деятельных, поведенческих, событийных, эмоциональных составляющих. Здесь, как позднее в интерпретации, существен анализ природы интеллектуального обобщения, проведенный Б. Ф. Ломовым, и введенное им понятие «меры» [77]. В данном случае, как и в интерпретации, хотя она осуществляется сознанием, основой обобщения может становиться достаточно частная составляющая, одно событие, одно — сильнейшее — впечатление. Здесь нарушается мера, необходимая для полноты теоретического, интеллектуального, научного обобщения и вступает в силу закон доминирования — интенсивности

переживания момента субъектом. Бессознательно субъект выбирает как наиболее ценное, желательное (или нежелательное) именно это переживание, создавая тем самым определенную проекцию, интенцию в будущее.

В эссеистской, но очень яркой форме об этом бессознательном «Я» написала Нина Берберова: «Мне с самых ранних лет думалось, — пишет она, — что у каждого человека есть свой по man's land (ничейная земля — перевод мой. — А. С.), в котором он сам себе полный хозяин. Видимая для всех жизнь — одна, другая принадлежит только ему одному, и о ней не знает никто... пусть час в день, вечер в неделю или день в месяц он живет этой своей тайной и свободной жизнью...

Эти часы либо что-то дополняют к видимой жизни, либо имеют самостоятельное значение; они могут быть радостью или необходимостью, или привычкой, но для выпрямления какой-то „генеральной линии" они необходимы. Если человек не пользуется этим своим правом или вследствие обстоятельств этого права лишен, он когда-нибудь будет удивлен, узнав, что в жизни не встретил самого себя... В этом по man's land люди плачут или пьют, или вспоминают что-нибудь, о чем никому неизвестно, или рассматривают свои босые ноги, или стараются на лысой голове найти новое место для пробора, или листают иллюстрированный журнал... я не знаю, да и не хочу знать... Только не надо думать, что эта другая жизнь, этот по man's land есть праздник, а все остальное будни. Не по этой черте происходит деление, оно проходит по линии абсолютной тайны и абсолютной свободы» [21].

Описанное Берберовой является особым временным переживанием одиночества. Но если это и одиночество, то главным в нем оказывается неосознаваемое утверждение идентичности своего «Я». Это утверждение не связано ни с какой-либо напряженной концентрацией на своем «Я», ни, тем более, с рефлексией. Непроизвольная бессознательная активность подобна игре, и ее средствами могут быть как образы, так и чувствования, как движения, так и переживания. Безразлично, в какой форме она осуществляется, поскольку смыслом ее является создание композиции своего личностно-экзистенциального, психического времени—пространства. Душевно-экзистенциальное воспроизводство есть одновременно и внутренняя, и реальная жизнь, но иногда внутренняя осуществляется по поводу, а иногда совершенно безотносительно к реальной.

Как справедливо думает Н. Берберова, здесь человек свободен. И свобода его в отличие от свободы субъекта, личности заключается в свободе проявления себя, свободе утверждения себя, в возможности выбора способа самоидентичности и самовыражения, в свободе от жесткой логики времени в самой экзистенциальности, которая содействует соединению самовыражения с переживанием смысла своей жизни.

С. Л. Рубинштейн раскрыл разнообразную палитру собственно жизненных чувств личности — своеобразных «интерпретаторов», «комментаторов» времени и ценности ее жизни. Но мы не можем не подчеркнуть вслед за И. А. Джидарьян, писавшей о счастье—несчастье как особой модальности российского менталитета, что переживание негативных чувств — неудовлетворенности, разочарования, скуки, злобы и цинизма сокращает, сужает ценностное время и пространство жизни личности. Скептицизм как неприятие жизни всерьез однозначно связан с уходом от ответственности за разрешение ее трудностей и противоречий. Он ставит предел как самореализации личности, так одновременно и предел ее жизненному движению, развитию. Цинизм связан с таким расширением сознания и дозволенности, которое уничтожает нравственное самоограничение и самоконтроль, превращает время жизни в игру без правил. Но свобода игры не дает переживания подлинности жизни и оставляет личность без обратной связи с результатами своих деяний, не дает ей удовлетвориться жизнью. Тем самым расширение сознания ведет к сужению ценности времени жизни и потере ее смысла.

Личность как субъект интерпретирования не художественного произведения, а своей собственной жизни и судьбы в социуме вправе определить, какой контекст, какого масштаба она включит в процесс выработки своего мнения, своего жизненного вывода. Она вправе совершенно произвольно соединять совершенно из разных областей жизни и из разного времени взятые фрагменты, оценки, события, смыслы и факты. Она имеет право в создании композиций интерпретации или целостной концепции исходить из критериев (соображений) престижа, материальной обеспеченности, собственного достоинства. Интерпретационная композиция носит ценностно-смысловой характер [106, 107].

Но в этом отношении положение личности в российском обществе радикально изменилось. Если совсем недавно — предшествующее поколение — должно было в соответствии со своей совестью реализовывать ценности в жизни, то в настоящее время человек может жить и действовать только постольку, поскольку у него есть ценности. Разумеется, ценности различны. Но сейчас личность решает одновременно две задачи — удержать свои ценности, каковы бы ни были они, и одновременно выбрать такое время и место в социальном пространстве, где можно жить и действовать в соответствии со своими ценностями.

Еще недавно динамика личной жизни осуществлялась в контексте социальной статистики (консерватизма эпохи застоя). Сегодня личность ищет свою устойчивость в динамике ежедневно меняющегося социума.

Выделение своего «Я» из непосредственной связи с миром достигается интерпретацией, подтверждающей свою идентичность как бессознательно, так и на уровне сознания и самосознания. Достижение идентичности на основе самоинтерпретации осуществляется не только в случае поиска своего «Я» при выделении его из общности, но и при изменении действительности, а также изменениях, связанных с динамикой самого жизненного пути. Сегодня перед взрослой личностью практически заново встает задача определения своей жизненной позиции, идентичности своего «Я» в изменившихся российских условиях. Для сохранения самообладания, дееспособности личность должна заново решать задачу самоидентификации, отвечая на вопросы: «Кто я?», «Что я сегодня способна (могу) делать?», «Чего я хочу?». Эти три модальности С. Л. Рубинштейн использовал для теоретического определения личности. В настоящее время личность должна охватить их своим сознанием и самосознанием, ответив на каждый в отдельности и на все три в единстве. А именно, если я этого хочу, то могу ли я это сделать? Если я могу так поступить, то хочу ли я этого, а поступив так, останусь ли я при этом собой, сохранив свое «Я»? Смысловая связь этих составляющих для разных людей, очевидно, будет различной, и в этом проявится интерпретационная концепция каждого.

Но обособление, определенность, идентичность личности предполагают необходимость поиска ею особенного способа включения в изменяющуюся действительность. Здесь выступает иная функция интерпретации, связанная с самовыражением своего «Я» в условиях стремительно меняющейся действительности.

Если основываться на концепции И. И. Чесноковой, то важнейшим проявлением самосознания можно считать потребность в организации своей жизни, включая в нее все: и взаимоотношения с другими, и занятия, и познание, и деятельность. Личность начинает идентифицировать свою индивидуальность, подтверждать свое «Я» на основе проб жизни, осуществляющихся в реальном времени и пространстве. Рубинштейновская философская антропология открыла путь к определению личности не через абстракцию ее сущности (или структуры), а через способ существования как осуществления себя, своего «Я». Экзистенциальное пространство личности не ограничивается пространством ее тела, а создается ее

психологическими проявлениями, осуществлением себя (объективацией — по Д. Н. Узнадзе) во времени и пространстве жизни, а осуществление себя придает жизни смысл.

Таким образом, вскрывается ценностно-интерпретационная связь двух, на первый взгляд казавшихся полярными полюсами или уровнями, способов самовыражения личности — через сознание и экзистенциальность. В экзистенциальности ярче непосредственные позитивно-негативные, эмоциональные модальности ценностей, на уровне сознания определеннее ее конструкты. Ценности выступают не как кванты интерпретаций, а как способы их связей, которые интерпретирует субъект, будь то поступки, слова, события, люди. Экзистенциальность вся интерпретирована, но интуитивно, образно-метафорически, эмоционально-смыслово. Непроизвольная активность здесь подобна игре, безразлично в какой форме осуществляющейся, но смыслом ее является создание собственной композиции экзистенциально-личностного, психического времени—пространства своей жизни. «Это наша собственная душа, — писал К. Г. Юнг, — которая неустанно трудится, создавая новые духовные формы и духовные силы» [135, с. 495].

Определенность способа самовыражения или, точнее, выраженность нашей личности предполагает четвертую способность интерпретирования — ее постоянную, возобновляющуюся «деятельность», поскольку непрерывно меняются жизненные, социальные ситуации, расстановки сил в них, происходят все новые события, которые требуют от личности определенного ее к ним отношения, поведения.

В целом интерпретация как «работа» сознания, внутреннего мира обеспечивает его целостность, осуществляет абстракцию (или дистанцирование) от бега времени, от давления внешних обстоятельств, достигает единства множественного и противостояния изменению, что и выражается в обобщенном смысле жизни.

Э. Фромм предложил два глубочайших основания дифференциации жизненных типов — «быть» или «иметь».

Способ интерпретации, по нашему мнению, различает разные типы по ряду других оснований.

1. По субъект-объектному основанию дифференцируется авторская или исполнительская (объектная) позиция в жизни («я создал свою жизнь» или «жизнь сделала меня таким»).

2. По степени консерватизма или изменчивости. Консервативный тип однажды раз и навсегда осуществляет интерпретацию, содержащую обобщение-вывод («я таков, каков я есть»), которая блокирует способность и потребность в переработке, переосмыслении, реконструировании новых данных и диспозиций. Прогрессивный тип осуществляет проективную, открытую интерпретацию, дающую ее субъекту свободу и возможность осуществления новых интерпретаций и реинтерпретаций. Прогрессивный тип сохраняет гипотетическое отношение к миру, с одной стороны, имея обобщенную позицию для формулировки гипотез, с другой — будучи побуждаем потребностью сознания в их проверке.

3. По типу связей, на основании которых строится интерпретационное обобщение, в способе интерпретации может доминировать модель жестких причинно-следственных связей, однолинейных, исключающих возможность множественности детерминант, может доминировать модель допущений — своеобразная теория относительности, условности, сослагательности связей (категорией «если» допускается неопределенность, иные возможности, что не исключает определенности самой авторской позиции, а лишь ее готовность к изменениям, неожиданностям).

Интерпретационные координаты, составляющие конструкт внутреннего мира, имеют ценностный характер. По уровню обобщенности интерпретации личности

достигают мировоззренческого способа или остаются в пределах узкого обыденного. В первом случае контекстом интерпретаций и обобщений становятся общечеловеческие, во втором — сугубо личные ценности. Но не означает ли это, что в первом случае интерпретатор перестает быть субъектом, утверждая ценности общечеловеческого масштаба и уровня? Ответ на этот вопрос невозможно получить лишь путем сравнения уровня ценностей, а только анализируя сам способ интерпретации. В этом способе заключено особое соотношение абстрактных общечеловеческих ценностей и реальных конкретных жизненных коллизий. Субъект становится субъектом интерпретирования не потому, что он способен поверхностно, ханжески рассуждать о данной жизненной коллизии на языке высших ценностей и категорий, а потому, что он способен каждый раз дать конструктивный ответ, удовлетворяющее этим принципам решение проблемы.

Соединяясь с конкретными данными, высшие ценности придают им новый смысл, который никак не возникает при поверхностном наложении ценностей на данную дилемму. Мировоззренческими данные категории и ценности оказываются не только по своему общечеловеческому контексту, но потому, что они являются конкретизирующими абстракциями, эти абстракции таковы, что дают возможность субъекту породить множество конкретных интерпретаций, а точнее, достигать конструктивности в конкретном интерпретировании. Таким образом, ценностно-мировоззренческий уровень сознания выводит субъекта в общечеловеческое, ценностное время—пространство, превращая его внутренний мир из интраперсонального в интерперсональный, но тем самым расширение интерпретационного пространства дает его субъекту особую глубину и способность концентрации сознания.

Таким образом, через механизм интерпретации мы раскрываем специфику ценностного времени: это время душевной и духовной бессознательной и сознательной «работы», продуктивность которой (по аналогии с производительностью труда как его основной временной характеристикой) заключается в наполненности жизни личности ценностным смыслом (в превращении ценностей в смыслы жизни) и осуществлении жизни в соответствии с этими смыслами.

Выход в духовное время—пространство, пространство культуры, открывает жизни и самой личности тот высший смысл, который придает ее жизненной линии восходящий характер. Таким образом, определенные характеристики жизненной линии связаны с определенными смысловыми интерпретациями, а восходящая линия — с обретением личностью себя в духовном времени-пространстве, т. е. в высшем смысле жизни.

Первоначально мы рассматривали три структуры, образования жизненного пути — жизненную позицию, линию и перспективу. А смысл жизни оставался некоторой его высшей, выходящей за пределы структурных определений характеристикой.

На основании темпорально-ценностного подхода нам удалось — конечно, в некоторой мере — связать характеристику жизненной линии (имеющей восходящий характер) со смыслом жизни. И только исходя из этого последнего, можно подойти к более глубокому определению жизненной перспективы. Работа В. Ф. Серенковой о способности планирования будущего времени значительно дополнила и расширила существующие представления о психологическом будущем, особенно ограниченные когнитивистским подходом к «измерению» его отдаленности и структурированности. Исследование Т. Н. Березиной открыло серьезнейшую проблему его объяснения, поскольку в нем было обнаружено, что неосознаваемые образы будущего располагаются и вверху, и внизу, и впереди (как это соответствует здравому смыслу), и ...сзади (что ему совершенно противоречит). В. Ф. Серенкова обнаружила, что движение сознания, проекция идет не только от настоящего к

будущему (что также кажется очевидным), но и от будущего к настоящему. В целом эти данные прежде всего подтверждают наше объяснение интерпретационной способности сознания и бессознательного к произвольным композициям. В данном случае (у Т. Н. Березиной) композиция выступает как расположение времени (будущего) в образном пространстве, что может быть объяснено как расположение его в смысловом интерпретационном пространстве, т. е. интерпретация будущего как уходящего вверх или вниз по определившемуся смыслу жизни (или уже оставшемуся позади).

Обратная композиция времени имеет графически пространственный характер (в исследовании Т. Н. Березиной) и векторный (в исследовании В. Ф. Серенковой вектор обозначает направление движения личности).

Исходя из чего могут быть объяснены эти данные? Представляется, что нужно совершить коренное преобразование проблемы жизненной перспективы: традиционно предполагается, что она всегда существует и имеет в основном прогрессивное значение. Можно поставить вопрос так: какую роль играет наличие (отсутствие) жизненной перспективы для личности? И тогда можно предположить не только то, что это еще не осуществленная реально, но определенная проективная особенность личности, но и то, что у личности есть потребность иметь эту перспективу; социальная де-привация жизненных условий масс людей, кризисы, коренные или резкие изменения депривуют эту личностную потребность, время—пространство жизни ограничивается настоящим, сегодняшним («здесь и теперь») и тем самым сужается личностное смысловое пространство и время. С одной стороны, всегда акцентировалась ценность настоящего («Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня», «morgen-morgen, nur nicht heute, sagen so die faulen Leute» и т. д.), считалось, что в настоящем закладывается основа будущего. С другой стороны, наличие будущего имело не только смысл продлить жизнь, бытие, не только что-то сделать еще дополнительно, но и улучшить жизнь, изменить ее к лучшему. В проекции будущего для личности всегда был заключен смысл открытой возможности совершенствования. Это и означает, что будущее отвечает потребности личности в самоактуализации, в самосовершенствовании. И нельзя не согласиться с А. Маслоу, что в таком понимании это ведущий жизненный мотив личности, по своему онтологическому значению он эквивалентен потребности жить, продолжать жить. Какой же механизм самой личности, кроме воздействия социума, депривует эту потребность?

По-видимому, одно из самых обобщенных жизненных чувств, которое может быть приравнено к направленности личности — оптимизм. Для нас так важен был анализ интерпретационной сущности самого экзистенциального пласта жизни, затем своего бессознательного «Я», потому что именно он, будучи самым непосредственным образом связан с потребностью жить, составляет оптимистическую «тональность» (по С. Л. Рубинштейну), которая составляет «ресурс» личности. Личность может неосознанно «питаться», «держаться» этим ресурсом, даже при неблагоприятной жизни (природный оптимизм — как принято говорить), но, если она имеет силу воспользоваться свободой своего отношения к жизни и ее времени, она осуществляет интерпретацию всей жизни — ее прошлого соотносительно с настоящим и настоящее соотносительно с будущим, своей позиции и линии жизни, и ее ... перспектив, то интерпретацию осуществляет обобщение, которое имеет оптимистическую или пессимистическую семантику, трактовку, мнение. Отвечая на поставленный выше вопрос о роли жизненной перспективы для личности, можно сказать, что пессимистическая перспектива ограничивает не только будущее жизни, его сужая, сокращая или закрывая (например, «мне остается только дом для престарелых», «мне остается только кухня», «мне остается только работа» и т. д.), но и ценностный темпоральный ресурс

самой личности. Если, как говорят, «мне ничего не светит» в жизни», то у личности снижаются притязания, мотивация достижения, потребность в совершенствовании. Иногда такой интерпретационный вывод делается в критический момент жизни, в связи с определенным событием (ссорой, разрывом, разводом, смертью близкого человека, потерей работы), иногда личность приходит к нему в результате работы рефлексии, самосознания и осмысления всей жизни.

Оптимизм и оптимистическая интерпретация жизни, напротив, придают личности движущие силы, вопреки возможному неблагоприятно складывающемуся настоящему, трудностям, потерям. Перспектива выступает в функции повышения жизненного потенциала личности. Интерпретация жизни носит пролонгированный характер: в каждый период жизни что-то складывается неудачно, что-то достигается, что-то теряется, но интерпретация тем не менее у разных типов людей одних приводит к оптимистическому выводу («нельзя опускать руки», «нужно терпеть» или «нужно бороться»), других — к пессимистическому («все равно — старайся, не старайся», «всегда не везет», «все время все стараются подставить подножку» и т. д.). Есть люди, которые, живя ситуативно, флуктуируют в своих оценках: сегодня — плохо, завтра — хорошо, по принципу «черные и белые полосы». Однако даже эти микрообобщения имеют свое значение, приводя к умножению или вычитанию жизненных сил и времени.

Итак, время можно прибавлять и умножать, а также делить и... терять. Это своеобразная «математическая» величина жизни. Потеря времени — это не только молодые старики, сидящие за карточными столами, играющие, собственно говоря, не в преферанс, а в необратимые игры, и обиженные судьбой и властью старики — пенсионеры. Это не только сдвиг биографических жизненных стадий в силу несвоевременности их прохождения личностью (не успел вовремя жениться, сделать карьеру, вовремя умереть и т. д.) — это прежде всего потеря личностных ценностей — для себя, для общества, науки и культуры, политической деятельности или скрытого, но полезного дела.

Именно эти ценности дают не только сознание свободы, сознание перспективы, но и ее переживание. Когда отсутствуют эти ценности, происходит их компенсация другими переживаниями. Почему мужчины — эти наиболее «связанные радикалы» общества — так проворно гоняют взад и вперед шары по зеленому полю, время от времени загоняя их в лузу. Это своеобразная игра в жизнь — куда торопиться, если процесс игры интереснее победы или поражения. «Я — игрок», — говорит один из знаменитых персонажей Лермонтова. «Игрок» называет свой трагический роман Достоевский, рисуя в его зеркале свое изображение. Это прекрасно проанализировал С. В. Григорьев [44].

Другой способ компенсации — скептицизм, нигилизм, тонко отличающийся от пессимизма тем, что мы назвали «дистанциро-ванием» от жизни. Тип холодного, разочарованного человека — герой Пушкина и Лермонтова — холодностью своей ограничивает себя от участия в жизни, ее переживаниях — равно радостных, волнующих и трагических. Он не в силах вобрать в свою концепцию, интерпретацию жизни саму жизнь и собственную экзистенциальность, поэтому он такой же игрок в жизнь и смерть — свою и чужую. Он убивает в самом себе потребность в будущем, в перспективе, вере и надежде.

К трем выделенным ранее перспективам — когнитивной, личностной и жизненной (связанной с дополнительным временем, придаваемым личности ее позицией), стоит добавить ту, которая характерна для российской ментальности в целом — чувство веры и надежды. Это не доминирующая оптимистическая тенденция, но выражающая глубокое противоречие российской природы: вопреки тяготам и страданиям жизни человек сохраняет веру в лучшее. Стоит задуматься над тем, что это уже не личностно-индивидуальная, а социально-психологическая особенность

национального типа. По-видимому, эта вера не личностная уверенность в своем лучшем будущем или своем изменении к лучшему, а национально найденный компромисс душевного склада — компромисс оптимизма и пессимизма. В этом компромиссе осуществляется тот же «выход» душевных сил, о котором писал Юнг применительно к культуре или религии Запада и Востока.

Чувство веры не перекрывает и не компенсирует реального сознания, интерпретации своей жизни как несчастной (о том, как и почему русские несчастны, потрясающе написала И. А. Джидарьян [48]). Но оно либо, как говорят, «надличностно», либо архетипично, т. е., напротив, принадлежит к глубинному национальному коллективному бессознательному. И полярность этих чувств — отчаяния, несчастья и веры, надежды — не погашает смысл каждого, а, напротив, дает такой «люфт», «зазор», такую психическую экзистенциальность, которая помогает человеку сохранить жизненное равновесие. Это одна из тех пропорциональностей, которая дает стабильность жизни и спокойную умеренность личности. Нельзя сказать, что это маятник, колеблющийся от отчаяния к надежде. Это особое жизненное состояние, более глобальное, чем частные состояния, описанные А. О. Прохоровым, дает личности нечто подобное ежедневному заводу часов — жизнь проходит без взлетов и падений, без резкой смены жизненных чувств, жизненные силы тратятся равномерно, но личность не имеет ни ускорения, ни опережения, ни замедления.

Наиболее сложная грань вопроса о жизненной перспективе, естественно, связана с возрастным периодом жизни. Раннему возрасту свойствен естественный здоровый оптимизм и то, что называют легкомыслием, поскольку будущее представляется неопределенно, в мечтах. Но в конце жизненного пути, в период старости (изучаемый геронтологией, практически отсутствующей в отечественной психологии, однако прекрасно проанализированный, обобщенный по мировым источникам Л. И. Анцыферовой), соотношение жизни и смерти не может не повлиять на жизненную перспективу. Л. И. Анцыферова прекрасно показала (мы бы назвали ее «гедонистической») стратегию проживания последних лет жизни, связанную с возможностью реализовать максимум свободы, получить максимум удовлетворения от полноты самореализации [14].

Другая стратегия вытекает из собственно этнокультурного или религиозного отношения к смерти, что также сохраняет человеку перспективу и питает, поддерживает его в последние трудные годы.

Таким образом, возможно разное возрастное, этнокультурное отношение к смерти, но в рамках каждого из них, в свою очередь, возникает личностное отношение. Именно это отношение глубочайшим образом раскрыл С. Л. Рубинштейн как обусловленное, с одной стороны, объективной диалектикой жизни, с другой — интерпретацией своей жизни личностью, ее субъективной концепцией. «Существует не более или менее трагическое отношение к смерти вообще, а отношение, возникающее при раскрытии и осознании разного при разных условиях соотношения жизни и смерти, которое делает (или не делает) смерть трагической при разных обстоятельствах. Таким образом, возникает необходимость создания концепции жизни субъекта, человека, из которой уже вытекало бы как естественное, закономерное такое или иное отношение к жизни и смерти» [101, с. 80].

Героическая интерпретация смерти поразила С. Л. Рубинштейна в пьесе В. Вишневского «Оптимистическая трагедия», название которой оказалось для него наиболее глубоким и точным обозначением смысла его собственной жизни. Героизм как глубоко коллективное чувство придает смерти смысл, ценность которого превосходит ценность собственной жизни, является ли она смертью «на миру» или в одиночестве.

Смерть интерпретируется как счастье, избавление от страданий вместе с жизнью,

что стало огромной проблемой современной медицины, пытающейся выработать юридические и этические права для прекращения врачами жизни пациента, проблемой, ставшей сюжетом современного романа.

Но поразительную интерпретацию роли смерти как перспективы именно для оставшейся жизни дал С. Л. Рубинштейн. «Факт смерти, — писал он, — превращает жизнь человека не только в нечто конечное, но и окончательное... Смерть превращает жизнь в нечто внешне завершенное и ставит, таким образом, вопрос о ее внутренней содержательности. Она снимает жизнь как процесс и превращает ее в нечто, что на веки вечные должно остаться неизменным... отсюда и серьезное ответственное отношение к жизни в силу наличия смерти» [101, с. 81].

Здесь человек обращается к новой опоре, которая могла бы придать большую подлинность жизни, опоре, которую личность уже обретает не в себе, а в самой смерти. Какой парадокс! Казалось бы, смерть — уничтожение, прекращение жизни. Но мудрейший психолог радикально преобразует этот смысл — факт смерти должен усилить жизнь и человека. Каждый день его жизни должен быть прожит максимально полно и осмысленно не только потому, что его дни ограничены, но потому, что осознание смерти дает ему последнюю возможность обобщить свою жизнь, понять ее главный смысл и успеть его осуществить. Здесь сама идея перспективы как расширяющегося вперед пространства и времени выступает как ретроспектива — как направление от будущей смерти к настоящей жизни.

Чрезвычайно важен и другой аспект. В какой-то период своей жизни человек, обладающий рефлексией, зрелая личность, начинает абстрагировать себя как личность от объективного хода своей жизни и от своих объективных деяний, их плодов и результатов. Мысль о смертности человека как смертности его тела, но возможности продолжения его жизни «в другом», других — в его «детищах», его идеях, позволяет ему совершить эту абстракцию. Эта идея присуща не только религиозному сознанию как идея бессмертия души, продолжающей свой путь в другом мире, но и сознанию личности.

Любой человек, как говорит народная мудрость, должен в своей жизни посадить дерево, построить дом, вырастить ребенка. Идея непрерывности бытия человека как непрерывности поколений, продолжения рода человеческого является, по-видимому, одной из самых глубоких и мотивирующих. Но кроме нее и даже кроме потребности объективировать себя в формах, которые будут существовать после его смерти («они продолжат мое дело», «мои идеи будут развиваться дальше» и т. д., что в принципе доступно не всем людям), появляется потребность оставить память о своей личности. Эта потребность связана с выходом сознания личности за пределы времени и пространства своей жизни во время и пространство человеческих идей и идеалов, среди которых ценность человеческой личности остается непреходящей.

Таким образом, связи жизненной позиции, жизненной линии, перспективы и смысла жизни явственнее всего прослеживаются через темпоральную характеристику жизненного пути в ее многообразных качествах и проявлениях. В свою очередь, анализ времени жизненного пути и темпоральных способностей личности позволяет сделать предварительный вывод о более глобальных типах личности, которые могут быть выявлены только в масштабах времени и пространства жизненного пути или, во всяком случае, об иных основаниях типологии, чем те, которые были выявлены В. И. Ковалевым.

Первый тип, обладающий способностями к актуализации и потенцированию времени, является опережающим объективный ход своей жизни. Именно эта глобальная временная особенность дает ему возможность предвидения, рефлексии, планирования. Его настоящее детерминировано и прошлым, и будущим и осуществляется с предвидением последствий, на основе целей и ценностей,

имеющих личностный, мировоззренческий, духовный смысл. Желания, направленность этого типа являются проекциями, т. е. движущими силами будущего. Он, таким образом, может соединять и когнитивную, и мотивационно-личностную перспективу. Он опережает и создает ход своей жизни, потому что он одновременно живет в общечеловеческом, социальном, историческом времени— пространстве.

Второй тип является запаздывающим. Это не просто консерватизм, не просто привычка к прошлому, однолинейная цепь детерминации — роль уже сложившаяся. При плотном, однозначном способе связи одного акта жизни с другим по принципу следования одного из другого, поступательности нет дивергентного времени— пространства, даже сама личность должна следовать некоторой неизбежности, жесткости своего режима. Он не обязательно слишком поздно совершает основные жизненные шаги, но чуть изменившиеся обстоятельства жизни представляют для него неожиданность, к которой он не готов. При объективном прерывании ритма, цикла он испытывает состояние дискомфорта — он не приспособлен к неопределенности.

Третий тип, о котором много говорилось выше, является своевременным. У него нет такого временного ресурса, как у первого типа, но он обладает неким внутренним потенциалом благодаря своей соразмерности. И наконец, нами не был выявлен эмпирически, но было сделано допущение, что существует тип, жизнь которого находится в остановившемся времени. Трагедию жизни этого типа во всех ее гранях передал Н. Гончаров в «Обломове».

3. ЛИЧНОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Хорошо известно, что культура исторична, т. е. она принадлежит своей эпохе, воплощает и питает ее. В этом смысле культура имеет исторический временной масштаб. Культура не развивается в смысле ее совершенствования во времени всей истории, но она конкретно исторична, т. е. привязана к конкретному времени, образу жизни, ее пространству и формам, но одновременно она вневременна, она принадлежит вечности. И вечно в ней наиболее совершенное.

Теоретикам культуры не удалась попытка представить историческую последовательность культуры как ее развитие по восходящей. Памятники Древнего Египта не уступают по своему совершенству произведениям постмодернизма. Но существует критерий, по которому возможно выделить наиболее совершенное произведение культуры, не опираясь на принцип последовательности. Самый главный парадокс проблемы заключается в том, что не сама по себе культура и ее сокровища обретают бессмертие, а именно человек — самое смертное из всего сущего в мире — наделяет ее даром вечности. Он оказывается тем судьей, который своим воображением, восприимчивостью, эстетическим и интеллектуальным переживанием дает умереть одному и наделяет бессмертием другое произведение. В этом главный парадокс связи человека и культуры.

Лишь на первый взгляд, объективируя себя в формах культуры, своим творчеством человек сразу отдает их вечности. Это иллюзия, связанная с длительностью существования памятников архитектуры, скульптуры, шедевров из долговечных металлов. На самом деле только способность живущих столетия спустя воспринять нечто как прекрасное, ценное придает ему жизнь в настоящем, определяемую как вечность и бессмертие.

А тем самым и человек, не только как творец произведений культуры, но как тот, кто своим восприятием возрождает их к жизни, одновременно прикасается к вечности. Это восприятие не только интеллектуальное или эстетическое переживание, придающее жизни смысл, а человеку — удовлетворенность, это «выход за пределы» своего времени, который дает переживание свободы. Жизнь человека имеет, как мы убедились, свою временную размерность (не

размеренность!), свой масштаб, интегрирующий ее время и пространство. одновременно человек принадлежит, включаясь в социум, к его масштабу — его времени и пространству. Но как обладатель душевных и духовных способностей, своей реальной и чувственной жизнью он приобщается к масштабам времени и пространства жизни человечества. Время личной жизни более жестко регламентировано для тех, кто детерминирован внешним временем (и в личностном, и в социальном отношении). Время жизни более «просторно», «вольно» для типов, управляющих временем, и потому именно они способны «потратить» его на работу сознания и переживания, выводящих в вечное пространство культуры.

Но тайна соприкосновения человека и культуры, их взаимопроникновения не только в том, что удовлетворяется потребность смертного в бессмертии, бессознательная потребность продлить свою жизнь. Главная тайна состоит в удержании настоящего, в его продлении как настоящего, в расширении его пространства и ввысь, и вглубь. Не случайны старинная и совсем современная формулы, обе равно заклинающие «остановись, мгновение» и признающие его мимолетность — «есть только миг между прошлым и будущим». Настоящее при всей своей реальности и полноте преходяще. Оно преходяще, хотя имеет и временную, и пространственную модальности. Прошлое не имеет пространственной реальности, пространственно оно становится идеальным, оно воплощается в настоящем только благодаря работе памяти, воспоминаний. Будущее также не имеет реального пространства, а только время. Настоящее поэтому более «полноценно», время «заземлено» в пространстве конкретного действия. И потому человек стремится преодолеть не только конечность, ограниченность времени в своей жизни, он борется против необратимости времени, против конечности, ограниченности настоящего. Как же он может «удержать» мгновение, если все его психические способности динамичны, если его мысль в постоянном движении, если он сам постоянно устремлен в будущее? «Расширение» границ настоящего достигается только усилиями осознания и переживания, воссоздающими человеческую культуру, т. е. ценностным сознанием и переживанием. Такое переживание оказывается связано не только с реальным временем—пространством, но с идеальным временем—пространством культуры. Такое переживание продлевает настоящее, сообщая ему ту подлинность, которой не имеет сама по себе эмпирическая жизнь. «Жизнь тем более жизнь, чем более она-жизнь внутренняя», — писал Л. Н. Толстой. Как может жизнь быть жизнью в большей или меньшей степени — спросим мы. Придание ей ценностного характера расширяет и углубляет ее время, и Толстой имел в виду именно переживание и мысль, осуществленные по формуле духовности, культуры.

Этот принцип в его философски ограниченной форме, по мнению А. Ф. Лосева, был открыт еще стоиками в их понимании искусства. «Удержание настоящего они понимали как полноту, как „устойчиво пребывающее“, как самодовление. Эта устойчивость придается личности и искусством, т. е. эстетическим переживанием, и в равной мере добродетелью, т. е. этическим отношением» [78, с. 161—162]. «Добродетель, считали стоики, абсолютно устойчива потому, что она есть результат внутренней школы человека, результат его внутренней закалки, созданной строгими методами педагогики и самовоспитания» [78]. Другое понимание, но той же идеи удержания настоящего, исповедовали эпикурейцы в своей трактовке наслаждения как «безмятежного, безмолвного покоя души» [78, с. 191]. Однако душевное удовольствие Эпикур связывал не только с настоящим, но и с прошлым, и с будущим, отрицая, однако, движущую силу страстей в будущее.

Различие стоицизма и эпикурейства в понимании устойчивости и самодовления в том, что первый связывает его с внутренней работой, а второй — с наслаждением, которое обладает и привязанностью к настоящему, и вечностью. «Но это

удовольствие, — пишет А. Ф. Лосев, — фиксирует неподвижный предмет своего стремления и тем самым получает для себя уже свою собственную устойчивость, сдержанность и структуру» [78, с. 201]. Повседневная же жизнь, считают эпикурейцы, лишенная эстетического удовольствия, есть «всегда куда-то стремящаяся без достаточного удовлетворения».

Удивительным образом к идее покоя как статики настоящего приходит и скептицизм, который «проявляет пассивистскую форму своей души..., такой анархизм, который является в то же время величайшим консерватизмом» [78, с. 387]. Однако, не имея теоретических средств для структурирования этого настоящего, они понимали его фактически как эстетическое мироощущение, которое выражает, скорее, печаль о прошлом, «тоскует о чем-то великом и погибшем, и в его едва заметной улыбке мы всегда ощущаем мысль о чем-то безвозвратном и невозвратном» [78, с. 388].

Эллинистическое искусствознание, выступая против пассивности скептицизма и его бессилия преодолеть текучесть, стремится «фиксировать в вечности конкретное художественное произведение и сделать его устойчивым на фоне преходящих ценностей жизни..., стремится увековечить эстетическое восприятие, и не его статическую протяженность, а именно мгновенность» [78, с. 404].

И проходя сложные этапы своего развития, философско-эстетическая мысль постепенно преодолевает синкретизм, присущий и стоицизму, и эпикурейскому мировоззрению, сами способы объяснения времени (его текучести или устойчивости), которые исходили из неразрывности человека и прекрасного в природе и человеке, бытия и сознания, красоты и добродетели. Постепенно появляются собственно эстетические и этические категории, которые позволяют дифференцировать и эстетические, и этические способности субъекта и отделить устанавливаемую им упорядоченность (в форме красоты или добродетели) от возвышенного. И здесь-то у Цицерона, корнем учения которого является, по мнению Лосева, эллинизм, впервые появляется понятие идеального, отвечающее определенному смыслу. «Цицерон, следовательно, подчеркивает чисто идеальный, чисто смысловой характер „мысленного образа“, и хотя он как-то образовывался в уме художника, по самому существу своему он и не рождается и не гибнет, а есть чистая идея, к которой совершенно неприменимы признаки времени» [78, с. 487].

Признаки времени не относятся, таким образом, к идеальному пространству и существующему в нем способу организации знаний, теорий, произведений искусства. Природу идеального блестяще раскрывает в своем анализе мифа О. М. Фрейденберг, определяя идеальность смысла, понятия и наррации. «Образ, — пишет она, — иначе сказывает то, что видит, и передает конкретность так, что она обращается в свое собственное иносказание, т. е. в такую конкретность, которая оказывается отвлеченным и обобщенным новым смыслом» [120, с. 187]. Иносказание образа связывается ею с его понятийным характером: «конкретность получает отвлеченные черты, единичность — черты многократности, бескачественность окрашивается в резко очерченные, сперва монолитные качества, пространство раздвигается, вводится момент движения от причины к ее результату» [120, с. 189].

В понятии, таким образом, происходит не только то обобщение, которое обычно в философии и психологии анализировалось с точки зрения содержания его сущности. Там, где понятие «рождается» из образа, удается высветить то, что сам образ своей реальной экзистенцией уже не несет ее непосредственность, а выражает, обозначает, осмысливает то, что в его экзистенции отсутствует, — идеальное. (По этому поводу прекрасные примеры приводил К. Маркс в «Капитале», говоря о том, что и в телесности холста не содержится ни грана его стоимости, а сама стоимость «отличается от вдовицы Квикли тем, что ее нельзя пощупать».) «Этос» (Сократа)

уже стал двойным философским осуществлением обманчивого «вида» (реальности) и «скрытой сути» (идеального мира». Нам бесконечно важен этот анализ перехода от образа к смыслу.

Второе, также существенное, состоит в том, что при этом выявляется движение, сущность которого мы как психологи пытаемся уловить в индивидуальном сознании и самой личности. Это движение, осуществляя превращение реального в идеальное, конкретное в абстрактное, по сути своей обладало той свободой, которая, по-видимому, присуща и индивидуальному бессознательному. Оно (иносказание) «открывало собой путь в будущее, в новое мышление, в многоплановость, в связь неожиданных явлений и в их взаимный переход в свободное и универсальное обобщение единичного, не связанное никакими условными зависимостями, в том числе, ни протяженностью, ни дискурсивностью» [120].

Третье, самое существенное, заключается в том, что при переходе возникают совершенно новые временно-пространственные соотношения, и здесь масштаб исследования О. М. Фрейденберг позволяет уточнить идеи А. Ф. Лосева об идеальном как вневременном. Оно вневременно по отношению к настоящему (реальному), но имеет свое время. Так появляется структура рассказа (наррации), «оставаясь образной, она делается понятийной. В ней появляется несколько времен, минимум два» [120, с. 223]. И далее, «рассказ возникает произвольно, как объективный результат раздвинутого времени и пространства. Он появляется там, где уже недостаточно плоскости, пространственной и временной. Время тут длительно, причинность порождает следствия, пространственно удлинено. В наррации отражено становление субъектного мира, отделенного от объектного и во времени, и в пространстве» [120, с. 227].

Таким образом, идеальное, будучи вневременно относительно конкретно-исторического времени, имеет свою временную организацию, включающую движение, связанное с превращением из одного качества в другое, раздвижение времени—пространства, удвоение времен и т. д. Здесь возникает субъектный мир идеального, имеющий свои законы, логику, временно-пространственную мерность. Можно предположить, что этот способ идеализации, поскольку он связан с мифом, т. е. исторически ранней формой сознания, представляет собой архетип индивидуального сознания. Но можно предположить и другое — что этот способ присваивается, усваивается каждой личностью. Но в последнем случае, на наш взгляд, должен существовать мотив, более широко — потребность, которая стремится к этому усвоению, признанию (познанию) эстетических и этических принципов.

Нам представляется, что особенность человеческой организации состоит в «выходе за пределы» адаптивной модели жизни, принципа полезности. Образовавшаяся «свобода от адаптивности» предполагает необходимость особой потребности в развитии «бесполезных» в адаптивном плане способностей.

Поэтому историческое развитие человеческого чувства времени первоначально опирается на стремление найти удовлетворение, упорядоченность в настоящем, будь это удовлетворение познавательное, эстетическое или этическое. Лишь с момента, когда был найден критерий удовлетворения, соответствующий не только упорядоченному покою, а совершенствованию, идея, креативность и особенно красота начали определяться в новых специфически временных категориях. Нащупываются особенности музыкальных мелодий и звуков, вызывающих экзотические, благородные, печальные или спокойные состояния. Эти особенности связаны с природой ритма: «ритмизируются движения тела, мелодия, словесное выражение». Словесный ритм находит одни, певческий — другие, танцевальный — третьи средства. Сами ритмы определяются своими временными характеристиками (краткие и частые, долгие и медленные или перемежающиеся по частоте и долготе) и

вызывают соответствующие психические состояния. Был обозначен и ритм (метр) диалога, адекватный разговорной речи и размерности вышеупомянутой наррации. Аристид вводит понятие модуляции, «которое есть ритмическое изменение ритмов или темпа».

Ритмы, мелодии, музыкальные средства также есть движения, о которых говорилось выше в отношении идеального, т. е. осуществляется радикальный переход от покоя и статики к динамике. Аристотель называет ритм и мелодию движениями, сравнивая их с поступками, т. е. смело распространяет эстетику на организацию личности. В эстетике выдвигаются две теории, объясняющие родство музыки и души. Одна носит числовой характер и утверждает, что основой родства является гармония. Это фактически теория математического статического характера. Другая, по мнению А. Ф. Лосева, носит физический характер, поскольку доказывается, что «устройство» души — аналог музыки. Следуя этой аналогии, мы рассматривали выше уникальные временные феномены сопоставительно с разными физическими теориями.

Удивительно, что тот же принцип своего рода идентификации психологии личности и архитектурного или скульптурного произведения имеет место при восприятии художественного пространства. И хотя пространство статично, оно, будучи художественно конституировано — пропорциями, ритмом, жестами скульптур, вовлекает зрителя в духовное переживание, возвышающее душу, а тем самым вызывающее ее движение.

«Скопасом была создана статуя вакханки из паросского мрамора — пицегон, она могла показаться живою; камень, сам по себе оставаясь все тем же камнем, казалось, нарушил законы, которые связали с его мертвой природой... Ты мог бы увидеть, как этот твердый по своей природе камень, подражая женской нежности, сам стал как будто легким и передает нам женский образ, когда его женская природа исполнена резких движений. Лишенный от природы способности двигаться, он под руками художника узнавал, что значит носиться в вакхическом танце и быть отзвуком бога, низошедшего в тело вакханки. Созерцая это лицо, стояли мы, как будто лишившись дара речи, — так ярко во всякой детали написано было проявление чувства» [78, с. 649].

Но как бы ни были подобны или идентичны эстетическая действительность и ее создание творцом и воссоздание зрителем, перейти от статики времени к движению, оторваться от наличного, непосредственно чувственного диалога времени оказалось возможным, как следует из этико- и эстетико-философского исследования А. Ф. Лосева, только когда появился двупланный смысловой поток, когда появилась смысловая, идеальная, эстетическая реальность — об этом шла речь выше — при анализе соотношения мифа и понятия. С этого момента появления идеального смыслового отношения человека происходит его освобождение искусством.

Чрезвычайно глубок в этом отношении анализ Вельфлиным архитектурных стилей в его почти поэтической книге «Ренессанс и барокко». Готика, считает он, создала такую форму, которая и сумела выразить стремление человека ввысь, и вызывает при созерцании это стремление. Иными словами, архитектурные стили имеют не только статическую гармонию, но выражают стремление выйти за пределы плоскостного пространства, стремление вверх к совершенству. Последнее является не только как совершенство форм, но как выражение потребности человека в совершенстве духа. Здесь парадоксальным образом совмещается несовместимое — архитектурная композиция статична, потому что ее красота в пропорциональности, а устремленность готики ввысь выражает выход за пределы этого целого, потребность в движении. Но положение «вверх», соединенное с направленностью нашего взора, есть движение незавершенное, поскольку оно стремится не к точке вверху, к цели, но привязано к направлению, к координате. Та

же связь движения со скульптурными произведениями прослеживается А. Ф. Лосевым относительно настоящего времени, поскольку осуществляется акт эстетического восприятия и переживания. Субъект возникает, высвобождаясь из позиции уподобления своих чувств эстетическому явлению, предмету. Он может отнестись к нему.

И это отношение связано не с моментом встречи человека с произведением искусства или науки, а с особым внутренним временем, в котором оформляется эстетическая или теоретическая потребность, мотивация, чувство прекрасного, понимание теоретических идей. Эстетика и философия эстетики трактуют двуплановость как изображение или эстетический предмет, сюжет, тему, как то, что они выражают. Итак, мы проследили историческую последовательность и логическую сущность возникновения образно-смысловой идеальной действительности, ее назначение в способе существования человека, ее «способность» расширения его времени. Но это действительность культуры, как мы предположили, по юнговскому принципу прижизненного овладения ею становится или должна стать действительностью индивида, личности. И здесь происходит ее новая актуализация, но особенным образом — психическими возможностями личности в особом процессе эстетического восприятия и переживания. И здесь происходит удвоение времени, подобное описанному О. М. Фрейденберг.

Эстетический субъект является не только субъектом актов восприятия, он становится субъектом духовного устройства своего внутреннего мира по принципам, которые он смог воссоздать. Здесь происходит перевод личностных потребностей в этические и эстетические, благодаря чему и возникает духовность (Г. С. Тарасов). Тем самым создается его собственный временно-пространственный духовный континуум, который имеет свою мерность, свою ценностно-временную архитектуру. Этот континуум не замкнутое интернально-экстернальное пространство. Это время—пространство, имея в своей основе процедуры, содержащиеся в культуре — научной (знания), эстетической (формы) — имеет очень сложную организацию. Момент обращения к научной концепции, к знаниям и содержащимся в них идеальным объектам должен быть своевременным с точки зрения внутренней логики самой личности. Прочитать научную книгу или провести два часа на выставке картин еще не значит «войти» в их смысловое идеальное время—пространство, присвоить его. Личность должна обладать некоторой вначале, может быть, не оформившейся, не развитой потребностью в этих культурных ценностях, а затем — интересом, отношением к ним. Иными словами, она должна узнать, найти в них предмет своей потребности и выразить себя так, чтобы, самовыражаясь, раскрепостить их содержание и способ организации, «логику». А это самовыражение связано с одновременным превращением своих жизненных, уже сложившихся духовных и других потребностей в эстетические, познавательные и т. д. Становление такого субъекта — это его этическое и эстетическое самовыражение, «языком» которого и становятся смысловые «гештальты».

«При стабилизации познающего „я“, отделенного от познаваемого „не-я“, — пишет О. М. Фрейденберг, — субъект уже настолько вырос, что смог начать конструирование параллельно миру объекта — своего собственного субъектного мира, со своей отдельной областью, со своими законами. Помимо того, что это было личностным миропониманием, в богатом интеллекте этот субъективный мир принимал форму как бы самостоятельного плана, независимого ни от какого объекта... Люди стали различаться друг от друга объемом и качеством своего миропонимания, и теперь у некоторых выдающихся людей появилась способность мыслить особым и специфическим мышлением, в котором границы познания более раздвинуты, чем у других людей той же эпохи. Оно проявлялось не повседневно и не при всех условиях не потому, что у человека может быть два мышления, а потому,

что обыденная жизнь насильно заставляет личность подчиниться своему шаблону и требует, чтобы все необычное замещалось обычным, сложное — примитивным» [120, с. 445].

В. П. Иванов справедливо отмечает, что этот мир дан человеку не в качестве принудительного жизненного обстоятельства, что он лишен признаков утилитарной полезности. «Искусство не просто вовлекает сознание человека в некий информационный поток — пишет В. П. Иванов, — оно, что самое главное, создает пространство перевоплощения человеческой личности в многообразные формы бытия, модифицированные силой творчества и воображения» [59, с. 207]. Однако никак нельзя согласиться с тем, что и бессознательное, и художественная реальность «образованы деятельностью» [59, с. 231] и имеют только целевую направленность.

Здесь он противоречив, утверждая целевую направленность и деятельную сущность художественной реальности, он одновременно разделяет идею К. Маркса, что это * специфический мир чувственного бытия для созерцания» [59, с. 215], «переживаемые (художественные) реальности» [59, с. 227]. Если познание можно условно считать деятельностью, то эстетическая активность — это созерцание, т. е. нечто совершенно иное. Он глубоко прав, говоря, что в переживании «проявляется тотальность человеческого способа жизни; позволяющая человеку аккумулировать жизненный процесс, не теряясь в его внешнем течении и сохраняя тождество с самим собой» [59, с. 226]. Но заблуждается, считая этот процесс целиком осознанным и целенаправленным.

Согласно С. Л. Рубинштейну, созерцание является отличным от деятельности способом отношения человека к миру. Деятельность, даже творческая, имеет свое собственное, очень определенное, конечное (заканчивающееся результатом) временно-пространственное измерение, свой алгоритм. Созерцание же опирается на бессознательное, осуществляющееся его механизмами, облекаясь в художественные формы, условности, образы процессуально, динамично и часто произвольно. Но соединение душевных сил личности, потребностей ее самовыражения с реалиями эстетического, приобретая ценностный характер, создает и подтверждает и удерживает в потоке времени идентичность личности самой себе, и тем самым создается и расширяется ее настоящее время. Она постоянно, вновь и вновь интегрирует различные смыслы, впечатления, отношения, конструируя свой мир и воспроизводя и подтверждая свою субъектность.

Таким образом, наш анализ, начавшись с механизмов исторического синкретического сознания, обеспечивающего, по мнению философов, удержание мгновения настоящего, пройдя через осмысление этапов развития механизмов воспроизводства художественным сознанием движения, привел к механизмам сознания индивидуальности, личности, «цель» которых приобщение личности к бесконечности культуры ради обогащения и утверждения ее идентичности (и в этот смысле настоящего) и себя в новом качестве. Формулируя специфику способа детерминации человеческого бытия, С. Л. Рубинштейн обозначил ее как «пребывание в изменении» или сохранение в изменении (или тождественность изменяющегося). Здесь содержится ответ на вопрос о специфике человеческого, личностного времени.

Формула С. Л. Рубинштейна о проявлении и развитии личности в деятельности может быть переформулирована следующим образом: проявляя себя, но не только в деятельности, но и в созерцании, личность возвращается к себе в новом качестве, обогащая и насыщая себя и свой мир. Таким образом, она утверждает, казалось бы, свою идентичность через приобщение к вечности искусства, науки, культуры, а последняя приобретает эту вечность в этом воспроизведении.

В чем же заключено совершенствование личности, связываемое обычно с ее

приобщением к культуре? Построение своего внутреннего идеального мира — его ценностного времени—пространства — открывает в человеке способность к идеализации, т. е. стремление к лучшему, более совершенному. Проблеме идеализации посвятил свои лучшие труды А. А. Ухтомский, который связывал ее прежде всего с нравственными отношениями людей. Однако идеализация как способность человека проявляется и в его отношении к себе, в его «Я-концепции», заключающей, как известно, «я» — реальное и «я» — идеальное, и в его стремлении к лучшей жизни, в его жизненном оптимизме. Идеализация и есть проявление духовности человека, которая не просто и не только расширяет время—пространство настоящего, но и проецирует будущее как лучшее по отношению к настоящему, как отвечающее высшим критериям человечности. Идеализация — это способность умножения ценности жизни и других людей, противоположная приземленности и ограниченности. Идеализация предполагает некоторую отдаленность от настоящего, приподнятость идеала над обыденным, его сверхценность и совершенствует человека, его способность следовать за ценностью, опираясь на безграничность смысла, ее притягательность, ее человечность.

В. Д. Шадриков высказал глубочайшую мысль, что культура достигает своей реальности, только становясь культурой личности [127]. Только живой человек своим поступанием (следуя терминам М. М. Бахтина) ценностным образом придает ей высшую степень реальности. Но в превращении культуры в идеальный мир идеалов личности скрыт сложный механизм превращения самой личности, ее отвлечения от обыденного времени—пространства для воссоздания в этом же реальном времени—пространстве новых духовных способов жизни. Это превращение и равносильно совершенствованию личности. Идеализация предполагает развитие у личности особых чувств — чувства прекрасного, чувства справедливости, любви к людям, тянущейся к ближнему, болейшей его трудностями и нуждами, которые так трудно сохранить в душе. Трудно, но возможно представить себе мысль человека, вовлеченную в систему научных абстракций — она поддерживается его профессиональной принадлежностью, ролью и задачами личности в этой профессии. Он начинает и привыкает жить в этом пространстве абстракций. Легко представить себе вовлеченность человека в воображаемый мир фантазии, в виртуальную компьютерную реальность. Но как трудно «болеть» за справедливость, бороться за права человека, если дискриминация по цвету кожи происходит где-то в другом полушарии, на континенте, где никогда не был и не будешь. Что побуждает человека не только в своей личной жизни не делать подлостей, но бороться с человеческой несправедливостью вообще? По-видимому, нечто большее и более сильное, чем описанная Пиаже способность мысленно встать на позицию (точку зрения) другого человека, искомая Дильтеем способность понимания как переживания, рекомендуемая Карнеги «политика» уважения другого.

Не претендуя на полноту и глубину объяснения, можно сказать — превращение чувства в особую движущую силу, «двигатель» духовной жизни личности, оказывается возможным при условии достижения описанной выше пропорциональности личностного времени.

Способность личности к саморегуляции в описанном нами выше (в гипотетическом порядке) времени—пространстве для того, чтобы овладеть временем—пространством контура деятельности, используя саморегуляцию как средство оптимизации последней, а деятельность осуществлять не только ради решения проблем самореализации и самоутверждения в жизни и социуме, а ради достижения, не скажем — счастья, не скажем — блага, но, скажем, лучшего способа жизни людей. Это превращение требует особых личностных усилий, поскольку реальное время жизни, ее реальные дела, отношения с людьми отвечают жизненной

необходимости. Они требуют ограничений, принципа необходимого и достаточного. Идеал и идеализация — сфера необязательного, сфера, которая не предъявляет к человеку никаких требований, ни за что не карающая, не обвиняющая ни в чем. Почему же он, зажатый в тисках повседневных дел, спешки, неотложных обязательств, необходимой жизненной и деловой скорости, темпа, вдруг оказывается способен «перешагнуть» через обязательность и полезность и выйти в другое духовное идеальное время и пространство? Ответ на этот вопрос еще предстоит найти. Но в категориях времени можно определить эту способность как способность личности к порождению времени через соединение со временем человечества.

4. ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Для рассмотрения проблемы времени личности в жизненном пути отправными для нас являлись три собственно философские концепции. Это концепция овладения временем малоизвестного русского философа В. Н. Муравьева [85], философская концепция жизни (или философия жизни и ее субъекта) С. Л. Рубинштейна и, наконец, концепция космического субъекта Ю. А. Шрейдера, современного логика и философа [130].

Разделяя время на свободное, т. е. то, которое определяется человеком, и принудительное, В. Н. Муравьев исходил из принципа системности. Если множество разных систем не связаны друг с другом общим действием, то они выступают по отношению друг к другу как ограничивающие, принудительные, требующие подчинения [85, с. 121]. Внутреннее время любой системы (в отличие от принудительного внешнего) возникает из множества ее составляющих, объединенных общим взаимодействием [85, с. 128]. Но специфика человека и его времени, связанная с наличием у него сознания, заключается в том, что «сознание рождает новый фокус жизни» [85, с. 150]. Степень осознанности, т. е. понимания себя как разумно действующей причины, дает критерий для субъектности действия или определяет деятеля. Причем объем субъекта, по В. Н. Муравьеву, строго пропорционален кругу сознания. Роль сознания — собирательная, оно способно сосредотачивать или центрировать действие. Однако, перефразирую его идею, можно сказать, что сознание выполняет не только функцию концентрации действия, но способно вбирать в себя объекты и претворять их в субъекты, делать чуждые вещи частью самого себя [85, с. 152]. Тем самым вскрывается внутренний механизм человеческого времени. Согласно В. Н. Муравьеву, существуют, по крайней мере, еще две его характеристики. Это длительность как существование объединяющего центра, способного выстраивать собственные временные последовательности, порядок вещей и способность воспроизводить прошлое, повторяя уже совершенное [85, с. 153].

Фактически В. Н. Муравьев, идентифицируя субъекта с его сознанием, приходит к выводу, что сознание управляет внешним временем. Этот вывод совпадает с некоторыми вышеприведенными феноменологическими данными (самонаблюдений ряда лиц). На первый взгляд, он кажется чисто идеалистическим в контексте принятого марксизмом утверждения первичности бытия и вторичности сознания.

Однако, если исходить из понимания бытия не только как физической материи, а из определения С. Л. Рубинштейном как человеческого бытия, то этот ход мысли оказывается обоснованным, субъективное время воздействует на объективное время человека (или регулирует его). С. Л. Рубинштейн признавал регулирующую роль сознания по отношению к бытию, т. е. не только зависимость сознания от бытия, но и обратную зависимость. Кроме того, он утверждал антропоцентрический (или эпицентрический) статус субъекта в бытии. Субъект — по С. Л. Рубинштейну — центр реорганизации бытия, источник активности по его преобразованию.

Следовательно, социальное время — это время культуры, истории, материального производства и т. д. Это время, созданное человеком, а не только время физической материи. Так обстоит дело в собственно философском плане, в котором рассматривали категорию субъекта В. Н. Муравьев и С. Л. Рубинштейн. Но это есть объективное время и по отношению к индивидуальному субъекту — личности. Это особая человеческая объективность времени, которая подчиняется единым законам человеческого бытия и потому человеком же как субъектом может быть изменена и преобразована.

Каким закономерностям подчинена эта объективность? По мнению Ю. А. Шрейдера, существует два различных способа существования человека. Один — отвечающий необходимости выживания, воспроизводства жизни, связанный с материальным производством; другой — свободе человеческого духа и нравственности. Последний и есть, по его мнению, космический субъект, субъект в истинном смысле слова. Эта позиция близка определению С. Л. Рубинштейном двух способов жизни человека: одного — непосредственно вплетенного в практическую конкретность жизни, другого — опосредованного и разорванного рефлексией, выходящей и выводящей за пределы наличного. Но их философские концепции субъектов различны, поскольку С. Л. Рубинштейн, признавая за субъектом активную преобразующую роль, не отрывал ее от задачи реорганизации реального бытия. Иными словами, по Ю. А. Шрейдеру, субъект существует в космическом времени—пространстве, где он обладает свободой. Согласно С. Л. Рубинштейну, хотя он и признает два способа жизни (более непосредственный и опосредованный рефлексией), они оба осуществляются в реальном времени—пространстве жизни.

Возникает вопрос, существует ли и проявляет себя индивидуальный субъект в сфере необходимости, в сфере независимой от него объективности?

Нам представляется, что, во-первых, личность как субъект жизни не может быть изначально рассмотрена внеположно (или в порядке противопоставления) необходимости человеческого существования (как считает Ю. А. Шрейдер, на философском уровне противопоставляя субъекта с его свободой и существование, жизнь с ее необходимостью). Личность становится (или не становится) субъектом в подлинном смысле слова именно по отношению к необходимости жизни, а не в каком-либо абстрактном времени—пространстве. Она является субъектом (или становится им) в той мере, в какой противостоит необходимости, преодолевает ее.

Категория субъекта философски указывает на потенциальную возможность, способность личности быть эпицентром, интегратором, координатором составляющих своего жизненного пути, прокладывать в нем свою линию, рассматривать свою логику, строить свои перспективы.

Применительно к личности она выявляет ее способность строить особое время — пространство жизненного пути. В этом смысле она выступает как субъект его организации. Как было показано выше, жизненный путь — это действительность, в которой сложно соотнести реальное и идеальное, необходимость и свободу, детерминацию, воздействующую на личность и активность как субъекта, детерминирующего способ жизни. Жизненный путь личности — это способ ее жизни, это то, что способна выстроить, создать из своей жизни (с ее необходимостью) сама личность. Наличие субъективных и объективных детерминант порождает противоречия, которые и разрешает личность в качестве субъекта. Разрешая противоречия, личность как субъект стремится к оптимальному соединению субъективных и объективных условий жизни, деятельности, общения. Объективные условия — это условия труда, требования его производительности, определенные на данном этапе развития общества, социальные, временные нормы получения образования, начала профессиональной деятельности, нормы рабочего времени и т. д. Но не всеми эта оптимальность достигается, поэтому реально разные типы

личностей в разной мере становятся субъектами своей жизни.

Итак, качество личности как субъекта жизненного пути теоретически связано с определенным способом ее организации, но реально разные личности при этой организации, связанной с противоречиями и их решением, в разной степени его субъекты. Важнейшим является понимание способности и потребности субъекта в оптимальной организации жизни. Такими психологами, как А. Маслоу и К. Роджерс, эта детерминирующая тенденция считается присущей самой личности, ее способности к самоактуализации. Но мы предполагаем, что самоактуализируется лишь индивидуальность личности, ее неповторимое «Я». И если оно и имеет силу самодвижения и саморазвития, то это и проявляется в совершенстве личности как индивидуальности. Между тем субъектом личность становится, достигая оптимального развития человеческой сущности, т. е. «всеобщности» (этичности, человечности). Это развитие проявляется не в абстрактных духовных ценностях и представлениях, не в наличии у личности особой духовной жизни, а прежде всего в способности изменять реальную жизнь в соответствии с принципами человечности.

Здесь и определяется то, способно ли сознание видеть, понимать, а личность через свои поступки и деяния (по С. Л. Рубинштейну) осуществлять жизнь по этическим духовным законам или же ее сознание оказывается лишь отражением и выражением наличного способа существования. Каждой личности, нам представляется, изначально дана эта духовная способность как предпосылка, как шанс (по принципу «человек добр по своей природе»). Но не каждый обретает личностную силу реализации этой духовности в построении и осуществлении своей жизни.

В этом смысле различаются законы существования объективной необходимости и законы духовного осуществления человеком своей сущности. Вторые осуществляются только усилиями субъекта, направленными на преодоление необходимости, на противостояние ей, на то, чтобы вопреки необходимости осуществить свою жизнь достойным человека образом. И именно в этом заключается особая сущность ценностного времени. Линии развития личности как индивидуальности и как субъекта в этом смысле не совпадают, что с особой силой воплощено в дилемме: совместны ли гений и злодейство.

Это несовпадение особенно видно на примере жизни и развития творческих личностей. Индивидуальность последних, их способность, талант, гениальность, как это прекрасно описано в бесчисленных романах о жизни великих художников, музыкантов, ученых, владеют их личностями. Они подчиняются своему таланту, он ведет их по жизни. Воля нужна мастеру лишь для того, чтобы соотнести свой талант и свою работоспособность. Талант — это, действительно, имманентная самоактуализация личности как индивидуальности. Даже когда художник воплощает в своих творениях свою эпоху, ее стиль (модернизм, постмодернизм), он делает это несознательно, произвольно. Но такие творческие личности отличаются от тех, которые становятся субъектами высших духовных ценностей, на это различие справедливо указал В. Д. Шадриков [127]. В соответствии с принципами человечности, что предполагает сознательные, волевые усилия по преодолению противоречащих этой сущности обстоятельств, необходимости существования, выживания. Осуществление таких волевых усилий, деяний, поступков (по С. Л. Рубинштейну) предполагает, что личность вырабатывает в себе определенные качества, а именно, что она достигает зрелости. Личностная зрелость — это прежде всего нравственная ответственность, которую субъект берет на себя не только за свою жизнь и поступки, но и за жизнь окружающих людей («ближних» и «дальних», по С. Л. Рубинштейну). Эта ответственность есть соединение во времени причины и следствия деяния субъекта. Ответственность — это осознание и реализация своих действий как причин и «причинения», и одновременно это взятие на себя

последствий этих деяний. Здесь субъектом осуществляется совершенно особый синтез времен — предваряющего, предшествующего и последующего.

Если бы следствия поступков и деяний всегда были только позитивны, то нужна была бы только направляющая их детерминанта. Но в возможности негативных следствий действий, совершенных из благих побуждений, и выражается столкновение духовной интенции с реалиями бытия, существования. Ответственность поэтому оказывается гарантией субъекта за разрешение противоречия (в его позитивном или негативном варианте).

Ответственность, которой в психологии было уделено очень мало внимания, представлялась некоторой личностной «чертой». На самом деле это особая проективная способность личности создавать такое ценностное время, такое идеальное экстернальное пространство, в котором осуществление действий, реализация дела, программы и т. д. находится под «покровительством» личности. «Увидеть» эти идеальные ценностные конструкции, создаваемые личностью в ткани, в реалиях жизни, чрезвычайно трудно. Они могут быть воссозданы только на основе философско-методологического подхода. Трудно «увидеть» замысел и способ реализации военной кампании или даже одного сражения из реалии передвижения войсковых частей во времени и пространстве — в театре боевых действий. Но оно подчинено определенной логике, составляющей способ реализации стратегического замысла полководца. Ту же «расстановку сил» (по выражению С. Л. Рубинштейна) осуществляет личность при реальной организации жизни, но эта организация каждый раз подчинена замыслу, принципу, который носит не только когнитивный характер (чем обычно представляется план). Этот принцип или замысел реализуется личностью идеально и реально одновременно, он воплощается объективно на основе субъективных опор, усилий, гарантов, одним из которых является ответственность.

Таким образом, ответственность выступает как способность личности к организации жизни в соответствии с принципами духовности, человечности, которая предполагает и усилия, мужество самой личности, и способ реализации этичности в реалиях жизни. Одни люди берут на себя ответственность за задачи одного масштаба — за задачи, связанные с близкими людьми, другие способны бороться за улучшение жизни многих людей, третьи — только за свою собственную жизнь.

Ответственность и ее субъектный характер проявляются в том, что она освобождена от контроля социума, она добровольна, глубоко личностна. Именно в тоталитарном обществе было очевидно, что за судьбу народа, за справедливость брали на себя ответственность личности в силу внутреннего призвания, убеждения, совести, а не социального контроля, давления или норм. И именно ответственность по самому большому счету дает личности чувство свободы от давления этого общества и его контроля.

С ответственностью как особой позицией субъекта С. Л. Рубинштейн связывал серьезное отношение к жизни. На наш взгляд, экзистенциализм предложил понятие, которое содержит в себе характеристику не только серьезного отношения к жизни, но именно такого способа ее реализации, который дает субъекту подтверждение этой серьезности. Это понятие подлинности жизни.

Не только личность, погруженная в текущие дела и заботы житейской необходимости, но личность, обладающая мощной рефлексией, не всегда достигает подлинности жизни. Одной рефлексии, одной духовной способности, одних нравственных взглядов недостаточно, чтобы их реализовать в жизни реально, вопреки бесконечным трудностям и противоречиям жизни. Подлинной жизнью становится и переживается личностью как подлинная, когда она реализуется в соответствии с духовными принципами, принципом человечности. Как много вберет для себя личность в свое понимание, представление о человечности определит она

сама, но тем более важно, чтобы это представление было максимально реализовано практически, от чего и зависит ее переживание подлинности или неподлинности своей жизни. Пусть масштабы ее деяний будут не безмерны, пусть она проживет лишь свою собственную жизнь согласно принципам человечности — это бесконечно трудно и безгранично много. И чем меньше будет дистанция, разрыв между благими намерениями, идеями, идеалом и реальным их осуществлением, тем более цельной и сильной духовно будет ощущать себя личность и более подлинной будет ей представляться ее жизнь.

Десятки книг написаны философами и психологами о смысле жизни. Но, на наш взгляд, переживание смысла жизни, или жизни как имеющий смысл, связано не только с предваряющим наличием целей, планов, замыслов. Оно связано с мерой соответствия этих в широком смысле притязаний и их реализации — в широком смысле достижений, которая и дает переживание жизни как подлинной, т. е. имеющий смысл. Это и есть время жизни, т. е. тот ее достигнутый личностью способ, который отвечает ценностям, идеалам, принципам человечности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы начали анализ проблемы так называемого психологического времени с точки зрения науковедческого подхода, можно сказать, с низшего уровня. Нашей первой задачей стал обзор разнообразных и разноплановых направлений, подходов, исследований, говоря образно — разных времен. Предложенная нами концепция времени прежде всего служила цели найти такое единое основание, чтобы стянуть эти «нити» и преодолеть явный разрыв между объективным и субъективным временем. Основанием всех исследований, дававших возможность их сравнения, первоначально явилась довольно простая исходная модель личностной организации времени, включавшая его осознание, переживание и деятельность. Но смысл этой модели, на первый взгляд, включающей классическую триаду — когнитивного, эмоционального и деятельного компонентов, — состоял в том, что ее основанием оказывалась личность и ее особая способность к организации времени жизни в целом (тогда как изучение времени жизненного пути в целом ряде исследований оказывалось лишь одним из направлений изучения психологического времени). Таким образом, в исходной модели была заложена связь между организацией времени личности и личностью. Последнее предполагало иной временно-пространственный масштаб и личность как субъекта.

Эта исходная модель послужила основанием построения гипотез и проведения эмпирических исследований личностной организации времени, хотя и эти исследования оставались пусть менее разобщенными, но все же достаточно самостоятельными, поскольку выявляли особенности этой организации в разных плоскостях — жизненном пути, деятельности и т. д. Однако в самой модели был тем не менее заложен ряд единых принципов, составивших основные координаты исследования. Это прежде всего самая общая идея об организации личностного времени жизни и деятельности и о субъекте как высшем уровне такой организации. Исходной гипотезой явился далее типологический подход, который неизменно подтверждался в виде эмпирически получаемых типологий. Более того, одной из гипотез явилось предположение, что личностная организация времени и организация времени личностью может быть теоретически описана в специальных категориях, которые раскрывают сущность (или существенные звенья) этой организации. Типологический подход опирался на идею, что и темпоральная структура личности, и тем более ее функционирование в деятельности, в жизни не имеют единого для всех личностей характера, единых способов связи между различными уровнями личностной организации. Проще говоря, мы предполагали, что если у одного типа ведущим уровнем в личностной организации времени

является сознание, то у другого это может быть темпераментальный уровень, а у третьего мотивационный. Мы предположили, что типологические темпоральные особенности образуются не только ведущей ролью того или иного уровня, а способом их координации в процессе функционирования личности. Это несколько теоретически выделенных категорий: последовательности, одновременности, своевременности, потенцирования, временной перспективы, трансперспективы (В. И. Ковалев), и, разумеется, за всеми этими категориями всегда имплицитно стояла категория развития, также многоплановая и не всегда прямо выраженная во временных параметрах.

Стратегия исследования носила поступательный характер — от теоретического анализа организации времени жизни к исследованию планирования времени жизни (как будущего); от него к исследованию способов организации деятельности (на основе выделения особой категории временного режима деятельности), от обобщенных суждений респондентов об этой организации, выявляемых с помощью опросников, к изучению реальной организации деятельности в основных режимах; от осознания времени к выявлению неосознаваемых механизмов личностной организации времени. В каждом из последующих исследований постепенно расширялось число компонентов и механизмов личностной организации времени — так удалось эмпирически доказать, что восприятие времени, которое традиционно исследовалось совершенно обособленно, может быть включено в личностную модель. От одного исследования к другому углублялись и дифференцировались каждый из компонентов: сознание изучалось и через характеристику временных ценностей, и в качестве обобщенных представлений респондентов о времени и столь же обобщенной рефлексии своего способа действия во времени, и, наконец, в качестве рефлексии только что осуществленной реальной деятельности.

Дифференцировались и умножались характеристики первоначально глобально выделенного параметра переживания времени: если методика Кнаппа и Гербертте фактически заключала достаточно искусственно поставленную задачу, то наши исследования были нацелены на изучение имманентных самой личности темпоральных эмоциональных механизмов — эмпирически выявлялась ситуативная и личностная тревожность, влияющая на скорость, напряженность и ошибки деятельности; была раскрыта огромная роль образных референтов глубоко эмоционально пережитых жизненных событий, благодаря чему изучение собственно переживания времени переросло в исследование целого неосознаваемого уровня его организации (Т. Н. Бе-резина). Исследование неосознаваемого темпорального уровня велось также не только с точки зрения способа переживания времени, но было направлено на выявление образно-смысловых, символических и других его механизмов, методами ассоциаций, метафор, вскрывались личностные смыслы, образно-графические репрезентации времени и т. д. (Н. Ю. Григоровская).

Однако фундаментальным результатом оказалось выявившееся соотношение между неосознаваемым уровнем и уровнем сознания (напомним, что первоначально у разных типов уже были обнаружены различные функциональные соотношения между сознанием, переживанием и деятельностью, носящие как позитивный, так и негативный характер, что и позволило включить неосознаваемый уровень в общую исходную модель). Обнаружился основной механизм соотношения неосознанной и осознанной сфер, заключающийся в том, что первая в ряде случаев выступала как ресурс, обеспечивающий свободу отношения личности ко времени (Н. Ю. Григоровская) [43]. Это явилось доказательством важнейшего, давно полученного Л. Ю. Кублицкине сугубо эмпирическим (а не теоретически-гипотетическим) путем факта различия типов временной детерминации личности — внешней или внутренней, исходящей от субъекта. Однако исследования Н. Ю. Григоровской значительно продвинули представление о делении временной детерминации на

внешнюю или внутреннюю — сложная архитектура внутренней личностной темпоральной организации, которая в одном случае, действительно, выражает свободу, т. е. внутреннюю детерминацию отношения к внешнему — объективному времени, а в другом — внутреннюю необходимость ставить себя в рамки, которые выражают ориентацию на внешне заданное время.

Дифференцировались и углублялись представления об исследуемых качествах организации времени деятельности. Если первоначально это был рефлексивный, типичный для данной личности обобщенный образ действия в разных режимах времени, а затем способ реальной деятельности в двух режимах, исследуемый по целому ряду параметров (соотношение скорости и числа ошибок и т. д.), обнаружившихся благодаря вариации заданий деятельности, то еще позднее предметом исследования стала способность планирования деятельности (т. е. не прошлой, не настоящей, а будущей), степень ее связи с самооценкой этой своей способности самой личностью и одновременно способность к совместной деятельности. Когда все эти перечисленные параметры были дополнены еще и телесным компонентом, выявляющим степень физической напряженности при решении темпоральных проблем, то первоначально простая модель личностной организации времени превратилась в интегральную модель этой организации. Она включала, кроме восприятия, и отношение ко времени (единство рефлексии, понятий о времени, образных представлений и неосознаваемых смыслов), а также способность к его планированию и представление о своих способностях. Можно сказать, что были выявлены своеобразные личностные организационные стратегии обращения со временем, опирающиеся на его имплицитные или эксплицитные концепции.

И наконец, на самом последнем этапе удалось перевести временные категории на язык традиционных личностных категорий (предложенных С. Л. Рубинштейном) и тем самым показать имманентную личности темпоральную организацию. Последним фундаментальным поворотом в стратегии исследования явилась своеобразная инверсия его предмета. Если первоначальная модель была не более чем аналогом обычно изучаемых составляющих (например, тех же, что входят в состав установки — когнитивный, эмотивный и мотивационный компоненты), т. е. в этом смысле она не была специфична именно для выявления организации времени, а последняя изучалось в своих достаточно изолированно взятых объективированных формах (жизни, деятельности) или субъективных (сознание, переживание, неосознаваемые компоненты), то в самом завершающем исследовании (разумеется, на основе интеграции всего предшествующего) удалось выявить не только то, как личность организует время (имея в виду под организацией и зависящие от нее произвольные и непроизвольные способы организации), а то, какова сама личность в ее темпоральной сущности, каковы ее движущие силы, смысло-движущие ресурсы. Понятия «личность» и «время» полностью интегрировались так, что оказалось возможным объяснение самого психологического времени в собственно личностных категориях. Мы пришли к результатам, согласно которым движущие силы личности оказываются зависимыми не от самих по себе мотивов и потребностей, и даже не от их уровня и выраженности, а от композиции целого ряда личностных составляющих, в которые включается и способность (возможность), и удовлетворенность (а тем самым эмоциональная движущая — или тормозящая сила), и ориентация на успех/неудачу (как позитивное или негативное предвосхищение и «проигрывание» своих действий). Сочетание, способ связи этих составляющих образует источник активности (движения) личности (или причину ее застоя, регрессии, консерватизма). Мы предполагаем, что понятие «активность личности», которое очень широко употреблялось нами до сих пор, может быть в данном контексте конкретизировано более адекватно звучащим понятием личностной энергии.

Разумеется, все предшествующие исследования также были изучением самой личности как темпоральной системы. Однако только выход к системообразующей этой организации, т. е. к временному ресурсу; позволил с значительной степенью определенности понять потенциал, движущую силу личности, т. е. ее личностную и жизненную пружину, «энергию». Это понятие не имеет ничего общего с околонучными энергетическими концепциями. Оно имеет иной смысл и назначение. Употреблявшееся нами ранее понятие активной личности часто воспринималось как синоним или термин, близкий к социальной активности (хотя в нашей работе «Стратегии жизни» [7] было дано его психологическое определение). В других случаях активность воспринималась как собственно личностная «черта» (активная или пассивная личность). Сближение понятий активности и энергии, во-первых, опирается на раскрытие интегративно-мотивационной особенности личности. Во-вторых, понятие активности раскрывалось нами и другими авторами (А. В. Петровский, В. А. Петровский) в контексте взаимодействия личности с действительностью. Понятие энергии позволяет раскрыть активность, движущие силы личности не только как субъекта, взаимодействующего с объектом, но как субъекта, включенного в Мир, Вселенную (С. Л. Рубинштейн).

В таком случае и физика, и психология являются науками, раскрывающими онтологические закономерности бытия, имманентно включающего субъекта. Тогда субъект — по С. Л. Рубинштейну — не противостоит бытию, а включен во Вселенную. И именно на этом самом общем, предельно философском основании может быть снято противоречие между науками и понятиями субъективного и объективного (как физического и социального) времени, спор между физиками и психологами.

Обобщая наши данные в понятиях, сопоставимых с теми, которыми оперирует физика, можно сделать вывод, что свойством «открытости» обладает не только Вселенная, но и ее «атом» — личность. Эта открытость заключается в порождении личностного времени, в его расширении, умножении, и возрастании общей энергии Мироздания, в противовес энтропийным тенденциям. Сопоставляя эту мысль с формулой Н. А. Козырева о временном потоке, необходимом для превращения причин в следствия, в рассматриваемом нами масштабе времени—пространства такой причиной становится личность (по выражению С. Л. Рубинштейна, способ осуществления человеком своей сущности означает «причинение»). Не претендуя на точность описания личностного времени в этих категориях, можно сказать лишь то, что соотношение причин и следствий, во-первых, не линейно (причина и следствие движутся во встречных направлениях), во-вторых, следствие не только воздействует в обратном порядке на причину (что также соответствует линейной модели), а может порождать причины нового порядка и уровня, каковой является личность. На этом уровне появляется новый тип детерминации — ценностная, целевая, которую Г. Ол-порт вообще считал принципиально отличной от причинной. Различие он видел в том, что причинность всегда имеет прошлое и настоящее измерение, а цели личности — только будущее.

Далее, как отмечает А. Тимашев,¹ вопреки общепринятому мнению об одномерности времени можно допустить многомерность (или по крайней мере еще одно временное измерение). Вывод из этого постулата однозначно совпадает с нашими результатами: «второе измерение времени отвечает за возможность свободного выбора и обеспечивает многовариантность будущего». Именно этот свободный выбор будущего и свободное отношение ко времени выявились в наших исследованиях. Понять свободу выбора можно, приняв положение, с которого мы начали, что существует не время, а времена. Эту идею в более глобальной форме высказывает А. П. Левич в своей статье «Время — субстанция или реляция» [74]. Одна из наших существенных категорий — «своевременность», фактически

обозначает оптимальное совпадение разных времен (личностного и социального и т. д.). Но наши исследования позволяют утверждать, что неслучайность такого совпадения определяется личностью. Ею обеспечивается способность человека менять свою собственную скорость времени в очень широком диапазоне (которую пока считают необъяснимой).

Согласно концепции И. Пригожина, траектории движения необратимы. Это совпадает с мыслью Г. Олпорта о незначительной роли прошлого соотносительно с ролью будущего. Но способность личности воспроизводить прошлое противоречит этому тезису. Очевидно, что обратимость—необратимость зависит от характера субстанции, о движении которой идет речь. Как мы отмечали, прошлое уже не имеет того пространства с его последовательностью, которое было присуще жизни личности, но оно переходит в новом виде в «субстанцию» самой личности (опыт, память). И воспроизводить это прошлое время—пространство личность может в любой последовательности, отвечающей целям и задачам настоящего. Так, опыт фактически также становится ресурсом личности, поскольку отвечает на вопрос «как», который содержит временной потенциал личности, ее приобретенную способность.

Физики отмечают, что для дальнейшего развития представлений о пространстве, времени, материи и движении в понятийном базисе естествознания, по-видимому, не хватает каких-либо новых сущностей, появление которых наиболее вероятно в форме субстанциональных подходов (А. П. Левич). И если, когда мы пятнадцать лет назад начинали наши исследования, парадигмы физики были альтернативны гуманитарным подходам ко времени, сегодня очевидно, что они стали, по крайней мере имплицитно, взаимодополнительны. Новая сущность, которой не хватает естествознанию, — личность, т. е. сущность, расширяющая и умножающая время как Вселенная.

Однако сама природа времени в предельно абстрактном философском смысле предполагает и вечность, и бесконечность как не подлежащие измерению, и определенность, точность.

Мы бы всячески подчеркнули тот факт, что именно личность, становясь во времени птицей, одновременно обладает способностью определять и устанавливать свои временные координаты, вехи, определенности, свои завершения (окончания) и свои начала. Эта способность произвольности обращения со временем. Так, в частности, инициатива личности — это расширение времени—пространства и ответственность за их структурирование, достигающее степени приемлемой для личности определенности. Деятельность — это пространство, ограниченное временем, но субъектом ограничения может быть как личность, так и внешние причины, что приводит к описанному выше напряжению и перенапряжению личности.

Исходя из наших исследований, можно сформулировать энергетическую концепцию психологического времени. Разумеется, время не только энергия, но время и энергия (подобно тому как свет является и волной, и частицей, время, возможно, является и энергетической субстанцией, и реляцией, отношением). Значит, в одном из своих аспектов время — это энергия. Через категорию энергии и категорию личность мы можем объединить ранее отдельно рассматриваемые психологическое, биологическое, социальное и время культуры. Ранее мы выделяли в качестве составляющих личностного времени восприятие, переживание, осознание и организацию времени; здесь мы рассмотрим еще один элемент — энергетику личностного времени.

Однако если вводить в качестве эквивалента активности личности понятие энергии, то необходимо подчеркнуть его личностный характер и соотнести с другими объективно существующими энергетическими уровнями, компонентами бытия

человека. Человеческое время — процесс непрерывного превращения потенциальной энергии жизни в саму жизнь, во множество переходящих друг в друга мгновений настоящего «сейчас». Энергетическую составляющую можно выделить в любом времени (биологическом, культурном, социальном и прочих), следовательно, она может быть одним из тех оснований, которое поможет нам объединить их все в личностной организации времени.

Итак, первый компонент человеческого времени — изначальный темпоральный энергетический потенциал, или отпущенное нам потенциальное время жизни. Современная биология исследовала и описала многие физиологические, биохимические и молекулярные механизмы работы этих «биологических часов» (генетическая программа развития и старения организма — чем не материальное воплощение этой энергии?). И это «потенциальное время жизни», заложенное в конкретных механизмах молекулярно-генетического кода, и есть первый рассматриваемый нами уровень человеческого времени (или его основной энергетический потенциал).

Второй компонент связан с движением темпоральной энергии — это темп реализации и расходования изначального энергетического «запаса». Это и есть восприятие и осознание процесса движения энергии, в самом простом случае осознание движения «биологических часов», расхода отпущенного нам времени (в более сложном случае подключаются негэнтропийные процессы личностного времени — это усложняет общую картину переживания времени, на этом мы остановимся ниже). Этот темпоральный аспект связан с субъективным переживанием человеком скорости движения времени. Именно этот аспект чаще всего понимается под психологическим временем в субъективистских теориях. Ими описываются разные феномены переживания длительности временных промежутков в зависимости от заполненности их событиями и от эмоционального состояния человека («время то тянется еле-еле, то бежит»). Мы предполагаем, что это объясняется темпом движения энергии. Чем больше, чем быстрее расходуется темпоральная энергия, тем быстрее движется человеческое время. В зависимости от ориентации человека на внешний или внутренний ритм такое состояние может субъективно переживаться как ускорение времени (поскольку человек ориентирован на внутреннее время, именно внутреннее время ускоряется) или как его замедление (поскольку — на внешнее, то оно представляется замедленным относительно собственного ритма). В состоянии «ускоренного» времени энергия расходуется быстро, и дается ее человеку чуть больше, чем обычно, поэтому такие состояния могут переживаться как длительные и заполняться большим, чем обычно, количеством событий, дел, мыслей и чувств. Больше всего энергии расходуется в состоянии стресса. Многочисленные эмпирические данные показывают, что именно в ситуации стресса (например, угрозы жизни) человек переживает ускорение субъективного времени и расходует выделившуюся дополнительную энергию на порождение мыслей и чувств («прошла перед глазами вся жизнь») и иногда даже действий и дел («успел невозможное — отскочить от приближающегося поезда»). И ускоренно расходуется в такие мгновения именно темпоральная энергия, просто потому что другой энергии у нас нет. Недаром считается, что после таких стрессовых мгновений у человека «прибавляется седых волосков» и платит он за них «годами жизни». И это на самом деле так, поскольку ускорение психологического времени в критические периоды происходит за счет повышенного расходования внутренней энергии времени.

Третий компонент — это превращение темпоральной энергии. Как следует из закона сохранения энергии, энергия не может исчезать неизвестно куда, она лишь изменяет свою форму, превращаясь из одного вида в другой. Однако формы превращенной энергии различны. Закон сохранения энергии — один из самых общих

законов Вселенной. Применительно к личностной энергии он может звучать так: время отдельной человеческой жизни превращается личностью в материальные (деятельность) и идеальные (идеи) формы культуры; другие люди, присваивая эти превращенные формы, увеличивают за счет них свой энергетический потенциал. Человеческая культура (мы включаем сюда достижения и искусства, и науки) это прежде всего воплощенное время. Усвоение этого времени позволяет личности увеличить свой энергетический потенциал и, возможно, расширить отпущенный ему срок. Материальные предметы (продукты труда, культуры, искусства, науки, техники) — наиболее зримые и осязаемые формы превращенной энергии времени, и они наиболее доступны для последующего потенцирования другими людьми. Явления внутреннего плана (мысли, чувства, переживания, желания, фантазии, планы, наконец, творчество, научное и художественное, в своем идеальном виде) — это тоже формы превращенного времени, только они мало доступны для наблюдения и усвоения их жадными потомками. Очевидное следствие повышения культурного уровня цивилизации — это рост средней продолжительности жизни, что и наблюдалось повсеместно в истории (по мере становления нашей цивилизации средняя продолжительность жизни увеличивалась; во все времена представители господствующего класса, имевшие доступ к культуре, жили дольше). Этот хорошо известный факт так и не получил адекватной интерпретации, хотя объяснять его пытались не раз. Например, увеличение продолжительности жизни часто объясняют развитием медицины или улучшением питания.

Четвертый компонент — принципиально негэнтропийный процесс «порождения времени», связан с категорией личностного времени, когда личность в процессе своей активности не только расходует темпоральную энергию, но и порождает ее, тем самым увеличивая свой собственный энергетический потенциал, интенсивность жизни и, как одно из возможных следствий этого, перспективную продолжительность своей жизни. Однако не только в жизни, но и в науке часто ускользает от сознания, что длительность человеческой жизни определяется не только количеством проживаемых лет, но и богатством событий, деяний, открытий, т. е. интенсивностью жизни. «Порождение» времени возможно лишь в особого рода процессах, когда активность личности является проявлением тенденций внутреннего плана (стремления личности достигнуть цели, которые она сама ставит перед собой). Такая активность считается творческой и неадаптивной, т. е. направлена не на приспособление к окружающей среде, а на ее преобразование. Проявляя активность такого рода, человек испытывает не чувство потери энергии и утомления, а, наоборот, подъем настроения, ощущение силы и бодрости. В. А. Петровский называл такую активность надситуативной и полагал, что цель ее — порождение себя как субъекта (развитие себя, своих сил и талантов до запредельных высот), и этот-то подъем себя в невозможные сферы ведет к генерированию темпоральной энергии, недаром многие истинно творческие люди проживали огромную жизнь за короткое время или жили долго и очень долго (если, конечно, их жизнь не обрывалась насильственно).

Итак, представление внутреннего времени человека как энергии его жизни позволяет нам объединить темпоральные процессы различных уровней и степеней сложности в единое человеческое время, в котором есть: 1) изначальный энергетический потенциал (отпущенный нам жизненный срок); 2) темп реализации и расхода этой энергии, субъективно переживаемый как длительность; 3) превращенные формы энергии, в которых время может запасаться и передаваться от человека к человеку, от поколения к поколению, приводя к увеличению темпорального потенциала; 4) наконец, на уровне личности осуществляется принципиально негэнтропийный процесс «выхода за пределы самого себя», ведущий к «порождению» времени, когда темпоральная энергия не расходуется, а

созидается.

В наступающую эпоху его значимость и смысл превзошли его роль во все прошедшие времена. Маршалл Маклюзи ввел для его обозначения понятие «всемирная деревня», подчеркнув этим немислимо возросшую связь всех людей, причин и исходящую отсюда незамедлительность последствий. Всеобщность перемен, положивших конец психической, социальной, экономической и политической изоляции, взаимосвязь всех сфер жизни порождаются глобальной ролью информационных процессов, которые оккупируют наступающий век. Маклюзи связывает смену ведущих средств коммуникации с изменением типа восприятия. Нельзя отрицать, что передача информации, владение ею, ее использование означает новые временные возможности для человечества, умножение его темпоральных и других ресурсов. Но мы не можем согласиться с тем, что информационные процессы влияют на развитие сенсориума — человеческого восприятия (*The Medium is the Massage*), как считают специалисты.

Уже в начале века эстетика декаданса в самой изысканной форме продемонстрировала тенденцию замены истинного чувства его изображением. К концу века эта тенденция приняла, к сожалению, самые разнообразные, но демонстрирующие еще более глубокую деградацию формы. Маклюзи сравнивает средства коммуникации с особыми концентрированными способами человеческого выражения, обладающего свойствами, подобными поэзии. Однако суть событий, произошедших в XX веке, привела к отчуждению, если не к отмиранию естественных гуманных человеческих чувств, поэтому способы выражения постмодернистской эпохи фактически находятся над всем подлинным, что составляло содержание выражаемого. Информационная коммуникация, действительно, формирует новое восприятие, сенсорику, но эти способы восприятия не имеют никакой связи со способами самовыражения и самореализации и подлинной сущностью личности. Еще десять лет назад мы предположили, что время станет основным эквивалентом и средством человеческой коммуникации, вытеснив в этой функции деньги. Время, истраченное на один вид работы, приравнивалось к тому же, потраченному на другой вид труда, услуг. Сегодня в США существуют такие натуральные формы обмена деятельностью на основе временного эквивалента (пенсионерка занимается гардеробом своего соседа — чистка, ремонт — столько же времени, сколько он тратит на своей машине в поездках за ее продуктами). Но наступающий век информации опрокидывает эти простые формы, носящие локальный характер. Время уже не только производительность труда (как утверждал К. Маркс) и в этом качестве показатель прогресса. Из средства жизни (время труда, необходимое для воспроизводства жизни) оно становится его качеством, которое обеспечивается способностью человека опережать настоящее, но наличие этой способности еще не гарантирует того, что она будет реализована.

Трагедией XX века стало названное К. Марксом отчуждение, которое на психологическом языке может быть названо импотенцией, т. е. отсутствием способности к подлинности жизни. Таково уничтожающее влияние сформировавшегося сегодня социального времени на способ жизни личности. И если в целом наши исследования показали теоретический идеал — ценность личностного времени и ее способность к его умножению, то они выявили и ту, еще не уничтоженную реальность, которая свидетельствует о безграничной возможности реализации этого идеала.

Поэтому, в отличие от оптимистической парадигмы физики, психология сегодня имеет две альтернативные парадигмы — прогресса или регрессии. И если первая определяется в основном усилиями самой личности и степенью овладения ею культурой, то вторая — теми способами интеграции людей в социум, которые пока не адекватны возможностям и сущности отдельной личности.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Субъект — символ российского самосознания // М., 1995. С. 10-28.
2. Абульханова-Славская К. А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 19-45.
3. Абульханова-Славская К. А. Активность и жизненная позиция личности. М., 1988.
4. Абульханова-Славская К. А. Диалектика человеческой жизни. М., 1977.
5. Абульханова-Славская К. А. Личностная регуляция времени // Психология личности в социалистическом обществе. М., 1990. С. 114-129.
6. Абульханова-Славская К. А. Проблема активности личности. Методология и стратегии исследования // Активность и жизненная позиция личности. М., 1988.
7. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
8. Абульханова-Славская К. А., Енакаева Р. Р. Российский менталитет или игра без правил? (Российско-французские кросскультурные исследования и диалоги) // Российский менталитет. М., 1996. С. 4—28.
9. Айзенк Г. Узнай свой собственный коэффициент интеллекта. Н. Новгород. 1994. 170 с.
10. Аксенов М. Опыт метагеометрической философии. М., 1912. 100 с.
11. Александров Ю. И. Макроструктура деятельности и иерархия функциональных систем // Псих. журн., 1995. Т. 16. № 1. С. 26.
12. Андреас К., Андреас С. Измените свое мышление и воспользуйтесь результатами. Новосибирск, 1993.
13. Анохин П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968. 557 с.
14. Анциферова Л. И. Методологические проблемы психологии развития. Принцип развития в психологии. М., 1978.
15. Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 51—61.
16. Арушанов М. Л., Коротаев С. М. От реляционного времени к субстанциональному. Ташкент, 1995.
17. Асеев В. Г. Значимость и временная стратегия поведения // Псих. журн. 1981. № 6. С. 28-37.
18. Аскин Я. Ф. Проблема времени. М., 1966.
19. Барашенков В. С., Гальперин Я. Г., Ляблин М. В. Психофизические феномены // Физическая мысль России. 1996. № 3-4. С. 101-123.
20. Бендлер Р., Гриндер Д. Формирование транса. М., 1994. С. 249-250.
21. Берберова Н. Рассказы в изгнании. М., 1994.
22. Бергсон А. Воспоминания настоящего. Собр. соч. В 5 томах. Пг., 1915. Т. 4. С. 79-120.
23. Березина Т. Н. Интрапсихический пространственно-временной образный континуум как субъективная реальность // Психология личности. Новые исследования. М., 1998. С. 192-209.
24. Березина Т. Н. По ту сторону. Процесс индивидуации в поэзии Бориса Гребенщикова // Архетип. 1996. № 3-4.
25. Березина Т. Н. Юнгианская типология личности и транспектива времени // Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995. С. 160-172.
26. Березина Т. Н. Я и другой во внутренней речи // Психология личности. Новые

исследования. М., 1998. С. 259-280.

27. Березина Т. Н. Исследование внутреннего мира человека методом анализа характеристик мысли и образа // Психол. журн. 1999. Т. 20. № 5. С. 27-37.

28. Березина Т. Н. Методики исследования глубинных особенностей личности. М., 1997.

29. Березина Т. Н. Пространственно-временные особенности мысленных образов и их связь с особенностями личности // Психол. журн. 1998. Т. 19. № 4. С. 13-26.

30. Березина Т. Н. Жизненный путь личности: осознанный и неосознаваемый аспекты // Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики М., 1997. С. 313-323.

31. Библер В. С. Творческое мышление как предмет логики (проблемы и перспективы) // Научное творчество. М., 1969. С. 167-220.

32. Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.; Воронеж, 1996. 392 с.

33. Бутусов К. П. Время — физическая субстанция // Проблемы пространства и времени в современном естествознании. Л., 1990. С. 301-310.

34. Бушов Ю. В., Несмелова Н. Н. Индивидуальные особенности восприятия человеком длительности интервалов времени // Физиол. человека, 1994. № 3. С. 30-35.

35. Веккер Л. М., Ломов Б. Ф. О чувственном образе как изображении // Вопр. фил. 1961. № 4. С. 47-59.

36. Владимиров Ю. С. Пространство—время: явные и скрытые размерности. М., 1989. 191 с.

37. Воловикова М. И. Образ времени в православном сознании Древней Руси // Образ в регуляции деятельности. М., 1997. С. 53-54.

38. Гаврилов Л. А., Гаврилова Н. С. Биология продолжительности жизни. М., 1986. 169 с.

39. Гегель Г. Лекции по эстетике. Соч. Т. XII. М., 1938.

40. Головаха Е. А., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев, 1984.

41. Гостев А. А. Образная сфера человека. М., 1992.

Список литературы 295

42. Григоровская Н. Ю. Типологические особенности времени личности // Психология личности. Новые исследования. М., 1998. С. 222-239.

43. Григоровская Н. Ю. Особенности осознаваемого и неосознаваемого компонентов личностной организации времени. Автореф. дисс. канд. психол. наук. М., 1999.

44. Григорьев С. В. «Игры сознания» и биографические исследования в этнопсихологии // Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 260-280.

45. Гайденко П. П. Проблема времени в хейдеггерской онтологии // Вопр. филос. 1915, № 2. С. 109—120.

46. Гуревич П. С. Философская антропология. М.: Вестник, 1997. 448 с.

47. Денисов В. А. Устойчивость регуляции операторской деятельности (на примере деятельности, связанной с управлением динамическим объектом). Автореф. дисс. доктора псих. наук. Л., 1991. 39 с.

48. Джидарьян И. А. Счастье и его типологические характеристики // Психология личности. Новые исследования. М., 1998. С. 67-84.

49. Дильман В. М. Большие биологические часы. М., 1981. 207 с.

50. Доброхотова Т. А., Брагина Н. Н. Левши. М.: Книга, 1994. 230 с.

51. Добрякова А. В. Небесный круг и алфавиты // Дельфис. 1997. № 1(9). С. 86-88.

52. Долин А. А., Попов Г. В. Кэмпо — традиции воинских искусств. М., 1990. 430 с.

53. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. М., 1995.

54. Дружинин В. Н. Структура и логика психологического исследования. М., 1994. 163 с.
55. Ермолович В. И. Психологические особенности одновременного выполнения речевых действий. Автореф. дисс. канд. психол. наук., М., 1979.
56. Завалишина Д. Н. Активность операторов в условиях дефицита времени // Б. Ф. Ломов (ред.). Инженерная психология: теория, методология и практическое применение. М., 1977. С. 190—218.
57. Зинченко В. П. Человек развивающийся. М., 1994. 304 с.
58. Зинченко В. П. Посох Манделъштама и трубка Мамардашвили. М., 1997. 336 с.
59. Иванов В. П. Человеческая деятельность—познание—искусство. Киев, 1977.
60. Иванов Ф. Е. Взаимодействие сенсорных систем при опознании временных структур. Автореф. дисс. канд. псих. наук, М., 1980. 24 с.
61. Капра Ф. Дао Физики. СПб., 1994. 302 с.
62. Карпенко Ю. П. О способе применения физических теорий к описанию паранормальных явлений // Парапсихология и психофизика. 1998. № 1. С. 137-144.
63. Касп С. В. Эпидемиологический подход к изучению стресса в труде // Психология труда и организационная деятельность: современное состояние и перспективы развития. Хрестоматия. М., 1995. С. 144-178.
64. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса М., 1986.
65. Ковалев В. И. Особенности личностной организации времени жизни // Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. С. 179-185.
66. Коган Л. Н. Возможности планирования жизненного пути человека // Вопросы прогнозирования и планирования развития личности. Красноярск, 1985.
67. Козырев Н. А. Избранные труды. Л., 1991. 448 с.
68. Кокс Т., Маккеи К. Трансактный подход к изучению производственного стресса // Психология труда и организационная деятельность: современное состояние и перспективы развития. Хрестоматия. М., 1995. С. 205-225.
69. Комфорт А. Биология старения. М, 1967. 398 с.
70. Кублицкине Л. Ю. Организация времени личности как показатель ее активности // Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. С. 185-192.
71. Кузьмина О. В. Личностные особенности организации времени деятельности // Автореф. дисс. канд. психол. наук. 1993.
72. Кунц Г., О'Доннел С. Системный и ситуационный анализ управленческих функций. Т. 1, 2. М., 1981.
73. Кучинский Г. М. Диалог и мышление. Минск, 1983. 189 с.
74. Левин А. П. Время — субстанция или реляция. Отказ от противопоставления концепций // Философские исследования. 1998. № 1. С. 6-23.
75. Ли А. Г. Ясновидение. Формирование особых состояний сознания для раскрытия экстрасенсорных способностей человека. М., 1994. 168 с.
76. Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. М., 1978.
77. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
78. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979.
79. Лосик Г. В. Выявление единиц временной организации устного речевого сообщения. Автореф. дисс. канд. псих. наук, М., 1977. 20 с.
80. Лучшие психологические тесты. Петрозаводск, 1994.
81. Маиерс Д. Социальная психология. СПб., 1997. С. 79-93.
82. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Тесты. М., 1982. С. 108-118.
83. Мезенцев В. В лабиринтах живой природы. М., 1982.

84. Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1977. 192 с.
 85. Муравьев В. Н. Овладение временем. М., 1998.
 86. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л., 1973.
 87. Николис Г., Пригожий И. Познание сложного. М., 1990. 344 с.
 88. Носов Н. А. Виртуалы // Виртуальные реальности. М., 1998.
 89. Партыко Т. Б. Исследование критических интервалов как особенности отражения времени (психологические аспекты). Автореф. дисс. канд. псих. наук, М., 1982. 24 с.
 90. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону, 1996. С. 512.
 91. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара, 1998.
 92. Пригожий И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 1985. 327 с.
 93. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М., 1998.
- Список литературы 297
94. Пчелиное А. Ф. временные факторы дестабилизации деятельности членов экипажей воздушных судов гражданской авиации. Автореф. дисс. канд. псих. наук, М. 1993. 19 с.
 95. Рамачарака Йог. Наука о дыхании индийских йогов. СПб., 1916.
 96. Растрюгина Н. А. Экспериментально-психологическое исследование проблемы самоорганизации личности, проявляющейся во временной позиции. Выпускная дипломная работа. М., 1999.
 97. Робинсон Д. Добейся от людей наилучшего. М., 1994. 136 с.
 98. Розенова М. И. Психосемантические аспекты отношения ко времени. Автореф. дисс. канд. психол. наук., М., 1998. 16 с.
 99. Рубахин В. Ф., Журавлев А. Л., Шорин В. Г. Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом. М., 1976.
 100. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. 382 с.
 101. Рубинштейн С. Л. Дневники. Частный архив. С. 35.
 102. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997.
 103. Рыбцов С. А. Структура конфликтных ситуаций, стимулирующая распространение конфликтов в массовом вознании, и причины, побуждающие их активацию // Сознание и физическая реальность. Науки о сознании и мозге на рубеже 2000 года. Тезисы докладов. М., 1999. С. 79-84.
 104. Сапогова Е. Е. Знаково-символическая деятельность и проблема объективации образа // Образ в регуляции деятельности. М., 1997. С. 201-204.
 105. Серенкова В. Ф. Типологические особенности планирования личностного времени // Гуманистические проблемы психологической теории. М.: Наука, 1995. С. 192-204.
 106. Славская А. Н. Гуманистические проблемы понимания и интерпретации. Гуманистические проблемы психологической теории. М. 1995. С. 83-95.
 107. Славская А. Н. Интерпретация в российском менталитете и психологической теории // Российский менталитет. М., 1997. С. 241-260.
 108. Славская А. Н. Некоторые особенности генезиса и структуры индивидуального сознания // Российский менталитет. Психология личности, сознание, социальные представления. М., 1996. С. 49—58.
 109. Смирнова Н. Л. Представления об интеллекте у подростков и педагогов // Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995. С. 135-146.
 110. Толстая С. М. Время как инструмент магии: компрессия и растягивание времени в славянской народной традиции // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 28-35.

111. Толстой Н. И. Времени магический круг (по представлениям славян) // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 17-27.
112. Томе Х. Теоретические и эмпирические основы развития человеческой жизни // Принцип развития в психологии. М., 1978.
113. Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. М., 1987.
114. Тюрин Ю. Н., Макаров А. А. Анализ данных на компьютере. М., 1995. 384 с.
115. Улитова Е. С. Мотивационный анализ поведения личности во временном аспекте. Автореф. дисс. канд. псих. наук. М., 1988. 21 с.
116. Фаиоль А. Учение об управлении // Научная организация труда и управления. М., 1965.
117. Фельдштейн Д. И. Социальное развитие в пространстве—времени детства. М., Флинта, 1997. 160 с.
118. Филиппов Л. Философская антропология Жана-Поля Сартра. М., 1977.
119. Флоренский П. А. Иконостас. М., 1994. 254 с.
120. Фреиденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978.
121. Фреес П. Адаптация человека к времени // Вопр. филос. 1961, № 1. С. 43-56.
122. Фридман М., Розенман Р. Поведение А-типа и ваше сердце. М., 1974.
123. Харламенкова Н. Е. Способность отказать в просьбе как психологический механизм самоутверждения личности // Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995. С. 146-156.
124. Ходос А. Теории Калуцы—Клейна: общий обзор // Успехи физических наук. 1985. Т. 146. Вып. 4. С. 647-654.
125. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Москва; Томск, 1997. 392 с.
126. Цуканов Б. И. Фактор времени и природа темперамента // Вопр. псих. 1999. № 4. С. 128-136.
127. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека. М., 1996.
128. Швырков В. Б. Цель как системообразующий фактор в поведении и обучении // Нейрофизиологические механизмы поведения. М., 1982. С. 164-185.
129. Шихобалов Л. С. Время: субстанция или реляция? Нет ответа // Вестник СПбО РАЕН. 1997. Т. 1. № 4. С. 369-377.
130. Шреидер Ю. А. Космический субъект. М., 1999.
131. Элькин Д. Г. Восприятие времени. М., 1960. 310 с.
132. Элькин Д. Г., Козина Т. М. Отсчет времени в состоянии сна и гипноза // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования, Тбилиси, 1978. С. 136-140.
133. Эмме А. М. Биологические часы. Новосибирск, 1967.
134. Юнг К. Г. Психология бессознательного. М., 1994. 315 с.
135. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.; М., 1995. 716 с.
136. Abulkhanova K. A. The concept of personality as the time arrangement system// XXVI International congress of psychology. Montreal, Canada, August 16-21, 1996.
137. Baltes P. B., Goulet L. R. Status and issues of a life-span developmental psychology // R. Goulet, P. B. Baltes. Life-span developmental psychology: Reserch and theory. N.-Y. Acad. Press, 1970.
138. Block R.A. Expertness and remembering time: Affordances, context, and cognition // Time and Hum. Cogn.: Life-Span Prospect. Amsterdam, 1989. P. 333-363.
139. Buhler Ch. Der menschliche Lebenslauf psychologisches Problem. Berlin, 1933.
140. Corballis M. C. An imagined revolutions // Theor. Image Form. № 4, 1986. P. 151-168.
141. Drain M., Reuter-Lorenz P. A. Attitudinal «neglect» in the normal brain // Bull. Psychonom. Soc. 1993. № 5. P. 396.
142. Doob L. W. Pattering of Time. N.-H. and L.: Vale University Press, 1971.

143. Eraser J. T. On time, passion and knowledge. Braziller. N. Y., Eraser J. T., Lawrence N., Whitrow G. J. The study of time. Vol. I-III. N.Y., 1978.
144. Gilford J. P. The nature of human intelligence. N.Y., Me Grawhill., 1967.
145. Gold T. Cosmic Processes and the Nature of Time // Mind and Cosmos. Essays in contemporary Science and Philosophy. Pittsburgh, 1966. P. 329.
146. Interdisciplinary Perspectives of Time // Annals of the New York Academy of Sciences, 1967. Vol. 138, part. 2. P. 367-415.
147. Lens W. A multi-dimensional questionnaire measure of time perspective // XXVI International congress of psychology. Montreal, Canada, August 16-21, 1996.
148. Lens W., Moreas M. A. Future-time perspective: an individual and a societal approach // Psychology of future orientation / Ed. Zaiesci Z. Lublin, 1994. P. 23-38.
149. Nurmi J-E. The development of future-orientation in a Life-Span context // Psychology of future orientation. Lublin, 1994. P. 63-75.
150. Nuttin J. Time perspectives in human motivation and Learning. Acta psychologica. 1964. P. 23, 60-84.
151. Renter-Lorenz P. A, Ninsbourme M., Moscovitch M. Hemispheric control of spatial attention // Brain and Cogn., 1990. № 2. P. 240-266.
152. Stapp H. P. Theoretical model of a purposed empirical violations of the predictions of quantum theory // Phys. rev. N.Y., 1894. Vol. A50, № 1. P. 18-22.
153. Wigner E. P. Symmetries and Reflections. Scientific Essays, Cambridge Press, 1970.

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2001 г.

© К.А. Абульханова, Т.Н. Березина, 2001 г.